

БЕЛАЯ КНИГА

по делу

А. СИНЯВСКОГО

и

Ю. ДАНИЭЛЯ

Составитель

Александр Гинзбург

(Москва)

Посев 1967

Б Е Л А Я К Н И Г А

о деле

С И Н Я В С К О Г О И Д А Н И Э Л Я

Москва 1966

Copyright 1967, by Possev-Verlag, Gorachek KG.,
Frankfurt am Main

Процесс против А.Д.Синявского и Ю.М. Даниэля рассматривается в нашей стране как вежа, отмечающая новый поворот курса партийной политики. Процесс этот ясно выразил стремление советского руководства вернуться на старую сталинскую тропу. Идет зажим общественного мнения и расправа над теми, кто указывает, что тропа эта ведет к тупику, в котором находится чекистский застенки и всякое свободное развитие общества прекращается.

Лучшие представители нашей интеллигенции не могут, и не хотят снова стать покорными рабами тупого тоталитарного режима. Отсюда их борьба за отмену приговора над Синявским и Даниэлем, их письма и протесты, направляемые в различные советские органы, и их обращения к общественности свободного мира с просьбой поддержать борьбу народа России за свободу творчества и духовной жизни.

Молодой москвич Александр Гинзбург проделал огромную и нелегкую работу, собрав множество документов о деле Синявского и Даниэля. Он составил эту Белую Книгу. Расправа над Синявским и Даниэлем лишней раз показывает, что коммунистическая власть, независимо от того, кто во главе нее стоит - Сталин, Хрущев или Брежнев с Косыгиным, - всегда будет удушать свободу. Белая Книга об этом ярко свидетельствует. Публикуя ее, мы хотим, прежде всего, чтобы в нашей стране как можно больше людей узнали правду об этом "деле", отмечающем начало нового зажима.

Мы хотим также, чтобы эта Белая Книга разошлась по разным странам мира, ознакомила интеллигенцию этих стран с тем, как коммунистический режим зажимает рот непокорным, говорящим правду. Совесть свободных людей не может быть спокойной, пока произвол и обман царят в великой стране, а правители этой страны лгут, надевая для внешнего мира маску гуманистов и миротворцев. Общественное мнение свободных стран должно поддержать борьбу общественности в России за освобождение Синявского и Даниэля. Ибо - свобода неделима, а правда и совесть едины во всем мире.

х х х

Белая Книга была получена из России редакцией журнала "Грани". Некоторые документы из Белой Книги опубликованы в № 62 журнала. Придавая большое значение Белой Книге, издательство "Посев" решило

опубликовать ее полностью, карманным изданием - для большего удобства ее распространения в России. Кроме того, Белая Книга выйдет на важнейших языках мира.

Мы призываем всех, получивших Белую Книгу содействовать как можно более широкому ее распространению.

С в е т л о й п а м я т и
Ф. А. В и г д о р о в о й
посвящает свою работу
составитель.

От составителя

Несколько месяцев, прошедшие после суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, показали, что назрела необходимость собрать и обобщить материалы, имеющие отношение к этому делу. Подготавливаемый к выпуску Издательством политической литературы "Отчет о деле Синявского и Даниэля" будет, по имеющимся сведениям, содержать лишь обвинительное заключение, речи прокурора и общественных обвинителей и приговор, то-есть представлять лишь позицию одной стороны в этом процессе. Эта же позиция была представлена в газетных отчетах, включенных в данный сборник наравне с ранее не публиковавшимися материалами.

Читатель, возможно, обратит внимание на заметную неполноту сборника. Эта неполнота и не позволяет назвать собранные здесь документы "отчетом о процессе". Многие документы, в частности, некоторые письма в защиту обвиняемых и отзывы об их творчестве, упоминаемые в стенографической записи процесса и примечаниях составителя, не попали в сборник. Осторожность выработанная в страшные годы, и сознание уже выполненного долга помешали их авторам сделать эти документы достоянием общественности.

И пусть не смолкнет и не ослабнет голос общественного мнения до тех пор, пока не вернутся к нам те, кто думал о судьбе своей страны больше, чем о собственной судьбе - Андрей Синявский и Юлий Даниэль.

А.Гинзбург

А. Д. СИНЯВСКИЙ

Ю. М. ДАНИЭЛЬ

"Самое сильное и тяжелое обвинение, которым писатели риторической школы думают окончательно уничтожить Гоголя, состоит в том, что лица, которые он обыкновенно выводит в своих сочинениях, оскорбляют общество... Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования. В странах, упредивших нас развитием целых веков, и понятия не имеют о возможности подобного обвинения. Никто не скажет, чтобы англичане не были ревнивы к своей национальной чести; напротив, едва ли есть другой народ, в котором национальный эгоизм доходил бы до таких крайностей, как у англичан. И между тем они любят своего Гогарта, который изображал только пороки, разврат, злоупотребления и пошлость английского общества его времени. И ни один англичанин не скажет, что Гогарт оклеветал Англию, что он не видел и не признавал в ней ничего человеческого, благородного, возвышенного и прекрасного. Англичане понимают, что талант имеет полное и святое право быть односторонним и что он может быть великим в самой односторонности. С другой стороны, они так глубоко чувствуют и сознают свое национальное величие, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обнаружение недостатков и темных сторон английского общества. И оно так должно быть: чем сильнее человек, чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще более можно сказать это о народах, которые живут не человеческий век, а целые века. Народ слабый, ничтожный, изживший всю свою жизнь до невозможности идти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительность не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые. Таковы, например, китайцы или персиане: послушать их, так лучше их нет народа в мире, и все другие народы перед ними — ослы и негодяи. Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни: сознание своих недостатков, вместо того чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнения о своих силах, дает ему новые силы, окрыляет его на новую деятельность."

В.Г.Белинский - "Ответ "Московитянину"

Андрей Синявский был арестован сотрудниками государственной безопасности 8 сентября 1965 года на улице, когда он направлялся в школу-студию им. Немировича-Данченко, где преподавал литературу, на первую в этом семестре лекцию.

Юлий Даниэль был арестован 12 сентября при выходе из аэровокзала "Внуково", когда он прилетел из Новосибирска, где его уже три дня вызвали на допросы и вынудили вернуться в Москву.

Первые, еще не точные, сообщения об их аресте и предположения о выдвинутых обвинениях появились в иностранной печати и были переданы зарубежными радиостанциями в октябре.

АРЕСТОВАНЫ 3 ПИСАТЕЛЯ

Москва, 19 октября. АФП. Три советских писателя, некоторые работы которых много лет публиковались на Западе, арестованы и ожидают суда, — заявляют в некоторых литературных кругах Москвы.

С их ареста прошло около трех недель.

Эти писатели — Абрам Терц, некий Даниэло и третий, личность которого не уточнялась.

Абрам Терц — псевдоним, выбранный Андреем Синявским, литературным критиком журнала "Новый мир" и другом Бориса Пастернака.

Опубликованные на Западе работы этих трех писателей не были переводами работ, опубликованных в Советском Союзе, а оригинальными текстами, переданными на Запад способом, который в Советском Союзе считается незаконным.

Уже несколько недель, как друзья Синявского узнали, что он арестован. Этот критик, один из лучших специалистов по советской литературе, опубликовал недавно в Советском Союзе большое и глубокое предисловие к книге стихов Пастернака. Работая в Институте мировой литературы, он принимал участие в трехтомной "Истории советской литературы": ему принадлежат статьи о Горьком, о поэте Багрицком и обзор литературы периода Великой отечественной войны. Вместе с А.Меньшутиним он написал книгу "Поэзия первых лет революции /1917-1920/" /Москва, 1964, 439 стр./.

Синявский является также автором /совместно с искусствоведом И.Голомштоком/ первого за долгие годы в Советском Союзе серьезного исследования о Пикассо /Москва, 1960, 63 стр./.

В январском номере "Нового мира" главный редактор этого журнала А.Твардовский упомянул его в числе самых одаренных критиков его поколения.

МОНД, 20 октября 1965

АРЕСТ КРИТИКА СИНЯВСКОГО БЕСПОКОИТ "МОДЕРНИСТСКИХ" ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, 21 октября. В Москве интеллигенция не без тревоги следит за последствиями ареста Синявского-Терца. Хотя руководящие круги Союза писателей заявляют, что им ничего не известно, арест литературного критика Синявского с двумя "сообщниками", по-видимому, не оставляет сомнений. Находясь сейчас в тюрьме, он официально подпадает под удар закона о подрывной антисоветской деятельности. Его обвинители утверждают, что он незаконно вывез антисоветские рукописи, опубликованные на Западе, в частности в США, под именем Абрама Терца.

Но действительно ли Синявский - это Терц? Такой вопрос задают себе литературные круги, боящиеся, что этот арест серьезно ослабит дело "модернистов", борющихся против слишком жестких норм советского реализма.

Несмотря ни на что, в литературных кругах преобладает впечатление, что это дело не означает начала большой атаки охранителей идеологии. Но очевидно, что ортодоксы усилятся и "предостережения" партии приобретут большой вес.

Несмотря на победы и поражения в этой "войне булавочных уколов", перипетии которой понятны только посвященным, либеральные модернистские тенденции продолжают плыть с попутным ветром. Статья Румянцева в "Правде", поездки за границу "спорных" поэтов, опубликование в весьма ортодоксальном журнале "Октябрь" воспоминаний Мариенгофа, ученика поэта безумных лет Есенина, и другие факты указывают, что новое руководство занимает терпимую позицию по отношению к выходкам модернистов.

Тем не менее дело Синявского будет способствовать их обузданию постольку поскольку оно заставит содрогнуться часть интеллигенции. Многие из интеллигенции, хотя и борются с ортодоксией, не предпола-

гают доводить эту борьбу до того, чтобы открыто занимать позицию, враждебную режиму, тем более нарушать закон. Возможности устрашения, представляющиеся властям, очевидны.

Анри Пьер

МОНД, 22 октября 1965

ПО ПОВОДУ АРЕСТА СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ СИНЯВСКОГО

По поводу ареста в СССР литературного критика Синявского и писателя по имени Даниэло М.И. Гедройц, директор литературного института Мэзон-Лаффит, опровергает утверждения, что Синявский переправил за границу рукописи под псевдонимом Абрам Терц. Он утверждает: "так как я издатель литературных работ Терца - за исключением его статьи о социалистическом реализме, опубликованной в "Эспри" - я должен уточнить, что я никогда не был в сношениях ни прямо, ни косвенно ни с Синявским, ни с Даниэло. Обвинение, выдвинутое против них советскими властями, является поэтому столь же поразительным, сколь и произвольным."

МОНД, 23 октября 1965

... Абрам Терц... человек, которого некоторые считают самым талантливым русским писателем наших дней не потому, что он утратил веру в коммунистический идеал. Но потому, что его саркастическое, ироническое, фантасмагорическое творчество достаточно хорошо, чтобы обеспечить ему место в мировой литературе, безотносительно к тому, в какой стране он жил или умер... Для талантливого и совестливого писателя выразить свои чувства относительно общества, в котором он живет - право и обязанность. Эти чувства могут не всегда нравиться тем, кто считает, что искусство должно служить государству. Но только больное общество может считать выражение этих чувств преступлением, наказуемым 7 годами тюрьмы. Эти аресты и растущее влияние тайной полиции на советскую духовную жизнь чрезвычайно беспокоят тех в коммунистическом мире и на западе, кто за последние годы был ободрен распадом советского тоталитаризма. Это предупреждение тем на западе, кто считает процесс либерализации в СССР необратимым и зашедшим слишком далеко. Цивилизованный мир может только выразить свое разо-

чарование и надежду, что эти писатели будут выпущены на свободу, и что их аресты не предвещают новой волны террора.

ВАШИНГТОН ПОСТ, 23 октября 1965

ШОЛОХОВ, ПАСТЕРНАК И СИНЯВСКИЙ

Увенчав Шолохова, члены Шведской Академии вне всякого сомнения почтили русскую литературу. Распространяется ли эта слава, как это утверждает лауреат, и на советскую коммунистическую партию? Надо надеяться, что решение жюри не вызвано ооображениями политического оппортунизма. Шолохов получил Нобелевскую премию, потому что он великий писатель. Так же, это надо сказать и повторить, как Пастернак был награжден в 1958 году потому, что его работа этого заслуживала.

В декабре на церемонии в Стокгольме автор "Тихого Дона" забудет о саркастической критике, которую он адресовал Пастернаку /"этот поэт старых дев"/ и Нобелевской премии /"сейчас Бунин забыт, несмотря на свой талант, однако у него была Нобелевская премия"/. Эти желчные замечания объясняются быть может, тем, что Шведская Академия никогда не награждала подлинно советского писателя, и что Шолохов с горечью относился к этой "несправедливости".

Теперь, когда его заслуги признаны, Шолохов вероятно знает, что полученные им почести накладывают обязательства. Надписывая свое имя на Нобелевских табличках, этот "казацкий шовинист", как его иногда называли, занимает наконец свое место в международном сообществе великих писателей. Хочется верить, что время от времени ему приходит мысль о другом советском лауреате этой премии, который вынужден был отказаться от награды.

И как, думая о Пастернаке, Шолохову не задуматься о судьбе Синявского? Этот критик написал предисловие - замечательное - к сборнику стихов Пастернака, сборнику, который, как указывает советский редактор, является "первой научно подготовленной попыткой" издать труды писателя, "деятельность которого составляет важный вклад в историю советской поэзии."

Вот уже несколько недель, как Синявский арестован. Действительно ли этот критик, как утверждают в Москве, послал за границу рукописи под псевдонимом Абрам Терц? Многие из знающих его утверждают, что это обвинение не оправдано. Издатель Терца заявляет, что он никогда не имел прямых или косвенных контактов с Синявским. /Впрочем, можно

спросить, в чем тут преступление, если писатель хочет издать свой труд?/.

Во всяком случае Шолохов находится в лучшем положении, чем кто-либо другой, чтобы вмешаться в пользу заключенного в тюрьму писателя. Совершив поступок, которого от него ожидают, он поступит в традициях Нобелевской премии, лауреаты которой часто рисковали своим престижем для защиты целей, которые они считали великими, или для того, чтобы оказать помощь собратьям в опасности.

Бернар Ферон,
МОНД, 24 октября 1965

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ СИНЯВСКИЙ - АВТОР ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОДПИСАННЫХ ИМЕНЕМ АБРАМА ТЕРЦА

По сообщению "Нью-Йорк Таймс", г-н Гедройц, издатель польского еженедельника "Культура", издаваемого в Париже, заявил, что советский критик Андрей Синявский, недавно арестованный в Москве, является автором произведений, подписанных Абрамом Терцем и опубликованных на Западе. Он также утверждает, что переводчик Юлий Даниэль, арестованный одновременно с Синявским, использовал с аналогичной целью псевдоним Николай Аржак.

Вскоре после ареста двух писателей г-н Гедройц сделал опровержение по поводу того, что Синявский - автор произведений, подписанных Терцем. Но сейчас г-н Гедройц заявляет, что он получил информацию из Москвы, что писатели использовали эти псевдонимы для опубликования своих произведений за границей.

МОНД, 12 ноября 1965

АРЕСТ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

18 октября газета "Нью-Йорк Таймс" сообщила, что согласно заслуживающим доверия источникам советский литературный критик и ученый Андрей Синявский арестован за то, что опубликовал за границей труды под псевдонимом Абрам Терц. Телеграмма ЮПИ была менее осторожной, в ней говорилось прямо, что Синявский - это Терц. Через три дня "Таймс" сослался на советские литературные круги, утверждавшие, что Синявский признался, что под псевдонимом скрывался он. О втором

арестованном писателе Юлии Даниэле также сообщалось, что он признался, что печатался на Западе под псевдонимом Николай Аржак.

В Париже издатель эмигрантского журнала на польском языке "Культура" г-н Гедройц, который первым опубликовал на Западе рукописи Терца, напечатал категорическое опровержение. "Абрам Терц, - сказал он, - известная фигура в русском литературном мире", он "живет не в Москве, а в другой части Советского Союза." Он сказал, что новые работы Терца будут появляться и что следующей будет "маленькая книжка религиозных афоризмов", рукопись которой "получена здесь несколько недель назад". По-видимому, Западу достигла и рукопись нового романа Терца.

Будет ли продолжать появляться Терц? И действительно ли Андрей Синявский - это Абрам Терц? Сейчас об этом еще не время судить, и выводы зависят от того, как оценивать эффективность советского КГБ, который наверняка уже несколько лет находится под огромным давлением, чтобы "поймать Терца". Об Андрее Синявском можно говорить с большей точностью. Он 49-летний ученый, работающий в Институте мировой литературы им. Горького, имеющем солидную репутацию в советском исследовательском институте в Москве.

Он окончил Московский университет /как сообщают, в 1953 году/, писал дипломную работу на вполне "ортодоксальную" тему - "Роман Максима Горького "Жизнь Клима Самгина".

Синявский впервые появился в печати в 1950 году, когда он был еще аспирантом. Это была статья /опять таки вполне ортодоксальная/ о Маяковском, которая появилась в "Вестнике Московского университета".

В 1960 году Синявский напечатал исследование о Горьком, как сатире, в сборнике, выпущенном советской Академией наук, а позднее написал раздел о русской декадентской и символистской поэзии начала XX века в трехтомной "Истории русской литературы", опубликованной совместно Пушкинским Домом в Ленинграде и Институтом им. Горького.

Однако главная напечатанная исследовательская работа Синявского - это книга объемом в 441 стр. - "Поэзия первых лет революции", написанная вместе с А.Меньшутиным и вышедшая крошечным тиражом в 4000 экз. в 1964 году. 30 сентября /задолго до известия об аресте Синявского/ ее называл лондонский журнал "Таймс литтерари сапплемент" в списке самых выдающихся критических работ 60-х годов. Эта книга - результат почти 10 лет непрерывной исследовательской работы, она явно предназначена быть продолжением "Русской литературы XX века - 1900-1917 годы" академика Бориса Михайловского, которая вышла

в 1939 году, и Синявский, говорят, протее Михайловского. Читатели журнала вспомнят описание в "Московском лете 1964 года" Михайло Михайлова посещения Михайловского и его замечания, что его книга "несмотря на многочисленные пробелы и недостатки, сыграла полезную роль в то время, когда упоминание о символизме было недопустимо". Книга Синявского и Меньшутина выполняет во многом ту же функцию для после-революционного периода. Хотя эта книга открывается длинной цитатой из Ленина и посвящена преимущественно стандартным, одобренным фигурам, она уделяет весьма значительное для советской работы место "не-нужным" поэтам, и авторский интерес к ним чувствуется за обязательными негативными суждениями.

Некоторый интерес представляют, в связи с обвинениями против Синявского, несколько мимолетных упоминаний в "Поэзии первых лет революции" малоизвестного пролетарского поэта Тихомирова. Тихомиров - имя персонажа в последнем романе Терца "Любимов" /напечатанном здесь под названием "Опыт миротворчества"/. В книге Синявского и Меньшутина заметны также пространные упоминания русских поэтов-эмигрантов - Марины Цветаевой, Георгия Иванова, Георгия Адамовича; несколько раз прямо цитируется материал из эмигрантских публикаций, но без указания источника.

С 1959 года Синявский часто появляется в качестве обозревателя и эссеиста в ведущем советском либеральном ежемесячнике "Новый мир", где он написал несколько довольно желчных обзоров о казенных работах социалистического реализма, включая рецензию на стихи Анатолия Софронова /который сатирически изображается в "Любимове" Терца/. Синявский написал в "Новом мире" несколько наиболее чутких и сознательно аполитичных статей о таких поэтах, как Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Булат Окуджава и Борис Пастернак.

Синявскому предложили в прошлом году написать предисловие к новому советскому изданию, на 730 стр., сборника стихов Пастернака, недавний выход в свет которого получил широкий отклик на Западе. Его предисловие на 62 стр. было переработкой статьи, которую он написал для "Нового мира". Это издание, как говорят, теперь изъято и заменено новым - с предисловием Корнея Чуковского. /Некоторые экземпляры книги с предисловием Синявского, однако, попали на Запад/.

Если Синявский действительно Терц, советам нелегко будет "стереть" его имя, так как Синявский - признанный и широко публиковавшийся литературный критик. Хотя трудно делать такие сравнения из-за жестких требований советской цензуры, можно сказать, что он примерно

сравним по масштабу со, скажем, Ф.У.Дьюпи или Р.У.В.Льюисом. Если, опять-таки, он - Терц, Синявский пополняет собой ряды тех крупных писателей и поэтов /как Иннокентий Анненский, Юрий Тынянов, Анна Ахматова и Владимир Набоков/, которые были одновременно и выдающимися учеными.

Во всяком случае, пока вопрос о личности Терца остается открытым, арест Синявского дает нам возможность познакомиться с его работами.

/Далее следует представительные отрывки из критических работ Синявского/.

Эндрью Фильд
НЬЮ ЛИДЕР

НИКОЛАЙ АРЖАН

В суматохе, поднятой в прошлом месяце по поводу известия об аресте Андрея Синявского, арест еще по крайней мере одного советского писателя, по сообщениям примерно в то же самое время, несколько проглядели. Заключен в тюрьму был также Юлий Даниэль, переводчик на русский с других славянских языков, который, как и Синявский, был связан с ИМЛ им.Горького. Даниэля, по-видимому, обвиняют в написании четырех рассказов, которые вышли на Западе под псевдонимом Николай Аржан.

Хотя рассказы Аржана не так значительны по величине, да, собственно говоря, и по исполнению, как произведения Терца, он несомненно является опытным и зрелым писателем, способным обращаться со своим материалом искусно и плодотворно. Конечно, вокруг Аржана та же тайна, которая окружает Терца. Но так как советские власти утверждают, что Даниэль - это Аржан, его дело сможет вызвать еще более сильное испытание терпимости нынешнего советского режима по отношению к русской интеллигенции, так как политическая направленность произведений Аржана пряма и несомненна.

Все рассказы Аржана собраны вокруг одного главного персонажа, и в них есть ясно предвидимая кульминация, которая приводит к антикульминационной развязке. Наиболее захватывающий и сложный рассказ Аржана - "Говорит Москва", появился в 1962 году /он был переведен с сокращениями в "Репортер" 16 августа 1962/. Искусно комбинируя реализм и фантазию, автор ставит наталкивающие вопросы: что случилось бы в тоталитарном государстве, если бы правительство в качестве го-

сударственного предписания объявило внезапно "день открытых убийств"? В этот день "любой гражданин Советского Союза, достигший 16-летнего возраста имеет право свободно убить любого другого гражданина", за исключением работников транспорта и милиции. /В стране, пережившей так много чисток, как Советский Союз, такая "фантазия" может показаться не такой фантастичной, как она кажется нам/.

Ответ, который Аржан дает на свою собственную гротескную фантазию, одновременно неожидан и недраматичен: люди приобрели такой иммунитет, что их официальная реакция апатична, в то время как про себя они обеспокоены только собственным спасением. В конце концов были "дни артиллерии" и "дни советской печати", так что "день открытых убийств" должен быть чем-то вроде них, - рассуждает рассказчик, выражая общую реакцию всего советского общества.

Несмотря на это, рассказчик Анатолий Карцев, который явно говорит за автора, все-таки занимает по этому вопросу моральную позицию. Циничный, разочарованный и негероичный, Карцев, однако, отвергает предложения своей любовницы воспользоваться этим днем для убийства ее мужа. Он видел уже достаточно смертей во время второй мировой войны. "Я не хочу больше никого убивать, - вырывается у него, - я не хочу." Более того, в этот "день" Карцев решает идти на улицу и вызывать к людям "не убивать друг друга, а любить своего ближнего." И, как будто во сне, он вызывает образ Дон Кихота, едущего через Красную площадь, "готового сломать свой меч во имя Прекрасной Дамы, во имя России."

Но Карцев не находит случаев для проявления героизма. Он бродит по полупокинутым улицам Москвы, видит труп лежащий на Арбатской площади, и дает отпор слишком ревностному гражданину, который пытается убить его.

По существу та же тема - общественное оправдание убийств и реакция на него личности - в рассказе "Руки" /1963/. Действие этого рассказа происходит вскоре после революции, и рассказчик гораздо проще - простой рабочий. Собственно говоря, его непонимание значения собственного рассказа, вместе с его простецким языком, несколько смягчают мрачность повествования. Здесь Аржан усиленно прибегает к средствам разговорной речи в изображении советской жизни /в данном случае, "обыкновенной" жизни работника тайной полиции!/, что роднит его с Зощенко и с Ильфом и Петровым - знаменитыми советскими сатириками 20-х годов.

В рассказе "Руки", Малинин, лояльный коммунист, назначается в

тайную полицию, где ему поручают казни "врагов народа". Он добросовестно выполняет свои обязанности, пока ему не приказывают казнить нескольких "контрреволюционных" священников. Малинин не верит во "всяких богов, ангелов и архангелов", но его тревожат детские воспоминания о том, как мать водила его в церковь, и как он целовал руку священника. Малинин очень старается преодолеть свою "слабость" и расстреливает двух священников, но его сильно рвет после каждого убийства. При третьей казни его жертва не падает после выстрела, а продолжает идти к своему палачу, проклиная его и славя Бога. Этот случай вызывает у Малинина душевное потрясение, и с тех пор у него дрожат руки. Его увольняют из Чека. Никакого чуда не было: товарищи Малинина, или в шутку, или из-за своей собственной беспокойной совести, положили в его ружье холостые патроны.

Самый забавный и самый непочтительный рассказ Аржака - это "Человек из МИНАПА". МИНАП - это название, образованное русскими буквами и означающее "Московский институт научной профанации". Студент МИНАПА Володя Залесский обладает довольно необычной способностью определять усилием воли пол ребенка при зачатии /когда он хочет производить мальчика, он представляет себе Карла Маркса/. Очень скоро на Залесского оказывается большой спрос со стороны разных советских жен, которые не могут получить аналогичную услугу от своих мужей.

Володю, в конце концов, ловит с поличным возмущенный муж, и он предстает перед комсомольским судом. Сцена суда - это кульминационный пункт рассказа и мастерская пародия на советский "показательный процесс": Володя подвергается суровым нападкам, и его осуждение "общественным мнением" предрешено. Но Володя Залесский оказывается спасенным, когда на его талант обращают внимание медицинских экспертов и высоких партийных чинов, которые решают поручить ему научить других советских мужчин этому искусству. Володя оказывается неспособным передать свой дар другим, и в конце концов его используют только в узких высоких партийных кругах, где он становится известным как "человек из МИНАПА". В конце показывается обезчеловеченный Володя, который только "ест, пьет, делает гимнастику и смотрит телевизор под наблюдением врачей".

Последний рассказ Аржака "Искушение", который появился в 1964 году, самый мрачный из всех. Для рассказчика в нем нет надежды, нет выхода, кроме смерти. Развертывающийся на фоне недавних амнистий в советской России, этот рассказ показывает еще одного интеллигента - Виктора Вольского, который очень напоминает Карцева в "Говорит Моск-

ва". Вольский тоже ведет обыкновенное, легкое, спокойное существование, но в его жизни внезапно появляется зловещая тень из прошлого — человек, которого он знал когда-то, который был арестован, сослан и только что вернулся по амнистии. Вольский не имел ко всему этому никакого отношения, но этот человек убежден в обратном и полон решимости погубить жизнь Вольского. Постепенно все друзья Вольского и даже его возлюбленная, Ирина, отворачиваются от него, и он остается в полной изоляции. Не в состоянии доказать свою невиновность, преследуемый и несчастный, он кончает в сумасшедшем доме.

Не может быть сомнений в горячей оппозиции Аржака по отношению к давлению, порождаемому тоталитарным государством. Но, как и в случае с Терцем, заметить в его произведениях только это, было бы грубым и несправедливым упрощением. Аржака интересуют моральные проблемы, вопрос о праве личности на свободу, на верность себе. В работах Аржака есть даже сильные "просоветские" нотки. Как например, когда Карцев говорит, что надо защищать "настоящую советскую власть", которая была извращена после революции. Память о революции несмотря ни на что, все еще представляется ему сияющей вехой истории. Однако другое замечание Карцева показывает, что Аржак сознает горькую иронию своего положения: "Как бы то ни было, говоря по правде, печататься за границей в антисоветских изданиях не так уж хорошо."

Но вероятно, ничто так не выражает собственные чувства Аржака, как следующие строчки из "Говорит Москва": "Я верю, что то, что я написал, могло быть написано любым другим человеком моего поколения, моей судьбы, который, как и я, любит эту проклятую, эту прекрасную страну. Я судил ее, ее народ строже и мягче, чем следовало. Но кто упрекнет меня за это".

Маргарет Дальтон.

НЬЮ ЛИДЕР

Псевдоним Абрам Терц несколько раз упоминался в советской печати, начиная с января 1962 года.

Николай Аржак не упоминался ни разу.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ЕГО НИСПРОВЕРГАТЕЛИ

... Как-то в зимний день холодные волны Сены выбросили на берег нечто непривлекательное и дурно пахнущее. Нашлись, однако, добрые люди, которые подобрали это "нечто" и даже набрались решимости выставить его на всеобщее обозрение. Так в журнале "Эспри" появилась статья "О социалистическом реализме". Это выступление уже комментировалось в советской критике, но мы все же хотим еще раз коснуться его, так как в своем роде оно весьма поучительно.

Редакция "Эспри" сообщала, что статья написана молодым советским писателем, "естественно" сохраняющим в тайне свое имя. Итак - инкогнито, да еще с секретным предписанием, как говаривал Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

Стиль этой статьи отличается от напыщенно-солидного стиля Демеца. Аноним не пренебрегает риторикой, у него есть даже потуги на иронию, на пародирование стиля. Но метод рассуждений "неизвестного писателя" и хорошо известного нам фальсификатора Демеца в сущности одинаков.

Демец утверждает, что теория социалистического реализма исходит не из реальной действительности, а из долженствующего и предписанного. Аноним пишет: "В основе формулы соцреализма лежит идея Цели - того всеобъемлющего идеала, к которому стремится действительность в ее революционном развитии". Затем совершается нехитрый фокус-покус, понятие действительности исключается, и получается, что Цель /с большой буквы/ становится целью самой по себе, неким божественным началом, данным извне.

"Эта Цель - конечная цель всего, как сущего, так и не существующего; и эта цель бесконечная и бесцельная - Цель сама по себе. Ибо какую же цель может иметь Цель?"

В полном согласии с "исследователями" типа Демеца, наш аноним называет телеологической теорию социалистического реализма.

Чего же хочет достигнуть сей "инкогнито" своими нехитрыми манипуляциями?

Во-первых, он ставит под сомнения жизненную правдивость, соответствие реальной действительности, объективность искусства социалистического реализма. Якобы от лица социалистических реалистов он заявляет: "Мы представляем жизнь такую, какую мы хотим ее видеть, такую, какую она должна стать".

Наши писатели, художники, деятели театра и кино создают общими усилиями широкую панораму советской жизни. Они видят и побеждающее новое, и пережитки старого, и злобное сопротивление врага. Перспектива развития жизни, которую дают наши художники, основана не на произвольной фантазии. Общество развивается по ясным и объективным законам, понимание этих законов, умение уловить в жизни и осознать действие определяющих общественных сил вооружает художников, позволяет им уверенно смотреть вперед. Революционное развитие жизни - это не туманное пророчество, а неумолимый поступательный процесс, и честь тому кто увидит, поймет и отобразит его.

Новая Программа Коммунистической партии вся проникнута идеей диалектического развития. Она сочетает страсть вдохновенного порыва вперед, к коммунизму с последовательно проведенной научной объективностью. Не случайно Программа неразрывно связана с двадцатилетним перспективным планом развития народного хозяйства. Наши планы построения коммунизма всесторонне обоснованы экономически и политически. Социализм, коммунизм побеждают, двигаясь вперед с отчетливой закономерностью; путь развития коммунизма научно определен.

Противника страшит действительность, развивающаяся не согласно его пожеланиям, а согласно научным пророчествам коммунизма. Он хотел бы объявить сегодняшние достижения несуществующими, а завтрашние планы - необоснованными и фантастическими. Что касается реакционных эстетиков, они кричат о свободе искусства, а сами питаются крохами со стола идеологов и политиков своего класса. Тех тоже страшит неумолимое развитие действительности. Вот и пишут ниспровергатели, изнемогая от усердия, что социалистический реализм отражает не закономерное движение жизни, а субъективные цели, придуманные политиками и идеологами, и в свете этих целей искажает-де реальную картину бытия.

Таков первый фокус нашего анонима.

Второй фокус состоит в том, что социалистическое искусство рисуется лишенными гуманистического содержания. Цель, о которой рас-

суждает наш фокусник, бесцельна - "ибо какую цель может иметь Цель".

Коммунизм - для человека; живое и трепетное счастье человека, народных масс - вот цель коммунистического строительства. Об этом с полной ясностью говорит принятая ХХ11 с'ездом Программа партии.

"Цель", о которой пишет аноним, изображается холодной, бездушной, мертвенной. Это абстрактная цель, равнодушная к человеку. Но здесь - типичное буржуазное извращение коммунизма. Социалистическое искусство никогда не было и не будет равнодушным к человеку; гуманизм - его важнейшая, решающая черта. В этом особенность наших целей, наших идеалов, пронизанность благородством высокой человечности.

"Теоретических" построений нашему инкогнито явно не хватило для развенчания социалистического реализма. Тогда он обратился к художественной практике. С тем же рвением и находчивостью он рассматривает вопрос о положительном герое.

Горьковский герой, которому надоела мятущаяся неопределенность, бесхребетность окружающих его персонажей, бросает резко: "Всегда надо говорить ясно - да или нет".

Инкогнито скачет и играет:

"Горький понимал, что его "герой" - это человек будущего и что продолжить путь в будущее могут только люди безжалостно прямые и твердые как сталь."

"Именно Горькой обличал безжалостность мира Маякиных. Целеустремленность знающего свой путь борца за новые отношения людей для него была совсем не то же, что бессердечная, злобная прямолинейность делцов старого мира."

"Инкогнито из "Эспри" утверждает, что к безжалостной прямолинейности и сводится положительный герой советской литературы."

"Инкогнито пишет о русской культуре Х1Х века, что она была создана "кучкой меланхолических скептиков". Цельности "положительных натур" с их идеалами служения обществу и народу он противопоставляет как положительное начало дряблость и бесхребетность от'единенных от общества "самостоятельных личностей". Для него Х1Х век - это золотой век.

"Девятнадцатый век - весь в поисках, заблуждениях, в порывах с огнем или без него, беспомощный или желающий найти себе место, неподвижный под солнцем, раздираемый нерешительностью, двойственностью".

И эти лирико-исторические рулады выдаются за теоретическую концепцию! Здесь нет места фактам, истории, признанию того, что в Х1Х веке в России были не только ищущие, но и нашедшие, не только заблу-

дившиеся, но и вышедшие на ясный путь, не только беспомощные, но и сильные, гордые сознанием своей силы. Именно они оказали решающее влияние на судьбы родины. Были и декабристы, и Белинский, Герцен, Чернышевский, Некрасов, были революционеры-семидесятники, был Петр Алексеев. Русские марксисты активно заявили себя в XIX веке, и в XIX веке Ленин создавал теоретические и организационные основы партии коммунистов.

Нашему анониму свободнее и просторнее среди дряблых растерянных людей, не знающих ни цели, ни ясных идеалов, ни долга перед народом /а то, что лучшие из "лишних" людей мучались как раз потому, что искали пути к реальному делу для блага народа - для него несущественно/. Ему претит убежденная прямота "новых людей", с их "разговорами о народе и коммунизме." Он возмущается.

"Исключительное, деспотическое господство утилитарно-морального критерия, столь же исключительно давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение "народу", его пользе и интересам..." - таковы, по его мнению, грехи русской интеллигенции.

Впрочем, эта цитата уже не из анонима... Это из статьи Бердяева в пресловутом сборнике "Вехи". Но очень уж похожа она своим духом на писателя-анонима!

И еще одна цитата из "Вех", на этот раз из статьи М.Гершензона:

"...Внутренняя жизнь личности есть единственная теоретическая сила человеческого бытия... Она, а не самодавлеющие начала политического порядка является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства."

"Вехи", эта, по выражению Ленина, энциклопедия либерального ренегатства, ярчайшим образом выразили всю моральную растленность, всю антиобщественную эгоистичность, всю чуждость и враждебность демократическим народным стремлениям буржуазной интеллигенции, пошедшей на службу реакции.

Нас мало интересует, кто такой аноним, написавший статью о социалистическом реализме в журнале "Эспри". Никто не собирается раскрывать его инкогнито - напялил маску, пусть ходит в ней! Но работает этот суб'ект топорно. Весь дух статьи, ее форма, манера и "эрудиция" автора показывают, что сфабрикована эта подделка в той барски-интеллигентской среде, связанной, видимо, с белоэмигрантскими кругами, где живы традиции "Вех" и религиозно-философского общества, провозглашавшего поход на материализм.

И если автор повторяет то же самое, что говорили реакционные пу-

блицисты в самый позорный период русской общественной мысли, — одного этого достаточно для характеристики его откровений.

Некоторые журналы в Англии, США, боннской Германии поспешно перепечатали статью анонима, да еще сопроводили ее своими примечаниями — достоверно, показания свидетеля... Подозревали ли они, в какую лужу попали вместе с незадачливым инкогнито? Вероятно, подозревали, подделка очень уж грубая, но антикоммунистическая злоба затуманила им взоры. Забыли они, что озлобление — плохой советчик.

Кстати, еще об одном инкогнито.

Не только журнал "Эспри" оказался падох на отбросы. В прошлом году в Англии и Франции вышел роман "из советской жизни" под названием "Суд идет". Автор укрылся под псевдоним Абрама Терца. "Это чрезвычайно интересный роман во всех отношениях", — поспешила заявить тогда манчестерская "Гардиан". Какую же жизнь изображает автор? Мы воспользуемся сочувственным изложением этой солидной буржуазной газеты — здесь, как говорится, все становится ясно. По словам автора, книга раскрывает "интимную сторону жизни советского общества и рассказывает о семейной жизни прокурора Владимира Глобова, хорошего семьянина и надежного защитника коммунистического режима. Его жена — это самолюбленная женщина, которая каждое утро нагишом позирует перед зеркалом, а Владимир в это время наблюдает за ней через замочную скважину. Их сын, школьник Сережа, организует тайное общество, состоящее из него и некой девочки в очках. Целью детской забавы является свержение правительства и создание подлинно коммунистического общества. Два агента тайной полиции по ночам обходят район, разрабатывая план повышения эффективности своей работы путем установления фильтра в каждой канализационной трубе для вылавливания всяких криминальных документов, которые спускаются в унитазы..."

Критику "Гардиан" понравился "своеобразный", спокойный тон книги, мастерство и трезвый рассудок автора. Что ж, на вкус и цвет товарищей нет. Но даже из сочувственного изложения ясно, что перед нами неумная антисоветская фальшивка, рассчитанная на не очень взыскательного читателя. Образы ее навеяны не советской жизнью, а в лучшем случае сексуально-антиреволюционными произведениями эпохи безвременья, подобными "Навьям чарам" Соллогуба да рассказам Арцыбашева.

Ратующие против социалистического реализма, эстетствующие рыцари "холодной войны" — к какой достоверности, к какой правде тянут они?... Не зря инкогнито, расхваленный "Гардиан", упомянул трубы из-

вестного назначения - не это ли источник осведомления анонимов и псевдонимов?

Б.Рюриков.

"Иностранная литература" 1962, № 1

Западные комментаторы, обсуждая причины ареста писателей, чаще всего связывали это событие с участвовавшими нападками советской центральной печати на "Новый мир".

Писательские организации пытались протестовать.

АРЕСТЫ В МОСКВЕ

... Терц, писатель большого дарования, приобрел мировую известность своей статьей о "соцреализме" и тремя повестями: "Суд идет", "Гололедица" и "Любимов"... Несколько времени спустя после ареста в Москве распространился слух о том, что к обвинению в контрабандной передаче рукописей присоединено обвинение в валютной контрабанде. Это может быть объяснено двумя обстоятельствами: 1) в советском кодексе нет статьи, которая воспрещала бы отсылку рукописей за границу (смотри случай Тарсиса, писателя, который не был предан суду за подобный же поступок); 2) власти предпочли прибегнуть к методу, примененному в свое время в деле Ивинской, методу несомненно более удобному, при котором вся скандальная история переносится на иную почву, дабы сделать ее не столь возмутительной для мирового общественного мнения... Синявский считается одним из наиболее талантливых советских критиков молодого поколения... Многие симптомы говорят о том, что "Новый мир", возможно, будет третьим, или вернее даже четвертым обвиняемым в процессе против молодых советских литераторов. Действительно, с некоторых пор из Москвы поступают сведения о все более резких нападках на смелый журнал Твардовского. Поводом для раздувания этой кампании послужило опубликование на страницах журнала повести "Семеро в одном доме". Но это было лишь поводом. На самом деле вся редакторская деятельность Твардовского подвергается осуждению...

Густав Херлинг

ТЕМПО ПРЕЗЕНТЕ, ноябрь 1965

В статье говорится о том, что ряд советских и социалистических писателей были отправлены в сумасшедший дом за антиконформистские убеждения, кое-кого посадили в тюрьму. За пределами России в таком положении поляки Миллер и Ванкович, югославы Джилас и Михайлов, в России — Синявский, Даниэль, Тарсис, Бродский.

Все же со смерти Сталина имела место прогрессивная либерализация. Лучшее доказательство этого — журнал "Новый мир".

"... В России несомненно обновление литературы, расцвет молодых талантов, эстетическое кредо которых — честность перед собой и перед читателями. Отбрасывая догмы "соцреализма", этот авангард возвращается к критериям, стилю, позиции "критического реализма" XIX века... и отбрасывает ту пристрастную идеологию, которая, по выражению Жана Котта, "только искажала действительность, поскольку защищала интересы тех, кто стоит у власти". Однако, несмотря на относительную свободу слова, есть молодежь, которую не удовлетворяют эти полумеры, и которая хочет понять смысл истории и отдать себе отчет в будущем коммунизма. Синявский-Терц как раз один из последних правдолюбивцев. Я перечел статью, которую ему приписывают, под названием "Что такое социалистический реализм?". Она появилась в "Эспри" лет шесть тому назад. Это патетическая исповедь и страстный, полный жгучего интереса анализ проблем, стоящих перед современной русской литературой, вошедшей в зону крахов и ревизий. Мы можем убедиться, что Синявский, последователь Гофмана, Достоевского, Гойи, Маяковского, отказался от почетного, разумеется, но ограничивающего компромисса, заключенного между "Новым миром" и властями. Он отказывается вернуться к старому доброму реализму, который подошел бы к новой хрущевской России с ее осторожными реформами, требуя — чего? — некоего "фантазмагорического искусства", в котором бы вылилась, освободившись, русская, загнанная в подсознание, потребность к чудовищному и священному".

"И Синявский, и Тарсис, и Бродский, и югослав Михайлов — люди мистической, религиозной направленности, предвещающие, по словам Синявского, "нового бога", способного вдохновить человечество в предстоящем ему историческом цикле"... Можно считать, что именно такие люди, с их нетерпимостью и жаждой истины, их склонностью к вызову и к мученическому, являются в жизни советского общества "музыкой будущего", и что, равно как Пастернак, они предвестники будущего, а не отрывки прошлого.

Так или иначе, судьба этих "бунтовщиков" не оставляет нас равнодушными, тем более, что не в пример нобелевскому лауреату Шолохову, не пропустившего ни одной okazji громить "декадентскую западную культуру", эти "бунтовщики", наследники Гоголя, Достоевского, Бердяева, Пастернака, никогда не отрицали Запада. Несмотря на все официальные запрещения, они остались в глубоком внутреннем общении с высокими ценностями нашей культуры. И среди этих ценностей не на последнем месте принцип, согласно которому никто не может быть наказан за инакомыслие."

Франсуа Фежто

РЕФОРМ, 6 ноября 1965

ПОДПОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. КТО ТАКОЙ АБРАМ ТЕРЦ?

В начале статьи приводятся высказывания Джанкарло Вигорелли, секретаря "Европейского сообщества писателей", полагающего, что в СССР подпольная литература, если она и существует в виде случайных рукописей, листовок и пр., не имеет никакого значения. Главное - это те произведения, которые публикуются, "литература, действующая при свете дня, с ее поражениями и победами".

Автор отмечает, что в то самое время, когда появилась статья Вигорелли, в Москве были арестованы Синявский и Даниэль. Он считает, что не так важно тождество этих писателей с Терцем и Аржаком... "Важно то, что советские власти сочли уместным искать этих двух анонимных писателей не среди русских эмигрантов, а внутри своей страны. Тем самым они косвенно признали существование подпольной литературы в России, что бы ни говорили об этом некоторые скептики на Западе. Есть ли у полицейских чиновников в Москве достаточные основания для уверенности в том, что такая литература существует? Или, может быть, у секретаря "Европейского сообщества писателей" в Риме есть основания полагать, что она не существует? Вот в чем проблема.

Но проблема эта по сути мнимая - надо только попытаться рассуждать логически. И поверить в то, что прежде было принято называть "призванием и достоинством писателя"... И когда мы поймем, что, напротив, было бы странно... "если бы в России не было подпольной литературы, при той давней традиции страстной борьбы, которая отличает прошлое русской литературы. Даже в первое десятилетие после револю-

ции, когда советская цензура была достаточно терпима и носила еще отпечаток покровительственных тенденций, оставленных ей Лениным, немало книг русских писателей издавалось впервые за границей, в Берлине. Там же выходил журнал "Беседа" под редакцией самого Горького, задуманный как свободная трибуна для ознакомления зарубежных писателей с молодой русской литературой..."

Густав Херлинг

ФЬЕРА ЛЕТТЕРАРИА, 7 ноября 1965

х х х

... Обвинения, выдвинутые против писателей Даниэля и Синявского, ставят много вопросов. Вот уже несколько недель их держат в лубянской тюрьме за то, что они тайным образом переправляют и публикуют на Западе произведения, в которых клеветают на советское общество. В частности, Синявский является будто бы Абрамом Терцем, автором "Фантастических повестей", напечатанных во Франции у Плона.

Синявский вовсе не новичок в литературе. Он был еще молодым, когда была опубликована его большая работа о Пикассо... Однако, главным образом он знаток современной русской поэзии. Он написал блестящее предисловие к сборнику Пастернака... Даниэль занимался главным образом переводами с украинского и еврейского языков. Оба сотрудничали в "Новом мире"...

Многие представители интеллигенции считают, что в стране, где антисемитизм и сталинизм не совсем еще потеряли право на существование, в данном случае имеет место сведение счетов. Тем более, что, насколько нам известно, ни Синявский, ни Даниэль до сих пор не признают фактов, которые им инкриминируются.

Словом, советское общественное мнение, влияние которого, вопреки всему, растет, требует полной ясности и гласности. По последним сведениям, власти как будто решили следовать этому. Если писателей не выпустят просто за отсутствием состава преступления, им, по крайней мере, будет предоставлена возможность высказаться на открытом процессе. Решение этого вопроса будет для интеллигенции некой проверкой истинных намерений руководителей страны...

Жак Брис

ФИГАРО ЛИТТЕРЕР, 11 ноября 1965

...Известно, что в уголовном кодексе СССР не предусмотрены какие-либо санкции за посылку рукописей за границу; поэтому советские правительственные органы, вероятно, постараются представить Синявского и Даниэля виновными в подрывной деятельности. Однако, все, кто знакомы с книгами этих двух писателей, вряд ли смогут согласиться с подобным обвинением. Произведения Синявского и Даниэля... обладают большой литературной ценностью и именно поэтому были нами опубликованы, причем имели большой успех. В последние годы официальные советские журналы часто публиковали произведения, гораздо более насыщенные критическими суждениями о режиме - это порой даже удивляло западных читателей и наводило их на мысль о том, что в СССР имеются предпосылки для каких-то перемен...

Из письма директора польского журнала
"Культура", издающегося в Париже.
ФЬЕРА ЛЕТТЕРАРИА, 21 ноября 1965

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗА СИНЯВСКОГО

После опубликования в "Монд" статей по поводу ареста в Москве советского критика Синявского мы получили следующее письмо от г-на Окутюрье, профессора Женевского университета, и г-на Фриу, преподавателя литературы в Ренне:

С Андреем Синявским мы познакомились в 1954 г. Мы были студентами Московского университета и слушали лекции о литературе XX века, которые он читал в качестве преподавателя. Ему было тогда около 30-ти лет. Он предложил свою помощь в нашей научной работе и предоставил в наше пользование свою библиотеку. Его квартира, в двух шагах от университета и библиотеки им. Ленина, была всегда для нас открыта. Беседы и споры в этой квартире, за которыми мы засиживались до позднего вечера, очень многое нам дали, и до сих пор являются одним из самых ценных московских впечатлений. Его широкая эрудиция, пронизательный ум, тонкий художественный и литературный вкус являли резкий контраст с распространенной в ту пору узостью взглядов. Благодаря его гостеприимству, внимательности и такту между нами быстро установились доверие и симпатия, которых не так легко было добиться с окружающими из-за все еще господствовавшей в ту пору сдержанной подо-

30

зрительности. Чувство дружеского восхищения, которое он вызывал у нас, мы невольно переносили на духовные черты русских людей его поколения и воспитания, которых мы воспринимали через него.

Мы снова увидели его в 1956 году, воодушевленного царившей тогда атмосферой оттепели. Впоследствии в его трудах, опубликованных самыми высокими научными учреждениями Советского Союза, мы нашли все то, что пленило нас в беседах с ним. Это - в труде о русской поэзии первых лет революции - его приверженность духу революции и творческому вдохновению, которое она внесла в русскую литературу. В замечательной работе о Пикассо - его любовь к новым формам, возникающим непосредственно из современного художественного восприятия. В его еще неопубликованной работе о средневековом русском искусстве /она должна была появиться под заглавием "Земля и небо Древней Руси"/ - его любовь к древней Руси и к ее духовным и художественным богатствам. В силу чисто внешнего парадокса, этот почитатель современного искусства оказался одновременно противником столь распространенного за последние годы в России западнического модернистского снобизма. Собиравший икон и древних рукописей, влюбленный в север России, сохранивший столько следов традиционной русской культуры, Андрей Синявский лучше, чем кто-либо другой, мог бы свидетельствовать о несостоятельности обвинения в космополитизме, которое навлекли на себя когда-то те, кто не хотел терять контакта с западной литературой.

Мало кому известный в 1956 году, благодаря наступившей оттепели, Синявский стал одним из ведущих молодых советских критиков. Он принял участие в ряде коллективных трудов Института мировой литературы в Москве, содействовавших освобождению истории советской литературы от догматических схем предыдущей эпохи. Именно ему было поручено столь ответственное составление монографий о Горьком и Багрицком, этих разных и крупных фигурах революционного романтизма. Необходимо отметить высокое качество труда Синявского о романтической структуре "Клима Самгина". И наконец Синявскому принадлежит первый фундаментальный анализ творчества Пастернака - предисловие к первому большому собранию сочинений поэта, недавно вышедшему в Москве.

В журнале "Новый мир" Синявский все более твердо занимал такую позицию в отношении вопросов современной литературы, при которой он мог, не колеблясь, критиковать конформизмы некоторых установившихся ценностей и защищать другие. Однако его статьи, неизменно вызывавшие симпатию интеллигентного читателя, были написаны не пером

полемиста, а пером вдумчивого критика, внимательного к индивидуальности автора данного произведения, стремящегося понять и анализировать, а не выносить приговор. Он был из тех, кого имел в виду Твардовский, говоря недавно, что им удалось реабилитировать в глазах читателя ту критику, которая полностью дискредитировала себя компромиссами со сталинизмом. Мы радовались, видя, как много выигрывает престиж советской литературы и всеобщий к ней интерес, когда таким голосам, как голос Синявского, было позволено свободно выражать свое мнение.

Будучи одновременно противником и крайностей моды и пустой, несмелой фразеологии политического оппортунизма, Синявский воплощал в наших глазах новый дух времени со всей его серьезностью и плодотворностью.

В настоящее время Синявский обвиняется в том, что под псевдонимом Абрам Терц он опубликовал за рубежом фантастические повести, которые уже успели заслужить известность. Насколько мы знаем, этот факт еще вовсе не установлен достоверно. Произведения Терца носят чисто литературный, а не политический полемический характер. Они вовсе не антисоветской ориентации, о чем могут судить читатели "Гололедицы", и навряд ли могут сами по себе оправдать судебное преследование.

Нам также трудно понять причины ареста Юлия Даниэля, друга Синявского, человека, как и он, широко образованного и литературно одаренного. Насколько нам известно, он напечатал несколько переводов.

Итак, встает вопрос о подлинных мотивах ареста двух человек, чья лояльность в отношении советской власти не вызывает, по нашему мнению ни малейших сомнений. Может быть, по словам некоторых комментаторов, это мера, направленная против слишком свободолобивых писателей вообще. Такое об'яснение нам кажется очень печальным. Ибо трудно предположить, что те, кто вдохновляет подобные мероприятия, не знают, насколько это чернит наше здешнее представление о современной России и насколько это способствует потере престижа советской литературы. Мы имеем в виду тот престиж, который советская литература вновь стала завоевывать в последнее время в глазах всего мира — яркое тому свидетельство — вручение Нобелевской премии М. Шолохову — престиж, создателями и мастерами которого без сомнения, являются такие представители интеллигенции, как Синявский и Даниэль.

МОНД, 23 ноября 1965

Понедельник 22 ноября.

Сближение Франции и России носит не только политический характер. Конечно, все решает политика. Но это не мешает двум народам вновь с радостью найти и узнать друг друга. У меня есть в России читатели и друзья — это к ним я обращаюсь, чтобы они не подумали, что в моей жалобе есть какая-то враждебная задняя мысль. Именно потому, что мы являемся дружественными народами, меня волнует и огорчает арест советских писателей Синявского и Даниэля.

Этот отголосок сталинской России шокирует нас. Один из этих писателей, Синявский — автор повести "Суд идет", которую мы во Франции знаем и которой восхищаемся. Его преступление, как и преступление Даниэля, состоит в том, что он публиковал за рубежом свои произведения под псевдонимом. Поскольку этим писателям угрожает тяжелый приговор по этой причине, нам тем тяжелее перенести это, что сегодня мы чувствуем себя как никогда близкими России.

Ни одна из статей советского закона не запрещает писателям публиковаться за границей или брать себе псевдоним. Мы боимся, что второе "дело Живаго" снова противопоставит нас вновь обретенным друзьям. Если существует товарищество по Нобелевской премии, я умоляю моего знаменитого собрата Шолохова донести нашу просьбу до тех, от кого зависит освобождение Андрея Синявского и Ю. Даниэля.

"Фигаро литтерер", 25.11.65

х х х

...Сам Твардовский очень тонко выразил свое отношение к делу Синявского, который, как и второй писатель, Даниэль, обвинен в печатании антисоветских произведений за рубежом.

Синявский — очень известный критик. Он печатался во многих номерах "Нового мира", как особо подчеркнул Твардовский.

В свете осторожных заявлений, сделанных по этому делу русскими поэтами /имеется в виду группа поэтов, посетившая Париж в ноябре 1965 г. — Ахмадулина, Вознесенский, Твардовский и др./, становится ясно, что советские писатели ни в коей мере не склонны осуждать своих собратьев по перу и хотят, чтобы они были осуждены или оправданы в полном соответствии с нормами советского права, а не судом, инспирированным идеологическими мотивами.

Эта подразумеваемая солидарность со своими братьями, выраженная писателями, возымела результаты: по некоторым сведениям, уголовное дело против Синявского будет прекращено.

Жак Брис

ФИГАРО ЛИТТЕРЕР, 25 ноября 1965

СВОБОДОМЫСЛЯЩИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗА РЕШЕТКОЙ

...Как сотрудник "Истории советской литературы" и "Литературной энциклопедии", Синявский является автором нескольких глав и статей, которые оценены специалистами, как одни из наиболее удачных в этих изданиях... ..Совершенно ясно, что эта полицейская кампания является по существу ничем иным, как еще одной попыткой нанести удар по цитадели литературной мобилизации, по отважному журналу "Новый мир", сотрудниками которого были Синявский и Даниэль. Совершенно понятно, что русские писатели, преемники славной традиции /"Мы хотим быть совестью нашего народа", - говорил Герцен/, неудовлетворенные жалкими уступками и ободренные примером того, что происходит в дружественных странах, требуют теперь полной свободы быть самими собой.

Паоло Милано

ЭКСПРЕСС, 28 ноября 1965

АБРАМ ТЕРЦ ПРЕСС-БЮЛЛЕТЕНЬ

Как Вы знаете, из достоверных источников стало известно, что два писателя Андрей Синявский и Юлий Даниэль, арестованные 13 сентября в Москве, оказались соответственно Абрамом Терцем и Николаем Аржаком. По сообщениям, поступающим из Москвы, создается впечатление, что вскоре им будет пред'явлено обвинение в "распространении антисоветской пропаганды" на основании ст. 70 советского уголовного кодекса, максимальным наказанием по которой является 7 лет заключения с последующей ссылкой на 2-5 лет.

Как издатель произведений Абрама Терца, я чувствую себя обязанным высказать нашу точку зрения на дело и познакомить Вас с некоторыми обстоятельствами его возникновения.

Личность Синявского, как писателя, и его роль в советском либеральном движении придадут почти беспрецедентную важность этому делу. Мы не знаем, какое оно получит развитие и какое окажет влияние на советское литературное сообщество, но опасность для него и для культурных контактов между Россией и Западом представляется огромной.

Синявский - выдающийся литературовед, критик и писатель, который за многие годы приобрел серьезнейшую репутацию в своей стране. Друг Бориса Пастернака и знаток его творчества, он всего два месяца назад опубликовал предисловие к новому сборнику стихов Пастернака. Он также познакомил советскую публику с Пикассо и пояснил основные концепции современного искусства. Он играл ведущую роль в постоянной полемике с реакционными критиками и писателями и постоянно настаивал на необходимости большей свободы творчества.

Теперь выяснилось, что под псевдонимом Абрам Терц он в то же самое время успешно вел параллельное, но совершенно иное литературное существование, как автор художественных произведений, замечательных виртуозностью стиля, глубиной проникновения в дела человеческие, остроумием, юмором и изобретательностью. Не будет преувеличением сказать, что он - один из самых выдающихся талантов, появившихся в русской литературе после ее золотого века, и как таковой он и был признан западными критиками.

Насколько мы можем судить в настоящий момент, Синявский пал жертвой специфических условий, доминирующих на советской литературной сцене. Начиная с 1956 года советские писатели отчетливо разделились на два лагеря - "догматиков" и "прогрессистов", или "консерваторов" и "либералов". Все последние годы именно лагерь прогрессистов и либералов упорно завоевывает позиции, несмотря на многочисленные препятствия. "Либералы" были связаны с журналом "Новый мир" в котором сотрудничали как Синявский, так и Даниэль. С падением Хрущева, теперешнее правительство старается делать уступки обеим сторонам и удерживает экстремистов среди консерваторов, делает поблажки советским писателям и поощряет их на более свободные связи с Западом.

Я хочу заявить, что мы издавали Терца за его выдающиеся литературные достоинства и ни по какой другой причине.

Мы видим в нем советского писателя, неразрывно связанного со своей страной. С нашей точки зрения, главное отличие его от других молодых советских писателей - в его "фантаσμαгорическом" стиле. Как он сам говорит, он возлагает надежды на "искусство, в котором гротеск

заменит реалистическое описание обыденной жизни. Такое искусство будет лучше соответствовать духу нашего времени. Да научит нас фантастическое воображение Гофмана и Достоевского, Гойи, Шагала и Маяковского и многих других реалистов и нереалистов тому, как истина рождается с помощью абсурда и фантастики".

Обвинять Терца в антисоветской пропаганде столь же неуместно и абсурдно, как обвинение Достоевского в том, что он антирусский. Терц — не пропагандист, он художник.

Писатель имеет право пытаться познакомить читателей со своими произведениями. Пересылка рукописей за границу не является преступлением по советским законам. Дилемма писателя, такого, как Терц — это дилемма, созданная советской литературной политикой, которая ставит его перед выбором: или молчать, или жертвовать своей художественной цельностью. Единственным выходом для писателя с непреклонной честностью Терца было издание своих рукописей за границей. И за это он достоин восхищения, а не осуждения.

Необходимо заметить, что Пастернак не был арестован за пересылку рукописи "Доктора Живаго" в Италию, и что пересылка рукописи "Палаты № 7" Валерием Тарсисом не повлекла за собой уголовного наказания. Отсюда очевидно, что единственное "преступление" Терца — в том, что он воспользовался элементарным, признанным во всех цивилизованных странах правом художника дать общественное выражение своему творческому импульсу.

Для пресс-конференции, организованной издательством "Коллинз пাবলিশерс", Лондон, ноябрь 1965.

х х х

...Журнал "Крист унд Вельт" полагает, что арест Синявского, это мероприятие, направленное, по существу, против "Нового мира" ... Обвиняя Синявского... пытаются скомпрометировать целый круг литераторов вокруг Твардовского — от Евтушенко до Эренбурга, от Аксенова до Солженицына. "Нью-Йорк Таймс" пишет, что в более рациональном и свободном мире каждый русский писатель был бы горд, если бы написал повести и статьи, написанные Абрамом Терцем. Терц вовсе не политический пропагандист, который механически критикует систему. Кто бы

русских писателей, в котором сочетаются сатира и сочувствие со склонностью к фантастике и гротеску, напоминающей Гоголя и Кафку.

ПРЕВ, декабрь 1965

ОСВОБОДИТЕ ТЕРЦА

...Синявский — истинно русский человек. Достаточно прочесть двадцать строчек, им написанных, чтобы почувствовать их русские источники. Может быть он контрреволюционер? Нет, воспитанный в духе октябрьской революции, он протестует против нелепой ждановской тирании. В его сочинениях нет ни одной фразы, которая звучит как оскорбление для его родины и ее революционных чаяний. Если он печатался за границей, то это, я полагаю, потому что в это время /1958/ либерализация еще не коснулась литературы; вспомним, что дело Пастернака возникло позже, и что только в 1962 году появилась повесть Солженицына о лагерях.

В чем же преступление Терца? В советском уголовном кодексе нет такой статьи, которая запрещала бы издание советских рукописей за границей, и никто не может осудить писателя за то, что он пользуется псевдонимом. Арест Терца не вяжется с сегодняшним климатом либерализации. Может быть какая-то небольшая группа из среды работников умственного труда решила таким путем скомпрометировать "Новый мир"? Не целились ли они на самом деле на других писателей, таких, как Солженицын и Семин, чье перо более сурово для советского общества, чем перо Синявского? Если Терц его критиковал, то всегда с добродушной иронией.

В моем вступлении к французскому изданию его фантастических повестей я писал: "Советский мир будет по настоящему здоровым только тогда, когда он будет допускать самокритику; ему необходимы произведения, которые не "служат" ни диктатуре, ни даже либерализации, которые не служат ничему другому, как только возможности высказать свободно то, что должно быть высказано". Таково творчество Терца, который не участвовал ни в каком заговоре и который для нас был только агентом русского интеллекта. Того русского интеллекта, который, как мы надеемся, не оставит Терца в заключении, не позволит возникнуть второму "делу Живаго".

Ж.-М. Доменак

ЭСПРИ, декабрь 1965

ПРОТЕСТ КОЛЛИНЗА

...Писатель имеет право стремиться к тому, чтобы его произведения стали известны публике. По советским законам посылать рукопись за границу - это не преступление. Дилемма, возникшая в связи с делом Терца, обусловлена советской политикой в отношении литературы. Эта политика ставит писателя перед выбором: либо молчать, либо идти на сделку со своей совестью. Единственным выходом для такого абсолютно честного писателя, как Терц, было публиковать свои произведения за границей. Поэтому он заслуживает восхищения, а не осуждения.

Следует заметить, что Пастернак не был арестован за то, что передал рукопись "Доктора Живаго" в Италию, и что Валерий Тарсис не подвергается судебным преследованиям за передачу за границу рукописи "Палаты № 7". Таким образом ясно, что преступление Терца состоит лишь в том, что он воспользовался элементарными правами писателя, признаваемыми во всех цивилизованных странах...

ФЬЕРА ЛЕТТЕРАРИА, 12 декабря 1965

х х х

...Известно, что ряд критических высказываний Терца вовсе не новы и были уже в докладе Хрущева, повести Солженицына и в воспоминаниях Эренбурга. Быть может, "тон" повестей Терца иной, и этого было достаточно, чтобы возбудить гнев? Его творчество пронизано остроумием, сарказмом и фантазией, особенно когда он описывает лицемерие и жестокость чиновника. Его портреты алчных и самодовольных бюрократов говорят о том, что порода чиновников, описанных Гоголем в XIX веке, не вымерла, а просто несколько видоизменилась и в этом новом облики продолжает управлять со всем деспотизмом посредственности...

НОР ЛИТТОРАЛЬ, 15 декабря 1965

АЛЕКСЕЮ СУРКОВУ - СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ -

58 УЛИЦА ВОРОВСКОГО - МОСКВА - СССР - 11 НОЯБРЯ 1965

НАС ПОТЯСЛО И ОПЕЧАЛИЛО ИЗВЕСТИЕ ОБ АРЕСТЕ ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ. ОПАСАЕМСЯ ЧТО ЭТИ АРЕСТЫ ПРОИЗВЕДУТ ТЯЖЕЛОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОМЕШАЮТ РОСТУ

БОЛЕЕ ТЕСНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПИСАТЕЛЯМИ. НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОСИМ ВАС ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ПЕРЕД СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ВЛАСТЯМИ.

Дэвид Карвер
/Генеральный секретарь
Международного ПЕН-клуба/

ПЕН-клуб
62, Глеб-плейс, Лондон

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Нижеподписавшиеся писатели и критики Австралии хотели бы выразить свою глубокую обеспокоенность сообщениями об аресте Андрея Синявского, обвиняемого в том, что он публиковался за границей под именем Абрама Терца. Мы также обеспокоены сообщениями об аресте Юлия Даниэля по обвинению в том, что он публиковался за границей под именем Николая Аржака.

Вопрос не в том, правильно ли было установлено их авторство, об этом мы в настоящее время не можем иметь какого-либо мнения. Для нас вопрос в том - оправдано ли обвинение, в котором публикация произведений об'явлена уголовным преступлением. В недавнее время появились долгожданные свидетельства того, что советские руководители желают ослабить прежний контроль над литературой и разрешить более свободный культурный обмен с другими странами. Эти аресты могут лишь создать впечатление, что официальные лица не хотят настоящего обмена. Отказывать писателю в праве публиковаться за пределами своей страны, значит ставить препятствия на пути к общению. Это может вызвать сомнения в способности режима уважать не только свободу его собственных граждан, но и законные духовные интересы людей и в других странах.

Много пользы принесло бы сообщение, что арестованные освобождены, и что рассматриваемое обвинение исключено из списка преступлений. Джеймс Мак Оли, Р.Ф.Бриссенден, Винсент Бакли, Мэннинг Кларк, Питер Коуллин, Розмари Добсон, Макс Харрис, Дональд Хорн, Ивен Джонс, Х.Г. Киппекс, Кристофер Кох, Генри Мейер, Джеффри Леманн, Стефен Мюррей-Смит, А.Портеос, Дж.М.Дуглас Прингл, Сибнаяран Рей, Ллойд Росс, Клемент Семмлер, Питер Шрабб, Р.А.Симпсон, Вивьен Смит, Дуглас Стьюарт, Норма Тэлбот, Кен Тернер, Ян Тернер.

ЕЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТИ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ФУРЦЕВОЙ

МОСКВА — УЛИЦА КУЙБЫШЕВА 10 — МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

С БОЛЬШИМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ МЕСЯЦ ТОМУ НАЗАД ПОЛУЧИЛИ МЫ ИЗВЕСТИЕ О ПРИСУЖДЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ. МЫ У СЕБЯ В ДАНИИ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ОТМЕТИЛИ КАК ШОЛОХОВ А С НИМ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАНЯЛИ БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ СВОЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ И ЗАСЛУЖЕННОЕ МЕСТО В ЕВРОПЕ. МЫ ОДНАКО С БЕСПОКОЙСТВОМ НАБЛЮДАЕМ КАК В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПОДРЫВАЮТ ЗАРОЖДАЮЩЕЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВО И В ЧАСТНОСТИ ОМРАЧАЮТ РАДОСТЬ ОТ ПРИСУЖДЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ. АРЕСТ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО /АБРАМ ТЕРЦ/ И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ/НИКОЛАЙ АРЖАН/ ОЗНАЧАЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ НЕДОСТОЙНЫХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И НЕСОВМЕСТИМЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ПОЗИТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ТОМ ЧИСЛЕ И ТАКИХ КОТОРЫЕ НАШЛИ СВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПРИСУЖДЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ.

НАШ ДОЛГ ВЫРАЗИТЬ СЕРЬЕЗНЕЙШИЙ ПРОТЕСТ ПРОТИВ АРЕСТА ЭТИХ ДВУХ ПИСАТЕЛЕЙ КОТОРЫЙ МЫ СЧИТАЕМ НЕОБДУМАННЫМ И ГУБИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ РЕПУТАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГЛАЗАХ ОСТАЛЬНОГО МИРА. МЫ ПРОСИМ ВАС УПОТРЕБИВ ВАШЕ ВЛИЯНИЕ ВОЙТИ С ХОДАТАЙСТВОМ В ИНСТАНЦИИ ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ ОСВОБОЖДЕНИЕ НАШИХ ТОВАРИЩЕЙ ПО ПЕРУ.

БЕННИ АНДЕРСЕН АНДЕРС БОДЕЛЬСЕН НИЛЬС БАРФЭД ЙОРГЕН ГУСТАВИА БРАНДТ ТОРДЕН ДРОСТРОН МАРИЯ ДЖАКОВБЕ ТОРКИЛЬЮ ХАНСЕН УФФЕ ХАРДЕР ХАНС ХЕРТЕЛЬ КНУД ХОЛЬСТ ПЕР ХОЙХОЛЬТ ЙЕСПЕР ЙЕНСЕН ЭРИК КНУДСЕН ИВАН МАЛИНОВСКИ КЛАУС РИФБЕРГ ПЕТЕР РОНИЛЬД ЙОРГЕН ШЕЙМАН ЙОРГЕН СОННЕ ЛИЗЕ СОРЕНСЕН ВИЛЛИ СОРЕНСЕН ЙЕСС ОРНСВО

ПРИЗЫВ К ТЕРПИМОСТИ

Арест советских писателей

Издателю "Таймса"

Сэр, Вы кратко сообщили на столбцах Вашей газеты о послании Дэвида Карвера, секретаря международного Пен-клуба, г-ну Алексею Суркову в Союз советских писателей.

Мы хотели бы присоединиться к его протесту и его призыву.

Полный текст телеграммы таков:

Мы огорчены и шокированы известием об аресте выдающихся писате-

лей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Боимся, что эти аресты окажут сильное воздействие на общественное мнение и задержат развитие более тесных отношений между писателями. Призываем Вас оказать воздействие на компетентные органы.

Тюремное заключение этих писателей не может не набросить тень не только на усилия по культурному сотрудничеству и обмену между Востоком и Западом, но и на честь, оказываемую русской литературе вручением Нобелевской премии Михаилу Шолохову в следующем месяце в Стокгольме.

Мы очень надеемся, что в деле этих двух писателей терпимость и законность победят. Отсылка рукописей за границу для публикации не является преступлением ни в СССР, ни в любой другой стране с цивилизованной конституцией и уголовным кодексом. Во всяком случае, произведения, которые Синявский и Даниэль, как говорят, опубликовали на Западе под псевдонимами Терц и Аржак, являются существенным вкладом в современную литературу. Надеемся, советские власти переросли старый сталинский /и царистский/ страх перед литературой и литературной критикой? Мы надеемся, что они пересмотрят эти прискорбные аресты.

С уважением,

А.Альварес, Сирил Коннолли, Брайен Гленвилл, Горони Рис, Кленси Сигал, Филипп Тойнби, Джон Уэйн, К.В.Веджвуд, Ребекка Уэст.

20 ноября 1965

ТАЙМС, 21 ноября 1965

ТЕЛЕГРАММА ФИЛИППИНСКОГО ПЕН-КЛУБА

АЛЕКСЕЮ СУРКОВУ - СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

52 УЛИЦА ВОРОВСКОГО - МОСКВА - СССР - 1 ДЕКАБРЯ

НАС ОЧЕНЬ ОГОРЧИЛО ИЗВЕСТИЕ ОБ АРЕСТЕ ПИСАТЕЛЕЙ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ. МЫ ПРИНАДЛЕЖИМ К ТОМУ ЖЕ БРАТСТВУ И МЫ НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОСИМ ВАС ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ЗА АРЕСТОВАННЫХ ПЕРЕД СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ИНСТАНЦИЯМИ. МЫ ЗНАЕМ ЧТО ПОДОБНЫЕ АРЕСТЫ ОКАЖУТ БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОВРЕДЯТ ДИАЛОГУ МЕЖДУ ПИСАТЕЛЯМИ РАЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

Ф.СЛОНИЛ ХОСЕ - НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ТЕЛЕГРАММА ИНДИЙСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КОСЫГИНУ

ПОТРАСЕНА АРЕСТОМ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ. АРЕСТЫ НА-
НЕСУТ ВРЕД РАСТУЩЕМУ ДРУЖЕСКОМУ ИНТЕРЕСУ ИНДИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К
СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ. УБЕДИТЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОСВОБОДИТЬ ОБОИХ
ПИСАТЕЛЕЙ.

В.Б.КАРНИК А.Б.ШАХ ДЖАМШЕД Х.Б.ВАДЬЯ М.Р.МАСАНИ ПРАБХАКАР АЙЯР
ВИДЖАЙ СИНХА ГУЛАБДАС БРОУКЕР А.ВАДЖНИК ВАСАНТ ДАВТАР ДИЛИП ЧИТР
ПРАБХАКАР ПАДХЬЕ НИССИМ ЕЗЕКИЛЬ КЭЛЬЕН КУМАР К.К.СИНХА МАНИБЕН
КАРА САТЬЕНДРА КУМАР Д.Е.ШРИНИВАСАН МАКСМАНШАСТРИ ДЖОУШИ ГОВИНД
КАМАТ МЕХШЬЯМ РЕДЖЕ ЕШВАНД ЧИТТАЛ Р.ПААНКАР

ДЕКАБРЬ 1965

ПИСЬМО АССОЦИАЦИИ ШВЕДСКИХ СТУДЕНТОВ "ВЕРДАНДИ"
СОЮЗУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В международной печати появились сообщения о том, что трое рус-
ских писателей: Андрей Синявский, Юлий Даниэль и еще один, чье имя
неизвестно, были арестованы за опубликование своих произведений за
рубежом. Эти сообщения вызвали крайне неблагоприятную реакцию обще-
ственного мнения Швеции. Они означают серьезное посягательство на
свободу слова и печати частных лиц и обнаруживают отклонение от то-
го пути, на который Советский Союз встал в дни XX съезда партии,
пути, воспринимавшегося с глубоким удовлетворением общественным мнe-
нием всего мира. Ввиду того, что из официальных источников не посту-
пило никаких откликов на эти сообщения, студенческая ассоциация
"Верданди" очень надеется, что Союз советских писателей выяснит под-
робности этого дела и прокомментирует сообщения об аресте вышеука-
занных писателей и причины, которыми он был вызван.

Упсала

Бертил С.Орберс, Элизабет Сандберг
председатели

В связи с присуждением Нобелевской премии по литературе 1965 года М.Шолохову и предстоящей церемонией вручения премии, было предпринято немало попыток повлиять на исход дела Синявского и Даниэля.

ПИСЬМО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КОСЫГИНУ
КРЕМЛЬ - МОСКВА - СССР

В последнее время в печати Лондона, Парижа и Нью-Йорка появились сообщения о том, что два известных советских писателя - Андрей Синявский и Юлий Даниэль - находятся под арестом, их ждет суд по обвинению в том, что они публиковали за границей под псевдонимами "Абрам Терц" и "Николай Аржак" некоторые "антисоветские" произведения. Мы не знаем, действительно ли Синявский является "Терцем", а Даниэль "Аржаком", и не считаем это существенным. Ни в одной из цивилизованных стран, включая Советский Союз, публикация за границей или под псевдонимом не считается по закону преступлением. Что же до обвинений в "антисоветской пропаганде", то они столь же неопределенны, как и обвинения в "антиамериканизме", относительно которых мы имели собственный печальный опыт.

"Государственный обвинитель уверил меня, что расследование будет произведено быстро и без задержек. Я уверен, что в атмосфере, которая теперь преобладает в моей стране, им будут предоставлены все их законные права". Эти слова Генерального секретаря Союза советских писателей Суркова, взятые из отчета о недавнем визите советской литературной делегации в Париже, опубликованного в "Юманите" /23 ноября/, из всего, что появилось в нашей прессе по делу Синявского - Даниэля наиболее близки к официальному об'явлению. Обвиняемые уже в течение более чем двух месяцев находятся в заключении, а обвинение против них еще не предано гласности. /Первым об арестах сообщил Джанкарло Вигорелли, Генеральный секретарь Европейского сообщества писателей, на встрече этой группы в Риме 9 октября; на этой встрече присутствовали советские писатели, включая Александра Твардовского, редактора "Нового мира", который часто печатал литературно-критические работы Синявского; они никак не комментировали сообщение/. Мы надеемся, что государственный обвинитель скоро сообщит миру, в чем, в точности, обвиняются арестованные.

Присуждение Нобелевской премии по литературе этого года Михаилу

Шолохову иронически и трагически совпало с полицейским преследованием двух из его наиболее выдающихся литераторов-соотечественников. Он не обнаружил большого к ним сочувствия: "Я за тех писателей, которые честно смотрят в лицо советской власти и печатают свои произведения здесь, а не за границей /"Нью-Йорк Таймс", 1 декабря/. Мы бы хотели, чтобы он еще раз обдумал этот вопрос, и предлагаем его вниманию обращение писателя, раньше его получившего Нобелевскую премию, Франсуа Мориака, опубликованное 25-го ноября в "Фигаро Литэрэр": "Мы боимся, что новое "дело Живаго" может снова вынудить нас встать в оппозицию к нашим русским друзьям. Если только существует братство нобелевских лауреатов, я прошу моего знаменитого коллегу Шолохова стать посредником в нашем разговоре с теми властями, от чьих решений зависит освобождение Андрея Синявского и Юлия Даниэля."

Мы встревожены этими арестами, потому что они кажутся нам возвращением к традициям сталинского периода, когда любая критика и выражение несогласия были объектом полицейского преследования. Мы можем уверить Вас, что Синявский и Даниэль информированное мнение на Западе признает выдающимися критиками и знатоками русской литературы, и что, в то же время, произведения "Терца" и "Аржака" считаются серьезным вкладом в современную литературу; они могут быть сведены к примитивной категории "антисоветских" не более, чем произведения наших собственных лучших поэтов, критиков и романистов могут быть осуждаемы как "антиамериканские", хотя реакционные круги, вроде Общества Джона Берча, и пытаются делать это.

Мы заботимся о себе в той же мере, в какой и о своих литературных друзьях в Советском Союзе. Если этих писателей осудят, то это помешает не только развитию вашей собственной культуры в более свободной атмосфере послесталинского периода, но и диалогу Запада с Востоком, создаваемому неуклонно расширяющимися контактами между советской и западной интеллигенцией. Поэтому мы призываем Вас пересмотреть дело Синявского-Даниэля в более широком контексте, чем это, как нам, кажется, делалось до сих пор.

Эдвард Олби, Хэннен Арендт, В.Х.Оден, Сол Беллоу, Майкл Херрингтон, Лилиан Хеллман, Джон Херси, Роберт Лоуэлл, Дуайт Макдональд, Норман Уолтер, Льюис Мамфорд, Рейнхолд Нибур, Роберт Пенн Уоррен, Филипп Рав, Меер Шапиро, Уильям Стайрон, Лайонель Триллинг.

ПИСЬМО МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ

Союз советских писателей

Улица Воровского, 52

Москва, СССР

Дорогой г-н Михаил Шолохов,

Мы приносим наши сердечные поздравления по поводу получения Вами Нобелевской премии по литературе за Ваши блестящие достижения. Мы, однако, были искренне огорчены, услышав тягостные вести из страны, давшей миру такого достойного человека, как Вы. Мы, страстно желая, чтобы "свобода слова" гарантировалась в каждой стране, выражаем свое сожаление по поводу недавнего ареста Андрея Синявского и Юлия Даниэля и пожелание их немедленного освобождения. Мы хотели бы просить Вас поддержать усилия, предпринимаемые для освобождения этих арестованных писателей.

Д-р Кендзэ Такаянаге /член Японской Академии/, Тайко Хирабаяси /писательница/, Мичио Такеяма /критик/, Ичиро Фунусава /художник/, Иосихико Секи /проф. Токийского университета/, Кикиу Накамаро /проф. университета Кейо/, Лзенго Охиро /проф. университета Хитоцубаси/, Мико Хирамацу /проф. университета Кейо/.

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, ЛАУРЕАТУ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ 1965 ГОДА

Мы сожалеем, что нам приходится выразить Вам наше беспокойство по поводу участи Андрея Синявского и Ю. Даниэля, арестованных 13 сентября в Москве за то, что они передали зарубежным издательствам свои рукописи литературных произведений, опубликованных под псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака.

Несмотря на уверения Алексея Суркова недавно в Париже, что "в настоящее время никакое нарушение законности не может иметь место в Советском Союзе", несмотря на Ваше собственное заявление, согласно которому факт публикации за границей не относится ни к какой статье советского уголовного кодекса, Синявский и Даниэль попрежнему находятся в заключении по непонятным для нас причинам.

Ущерб, который наносит культурным связям между СССР и Францией арест писателей, чей талант мы ценим, писателей, делающих честь сов-

ременной русской литературе, заставляет нас просить Вас использовать огромный авторитет, которым Вы пользуетесь, для того, чтобы добиться от властей освобождения Синявского и Даниэля.

Подписи: Морис Бланшо, Андре Бретон, Жан Кассу, Жан Кароль, Ж.-М. Доменак, Маргерит Дюра, Пьер Эмманюэль, Андре Френо, Мишель Лерис, Аллен Роб-Грийе, Морис Надо.

/Письмо было передано Шолохову в Стокгольме во время вручения Нобелевской премии/.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЯТЕЛЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ

МЫ БЫЛИ ОЗАДАЧЕНЫ И ПОТряСЕНЫ УЗНАВ ОБ АРЕСТЕ ДВУХ КРУПНЫХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ ОБВИНЕННЫХ НАСКОЛЬКО ИЗВЕСТНО В ПУБЛИКОВАНИИ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ ЧТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПО СОВЕТСКИМ ЗАКОНАМ. МЫ ВЕРИМ ЧТО ВОПРОС СКОРО БУДЕТ РЕШЕН В СОГЛАСИИ С ЛИБЕРАЛИЗАЦИЕЙ СИМПТОМЫ КОТОРОЙ МЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ НАБЛЮДАЛИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ. МЫ УВЕРЕНЫ ЧТО СВОБОДА И ТЕРПИМОСТЬ ОБ'ЕДИНЯЮЩИЕ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ВСЕГО МИРА ПОБУДЯТ ВАС ВМЕШАТЬСЯ ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ВАШИМ КОЛЛЕГАМ СИНЯВСКОМУ И ДАНИЭЛЮ СВОБОДУ ТРУДИТЬСЯ И ОБЩАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ ДРУГИХ СТРАН.

ДЖОРЖО БАССАНИ, КАРЛО КАССОЛА, НИКОЛА ЧАРМОНТЕ, ДИЕГО ФАБРИ, ПАОЛО МИЛАНО, ЭУГЕНИО МОНТАЛЕ, АНДЖЕЛО МОНТЕВЕРДИ, ЭЛЬЗА МОРАНТЕ, АЛЬБЕРТО МОРАВИА, УМБЕРТО МОРРА, МАРИО ПАННУНЦИО, МАРИО ПРАЦ, ЛУИДЖИ САЛЬВАТОРЕЛЛИ, ИГНАЦИО СИЛОНЕ, ДЖАНКАРЛО ВИГОРЕЛЛИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ

Писателю Михаилу Шолохову,
лауреату Нобелевской премии

Распространившиеся в различных странах известия, подтвержденные впоследствии телеграммами из Москвы, сообщают об аресте 13 сентября 1965 года советского писателя Андрея Синявского и пред'явлении ему обвинения в "распространении антисоветской пропаганды", что заключается в издании им своих литературных и критических произведений за пределами своей страны.

Как интеллигенты, мы считаем совершенно ненормальным, что писатель обвиняется в публикации произведений, выражающих его точку

зрения, в любом месте земного шара, и, еще более, что к интеллектуальной деятельности - в частности, к литературной критике - прилагаются термины 70-й статьи советского уголовного кодекса, трактующей вопросы "распространения антисоветской пропаганды".

В западных странах нередко приходится при различных обстоятельствах быть свидетелями ненормальностей такого рода, и мы поднимаем свой голос, чтобы осудить подобный подход. Равным образом нас тревожит - и мы хотим передать Вам нашу тревогу, - что арест и предъявление обвинения Синявскому представляет собой настоящее покушение на свободу художника доводить до всех свои творения.

Мы не сомневаемся, что Михаил Шолохов, лауреат Нобелевской премии и знаменитый писатель, не покинет в трудный час своего коллегу, единственное преступление которого состоит в том, что он пытался завязать диалог и сделать известными всему миру свои произведения.

Эрнесто Сабато, Родольфо Мондольфо, Норберто Родригез Бустаманте, Карлос С. Файт, Эзекиель Вернарде Коренблит, Альберте Гирия, Хозе С. Кампобасси, Леон Дюйон, Морис Маргулис, Эмилио де Чеке, Хаим Гримберг, Америго Гиольди, Хозе Мануэль Карро, Херге Охоа де Гуилеер, Герацио Сангинетти, Марчеллино Т. Альберти, Эрнесто Бонассе, Маркос Каплан, Валентин Гутьеррес, Элизабет Аскона Кранвелл, Освальд Байер.

ТЕЛЕГРАММА МЕКСИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ
ДЕКАБРЬ 1965

МЕКСИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРОСЯТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ШОЛОХОВА ПРЕДЛОЖИТЬ СВОИ ДОБРЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ БЛАГОПРИЯТНОГО РЕШЕНИЯ ДЕЛА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ.

АЛЬФРЕДО КОРДОНА ПЕНА, ХУАН ВАНУЭЛОС, МАРИЯ ЛУИЗА МЕНДОЗА, ЧАНЕКА МАЛЬДОНАДО, ЭНРИКЕ ГОНЗАЛЕС КАЗАНОВА, АНТОНИО РОБЛЕС, МАРИЯ ЭЛЬВТРА БЕРМУДЕЗ, ФЕРНАНДО САНЧЕС МАЙАНС, ХОАКИН ДИЕЗ КАНЕДО, ГУТЬЕРРЕЗ ТИБОН, ЭРНЕСТО МЕХИЯ САНЧЕЗ, ЭДМУНДО ВАЛАДЕС, МИГУЭЛЬ ГУАРДИА, ХОСЕ ЭМИЛИО ПАЧЕКО, МАРИЯ ДОЛОРЕС АРАНА, МАРИЯ ХОСЕ ДЕ ШОИТЕА, САЛЬВАДОР РЕЙЕС НЕВАРЕС, БЕАТРИС РЕЙЕС НЕВАРЕС, ДОЛОРЕС КАСТРО, ХАВЬЕ ПЕНАЛОЗА, АРЧИБАЛЬДО ВУРНС, ХОРГЕ ЛОПЕЗ ПАЕЗ, АЛИ ЧУМАЧЕРО, ЕЛЕНА ПОНЯТОВСКАЯ, КАРЛОС СОЛОРЗАНО, ВИСЕНТЕ ЛЕНЕРО, ХОЗЕ РЕВУЭЛЬТАС, ФРАНСИСКО МОНТЕВЕРДЕ, ТОМАС МОХАРРО, РАМОН КСИРАУ, АМПАРО ДАВИЛА, ЛУИС ГУИЛЛЕРМО ПИАЦА, ГАБРИЭЛЬ КАРВЕАГА, ХОСЕ АНТОНИО НАВА ТАГЛЕ, АЛЬФОНСО ДИЕЗ.

ТЕЛЕГРАММА ЧИЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ

ДЕКАБРЬ 1965

ЧИЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ ПРОСЯТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ КОЛЛЕГИ МИХАИЛА ШОЛОХОВА ПЕРЕД СОВЕТСКИМИ ВЛАСТЯМИ С ТЕМ ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ НЕМЕДЛЕННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО ПРИЧИНАМ СЕРЬЕЗНО КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ПРЕСТИЖ И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

КАРЛОС МОРАНД, ЛУИС САНЧЕЗ ЛАТОРРЕ, МАРИО САНЧЕЗ, МАРТИН ЧЕДРА, БРАУЛИО АРЕНАС, МАРЧЕЛО СЕГАЛЛ, ХАИМЕ КАСТИЛЛО.

ОБРАЩЕНИЕ К МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ

Дорогой г-н Шолохов,

В то самое время, когда уважение и добрая воля в отношении к Советскому Союзу в нашей стране достигли громадных размеров, что вызвано, в частности, ростом свободы для писателей Вашей страны, писать так как они хотят, мы с болью читаем об аресте двух советских писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского. Эта новость была об'явлена Джанкарло Вигорелли, секретарем Европейского сообщества писателей.

Помимо сотрудничества в Институте мировой литературы им. Горького, Андрей Синявский завоевал признание в Советской России как критик редкого таланта и глубины. Мы с большим удовольствием вспоминаем его сотрудничество в "Новом мире" и высокую оценку, данную его работе редактором журнала Александром Твардовским в юбилейном номере.

Нам говорят, что Синявский обвинен в тайной пересылке рукописей на Запад и публикации их под псевдонимом Абрам Терц. Независимо от того, так ли это, произведения Терца обнаруживают большой талант автора и, как бы ни критичны они были в отношении какой-либо конкретной системы, дышат в высокой степени любовью к свободе и человечности. Это, Вы, как художник, должны с этим согласиться, не является преступлением по советским законам. Еще менее, даже если судить по самым высоким критериям, является это преступлением против морали.

Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой употребить весь Ваш несомненный авторитет и влияние на Советское правительство для того, чтобы им вернули свободу и предоставили возможность подарить миру такие же вдохновенные произведения, как предисловие Синявского к

"Стихотворениям и поэмам" Пастернака, опубликованным недавно в Москве.

С наилучшими пожеланиями,

остаемся искренне Вашими

List of names who have signed

APPEAL TO MIKHAIL SHOLOKHOV

1. Prof.M.G.Bhatc
PANJIM (Goa)
2. Mr.R.S.Mugali
SANGLI (Maharashtra)
3. Mr.Nirmal Mukherjee
CALCUTTA 19
4. Mr.Buddhadeva Bose
CALCUTTA 29
5. Mr.Sushil Mukhopadhyaya
HOWRAN (W.Bengal)
6. Mr.Padmadar Ghaliha
SIBSAGAR (Assam)
7. Mr.Dinakar Desai
BOMBAY 4
8. Miss Bani Ray
CALCUTTA 29
9. Mr.V.B.Kolte
AMRAOTI (Maharashtra)
10. Mr.Mathur Krishnamurti
BANGALORE
11. Mr.K.Raghavendra Rao
DHARWAR (Mysore)
12. Mr.P.Lal
CALCUTTA
13. Mr.Ajit Kumar Dutta
CALCUTTA
14. Dr.Naresh Guha
CALCUTTA 29
15. Mrs.Ragharani Devi
CALCUTTA 29
16. Mr.B.Mukerji
CHITTARANJAN (W.Bengal)
17. Mr.Mahim Bora
NOWCONG (Assam)
18. Mr.T.N.Veeraraghaven
NAGAPATTINAM (S.India)
19. Mr.Sonojoy Bhattacharya
CALCUTTA 31
20. Mr.Nagavulli R.S.Kurup
TRIVANDRUM (Kerala)
21. Mr.Radhka Raman PRASAD SINHA
PATNA (Bihar)
22. Mr.Sri Kumar Banerjee
CALCUTTA 29
23. Mr.Dilip Kumar Gharvarty
CALCUTTA 26
24. Mr.G.P.Bhattacharjee
CALCUTTA 45
25. Mr.K.A.Kodongallore
CALICUT (Kerala)
26. Mr.Sita Ram Jayasawal
LUCKNOW (U.P.)
27. Dr.Ram Kumar Varma
ALLAHABAD (U.P.)
28. Dr.M.Mansinha
BERHAMPUR (Orissa)
29. Mr.Bisva Bandyopadhyay
CALCUTTA 14
30. Mr.Mansukhlal Jhaveri
BOMBAY
31. Mr.Santosh Kumar Ghosh
CALCUTTA
32. Prof.A.S.Ayyub
CALCUTTA
33. Dr.P.C.Chakravarti
CALCUTTA 19
34. Mr.Narendra Dev
CALCUTTA 29
35. Mr.K.N.Sen
CALCUTTA 26
36. Dr.Mansshi Desgupta
CALCUTTA
37. Mr.Kainikkara Padmanabha
Pillai
TRIVANDRUM (Kerala)
38. Mr.Sukumar Banerjee
HURDWAN (W.Bengal)

39. Mr. Manabendra Vandyopadhyay
CALCUTTA (W. Bengal)
40. Mr. B. K. Bajpaie
DARJEELING (W. Bengal)
41. Mr. Ananda Bagchi
BANKURA (W. Bengal)
42. Mr. V. R. Triverdi
SURAT
43. Mr. Man Mohan Singh
AZAMGARH (U. P.)
44. Prof. V. M. Desai
AHMEDABAD
45. Mr. P. N. Pushp
SRINAGAR (J&K)
46. Mr. Sunil Banik
CALCUTTA
47. Mr. Puripanda Appalaswamy
VISHAKHAPATNAM (Andhra)
48. Mr. S. R. Tikekar
BOMBAY
49. Mrs. Sophia Wadia
BOMBAY
50. Mr. K. Krishna Menon
CALICUT
51. Mr. Gurdial Mallik
BOMBAY
52. Dr. Rameshwar Gupta
BANASTHALI VIDYAPITH
(Rajasthan)
53. Mr. Madhao Achwal
BARODA (Gujarat)
54. Mr. B. M. Agarwal
CALCUTTA
55. Mr. Sukumar Azhicode
MOOTHAKUMMAM (Kerala)
56. Mr. Utpal K. Basu
CALCUTTA 16
57. Mr. Sushil Bhadra
CALCUTTA
58. Mr. D. K. Bedekar
POONA (Maharashtra)
59. Mr. Pradip Bose
CALCUTTA
60. Mr. C. Bucke
RANGHI
61. Prof. Prem Chand
DELHI
62. Mr. M. P. Dave
SURAT (Gijarat)
63. Mr. K. Ayyappa Panikar
TRIVANDRUM (Kerala)
64. Mr. Rajeshwar Guru
BARELI (Bhopal)
65. Mr. W. Jayaraman
MADRAS
66. Dr. N. Das
CALCUTTA
67. Dr. S. S. Barlingay
DELHI
68. Mr. K. N. Gopala Pillai
KOTTIYAM (Kerala)
69. Mr. Kamakhaya Banerjee
PNNJIM (W. Bengal)
70. Mr. Kalipada Mukherjee
BANKUTA (W. Bengal)
71. Mr. Rakhal Das Banerjee
BUDWAN (W. Bengal)
72. Mr. Suraj Narain Thakur
BHAGULPUR (Bihar)
73. Mrs. Shakuntla Masani
NEW DELHI
74. Mr. P. Sri Acharya
MADRAS
75. Mr. V. A. Adya
BOMBAY 6
76. Mr. J. B. Appasamy
MADRAS
77. Mr. Jagdish Banerjee
CALCUTTA
78. Mr. D. R. Bendre
DHARWAR (Mysore)
79. Mr. N. Rama Bhadrans
TIRUVABUR (Madras)
80. Mr. U. M. Bhendre
BOMBAY
81. Mr. Guladbas Broker
BOMBAY
82. Mr. R. M. Challa
RAJAHMUNDRY (Andhra)
83. Mr. N. G. Damle
POONA (Mah.)
84. Mr. N. S. Despak
NEW DELHI

85. Mr.A.R.Deshpande
DHANTOLI (Nagpur)
86. Mr.Nissim Ezekiel
BOMBAY
87. Mr.Bimal Ghosh
CALCUTTA
88. Prof.N.S.Gorekar
KALYAN (Bombay)
89. Mr.G.B.Gramopadhye
BOMBAY
90. Mr.K.C.Gupta
CALCUTTA
91. Dr.Jafer Hasan
HYDERABAD (Andhra)
92. Mr.K.V.Jagannathan
MADRAS
93. Mr.M.R.Jambunathan
BOMBAY
94. Mr.M.S.Kalyansundaram
KODAIKANAL (S.India)
95. Mr.Anant Kanekar
BOMBAY
96. Mr.Vishnu Sakharam Khandakar
KOLAHPUR (Mah.7)
97. Mr.Vinda Karandikar
BOMBAY
98. Mr. Krishna
KORADABAD
99. Mr.T.N.Kuraswamy
MADRAS
100. Mr.J.M.Majumdar
CALCUTTA
101. Mr.D.N.Mookerjea
CALCUTTA
102. Mr.Shiv Chandra Nagar
AMRAOTI (Mah.)
103. Mr.M.Krishnan Nair
TRIVANDRUM (Kerala)
104. Dr.H.G.Narahari
POONA (Mah.)
105. Mr.A.N.Narasimhia
CAHMARAJAPURAM (Mysore)
106. Mr.Indar Nath
CHANDIGARH (Punjab)
107. Mr.Waman Racji Dhavala
BOMBAY
108. Mr.Gangadhar Gadgil
BOMBAY
109. Mr.Sumantha Nath Ghosh
CALCUTTA
100. Mr.M.Govindan
MADRAS
111. Mr. Jadish Gupta
112. Mr.D.Gurumitri
BANGALORE
113. Mr.E.M.Hough
114. Mr.N.G.Jain
NEW DELHI
115. Mr.K.Narain Kale
POONE
116. Mr.C.M.Kamdar
SAURASHTRA
117. Dr.K.S.Karanth
PUTTUR (S.Kanara)
118. Mr.K.Ghanrasekharan
MADRAS
119. Mr.Sunil M.Kothari
BOMBAY
120. Mr.S.Krishnamoorthy
TRIVANDRUM (Kerala)
121. Mr.Mathew M.Kuzhivelil
TRIVANDRUM (Kerala)
122. Mr.Prataprai Mohanlal Modi
RAOPURA (Baroda)
123. Mr.A.K.Mukerji
DELHI
124. Dr.K.Bhaskaran Nair
TRIVANDRUM (Kerala)
125. Mr.S.Gupta Nair
PALGAT (Kerala)
126. Mr.Braj Kishore "Narain"
PATNA (Bihar)
127. Mr.Satyendra Narayan
BHAGALPUR (Bihar)
128. Mr.Shiva Nath
SANTINIKETAN (W.Bengal)
129. Mr.Govindsing Anatsingh
Pardeshi
POONA
130. Mr.Baikunthanath Patnaik
CUTTACK (Orissa)

131. Mr.G.Kumara Pillai
TRIVANDRUM (Kerala)	151. Mr.J.Parthasarathi
AGRA (U.P.)
132. Mr.Vsant Puranik
MADRAS	152. Mr.D.C.Pattabiram
TIRUCHIRAPALLI
133. Mr.S.K.Raman
MADRAS	153. Mr.K.M.Kumara Pillai
TRIVANDRUM
134. Mr.A.Ranganathan
MADRAS	154. Mr.K.Ranga Raghavan
MADRAS
135. Mr.A.Naga Copala Rao
ELURU (Andhra)	155. Mr.K.J.Ramaswami
MADRAS
136. Mr.N.Vencattaratnam
RAYAHMUNDRY (S.India)	156. Mr.T.J.Ranganathan
MADRAS
137. Mr.Annada Sankar Ray
SANTINIKETAN (W.Bengal)	157. Mr.C.K.Nagaraja Rao
BANGALORE
138. Dr.P.G.Sahasrabudhe
POONA	158. Mr.Nalin Rawal
AHMEDABAD (Cujarat)
139. Mr.S.R.Margabandhu Sarma
SUMAITHANGI (N.Aroot)	159. Mr.Sadanand S.Rege
BOMBAY
140. Mr.Mohan Singh
JULLUNDUR (Panjab)	160. Mr.Francis Sales
KALAMASSERA (Kerala)
141. Prof.R.Subbarao
OSMANIA (Andhra)	161. Mr.Arsi Prasaf Singh
DARBHANGA (Bihar)
142. Mr.K.Surendran
TRIVANDRUM (Kerala)	162. Mr.Mari Mohan Lal Srivastava
DATIA (M.P.)
143. Mr.P.Thandavarayan
TIRUVANNAMALAI (Madras)	163. Mr.N.C.Subramanyam
MADRAS
144. Mr.Raman Vakil
BOMBAY	164. Mr.Attili Suryanarayanamurty
GODWARJ (Andhra)
145. Mr.M.T.Vasudevan Nair
CALICUT	165. Mr.V.V.Tilak
TIRUVANNAMALAI (Madras)
146. Mr.Kazi Abdul Wadud
CALCUTTA	166. Mr.M.Varadarajan
MADRAS
147. Mr.G.Sankara Kurup	167. Mr.M.Vencatta Ramaih
KURNOOL (Andhra)
148. Mr.Jagdish Gupta	168. Mr.Sundaram
PONDICHERRY (S.India)
149. Mr.Ananda Mukherjee
DURGAPUR (W.Bengal)	169. Mr.K.K.Sinha
CALCUTTA
150. Mr.Kumar Ranjan Ray
RANIGANJ (W.Bengal)	170. Mr.N.Phookan
JORHAT (Assam)

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ МАРКА БОНХЭМА КАРТЕРА
СТОКГОЛЬМ, "ГРАНД-ОТЕЛЬ", 9 ДЕКАБРЯ

Марк Бонхэм Картер, представитель лондонского издательства "Коллинз пাবলিশерс", в своем выступлении, состоявшемся в стокгольмском "Гранд-отеле" 9 декабря в 2 часа 15 минут, заявил:

Я прибыл в Стокгольм во вторник 7 декабря для разговора с г-ном Шолоховым об Абраме Терце, чьи книги выпускались в свет в Англии издательством "Коллинз" и чье настоящее имя, как мы недавно узнали, Андрей Синявский. Нам также сообщили, что с сентября он и его коллега Юлий Даниэль находятся в заключении. Утверждают, что короткие рассказы, опубликованные на Западе под именем Николая Аржака, были написаны Даниэлем.

Приехав сюда, я послал г-ну Шолохову письмо, в котором просил его назначить мне встречу в любое время и в любом месте, которые ему будут удобны. Я также не менее четырех раз звонил ему по телефону. Я не получил ответа ни на свое письмо, ни на свои телефонные звонки. Отсюда я заключаю, что г-н Шолохов не желает обсуждать этого вопроса, имеющего большое человеческое и культурное значение.

Естественно, что, как издатель Абрама Терца, я чувствую себя глубоко заинтересованным в нем и в его судьбе. Более того, мою заинтересованность разделяют другие издатели, выпускавшие его книги, встретившие повсеместное признание, как произведения литературы самого высокого класса, и вызвавшие восхищение писателей и остальной интеллигенции в Англии, Италии, Франции, Соединенных Штатах, Мексике, Японии, Австралии, Индии и, конечно, Скандинавии. Я упомянул лишь немногие из стран, писатели которых сочли своим долгом высказать беспокойство по поводу ареста этих двух советских писателей.

Я получил здесь, в Стокгольме, во вторник телеграмму от широко известных американских писателей, в которой сообщалось о письме по делу Синявского и Даниэля, направленном ими премьеру Косыгину. Подписи включают имена Эдварда Олби, Ханнена Арендта, В.Х.Одена, Сола Беллоу, Майкла Харрингтона, Лилиан Хеллман, Джона Херси, Роберта Лоуэлла, Дуайта Макдональда, Нормана Мейлера, Льюиса Мамфорда, Рейнхольда Нибура, Филиппа Рава, Мейера Шапиро, Уильяма Стайрона, Лайонелла Триллинга, Роберта Пенна Уоррена.

Я также получил копию телеграммы, которую отправила группа итальян-

янских писателей г-ну Шолохову. Телеграмма подписана Жордже Бассани, Карло Кассола, Никола Чаромонте, Диего Фаббри, Паоло Милано, Эугенио Монтале, Анжело Монтеверди - президентом Академии наук, Эльзой Морантите, Альберто Моравиа, Умберто Морра, Марио Паинунцио, Марио Прац, Луиджи Сальваторелли, Игнацио Силоне и Джанкарло Вигорелли - генеральным секретарем Европейского сообщества писателей.

Я не буду продолжать чтение списков имен. Наверное, вы знаете о протестах скандинавских писателей, французского нобелевского лауреата Франсуа Мориака, о письме Мэри Маккарти, о письме Артура Миллера, о письмах индийских деятелей культуры, японских, австралийских и мексиканских писателей. Вы также знаете о телеграмме, отправленной Дэвидом Картером, секретарем международного ПЕН-клуба, и о письме английских писателей в лондонский "Таймс", опубликованном 24 ноября. С копиями этих писем вы сможете ознакомиться в конце этой пресс-конференции.

Мы впервые услышали об аресте этих двух писателей из слухов и отчетов корреспондентов из Москвы. Наше беспокойство за Синявского и Даниэля было усилено секретностью, окутывавшей их судьбу и молчанием советских властей. Может быть, в результате заявленных протестов вчера в Москве было сделано первое официальное заявление по этому делу. В нем подтверждается, что Синявский и Даниэль находятся под арестом и сообщается, что их дело еще расследуется. Следовательно, еще не поздно прекратить расследование, которое тянется с сентября и может, в лучшем или худшем случае, доказать, что Синявский и Даниэль действительно послали рукописи, которые печатались под псевдонимами. Насколько я знаю, ни посылка рукописей из СССР за границу, ни издание их под псевдонимом не является преступлением.

Следовательно, если против Синявского и Даниэля будет возбуждено дело, то должна быть применена ст. 70 советского уголовного кодекса "о распространении антисоветской пропаганды", по которой максимальным наказанием является семилетнее заключение с последующими пятью годами ссылки.

По|этому поводу я считаю своим долгом твердо и с полной искренностью заявить от имени издательства "Коллинз", что мы печатали произведения Абрама Терца только за их выдающиеся литературные качества и ни по какой другой причине. За время пребывания в Стокгольме я перечел их и был более, чем когда-либо, потрясен редкой и очень современной виртуозностью, вдохновенным и фантастическим воображением, которым они отмечены. Конечно, это сатира, но мы, очевидно, достигли

в настоящее время той ступени, когда нет необходимости все сатирическое считать обязательно антисоветским.

Обвинять Терца в распространении "антисоветской пропаганды" так же бессмысленно, как считать Достоевского антирусским. Завтра г-н Шолохов получит Нобелевскую премию, награду, которая приносит ее обладателю престиж и авторитет, не имеющие себе равных и для которых не существует языковых, идеологических или национальных барьеров. Он получит возможность говорить здесь, в Стокгольме, с миром от имени писателей всего мира. Но не слишком ли много иронии в том, что это событие, которое должно быть предметом гордости для него и его соотечественников, будет омрачено преследованием, которому подвергаются в его собственной стране два человека, следующие тому же, что и он, призванию. И не заставит ли Нобелевская премия Шолохову нас всех вспомнить грустную историю премии, присужденной Борису Пастернаку.

Г-н Шолохов не считает возможным обсуждать этот вопрос со мной. Но завтра, когда он будет говорить с цивилизованным миром от имени литературы, он не сможет обойти молчанием судьбу двух писателей. Он сможет снова показать ту щедрость духа, тот дух сострадания, который наполняет его великий роман "Тихий Дон". Он сможет облегчить нашу тревогу за Синявского и Даниэля, показав, что он разделяет ее. Он сможет дать нам понять, что он готов использовать то влияние, которым он, несомненно, располагает, как писатель и нобелевский лауреат, для того, чтобы помочь двум коллегам, двум согражданам, которые, как и он, убеждают своими произведениями, что великая традиция русской литературы жива сегодня и будет жить в будущем.

Отчет представителя издательства "Коллинз"
М.Б.Картера подводит итог этим попыткам.

ОТЧЕТ МАРКА БОНХЭМА КАРТЕРА О ПОЕЗДКЕ В СТОКГОЛЬМ

1. Я прибыл в Стокгольм во вторник 7 декабря для того, чтобы попытаться увидеть г-на Шолохова и сообщить ему о тревоге, охватившей писателей и интеллигенцию всего мира, когда они получили сообщение, что Андрей Синявский и Юлий Даниэль были арестованы в сентябре 1965 года и продолжают находиться под арестом. Если бы оказалось правдой, что Синявский написал книги, которые были опубликованы за границей под псевдонимом "Абрам Терц", и Юлий Даниэль - новеллы, опубликован-

ные под псевдонимом "Николай Аржак", это не уменьшило бы нашего восхищения этими писателями, как художниками.

2. Я собирался просить г-на Шолохова употребить его влияние, как лауреата Нобелевской премии, чтобы передать это советским официальным лицам и обратить их внимание на глубину и повсеместность тревоги, вызванной арестом этих двух писателей.

3. По прибытии в "Гранд-отель" /Стокгольм/ я узнал, что г-н Шолохов также остановился здесь. Я послал г-ну Шолохову письмо, в котором просил его назначить мне встречу в любое время и в любом месте, которые ему будут удобны; в письме я указал цель моего визита. Я об'яснил, что в этом деле я выступаю как британский издатель Абрама Терца и что, кроме того, меня просил встретиться с ним целый ряд выдающихся писателей и представителей интеллигенции.

4. Я не получил ответа на мое письмо и поэтому четыре раза звонил ему по телефону, но каждый раз из гостиничного коммутатора мне сообщали, что абонент не отвечает. После этого с тем же успехом я пытался застать его в номере.

5. Так как все мои попытки связаться с г-ном Шолоховым были напрасны, я организовал пресс-конференцию, состоявшуюся в четверг 9 декабря в 14 часов 15 минут в "Гранд-отеле", на которой присутствовало более 40 представителей шведской и международной прессы, а также представители шведского и британского телевидения. На пресс-конференции были выставлены книги Синявского-Терца и Даниэля-Аржака, а также подшивки с протестами писателей, представителей интеллигенции, издателей, ПЕН-клуба, Европейского сообщества писателей и т.д. К отчету я прилагаю копию заявления, сделанного мною на пресс-конференции, после которого я в течение 45 минут отвечал на вопросы собравшихся журналистов.

6. Частично пресс-конференция транслировалась по скандинавскому телевидению вечером того же дня, шведское радио передало интервью со мной, и материалы о ней были широко представлены в скандинавской и международной прессе на следующий день, когда состоялась официальная церемония вручения Шолохову Нобелевской премии по литературе. Впоследствии дело Синявского-Даниэля было широко освещено в прессе всего мира.

7. Я уверен, что поездка в Стокгольм произвела некоторое впечатление, и не исключено, что она явилась одной из причин появления первого официального заявления русских властей о деле в коммюнике ТАСС от 8 декабря 1965 года. Она также способствовала привлечению

внимания общественности во всем мире к этому печальному событию драматической иронией сопоставления "ареста писателей" с "наградой писателю". Демонстрация того, что общественное мнение интеллигенции не забудет интеллигентов - жертв преследования, может поддержать наиболее либеральные элементы в Советском Союзе в их борьбе против реакционеров.

8. С тех пор появились сообщения, что состоялись выступления протеста и в России, особенно со стороны студенческих групп, что привело к дальнейшим арестам. Существуют также указания на возросшее давление со стороны твердолобых реакционеров на более либеральные элементы, например, нападки на ежемесячники "Новый мир" и "Юность".

9. В январе 1966 года московское радио в передаче для Великобритании и Ирландии впервые прокомментировало дело Синявского-Даниэля. Хотя это были старого образца, чтобы не сказать сталинского стиля, комментарии, передача выдала чувствительность "советов" к "цивилизованной критике". Комментатор Борис Белицкий /который всемирно прославился тем, что приписал "Великое ограбление поезда" английской разведывательной службе/ с сожалением констатировал, что так много "выдающихся людей с безупречной репутацией" выступили в защиту Синявского и Аржака. Передача предвещает суд и наказание. Эта передача делает очевидным, что необходимо возобновить попытки оказать давление на советские власти в защиту этих двух писателей.

10. Изложение позднейшего развития событий и обстоятельств дела Синявского-Даниэля прилагается отдельно.

Советская пресса не опровергала этих сообщений и не давала своей версии причины ареста двух писателей.

Из зарубежной же печати стало известно, что на пресс-конференции в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии М.Шолохов уже осудил Синявского и Даниэля.

ДЕЛО СИНЯВСКОГО-ТЕРЦА

Возникновение и развитие

Самым последним событием в деле Синявского является выступление официального комментатора московского радио Бориса Белицкого в пе-

редаче 3 января для английских слушателей. Вкратце выступление Белицкого сводилось к следующему.

"Некоторые издатели и критики на Западе в течение нескольких лет рекламируют Терца и Аржака, откровенным намерением которых является глумление над советской системой и опорачивание всего, что сделали советские люди". Для "дополнительного эффекта" они были представлены как выходцы из "советского литературного подполья". "Оклеветать человека - преступление во всех цивилизованных странах; еще большим преступлением является клевета на двести миллионов". Ни один из двоих не считается писателем у себя на родине и "осведомленные критики и филологи" сошлись в том, что бизнесмены ухватились за них, как за возможность удовлетворить запросы "определенных кругов" за границей. "Не желая предугадывать приговор", Белицкий уверен, что "их заставят ответить перед своей страной". Он высказал также уверенность, что их "наказание найдет поддержку со стороны советского народа".

Тон выступления напоминает кампанию 1961 года против Ивинской. Там были подобные же необоснованные обвинения в преступлении, опорачивание таланта и личности. Подлинным поводом для мер против Ивинской была, разумеется, ее связь с Пастернаком. Сегодня Пастернак снова перед судом: Синявский был его другом, он непрерывно настаивал на публикации его последних стихов и, когда это было наконец достигнуто, написал замечательный анализ его творчества в предисловии /Б.Пастернак - Стихи и поэмы, Москва 1965./

Тон также напоминает 1963 год, когда после "оттепели" ранних "пятидесятых" и "мороза" 1956 года, новая оттепель, кульминацией которой явилась публикация "Одного дня Ивана Денисовича" Солженицына, была вскорости прервана яростной кампанией против прогрессивных тенденций - сначала в живописи, затем в литературе, затем во всех других видах искусства. Через шесть месяцев она выдохлась, частично благодаря реакции Запада.

Кампания была затеяна реакционерами из среды деятелей искусства, которые с радостью приветствовали бы любое усиление власти КГБ: летом 1964 года процесс Брука был использован для того, чтобы запятнать либеральную интеллигенцию. В новой атмосфере, наступившей после смерти Сталина, любая серьезная попытка вернуться к сталинским методам должна сначала завоевать поддержку значительной части общественности, как у себя в стране, так и за рубежом; только объединенные усилия раздраженного КГБ и раздраженных консерваторов от культуры могли бы надеяться на достижение этого. Новая попытка запугать

интеллигенцию сразу же после процесса Брука провалилась еще до того, как она началась, очевидно, благодаря реакции интеллигенции, поддержанной ее сторонниками за рубежом. Это было в августе.

В сентябре московские литературные круги узнали об аресте Андрея Синявского и Юлия Даниэля, обвиненных в том, что они являются "Терцем" и "Аржаком". На Западе эта новость была об'явлена г-ном Виго-релли, секретарем Европейского сообщества писателей, на собрании сообщества в октябре в Риме. Это вызвало поток обращений представителей интеллигенции всего мира, которые адресовали письма в Союз советских писателей, Шолохову и различным членам советского правительства. В ноябре, когда редактором парижского польского журнала "Культура" Ежи Гедройцем было установлено это тождество Терца и Аржака с Синявским и Даниэлем, секретарь международного ПЕН-клуба послал телеграмму Алексею Суркову, главе комиссии по внешним связям Союза советских писателей. Носвенный ответ на телеграмму был дан на пресс-конференции в Париже, устроенной Сурковым и Александром Твардовским /редактором литературного ежемесячника "Новый мир"/. Сурков заявил, что, получив телеграмму, он сделал соответствующий запрос и получил ответ от государственного обвинения, что Синявский и Даниэль действительно находятся под арестом за незаконную пересылку за границу своих произведений и что по делу ведется следствие. Сурков призывал аудиторию верить в послесталинскую "социалистическую законность". Накануне получения Шолоховым Нобелевской премии в Стокгольме новость об аресте была подтверждена ТАСС. Английский издатель Терца Марк Бонхэм Картер безуспешно пытался связаться с Шолоховым /см. прилагаемый отчет/.

Тем временем в Советском Союзе имел место целый ряд значительных событий:

- Не далее, как в апреле прошлого года небольшой группой молодых людей, называющей себя СМОГ /Самое Молодое Общество Гениев/ была, по-видимому, организована неудачная демонстрация в защиту свободы слова. Общество распространяло свой журнал преимущественно среди студентов. Один экземпляр его, содержащий манифест, стихи и рассказы попал на Запад.

- 5 декабря в Москве состоялась демонстрация в защиту Синявского, очевидно, организованная СМОГ. В результате трое из ее организаторов - поэты - были арестованы и заключены в сумасшедший дом. Самая молодая из них, Вишневская /16 лет/, была арестована в школе, двое других - Губанов /19 лет; одно из его стихотворений было напечатано

в журнале "Юность", с фотографией автора, летом 1964 года/ и Буковский /24 года/, подвергавшийся нападкам за "тунеядство" и "распространение стихов из-за рубежа" еще в 1963 году. Из скудных источников известно, что члены СМОГ - студенты-филологи и принадлежат к влиятельным московским семьям, что, возможно, до некоторой степени и защищает их от репрессий.

- Еще одна организация молодежи, состоявшая из 250 студентов, была "раскрыта" в Ленинграде. Они тоже издавали свой журнал "Колокол", названный в честь герценовского либерального журнала 19-го века. Несколько руководителей было арестовано, их судили и приговорили к заключению на сроки от 2¹ до 7 лет.

Отправка независимо мыслящих интеллигентов в сумасшедший дом - не новость в наше время: это случилось с писателями Нарической, Овечкиным, Есениным-Вольпиным /который был допрошен в связи с недавней демонстрацией, организованной СМОГ/, Валерием Тарсисом, в книге которого "Палата № 7" приводятся ряд других примеров. Приговоры интеллигенции обычно основывались на обвинении в "тунеядстве" /например, поэт Бродский, ныне освобожденный после года пребывания в ссылке/ или издании подпольных журналов /Гинзбург, редактор "Синтаксиса", был осужден на два года в 1960 году/.

Выступление Белицкого не только предполагает, что Синявский и Даниэль должны быть скоро "наказаны", но и показывает определенную чувствительность к широким протестам за рубежом в защиту этих двух людей, и порицает тот факт, что так много "известных людей с безупречной репутацией полагают необходимым выступить в защиту Синявского и Даниэля".

Возможно, еще не слишком поздно заставить советские власти понять, что общественное мнение цивилизованного мира никогда не примирится с практикой преследования писателей за попытку воспользоваться правом издания своих работ.

Длительное угрожающее молчание официальных органов привело к тому, что за несколько дней до Дня советской конституции в Московском университете и нескольких гуманитарных институтах было распространено "Гражданское обращение".

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Несколько месяцев тому назад органами КГБ были арестованы два гражданина: писатели А.СИНЯВСКИЙ и Ю.ДАНИЭЛЬ. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония, и что нарушение закона о гласности /ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР/ уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственное преступление.

В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия во время не остановленного произвола.

У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это - "митинги гласности", во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг: "Тре-бу-ем глас-но-сти су-да над..." /следуют фамилии обвиняемых/, или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно являются при этом вредными, а возможно и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга.

Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись - следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Ты приглашаешься на митинг гласности, состоящийся 5 декабря с.г. в 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина у памятника поэту.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.

В демонстрации 5 декабря приняли участие около двухсот человек. Попытки следовать "Гражданскому обращению" тут же пресекались дружинниками и милицией.

Около 20 участников демонстрации были доставлены в штаб народной дружины, находящийся в здании Моссовета. После короткого допроса все они были отпущены.

В дальнейшем их "поведение" обсуждалось на комсомольских собраниях по месту учебы. Несколько человек исключено из комсомола, кто-то - даже из института.

Эти действия администрации не могли не вызвать протеста в студенческой среде. В частности, на гуманитарных факультетах университета распространялась такая листовка:

ПРИЗЫВ ГРУППЫ "СОПРОТИВЛЕНИЯ"

5 декабря 1965 года в Москве на площади Пушкина состоялась демонстрация в поддержку требования гласности по делу писателей А.Синявского и Ю.Даниэля.

В нарушение самых элементарных демократических норм, власти насильственно разогнали демонстрацию.

Под давлением властей, администрация гуманитарных факультетов МГУ провела гнусную кампанию расправы над студентами, оказавшимися в момент демонстрации на площади Пушкина.

Расправляясь с молодежью руками услужливого партийно-административного чиновничества, власть пытается замаскировать проводимые ею репрессивные мероприятия. Но свирепость псов только подчеркивает склонности дрессировщиков.

Отвечая на вопрос об аресте А.Синявского и Ю.Даниэля на пресс-конференции по случаю присуждения Нобелевской премии, М.Шолохов сказал: "Нужно писать честно и честно смотреть в глаза своей власти, а не завоевывать популярность, печатаясь на Западе..." В чьи глаза рекомендует честно смотреть заигрывающий с властью М.Шолохов? В глаза распоясавшихся политических держиморд? В глаза раболепствующих

партийно-административных карьеристов или в глаза официозных демагогов и шарлатанов? И вообще странно, что М.Шолохов так долго не может разглядеть на физиономии "своей" политической власти пару поблескивающих жандармских медяшек вместо глаз. И, на наш взгляд, удивительно, что Нобелевская премия за 1965 год была присуждена человеку, мыслящему в объеме моралиста из официозной агитбригады, и, к тому же, умеющему "честно" смотреть сквозь розовые очки в бесчеловечные глаза узурпаторов.

В связи с разгоном демонстрации и последовавшей за этим расправой над студенческой молодежью - возникает вопрос: кто несет ответственность за все допущенные нарушения конституционных свобод? Очевидно - никто! Очевидно, власти не считают нужным реально обеспечивать провозглашенные Конституцией свободы, а наоборот, склонны поддерживать акты надругательства над демократией и поощрять проявления прямого и косвенного насилия над личностью.

Здесь уместно напомнить слова Пальмиро Тольятти из его "Памятной записки": "Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, - это относится и к Советскому Союзу и к другим социалистическим странам - является, однако, проблема преодоления режима ограничений и подавления демократии и личных свобод, который был введен Сталиным".

Мы призываем вас к бдительности и сопротивлению. Мы призываем вас честно смотреть в глаза своей совести и не душить ее естественные проявления в петле всегда ошибочного расчета. Мы призываем вас заглянуть в глубины собственного Я, и если вы увидите жалкого мошенника, уже потерявшего собственную голову, но трясущегося за каждый волосок на потерянной голове, то мы призываем вас не обманывать самих себя.

"Сопротивление"

О том, как велось следствие по этому делу, можно судить по письмам жен обвиняемых, направленным ими в официальные инстанции и в газеты.

Ответа на эти письма не последовало.

ПИСЬМО ЖЕНЫ А.СИНЯВСКОГО Л.БРЕЖНЕВУ,
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ

Первому секретарю ЦК КПСС
Генеральному прокурору СССР
Председателю Комитета
Государственной Безопасности
В редакцию газеты "Правда"
В редакцию газеты "Известия"
В редакцию "Литературной газеты"

8 сентября этого, 1965 года органами КГБ был арестован мой муж Андрей Донатович Синявский.

В предъявленном мне ордере на обыск было сказано, что А.Д.Синявский "подозревается в изготовлении, хранении и распространении анти-советской литературы".

Из вопросов, которые мне задавали на многочисленных допросах и "беседах" разнообразные следователи, из выступления тов. Куницына на открытом партийном собрании в Институте истории искусства Министерства культуры СССР мне стало известно, что моего мужа обвиняют в том, что он печатался за границей под псевдонимом "АБРАМ ТЕРЦ".

На одном из допросов мне показывали подписанное Синявским признание этого факта.

В первую минуту я, как каждый человек, переживший 1937 год, врачей-убийц 1953 года и прочие необоснованные репрессии сталинского времени, от страха, горя и потрясения забыла про все наши черным по белому написанные законы, начиная от Основного Закона - Конституции, кончая прикладным его выражением - Уголовным Кодексом.

Когда прошло естественное в данной ситуации шоковое состояние и я смогла трезво разобраться в происходящем, то мне стало абсолютно ясно, что я столкнулась с вопиющим беззаконием. Некоторое время я ждала, что КГБ и Прокуратура исправят сделанное зло, но следствие

идет уже четвертый месяц, конца ему не видно, а т.к. не надо было повода ни для ареста, ни для такого следствия, мне остается обратиться с этим письмом к вам. Очень может быть, что результатом этого письма будет мой арест /мне постоянно этим угрожают, и в свете совершающегося беззакония я могу ожидать чего угодно/, но даже естественный страх перед подобными репрессиями не может меня остановить, ибо попираются все юридические нормы, попирается элементарное человеческое достоинство.

1) Я ознакомилась со всеми произведениями, опубликованными под именем Абрама Терца, и, независимо от того, писал их Синявский или кто-либо еще, утверждаю и буду утверждать впредь повсюду, что в них нет ничего антисоветского, что это беллетристика и только беллетристика, которая не содержит никаких политических выпадов, никакой антисоветской агитации и пропаганды.

2) Проза Терца, его композиционная манера, стилистика, словесные обороты, некоторые философские идеи /кстати сказать, ничего общего не имеющие с политикой/ могут нравиться или не нравиться, но несходство литературных вкусов и оценок - не повод для ареста писателя.

Во всяком случае, так я привыкла думать после XX-го съезда.

Я поняла бы самую неприязненную и непримиримую критику, ибо словом и только словом можно спорить с литературой, со словом, но против ареста любого писателя за его творчество я категорически протестую, так как это противоречит положению нашей Конституции о свободе слова, свободе печати.

Тем более, что Синявский - не первый советский писатель, напечатанный за границей. Всем известны прецеденты - Горький, Станиславский, Пастернак, Евтушенко и т.д. - почему все вышеуказанные авторы находились под защитой нашей Конституции, а Синявский - нет? И не позорит ли наше государство подобное незаконное мероприятие?

Я понимаю, что ошибки признавать трудно, но лучше все же признать их сейчас и исправить, пока не осрамились мы с делом Синявского на весь мир, как уже было с "Доктором Живаго" и с делом Бродского.

Сколько же можно совершать нелепости?

Могут возразить: Вы, скажут, так горячо защищаете Синявского из сугубо личных побуждений, муж он вам, как-никак, мы понимаем, тоже ведь люди...

Предугадывая подобные сентенции, прилагаю к этому письму один из типичных рассказов Терца - "Квартиранты". Те из вас, кто проживает

в коммунальных квартирах, поймут, про что этот рассказ, клеветнический ли он, антисоветский ли. /Я же, например, в подобных условиях живу уже 35 лет, а Синявский - 40/. Можно ли автора этого рассказа арестовать за "изготовление, хранение и распространение антисоветской литературы"? По-моему, нет. Прочие произведения Терца имеют так же мало отношения к антисоветчине, как и этот.

Могут возразить: сами по себе, скажут, произведения Терца, может быть, и не очень крамольны, так, мистическая муть какая-то, но /с пафосом!/ их издают всякие антисоветские издательства и это очень вредно для нашей Родины. Но широко известно, что роман Кочетова "Секретарь обкома" был издан самым антисоветским издательством и прокомментирован как произведение, разоблачающее и порочащее советский строй. Известно также, что страница "Литературной газеты", посвященная травле Пастернака, была целиком перепечатана во многих реакционных зарубежных газетах. Если автор ответственен за то, кем и как используются его произведения, то арестованы должны быть и Кочетов, и "Литературная газета", и авторы материалов, напечатанных на пастернаковской странице. Но их никто не привлекает к ответственности.

Законен ли в таком случае арест Синявского? Нет, нет и нет!

3) Многие действия, сопровождающие незаконный арест А.Д.Синявского, имеют такой же незаконный характер:

а) В ордере на обыск предписывалось из'ять антисоветскую литературу - из'яли Цветаеву, Мандельштама, Пастернака, Ахматову, Гумилева, Ремизова, Хомякова и прочих авторов, которые никогда антисоветскими писателями не были, причем и книги, и рукописные материалы /за немногими исключениями/ были из'яты без описи; мне даже не дали толком ознакомиться со всем имуществом, которое вынесли из моего дома.

б) Методы ведения следствия зачастую ничего общего не имеют с гарантированными нашими законами нормами: меня систематически запугивают, регулярно намекают, что я на свободе человек временный, что меня готовятся арестовать, а на последнем допросе следователь мне прямо сказал, что он меня вышлет из Москвы. Подслушивают все мои разговоры, вскрывают все мои письма /содержание разговоров и писем текстуально излагается и мне, и другим свидетелям на допросах/, следят за каждым моим шагом. Многих моих знакомых вызывают и при этом об'ясняют им, что общение со мной грозит им, как самое малое, неприятностями по службе и т.д.

в) Если такое давление оказывают на меня и других свидетелей,

находящихся на свободе, то можно себе представить, как воздействуют на Синявского в тюрьме. Все чаще и чаще я имею поводы подозревать, что к Синявскому применяют меры насилия. По этому пункту письма я хотела бы беседовать с секретарем ЦК или с Генеральным прокурором лично. Я не знаю, что именно делают с моим мужем, но я знакома с Синявским уже десять лет, и все, что передает мне следователь от него и про него сейчас, настолько не похоже на Синявского, что я абсолютно убеждена в его очень тяжелом состоянии. На все просьбы о свидании /даже по окончании следствия/ мне отвечают неизменным отказом, и это тем более убеждает меня в справедливости моих самых страшных опасений...

ИТОГО:

Да, я прочла книги Абрама Терца;

Да, я считаю их прекрасной прозой, в которой нет ничего антисоветского;

Да, я готова подписаться под любой строчкой
Абрама Терца /кто бы ни был этот автор/

и - если это преступление - сажайте меня вместе с Синявским, ибо мне не нужна свобода без Синявского, без возможности прямо и честно говорить то, что я думаю.

Я всего-навсего слабая женщина. У меня нет ни дач, ни машин, ни квартир, ни мебели, ни разных там ваших ковров-самолетов. Я никогда не занимала роскошных служебных постов.

Сейчас у меня нет даже работы...

Все мое состояние:

моя жизнь + годовалый сын + любимые книжки.

Как видите, мне настолько нечего терять и не за что бояться, что я - одна из немногих советских людей - откровенно излагаю свое мнение. Многие думают так, как я. Но очень немногие вам про это скажут. Годы культа личности сделали свое дело, люди у нас запуганы, а случай с Синявским и Даниэлем слишком напомнил всем прежние страхи.

Я обращаюсь с письмом, которое не выдержано в строгой академической форме просьбы о помощи и заступничестве, но мне трудно сейчас выбирать выражения.

24 декабря 1965 г.

Майя Васильевна Розанова-Кругликова
Москва 1-261,
Ленинский проспект, 85, кв. 3

Эх, Сергей Сергеевич, Сергей Сергеевич! Да разве Вы сравнитесь с Николаем Николаевичем. Смешно даже. У вас и виду нет никакого и бицепсы на вас обвисли все равно что, простите за сравнение, сосцы на какой-нибудь захудалой собачке. И коньяк вы хлещете, начиная с утра - откуда только деньги берутся. А Коля, Николай Николаевич, был человек моложавый, инженер-конструктор электрических двигателей, двадцать девять лет - самый сок. И тот не осилил. Вызывает меня как-то на кухню. "Что ж это, - говорит, - что ж это, - говорит, - Никодим Петрович, происходит". А сам белый-белый. Как потолок.

Куда Вам до него! Певун был! Физкультурник! Бывало, проснется рано утром, всю гимнастику под звуки радио сделает, зубы щеткой почистит и начинает:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Приятно слушать. Хотя он и тенор, а я больше басы люблю. Поверьте старику - уезжайте отсюда прочь. Покуда целы. Чемоданчик в руки и с Богом. Хотите для вас - по знакомству - записочку сочиню. В горжил-отдел, к самому Шестопалову. Неужто не слышали? Шестопалов. Квартирные вопросы решает. Я под его началом тридцать лет прослужил. Студенческим общежитием и двумя домами заведывал. Комендант, управдом - как хотите зовите. До самой пенсии. На Ордынке. В пять этажей и в шесть. Он в пять минут любую жилплощадь разыщет. Ну что вы, что вы!... По моему-то ходатайству!

Обживитесь на новом месте. Библиотеку вашу временно здесь оставим. Я постерегу. Почитаю с вашего разрешения. У вас нет ли случайно: "Юный бур из Трансвааля". Еще до войны читал. Автора не запомнил. Иностранец какой-то, француз.

Жаль-жаль. Ночи-то длинные, а ноги-то ноют. Суставной ревматизмус. Застарелая, коренная болезнь. Что? Наливайте, наливайте: не повредит.

За ваше здоровье!

Н-да... Коньячок у вас, действительно, самый отборный, по рецепту. В пищеводе ощущение ласки. Сопьюсь я с вами. Нет-нет, не беспокойтесь, закусывать я не люблю. Весь привкус теряется. В самом

деле, Сергей Сергеевич, переезжайте на другую квартиру. Здесь, говоря по секрету... Взвоните, когда узнаете, да поздно будет. Ну, что вы заладили: не поеду, да не поеду. Лениность это одна с вашей стороны и ничего больше. А там, глядишь, и я за вами следом. Вместе поселимся. Не хотите с Шестопаловым связываться - обменять можно. Давайте дадим об'явление. Моя комната плюс ваша - тридцать один метр. Вот Вам и пожалуйста - изолированная квартира. А?

Я вам, как писателю, условия жизни создам. Тишина чтобы, порядок. Мне тоже нужен покой. Может, вы еще жениться сумеете. Внучат разведем, котят. Я при них бы сидел. Вместо дедушки. Про коньяки и думать забудем. Разве что по большим праздникам: новый год, первое мая. Хозяйство наладим. Дер тыш, шранк, валенки мне новые купим. Эх, и жизнь пойдет! Давайте выпьем, что ли! За ваше здоровье, Сергей Сергеевич.

Я ведь, говоря откровенно, почему с ним подружился - с Колей то есть. Хороший он человек, хозяйственный, домовитый. Как придет с работы - за дело. Этажерку лобзиком выпилил, радиоприемник из чепухи собрал. Своими руками. И Ниночка его мне тоже сначала понравилась. Хлопотливая такая, как птичка. Все в дом, в дом тянет. Полгода не прошло - верите ли - они уже гардероб новый купили. С зеркалом во всю дверцу. Занавеси из тюля повесили. А все по четвертной, по тридцати рублей в получку, по копейке, можно сказать, домашний очаг создали. И все прахом пошло. Эх, Коля! Где вы теперь, кто вам целует пальцы... Да-а-а! В доме душевнобольных. Выражаясь по старому - в желтом доме-с. А разве это дом. Так, одна видимость. И дома никакого нет - общежитие для безумцев и ничего более.

Что? С чего началось? С пустяка все началось. Кушает он однажды вечером гороховый суп и вдруг вылавливает из тарелки - представляете - женский волос. Обыкновенный женский пучок и больше ничего. Говоря по-деревенски - очески. Он, конечно, оборачивается к своей Ниночке и спрашивает ее довольно спокойно, как это понять. Та вспыхнула вся и говорит, тоже довольно спокойно:

- Это, - говорит, - Николаша, Кроваткина свои лохмы к нам в кастрюлю вместо мяса подкладывает.

А волосы, между прочим, седые. Седые...

Тс-с-с! Вот я и спрашиваю, Сергей Сергеевич, нет ли у вас такой интересной книги - Фенимор Купер "Последний из могикан"... Да! "Последний из могикан"! Про индейцев Южной Америки! Так, так, так! Значит нет! Значит нет! Погода какая дождливая! Погода - говорю - дожд-

Ушла... Это она и есть, она самая - Кроваткина. Сушная ведьма. Ухо к дверям приложит и контролирует, о чем мы с вами беседуем. Уж я ее чувствую, знаю, Раз говорю - значит знаю! У меня на это дело свое осязание есть. Сами с усами. Спиною их шашни угадываю. За десять метров.

Что вы! Какие тут фокусы. Не верите - могу доказать. Вот сейчас к вам спиной повернусь и ничего видеть не буду, а все буду угадывать. Любое телодвижение.

О-хо-хо! Ноги-то, как чужие. Ну! Начинайте.

Тэкс-тэкс. В этот самый момент вы в носу ковыряете. Мизинцем. Теперь - перестали. За левое ухо схватились. Нижнюю губу оттопыриваете. Что, угадал? Хе-хе. А вы затейник! Какую пантомиму позади меня разыграл! Думает - не узнаю. Язык высунул, лоб сморщил... А глазки-то у вас, Сергей Сергеевич, совсем косые. Захмелели вы. Сразило вас это зелье.

Ну, на сегодня хватит. Я и не так еще умею. А теперь - по последней - спать. Поздно уже. Что соседи подумают?

Нет, нет. И не просите. В другой раз доскажу. Перебила меня эта Кроваткина. Все настроение испортилось. Давайте я лучше на прощание что-нибудь совершу. Вот сейчас - хотите - не сходя с места, исчезну. Возьму и улечусь. Раз, два, три! Вот я был и вот! - меня! нет!

Покойной ночи, Сергей Сергеевич!

2

... Таким образом в скором времени одни русалки остались. Да и те... Сами знаете: индустриализация природных богатств. Дорогу технике! Ручьи, реки, озера химическими веществами пропахли. Метилгидрат, толуол! Рыба - та попростудохнет и вверх брюхом пльвет. А эти, бывало, вынырнут, отфыркаются кое-как, а из глаз - не поверите! - слезы от горя и разочарования. Сам видел. По всему роскошному бюсту - стригущий лишай, экзема и даже, простите за нескромность, венерические рецидивы.

Куда спрячешся.

Не долго думая - туда же, вслед за лешаками, за ведьмами - в город, в столицу. По каналу Москва-Волга, через эти самые шлюзы - в сеть водоснабжения, где почище, да посытнее. Прощай, родимый край, первобытная обстановка!

Сколько их тут погибло! Видимо-невидимо. Конечно, не на совсем. Бессмертные создания все-таки. Ничего не попишешь. Но которые из них

помясистее - в водопроводных трубах застряли. Да вы сами, вероятно, слышали. На кухне кран отвернете - оттуда вдруг рыдания несутся, бултыханья разные, чертыханья. Думаете - чьи это штучки? Их голоса - русалок. Застрянет в умавальнике и ну капризничать, и ну чихать!

Между прочим, в нашей квартире одна бывшая русалка проживает вполне легко и свободно. По паспорту - Софья Францевна Винтер. Знаете ее, конечно. В бумазейном халатике бегаёт и водные процедуры принимает с утра до вечера. То в ванной комнате плещется, по три часа кряду /другим жильцам руки помыть негде/, то в тазик частично усядется и стихи про Лорелею поет. На немецком языке:

Их вайс ниht, вас золь эс бедейтен,
Дас их зо траурих бин...

Генрих Гейне сочинил. Говорю ей вчера: - Софа! Ты бы хоть нового жильца постеснялась. Писатель как-никак. А ты в одном халатике по коридору бегаешь, без пуговиц, без тесемок, и при каждом своем движении на полметра распахиваешься.

А она - бесстыжая девка - только зубы скалит. "Ваш писатель, - говорит, - мне "Белую сирень" подарил. Духи такие. У меня с ним, дедушка, понимание с первого взгляда".

Берегитесь, Сергей Сергеевич. Упаси вас Бог за неё ухаживать. Защекочет до смерти. А насчет чего посуущественнее - я так скажу: рыба кровь у нее и все прочее - рыбе. Одна только наружность дамская, для соблазна...

Вот вы опять смеетесь и ничему не верите. И хотя вы писатель - наблюдательности у вас никакой. Ну, что вы можете сказать, например, про Анчуткера. Ваш сосед. Анчуткер. Вот за этой стенкой. Ничего особенного. Гражданин как гражданин. Разве что еврей, Моисей Исхелевич. Подумаешь! Карл Маркс тоже, небось, из евреев произошел.

А если присмотреться, да повнимательней... Шевелюру он какую носит? Вы встречали когда-нибудь в жизни подобную шерсть на мужчине? А цвет лица? Где вы у человека найдете до такой степени синюю кожу? А взгляд у него невеселый и штилеты 47-го размера, к тому же всегда перепутаны: правая принадлежность на левой, а левая - на правой. Так и ходит, медведь неучтивый, и дома и в министерстве.

Опять же, обратите внимание, какую он литературу почитывает. "Лес шумит" Короленко. Новый роман Леонида Леонова "Русский лес". Я не спорю - роман замечательный. Но зачем же, спрошу я вас, непременно на эту тему. И почему он, проклятый Анчуткер, по лесному ведомству служит? Березы да елки логарифмической линейкой считает, на кубомет-

ры перекладывает... И не Анчуткер он вовсе, а по-правильному, по научному - Анчутка. Теперь смекаете. То-то!

Нет, Сергей Сергеевич, не найти вам среди наших квартирантов ни одного живого лица. Хотя и родня они мне. Так сказать, из одной деревни. Да что толку! Мне моя репутация дороже стоит. Это невежды говорят, малограмотные, некультурные бабы - домовой, дескать, заодно с лешим. Ошибаетесь! Совсем другая профессия. Нельзя в этом вопросе не видеть принципиальных различий. Домовой - он к дому привык, к человеческому запаху, к теплоте. Испокон века. Ему с чертями да с ведьмами не по пути. Может, вы думаете - общая природа. Не скажите! Мало ли что природа! Человек, например, тоже от обезьяны произошел. Однако впоследствии выделился в самостоятельную разновидность. С обезьянами дело имеет лишь в Африке, да в зоопарке. Каково же мне - мне! - пожилому, можно сказать, человеку в коммунальных условиях жить!

Как в'ехали они в нашу квартиру - Николай Николаевич с Ниночкой, я им сразу сказал: - Коля! - говорю, - Ниночка! держите ухо востро. Не поддавайтесь на провокации. Живите как в отдалении. А я возле вас погреюсь на старости лет.

- Нет! - отвечает Ниночка. - С волками жить - по-волчьи выть. Не забуду я этой Кроваткиной истории с гороховым супом. Она у нас мясо ворует, а я ее волосы жуй. К тому же - грязные и седые. От них заразиться можно.

И велит своему Николаше, приладить ко всем кастрюлям висячие стальные замки. Чтобы пищу, значит, на ключ запирать, пока варится без надзора на плите общего пользования. Бывало, прокрадется на цыпочках, отомкнет поскорее кастрюлю, соли-масла добавит и опять на запор.

Только это не помогло. Превратности продолжают. Курицу, скажем, на огонь поставит и замочки повесит. Отпирает - дохлая кошка сварена в курином бульоне. Даже не ободранная, прямо в шкуре, с хвостом.

Ниночка - в амбицию. Ее тем временем другая соседка - Авдотья Васюткина - на свою сторону переманила. Образовался альянс. У Авдотьи с Кроваткиной личные счеты: Анчуткина никак не поделят. От Анчуткера у обеих детишки. Лешанята, значит. Вот и сражаются, врагини, за свою ведьмачью любовь.

Представляете картину? Кухня. Дым коромыслом. В дыму эти ведьмы раскачиваются, ухватив друг друга за космы. В лицо друг другу плюют на близком расстоянии. Нехорошие слова произносят очень отчетливо:

- Ведьма! Потаскуха!

- Сама ты ведьма! Куда сегодня ночью верхом на унитазе каталась?

Под ногами у них ребятишки синепузые вертятся. Норовят укусить за икры противоположную сторону. Маленькие еще, а зубастенькие, с коготками.

И тут же, представляете, Ниночка. Волоски разметались. Глазки горят, как лампочки от карманного фонаря. В руках - скалка, и сквозь разорванную рубашку ребрышки ее цяплячьи так ходуном и ходят, так и ходят.

Увидал я эту картину и впервые заплакал. Мне, старику, совладать ли с тремя рассвирепевшими бабами. Бегаю вокруг, умоляю. - Брысь, - кричу, - по своим углам! А то я милицию вызову. - Они и слушать не желают. Стон стоит по всей жилплощади, топот, гром сковородный. Да еще в ванной комнате русалка Софа заливается истерическим смехом...

Вечером говорю Николаю: Так и так. Уйми ты свою Ниночку, добром это не кончится. Вот увидишь. Сними ты с нее по-домашнему трикотажные панталоны, да всыпь легонько веником, чтобы не совалась в чужую баталию.

Как можно! Обиделся даже. "Я, - говорит, - до Верховного Совета дойду, а дела этого так не оставлю. Кроваткину судить надо. Она - фашистка. Она мою жену оскорбляет и словом и действием. А Ниночка за всю свою молодую жизнь никого не тронула..."

Любил ее Коля, простая душа, любил без памяти. Вот и пошли у них...

Сергей Сергеевич, сидите тихо. Не шевелитесь. Видите, под кроватью крыса бегаёт. Совлеките незаметно ботинок и бейте. Не промахнитесь только. А то уйдет. Ну! Вот сейчас снова высунется. Ты и кидай. В голову. Наповал. Р-раз!

Эх, промазал! Бей, Сережа! Хватай! Бутылкой ее! Бутылкой!...

Что ж ты, неловкий ты человек... Говорил тебе - бутылкой. Ух! Даже ноги дрожат. Нервы вконец расшатались.

А знаете, Сергей Сергеевич, - кто это был. Это ведь Ниночка к нам приходила... Скучает она по своему Николаше. Вот и ходит на старое место - наша Ниночка...

3

Не пугайтесь - я без стука. Дело срочное! Беда, Сергей Сергеевич! Беда! Эта Кроваткина все пронюхала и Анчутнеру рассказала. Что теперь будет с нами! Что будет!

Послушайте, в вашей комнате мне находиться нельзя. Тем более -

в естественном виде. Квартиранты могут заметить. Я и так уже - через щель явился. Под дверь пролез. В моем-то возрасте...

Одну минуту! Сейчас я немного замаскируюсь, тогда поговорим.

Что у вас тут имеется из подходящих предметов. Ага! Давайте на, я буду - стаканом. А вы садитесь за столик - будто бы выпиваете. Если кто заглянет - разговаривайте сами с собой. Пускай они думают, что вы - пьяный. Так безопаснее.

Ну, идите сюда: я уже на столе. Видите - у вас было три стакана, а стало четыре. Да нет же, не этот! Какой вы ненаблюдательный, право. Вот я, вот! Подле тарелки.

Ой! Не касайтесь меня руками! Еще уроните на пол и разобьете. У меня и без того кости ноют.

Сергей Сергеевич, соберите внимание и выслушайте меня со всей серьезностью. Положение наше - хуже некуда. Мы - обнаружены. Ведется следствие. Анчуткер со вчерашнего дня здороваться со мной перестал. Я знаю - меня судить хотят. За разглашение ихних секретов. Завтра в двенадцать ночи на кухне соберется Совет. Все бы ничего, да Шестопалов мной недоволен. Отдал распоряжение: "Мы, говорит, ему доверяли, а у него с чужими элементами периодические знакомства. Инцидент с молодоженами мы, говорит, ему простили, так он теперь снова дружбу налаживает с кем не положено. А друг его новый, писатель - все с его слов на бумагу записывает. Могут выйти неприятности. Наказать болтуна, чтоб другим не повадно было. Писателем же займемся особо. Благо он алкоголик, и ему настоящие черти скоро начнут мерещиться".

Понимаете, Сергей Сергеевич, что это означает?! Разлучат они нас. Последнего человека отымут. Дома-крова меня лишат. Под пол отправят. В сырость, в холод, к микроорганизмам. Или по канализационной системе вниз головой спустят. И буду я вынужден там циркулировать до скончания света. Наподобие Вечного Жида по имени Агасфер. Вы одноименный роман Эжена Сю читали? Вот-вот. Тем же способом. Из клозета - в клозет.

И вам не сдобровать. Окружат вас мерзкими харями, кикиморами, упряями. Страшно станет. Запьете пуще прежнего. И чем больше пить будете, тем страшнее будет. Пока не свихнетесь с ума, как бедный Николай Николаевич.

Бежать вам надо. Все предусмотрено. Завтра в половине двенадцатого я за вами явлюсь. Перед самым началом праздника, перед Большим Кухонным Советом. Будьте наготове. Они гостей ждать станут, в туа

леты наряжаться. Закуску готовить примутся. Из падали, из тухлых яиц. Глядишь, в суматохе контроль ослабнет. В этот момент вы меня сажаете в карман /уж я сам постараюсь как-нибудь там уместиться/, надеваете сверху пальто, чтобы ветром меня не продуло, и быстрым шагом выходите на улицу. Будто выпили немного и решили прогуляться, подышать свежим воздухом.

Первое время в гостинице перебьемся. А после - дом, квартиру сладим. Без жильцов, без соседей. Сами себе хозяева. "Ни Бог, ни царь и ни герой!"

На всякий случай, для профилактики, икону можно повесить. Пусть это вас не смущает: я привык, в деревне воспитывался. Предрассудки эти в народной среде очень распространены.

Не хотите икону, убеждения не позволяют - обойдемся простой репродукцией. Рафаэля какого-нибудь с младенцем из "Всеобщей истории" вырежем и на видное место приклеим. От нечистой силы, от дурного глаза тоже хорошо помогает. И вполне прилично, прогрессивно. Искусство все-таки. Не придерешься.

Главное, Сергей Сергеевич, вместе надо держаться. Мне без вашей, без человеческой помощи вовеки отсюда не выбраться. По внутреннему помещению расхаживаю сколько угодно. Хочу - по стенам, хочу - по потолку. Но за порог ни ногой. Физиология не позволяет.

Да и вы - не буду скромничать - без меня пропадете. А со мною - Бог даст - всемирную известность получите. Чарлз Диккенс, Майн Рид. Ведь я знаю - все знаю, хитрец вы этакий. Я - в дверь, вы - за перо. Даже когда не совсем в себе и языком плохо владеете.

Так это что, беседы наши! Мизерная частица. У меня этих басен целый декамерон. И все на личном опыте. В пяти томах можно издать. С иллюстрациями. Мы с вами, Сергей Сергеевич, братьев Grimm за пояс заткнем.

Ой-ой-ой! Что же вы делаете. Зачем вы коньяк в меня наливаете. Я захлебнусь, захлебнусь! Ополосните немедленно...

И напугали же вы меня, Сергей Сергеевич. Учтите - завтра чтобы ни-ни! Ни одной капельки! Будьте бдительны, осторожны. И в поступках и в выражениях. От резких фраз с упоминаниями, пожалуйста, воздержитесь. А то знаете, как бывает. Видели вчера Ниночку. Ну да, Ниночку в крысиной форме. Теперь уж так и останется... Не возвратить.

Терпел-терпел Коля, да и скажи однажды: - Ну тебя, Ниночка, к лешему. Надоели мне эти скандалы.

И как только он произнес эти роковые слова, входит к ним в ком-

нату Анчуткер. Вроде бы по делу, за папирской. И смотрит пристально на Ниночку, а Ниночка смотрит на Анчуткера и очень они друг другу в ту минуту понравились.

Ниночка к тому времени уже была не такой. Волосики поредели, глазки впали, а животик - наоборот - выпучился. От внутренней злобы. И зад у нее тоже, знаете, заметно заматерел. Словом, по вкусу пришлось, и начались промежду ними свидания, щипки, цап-царапки нежные и все такое. Совсем ведьмой сделалась. С Кроваткиной помирились. Даже стала учиться по ночам на унитаза летать. Как ракетный двигатель. С помощью кишечного газа.

А когда Николая Николаевича в сумасшедший дом забрали, бросил ее сожитель. В беременном положении бросил. И чтобы не платить алименты и Авдотьину ревность унять, в бессловесную тварь ее обратили соответствующего содержания. Она потом в норе крысятами разродилась. Семь штук принесла.

Может, и жалко ее. Но я лично вижу в этом факте настоящую аллегорию. Подтачивала устой морали - туда и дорога! - и даже очень жалко, что вы ей не попали ботинком по голове. Была бы прямая польза и справедливое возмездие. За Николашу. Как в "Анне Карениной". Хороший был человек.

Заболтался я с вами. Правильно, видать, Шестопалов болтуном меня обозвал. Да ведь легко сказать! От людского жилья отрезан. Слово вымолвить не с кем. Молчишь, молчишь целыми днями. И целыми ночами. Валенками по паркету шаркаешь.

Ладно уж. Только бы уйти отсюда. Я про самого Шестопалова такие истории знаю. Со смеху умрете.

Значит - решено! До завтра - значит. Слово даете? Ну-ну.

Я сейчас удалюсь, как пришел - незаметно. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Никто нас не видал, никто не слышал. Шито-крыто.

4

Эй!

Сергей Сергеевич!

Пора.

Самое время!

Где вы? Куда подевались?

Ушел! Без меня ушел. Старика на растерзание бросил. Бездомного старика...

Что это? Что это? На полу валяется. Неужто помер? Сергей Сергеевич, родненький... Сердце бьется. Глазки моргают. Проснитесь! Бежим-

те отсюда. Сроки приспели. Сейчас звонили по телефону: Шестопалова ожидают на праздник. С минуты на минуту. Им теперь не до нас. Суетня, подготовка.

Что ж это вы, Сергей Сергеевич?... А я-то думал... Как вам не стыдно! Еще слово давали... Нашли время... Не утерпели...

Как же вы в таком виде по улице пойдете? Вас в милицию заберут. Все одно - вставайте! У нас в распоряжении четыре минуты. Поднимайтесь, вам говорят!

То есть как это не в силах. Ноги отнялись? Не дурите!

Голубчик, давайте вместе попробуем. Приложите старания. Хватайтесь руками за шею. Ну! Еще раз. И тяжел же ты, братец. Стой-стой, не вались!

Ш-ш-ш-ш! С ума ты сошел! Грохот по всей квартире. Догадаются - придут за нами. А я куда денусь? Я тебя спрашиваю или нет - мне что делать прикажешь?

Ну, чего же ты бормочешь. Плевал я на твои извинения. Слышишь, слышишь... Кроваткина ухо к дверям прикладывает. Пропали мы. Сейчас Анчуткера позовет, Шестопалова...

Сергей Сергеевич! Сыночек! Выручай! Встань хотя бы на колени. Давай я тебе помогу. Вот так. Вот так. Теперь молись. Я сзади придерживу. За плечи. Молись! Молись - тебе говорят, пьяная рожа!

Как это - забыл? Откуда я знаю? Это ты должен знать! Ты - человек, а не я. Тебе и карты в руки. А мне нельзя, не полагается.

Что же ты, Сергей Сергеевич, - с чертями живешь, о чертях рассказываешь, а молиться не научился!

Ладно. Пускай леж. Повернись на спину. Пойми же, наконец, - это последнее средство. Стал бы я в другое время! Сложи пальцы. Сначала ко лбу. Теперь - сюда... Ты зачем притворяешься? Врешь! Храпите храпите - я не поверю. Все ты прекрасно сознаешь, все понимаешь... Дьявол ты что ли на самом деле или кто...

А это еще кто? А-а! Ниночка. Здравствуй, Ниночка... Не бойся, не бойся. Не трону. Мне теперь все равно...

Вот! Полюбуйся на красавца. Твой супруг будущий. Третий по счету. В норе вместе поселитесь... Понюхай ему глаза, понюхай. Лизни. Он позволяет... Ему сейчас не до тебя. Мутит его, комната кружится. И чертики уже в глазах прыгают. И крысы.

Ну, вот и дождались. Идут всей гурьбой. Топочут по коридору. Сейчас ворвутся. Это они за мной пришли. И за вами тоже, Сергей Сергеевич. И за вами тоже. И за вами тоже.

ПИСЬМО ЖЕНЫ Ю.ДАНИЭЛЯ ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

Первому секретарю ЦК КПСС
Генеральному прокурору СССР
В редакции газет "Правда",
"Известия", "Литературная газета".

12 сентября 1965 года мой муж Юлий Маркович Даниэль был арестован органами КГБ. Он обвиняется в том, что печатал свои произведения за рубежом под псевдонимом Николай Аржак. Следователь сообщил мне, что мой муж признает свое авторство и подтверждает факт опубликования своих произведений за границей, что авторство установлено с полной достоверностью и помимо признания моего мужа. Кроме того, мне сообщили, что произведения Николая Аржака являются клеветническими и антисоветскими, и, таким образом, Даниэль Ю.М. привлекается к ответственности по статье 70 УК СССР.

На допросе мне пересказали содержание произведений Н.Аржака, и даже в пристрастном, тенденциозном изложении эти произведения не могут расцениваться как антисоветские. Недавно я прочла четыре произведения Аржака - все, что опубликовано под именем этого автора, и не вижу в них ничего такого, что можно было бы назвать антисоветской агитацией и пропагандой. Я утверждаю это и буду доказывать и отстаивать свое мнение как в частных беседах, так и в любой открытой публичной дискуссии. Я считаю, что открытые дискуссии, открытые, широкие обсуждения /при условии, что все участники этих обсуждений знакомы с произведениями целиком, а не по специально подобранным выдержкам и цитатам/ - единственный способ установить объективно и беспристрастно идейную направленность художественной литературы и единственный метод воздействия на автора, если необходимо какое-либо воздействие.

Репрессии по отношению к писателям за их художественное творчество, даже политически окрашенное, расцениваются нашими литературоведами как акт произвола и насилия, даже когда речь идет о России XIX века; тем более это недопустимо у нас сейчас. Мне это казалось очевидным и несомненным. Но вот мой муж арестован. Три месяца сидит в тюрьме за художественное творчество. Его произведения рассматриваются и оцениваются небольшой группой специально отобранных людей, в том числе следователем, который - как я поняла во время допроса - не умеет отличить гиперболу от фактографического описания, сатири-

ческое или фантастическое произведение от документального отчета. Воздействие на писателя, критика его творчества начинается с его ареста и судебного следствия.

Мой муж, как я теперь знаю, опубликовал свои произведения за границей. Как бы ни расценивать его поступок с точки зрения морали, он уголовно ненаказуем. В нашем кодексе такие действия не квалифицируются как преступление, а "Декларация прав человека", подписанная и нашей страной, в ст. 19 утверждает "... право на свободу распространять идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". Подписавшись под этими словами, наша страна признала это право в качестве моральной нормы, и вдруг люди, осуществившие его, преследуются в уголовном порядке.

Никакие другие доводы для ареста моего мужа выдвинуты не были.

Тюремное заключение является "мерой пресечения" и может быть применено к обвиняемому во время следствия по усмотрению следователя в случае необходимости. Какая была необходимость применять эту меру в данном случае? Что надо было пресекать? - художественное творчество? Все это непонятно, и не только мне. Со времени ареста прошло уже три месяца, и за это время КГБ не дал никакой информации об этом деле, о характере обвинения. Отсутствие гласности, естественно, вызвало множество слухов и разговоров, от близких к истине до самых нелепых и неправдоподобных. Вместе с тем, официальные лица на официальных собраниях говорят о Синявском и Даниэле как о заведомо виновных людях, чья преступная деятельность и даже преступная сущность не подлежат сомнению. Тем самым нарушается основной принцип законодательства - презумпция невиновности.

/Пропуск/... вместе с такими неаргументированными, но авторитетными заявлениями - все это придает слухам и сплетням определенный очернительный характер, предопределяет отношение к Синявскому и Даниэлю независимо от решения суда, может даже повлиять на это решение. Естественно, что я протестую против незаконного ареста моего мужа и против его очернения /хотя следственные органы без всяких оснований расценивали до сих пор мои устные протесты как разглашение материалов следствия и как воздействие на потенциальных свидетелей/.

Итак, Синявского и Даниэля обвинили в действиях, которые не считаются по нашим законам преступными. Их арестовали, хотя был единственный резон для применения этой меры: попытка запугать обвиняемых. Их уже три месяца держат в тюрьме и не дают мне свидания с мужем. В ходе следствия органы КГБ допустили ряд незаконных действий-

- я пишу об этом в заявлении к Прокурору и Председателю КГБ /копию прилагаю/.

Все это, вместе с отсутствием гласности, вызывает у меня /вероятно, и у многих других/ опасение: не будет ли в дальнейшем в судебном разбирательстве нарушена законность, об'ективность и справедливость? Не предрешена ли судьба моего мужа - независимо от законов, по чьему-то произволу? Вся история вреста и следствия - от начала следствия до сегодняшнего дня - противоречит принципам демократии, внушает самые серьезные опасения и напоминает времена культа личности, осужденного партией.

Я требую немедленного освобождения их тюрьмы моего мужа и Синявского.

Лариса Иосифовна
Богораз-Бухман

/Середина декабря 1965 г./

ПИСЬМО ЖЕНЫ Ю.ДАНИЭЛЯ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ

Генеральному прокурору СССР
Председателю КГБ

12 сентября нынешнего года мой муж, Юлий Маркович Даниэль, был арестован органами КГБ по обвинению в том, что он написал и опубликовал в разное время за границей ряд произведений, напечатанных под псевдонимом Н.Аржак. Относительно незаконности ареста по такому обвинению с точки зрения УК СССР я отправила письмо протеста в ЦК КПСС, газеты "Правда", "Известия", "Литературная газета" и в Прокуратуру СССР. Копию этого письма я прилагаю.

Однако, кроме этой незаконной акции в отношении моего мужа, следственные органы КГБ допустили ряд других, более частных нарушений и формы и духа нашего законодательства.

Пока ведется следствие, мой муж не может считаться виновным, не может считаться преступником, только суд решит, доказано ли обвинение, являются ли действия моего мужа наказуемыми по нашим законам, а если он виновен, то в какой мере. Между тем, старший следователь, подполковник Г.П.Кантов, утверждал в беседах со мной и во время допроса, что мой муж виновен и понесет наказание, - это утверждение

высказывалось не так личное мнение следователя, а как достоверный факт. Такая предрешенность дела в процессе следствия заставляет меня сомневаться в объективности ведения дела и в том, что законы будут соблюдаться в дальнейшем. Кроме того, утверждение такого рода я рассматриваю как моральное давление на меня, свидетеля по делу, и убеждена, что не меньшее /а гораздо большее, вероятно/ давление оказывается на моего мужа - отсутствие гласности, недопущение адвоката к делу в процессе следствия обеспечивают возможность произвола и незаконных действий со стороны следователя.

Итак, Г.П.Кантов говорил мне: "Ваш муж виновен и будет наказан за это". Г.П.Кантов, кроме того, не рекомендовал мне договариваться с адвокатом о защите по следующим мотивам: а/ это мне материально не по силам, б/ адвокат все равно бесполезен в этом деле и не повлияет на ход суда и его решение. Это говорит следователь, говорит заранее!

Я просила следователя, тем не менее, выяснить у мужа, согласен ли он на то, чтобы я вела переговоры с адвокатом; просила передать, чтобы муж не беспокоился о материальной стороне дела, не ставил свое решение в зависимости от вопроса об оплате. Мои слова были переданы мужу в такой редакции: "Ваша жена пойдет с шапкой по друзьям".

Следователь позволил себе косвенные угрозы: если я буду себя плохо вести /"вы понимаете, о чем я говорю", хотя я абсолютно не понимаю о чем идет речь/, у меня могут быть неприятности по службе, "когда там узнают". Что узнают? Что муж под следствием? Но он ведь еще не признан виновным. А если бы и был признан, какие у меня могут быть неприятности и почему? Неужели мы возвращаемся к временам репрессий против семей осужденных, обвиняемых, подозреваемых людей? Но как иначе я могу понять угрозы следователя? Его слова и тон таковы, как будто это я обвиняемая. Меня не пугают эти - и любые другие - угрозы не потому только, что я не верю в их реальность /факт незаконного ареста моего мужа ставит под сомнение и мою неприкосновенность/, но и потому, что мне нечего бояться: мне нечего терять, материальных ценностей я за всю свою жизнь не приобрела и научилась не дорожить ими, а мои духовные ценности останутся при мне при всех обстоятельствах. Но возмущает сам факт, что такие угрозы возможны в наше время. Я никого не прошу ни о каких одолжениях, снисхождениях, льготах, я требую соблюдения норм человечности и законности. Я имею право знать о состоянии моего мужа, о приблизительных сроках следствия от следователя - или же мне обязаны сообщить, у кого я могу наводить эти справки. Меня же направляют по замкнутому кругу: сле -

дователь - в приемную КГБ, из приемной - обратно к следователю. В приемной говорят, что они не имеют никакой информации, следователь подчеркивает, что оказал бы мне любезность, отвечая на мои вопросы, но что он не обязан и не хочет мне этого сделать.

Кто же в органах КГБ обязан удовлетворить мою естественную и законную заинтересованность в судьбе мужа?

Следствие располагает данными о моей интимной жизни и об интимной жизни моего мужа. Эти сведения не имеют никакого отношения к делу, не представляют никакого интереса с точки зрения государственной безопасности. Получены они незаконным путем: просматривалась моя личная переписка, подслушивались разговоры в доме. Но самое возмутительное то, что эти сведения сообщались совершенно посторонним лицам, моим знакомым и знакомым моего мужа. Так, Гарбузенко, Якову Лазаревичу, свидетелю по делу моего мужа, сообщили на допросе о моей личной жизни, с кем и когда я была в близких отношениях. Это незаконие нельзя не только оправдать, но даже об'яснить никакими деловыми соображениями. Единственное об'яснение - демонстрация степени осведомленности следственных органов, попытка скомпрометировать меня в глазах моих друзей и знакомых, вызвать моральный шок у свидетеля.

Я протестую против этих и подобных им противозаконных приемов ведения дела. Все изложенные факты говорят не только о грубых нарушениях законности со стороны следователя Г.П.Кантова, но и об отсутствии контроля со стороны руководителей следственного отдела, со стороны прокуратуры.

Все эти нарушения норм законности и человечности, как и сам незаконный арест моего мужа и его тюремное заключение в течение 3-х месяцев, все это внушает мне обоснованные опасения, обоснованный страх: не совершаются ли и другие беззакония, о которых я не знаю, так как муж в тюрьме, а у нас за все время не было ни одного свидания. Где гарантия того, что к моему мужу не применяются меры физического или морального воздействия? Где гарантия того, что аналогичные противозаконные действия не будут предприниматься в других случаях?

Копию этого письма я прилагаю к упомянутому выше письму в ЦК КПСС, в прокуратуру, в газеты.

Лариса Иосифовна
Богораз-Бухман

/Середина декабря 1965 г./

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖЕНЫ А.СИНЯВСКОГО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Председателю Верховного Суда СССР

Копии: Первому Секретарю ЦК КПСС
Председателю КГБ при СМ СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до Вашего сведения, что 9 февраля 1966 г. сотрудник КГБ Олег Васильевич Чистяков через моих друзей супругов Меньшутиных и Н.Б.Кишилова угрожал разнообразными неприятностями мне и моему годовалому сыну за "запугивание свидетелей по делу Синявского", которым я якобы занимаюсь.

Я систематически общаюсь с А.Петровым и И.Голомштоком и не считаю возможным прекращать знакомство со своими друзьями только потому, что их приглашают свидетелями.

С третьим свидетелем по делу Синявского А.Ремезовым я встречалась крайне редко по причине десятилетней антипатии к этому человеку.

Думаю, что слова нежности, обращенные к друзьям, нельзя расценивать как подкуп; точно так же нельзя называть "запугиванием" из'явление многолетней неприязни.

Действия же сотрудников КГБ вызывают недоумение. Еще в середине декабря в своем заявлении в адрес ЦК КПСС, КГБ и Прокуратуры СССР я указывала на недостойные методы ведения следствия. До сих пор ни одна из инстанций на мое заявление не ответила, и вдруг сегодня я получаю "привет" от КГБ в такой странной, противоречащей нормам законности форме.

Прошу это заявление приобщить к делу Синявского, а также оградить меня от возможности беззакония.

9.2.1966 г.

М.В.Розанова-Кругликова
/жена А.Д.Синявского/

Хлебный 9, кв. 9.

Индивидуальные выступления в защиту Синявского и Даниэля /их скорее следовало бы называть выступлениями в защиту свободы творчества/ начались незадолго до 5 декабря, когда дело получило широкую неофициальную огласку.

Сейчас трудно установить, кто написал первое письмо, когда и куда. Известно лишь о существовании писем литературоведа Л.З.Копелева, литературоведа Л.К.Чуковской и поэта В.Корнилова, написанных в ноябре или декабре.

Приблизительно к этому времени относится и помещенное здесь письмо А.Гинзбурга.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА "СИНТАКСИС" А.ГИНЗБУРГА
А.Н.КОСЫГИНУ

Председателю Совета Министров СССР
тов. Косыгину А.Н.

Уважаемый Алексей Николаевич!

Я обращаюсь к Вам как к главе Правительства по вопросу, который горячо волнует меня уже несколько месяцев. 5 декабря, в День Конституции, я убедился, что не только я, но и еще сотни людей обеспокоены судьбой арестованных в сентябре органами КГБ писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

Арест Синявского и Даниэля поднимает целый ряд вопросов, решение которых относится к сфере деятельности главы Правительства.

1. О сущности понятия "антисоветская пропаганда"
и применении этого понятия

Синявский и Даниэль, которым пред'является обвинение в том, что они печатались за рубежом под псевдонимами Терц и Аржак, могут быть привлечены к суду по ст. 70 УК РСФСР об антисоветской пропаганде. Что же такое антисоветская пропаганда на 49-ом году существования советской власти.

Я ставлю этот вопрос потому, что сам дважды привлекался по этой статье, и оба раза следствие сводилось к тому, чтобы убедить меня, что мои действия направлены против советской власти. К концу первого следствия /в 1960-61 гг./ я готов был согласиться с этим, так как

советская власть в трактовке следователя /старшего следователя по особо важным делам КГБ при СМ СССР майора Ушакова/ выглядела лишь машиной насилия над личностью. Последующие годы убедили меня в ограниченности этой трактовки. В частности, почти все стихи, изъятые у меня при обыске и оставшиеся в архивах КГБ как антисоветские, были опубликованы в советской печати - в журналах, газетах, поэтических сборниках.

Второе следствие /1964 г./ уже не могло не принять во внимание определенных сдвигов в сфере идеологии и ограничилось пресечением моих контактов с иностранцами. Результатом его было публичное самоубиение, опубликованное в "Вечерней Москве" 3 июня 1965 года под названием "Ответ господину Хьюгесу". Следователю удалось убедить меня в том, что вредно, если на Западе тебя считают оппозиционером.

Нелепость публичного ответа на письмо, полученное за два с лишним года до этого, не смутила сотрудников КГБ, активно помогавших в написании и опубликовании этой статьи.

Сдвиги произошли и после 1964 года. Ранее "антисоветские" произведения становились вполне советскими и достойными печатания, менялось и отношение к контактам с западным миром.

Вот это и ставит вопрос о временности понятия "антисоветская пропаганда". Критика отдельных недостатков снизу - антисоветская пропаганда. Дошедшая доверху и воплощенная в решениях съездов и пленумов КПСС та же критика тех же недостатков - направляющая линия жизни страны. Снизу - "призыв к подрыву или ослаблению советской власти", сверху - "укрепление мощи советского государственного строя".

Закон же незыблем и неотвратим. Человек, раньше других поднявший голос в защиту чести и достоинства своей страны - государственный преступник, "правильно" осужденный по "духу и букве закона", "заслуженно" несущий кару. До сих пор находятся в заключении люди, протестовавшие против фальсификации истории КПСС, против злоупотреблений Н.С.Хрущева и других давно осужденных действий государства.

Итак, если следствию удастся убедить Синявского и Даниэля, что их произведения направлены против ныне принятых положений партии, то им суждено "пересидеть" все пересмотры этих положений.

2. О применении понятия "антисоветская пропаганда" к художественной литературе

Я знаком с повестью Терца "Суд идет", сборником "Фантастические

повести", статьей "Что такое социалистический реализм", с повестью Аржака "Говорит Москва". Я знаком еще с рядом произведений, в разное время вызвавших негодование КГБ и связанную с этим негодованием конфискацию их. Я не могу найти этому "негодованию" иную причину, нежели небанальность подхода авторов к действительности и ее литературному воплощению. Пример тому - "Доктор Живаго" Б.Л.Пастернака - книга великая, заслуженно удостоенная Нобелевской премии /повсеместное изъятие этой книги, очевидно, одна из частных задач КГБ/.

Возможно, в действиях Синявского и Даниэля есть нарушение какой-то добровольно взятой на себя обязанности. Возможно, в Уставе Союза советских писателей, членами которого они, кажется, являются, имеется другое толкование понятия "социалистический реализм", нежели в статье Синявского. Может быть, повесть "Говорит Москва" написана в нарушение каких-то изложенных в этом Уставе правил. Кажется, использование псевдонима должно быть зарегистрировано в писательской организации.

Нарушение этих обязанностей - безусловно проступок. Но он полностью находится в компетенции Союза писателей, если они его члены, КПСС, если они члены партии, любой добровольной организации, вступив в которую они нарушили ее правила. Но к государству /а ст. 70 УК предусматривает преступление против государства/ их действия не имеют отношения. Тот факт, что они родились в Советском Союзе, еще не отнимает у них права на самостоятельность мышления. Верность убеждениям, свое понимание пользы страны не являются монополией тех, кто стоит у власти. Синявский и Даниэль имеют право и на гнев, вызванный преступлениями прошлых лет, и на любовь к прошлому, и на свое понимание будущего страны. Литературная деятельность Синявского в своей стране /статьи в "Новом мире", книги о Пикассо и поэзии первых лет революции, вступительная статья к сборнику стихов Б.Л.Пастернака/ доказывает право Терца на свое толкование, скажем, социалистического реализма.

Следовательно, единственно правильным /но, увы, до сих пор не применявшимся/ решением было бы рассмотрение этого дела не судебными, а общественными - писательскими, партийными, профсоюзными организациями. К счастью для литературы, эти организации обладают не сетью исправительно-трудовых лагерей, а лишь продуманной и теоретически обоснованной системой общественного воздействия.

3. О роли КГБ в общественной жизни страны

Время сейчас, конечно, не сталинское, но и сегодня КГБ является

серьезным тормозом на пути развития общественных форм жизни. Последний пример тому - "участие" сотрудников госбезопасности в мирной демонстрации 5 декабря на Пушкинской площади. Попытки развернуть лозунг с требованием гласности по делу Синявского и Даниэля или лозунг "Уважайте Конституцию", попытки сказать то же самое /не больше/ вслух неизменно кончались скручиванием рук и увозом в ближайшее отделение милиции или штаб народной дружины. За всем этим не без удовольствия следили ответственные работники Московского управления КГБ.

Это лишь последний, самый свежий факт. Если же смотреть глубже, то как, если не вмешательством в общественную жизнь, можно назвать арест Синявского и Даниэля и уже трехмесячное содержание их под стражей?

Если факт их авторства установлен и их собираются судить за содержание их произведений, то нет никакой нужды держать их в заключении до суда. Если даже считать, что их произведения подпадают в данный момент под действие ст. 70 УК, то все остальные их действия /например, использование псевдонимов, или пересылка рукописей за границу/ не преследуются советским законодательством. Многомесячное заключение в одиночной камере /знаю по собственному опыту/ крайне вредно сказывается на человеческой психике.

Заключение Синявского и Даниэля и полное отсутствие гласности по этому делу /как и по большинству дел КГБ об "антисоветской пропаганде"/ не дают возможности общественности самостоятельно судить о действиях обвиняемых и как-то контролировать законность действий КГБ, которую в данном случае грех не поставить под сомнение.

4. О следовании международным соглашениям

Статья 19 "Всеобщей декларации прав человека", принятой ООН и подписанной в 1948 году и Советским Союзом, гласит:

"Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".

Не имеют ли эти слова непосредственного отношения к случаю с Синявским и Даниэлем?

Я считаю своим правом и долгом обратиться к Вам с этими вопросами. Я далеко не убежден, что и они не будут признаны антисоветскими.

Моя неуверенность достаточно обоснована. Меня можно привлечь и осудить и за пользование иностранными источниками информации /я слушаю зарубежное радио, так как о деле Синявского и Даниэля в нашей стране до сих пор ничего не напечатано/, и за знакомство с книгами этих авторов и одобрение их, и за участие в демонстрации 5 декабря, если кому-нибудь придет в голову назвать ее антисоветской, и за высказывание вслух того, о чем я пишу в этом письме.

В тридцать седьмом, сорок девятом и даже в шестьдесят первом годах сажали и не за такое.

Но я люблю свою страну и не хочу, чтобы очередные непроконтролированные действия КГБ легли пятном на ее репутацию.

Я люблю русскую литературу и не хочу, чтобы еще два ее представителя отправились под конвоем валить лес.

Я уважаю Андрея Синявского - замечательного критика и прозаика.

/Декабрь 1965 г./

А.Гинзбург

Мой адрес: Москва, Ж-180

Б.Полянка, д. 11/14, кв. 25

Широкая общественность впервые узнала о деле Синявского и Даниэля из статьи Д.Еремина в "Известиях" от 13 января 1966 г.

ПЕРЕВЕРТЫШИ

Враги коммунизма не брезгливы. С каким воодушевлением сервируют они любую "сенсацию", подобранную на задворках антисоветчины. Так случилось и некоторое время назад. В буржуазной печати и радио стали появляться сообщения о "необоснованном аресте" в Москве двух "литераторов", печатавших за границей антисоветские пасквилы. Как тут не разыграться нечистой совести и столь же нечистому воображению западных пропагандистов! И вот они уже широкими мазками живописуют мифическую "чистку в советских литературных кругах", утверждают, будто эти круги "до крайности встревожены угрозой нового похода" против "антикоммунистически настроенных писателей" и вообще "против либеральных кругов интеллигенции".

Спрашивается, что же случилось на самом деле? Отчего воспрянула черная рать антисоветчиков? Почему в ее объятия попали отдельные за-

рубежные интеллигенты, которые в этой компании выглядят достаточно странно? Зачем иные господа становятся в позу менторов, чуть ли не охранителей наших нравов и делают вид, будто защищают двух отщепенцев "от имени" советской интеллигенции?

Ответ на это один: в идеологических битвах между двумя мирами враги нового общества не очень-то разборчивы в средствах. И когда в их окопах оказываются двое оборотней, то последних за неимением лучшего спешат поднять на щит. Для нищих духом такие оборотни - желанная находка. Ведь с их помощью можно попытаться сбить с толку общественное мнение, посеять ядовитые семена безыдейности, нигилизма, болезненного интереса к темным "проблемам жизни".

Короче, враги коммунизма нашли то, что искали: двух отщепенцев, символом веры для которых стали двуличие и бесстыдство.

Прикрывшись псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака, они в течение нескольких лет тайно переправляли в зарубежные издательства и печатали там грязные пасквили на свою страну, на партию, на советский строй. Один из них, А.Синявский, он же А.Терц, печатал литературно-критические статьи в советских журналах, пролез в Союз писателей, внешне разделяя требования его устава - "служить народу, раскрывать в высокохудожественной форме величие идей коммунизма" и "всей своей творческой и общественной деятельностью активно участвовать в строительстве коммунизма". Второй, Ю.Даниэль-Н.Аржак, занимался переводами. Но все это для них было фальшивым фасадом. За ним скрывалось иное: ненависть к нашему строю, гнусное издевательство над самым дорогим для Родины и народа.

Первое, что испытываешь, при чтении их сочинений, - это брезгливость. Противно цитировать пошлости, которыми пестрят страницы их книг. Оба с болезненным сладострастием копаются в сексуальных и психопатологических "проблемах". Оба демонстрируют предельное нравственное падение. Оба выплескивают на бумагу все самое гнусное, самое грязное.

Вот характерные для них образчики сочинительства: "Женщины, - пишет в одном из своих "произведений" Даниэль-Аржак, - похожие на кастрированных мужчин, гуляют по улицам и бульварам. Коротконогие, словно беременная такса, или голенастые, как страус, они прячут под платьем опухоли и кровоподтеки, затягиваются в корсет, подшивают вату взамен грудей".

Если это академик, то "выпьет рюмку-другую и - смотришь - он уже хозяйское серебро в карманы укладывает". Если это девушка - секре-

тарь редакции газеты, то "девчонка, доступная любому корректору". О взрослых женщинах, как мы видим, и говорить нечего. К примеру, у некоего Соломона Моисеевича "бежала жена - блудливая русская баба, - предварительно обокрав его, а потом опозорив с парикмахером шестнадцати лет. Он знал и боялся женщин, имея на то основания. Но что он мог понимать в русском национальном характере, этот Соломон Моисеевич?!"

Здесь нельзя не обратить внимания и на такую деталь: русский по рождению, Андрей Синявский прикрылся именем Абрама Терца. Зачем? Да только с провокационной целью! Публикуя под именем Абрама Терца антисоветские повести и рассказы в зарубежных изданиях, Синявский пытался создать впечатление, будто в нашей стране существует антисемитизм, будто автор по имени Абрам Терц должен, мол, искать издателей на Западе, если он хочет "откровенно" писать о советской жизни. Убогая провокация, выдающая с головой и сочинителя, и его буржуазных покровителей.

Ничто им не любо в нашей стране, никаких святых не чтят они в ее многонациональной культуре, все, что дорого советскому человеку, готовы обругать и охаять - в настоящем и прошлом. Подумайте только, что они написали об Антоне Павловиче Чехове, замечательном русском гуманисте, пробуждавшем своим творчеством добрые струны в человеке. Только предельное бесстыдство может двигать пером, которое выводит такие строки: "Взять бы этого Чехова за туберкулезную бородавку, да ткнуть носом в его чахоточные плевки". А русские классики - гордость мировой литературы, что о них сказано? "Классики - вот кого я ненавижу пуще всех!"

Нашу Советскую Армию, бессмертный подвиг которой спас народы Европы от истребления гитлеризмом, эти "сочинители" пытаются очернить, оклеветать.

Для советских людей, для народов земли, для всего передового человечества нет более святого имени, чем имя вождя нашей революции Владимира Ильича Ленина. Ведь Ленин - это эпоха социалистических революций и национально-освободительных движений. Это наш век, который изменил мир. Это научный коммунизм, который воплощается в славных делах человека. Даже видные капитаны капитализма склоняли головы перед Лениным: они не раз вынуждены были признавать, что XX век нашел в нем величайшего преобразователя жизни.

В какое же бездонное болото мерзости должен погрузиться так называемый литератор, чтобы хулиганским своим пером чернить святое для

нас имя! Невозможно воспроизвести здесь соответствующие цитаты: настолько эта писанина злобна, настолько она возмутительна и грязна. Одни эти кощунственные строки достаточны для диагноза: авторы их ставят себя вне советского общества.

В пасквиле Даниэля-Аржака "Говорит Москва", например, есть лицемерные рассуждения о том, что-де "не очень красиво печататься в антисоветских изданиях". Но как отказать себе в этом, если представляется возможность вылить грязные помои клеветы на советский строй. Завершая свои пошлые, злобные "философские" рассуждения на этот счет, автор устами своего "героя" обращается прямо к читателю и подсказывает такой образ действий: "Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай. Рвануло. А теперь бросок вперед. На бегу - от живота, веером. Очередь. Очередь. Очередь... Вот они лежат - искромсанные взрывом, изрешеченные пулями..."

Как видим, на многое замахивается взбесившийся антисоветчик: по существу это провокационный призыв к террору.

В пасквильной повести Синявского-Терца "Любимов" поставлена задача доказать - ни больше, ни меньше - иллюзорность и несбыточность самой идеи коммунистического переустройства общества. В бредовой фантасмагории этого пасквиля нелегко нащупать реальные прообразы действительности. Однако идейно-политическая суть ее вполне очевидна: это безудержное издевательство над законами истории, над теми, кто отдал жизнь в борьбе за наши великие цели, издевательство над страной и народом. Нахальство сочинителя достигает здесь поистине гомерических размеров. К каким только выдумкам не прибегает он, силясь доказать иллюзорность теории и практики коммунизма! До каких высот обывательского злорадства поднимается, показывая крушение города Любимова, в котором некий Тихомиров задумал добиться всеобщего счастья... при помощи гипноза! С каким смаком описывает Синявский-Терц крах коммунистического "эксперимента" и возвращение "любимовцев" к старым порядкам жизни! И особенно выделяет он "под занавес" такую многозначительную деталь: "Мужик с угрюмым спокойствием, откровенно, на виду у всех, мочился в котлован с незаполненным бетоном фундаментом..." У мужика ко всему этому, дескать, вполне определенное отношение!

Не менее характерна "повесть" Даниэля-Аржака "Говорит Москва", упоминавшаяся выше. Вкратце вот ее сюжет: по радио передается Указ о том, что "в связи с растущим благосостоянием и многочисленными пожеланиями трудящихся" /автор способен издеваться над чем угодно!/ вос-

кресенье 10 августа 1960 года об'является... чем бы вы думали? "Днем открытых убийств" - по типу Дня шахтера, Дня учителя и т.д. и дальше рисуются чудовищные картины быта, выдаваемого за советский, показывается идиотизм людей, дисциплинированно занятых "идеями" всеобщей резни. Режут друг друга, сводят счеты мужа и жены, всеобщий ужас захлестывает страну. И все это, разумеется, одобрено солидными порциями пошлой эротики, пьяного разгула, разнузданного аморализма и человеконенавистничества.

Синявский-Терц и Даниэль-Аржак называют приспособленцами и "черносотенцами" всех, кто открыто и убежденно исповедует в своем творчестве идеологию коммунизма. Они издеваются над теми, кто выступает активным, верным помощником партии, сыном своего народа. Публикуя свои иезуитские статейки в некоторых советских журналах, Синявский, например, всячески выискивал у других авторов то, чем отличался сам: двусмысленность идейной позиции, нигилизм и перекосы в сторону очернительства. Тут уж он не стеснялся в формулировках: "выступил в роли очернителя нашей жизни и культуры", "циничная клевета, злой вымысел, глупые инсинуации", "ужасы, им нарисованные, вымышлены, а их характеры, при всем расчете на узнавание реальных прототипов до невероятности искажены", и все это в целом "очень далеко от задач идейной борьбы, стоящих перед советским искусством..."

Антисоветчик в роли наставника советских писателей - какое бесстыдство! Какое наглое лицемерие! Какая наглядная демонстрация нравственного падения! Одной рукой он голосует "за", другую - со злорадным кукишем держит в кармане.

У нас, советских писателей, глубоко преданных идее коммунистического переустройства жизни, видящих в ленинской партии надежную опору, мудрого руководителя в самоотверженной борьбе за мир и счастье, у всех советских людей пасквильные сочинения Синявского-Терца и Даниэля-Аржака не могут вызвать иных чувств, кроме отвращения и гнева. И напрасно заокеанский покровитель перевертышей, белоэмигрантский поэт Б.Филиппов, в предисловиях к книжонкам Терца и Аржака пытается выдать своих подопечных за "известных советских писателей" - таких нет в советской литературе!

Впрочем, оставим западных покровителей двух пасквилянтов. Если они на чем-то и могут поиграть, то на плохой информированности зарубежной общественности о нашей советской жизни.

У лжи, однако, короткие ноги, и на них далеко не уйдешь. Я уверен, что каждый здравомыслящий человек на Западе, сопоставив извест-

ные ему факты о Советском Союзе с выдумками двух отщепенцев, всегда придет к правильному для себя выводу: он выбросит на помойку пасквили Синявского-Терца и Даниэля-Аржака.

Иначе и не может быть. Пасквилянты поднимают ведь руку не только на наше советское общество, они брызжут ядом на все передовое человечество, на его идеалы, на его священную борьбу за социальный прогресс, за демократию, за мир.

Ныне даже многие буржуазные журналисты из числа наших идеологических противников с почтением говорят о могучей силе социализма, ставшего "притягательным магнитом" для Африки, Азии, Латинской Америки, да и для всего мира вообще.

Синявский и Даниэль выросли в Советском Союзе. Они пользовались всеми благами социализма. Все то, что завоевано было старшими братьями и отцами в огневые годы революции и гражданской войны, в трудное время первых пятилеток, было к их услугам.

Синявский и Даниэль начали с малого: честность подменили беспринципностью, литературную деятельность, как ее понимают советские люди, - двурушничеством, искренность в своем отношении к жизни - нигилизмом, критиканством за спиной других, "перемыванием костей" ближних. И начав с этих мелких пакостей, они уже не останавливались. Они продолжали катиться по наклонной плоскости. И в конечном счете доказали до преступлений против советской власти. Они поставили себя тем самым вне нашей литературы, вне сообщества советских людей. От мелкого паскудства до крупного предательства - такова дорожка, по которой они шествовали.

В годы войны среди бойцов французского Сопротивления сражались и многие русские эмигранты. Они умирали под гестаповскими пулями со словами о бесконечно дорогой Родине, о далекой России, которой они остались верны сердцем. А эти двое? Они эмигранты особого вида: внутренние. Они замкнулись в своем прогнившем мирке. Там кипели их злобные страсти. Там они макали перья в чернильницы с ядом. Там они жили, воображая, будто это жизнь.

Какая ирония судьбы! Буржуазное французское издательство "Ашетт" выпускает книгу "СССР в двухтысячном году", снабженную девизом: "Идти в ногу со временем - значит прежде всего понимать, что происходит вокруг". И авторы книги это понимают: они рисуют образ великого народа - пионера века, который, возможно, не нравится им своей преданностью коммунизму, но которым они не могут не восхищаться. А два перевертыша писали книги, для коих девизом стало стремление не

только не понять, а и оклеветать то, что происходит вокруг.

Впрочем, хочу уточнить: об иронии судьбы здесь говорить, пожалуй, неуместно. Здравый смысл и моральное уродство несопоставимы. Честные перья и иудины перья не могут лежать рядом. Ведь сочинительства перевертышей отражают не какие-то взгляды, а только идеологический ма-разм, продажность и беспринципность авторов.

Но только ли в этом дело? Ведь речь идет не просто о морально-политическом перерождении двух хулиганов. Речь идет об отщепенцах, поступивших на службу к самым оголтелым, самым разнузданным врагам коммунизма. На Западе потому и подогревают историю с Синявским и Даниэлем, что эти двое, со своей стороны, служили орудием подогревания психологической войны против Советского Союза.

Рано порадовались, господа! Ваши перевертыши сами перевернуты на спину. Их подлинное лицо распознано. Это не просто нравственные уроды, но и активные подручные тех, кто шурует в топке международной напряженности, кто хочет холодную войну превратить в горячую, кто не расстался еще с бредовой мечтой поднять руку на Советский Союз. А к таким подручным не может быть снисхождения. Слишком дорого заплатил наш народ за завоевания Октября, за победу над фашизмом, за кровь и пот, пролитые ради Родины, чтобы безучастно отнестись к этим двум подонкам.

Как мы уже видели, "сочинения" этих отщепенцев, насквозь проникнутые злобной клеветой на наш общественный строй, на наше государство, являют собой образчики антисоветской пропаганды.

Всем содержанием своим они направлены на разжигание вражды между народами и государствами, на обострение военной опасности. По существу говоря, это выстрелы в спину народа, борющегося за мир на земле, за всеобщее счастье. Такие действия нельзя рассматривать иначе, как враждебные по отношению к Родине.

Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью. Ведь история не раз подтверждала: клевета, какой бы гнусной и злобной она ни была, неизбежно испаряется под горячим дыханием правды.

Так произойдет и на этот раз.

Дм.Еремин.

"ИЗВЕСТИЯ", 13 января 1966 г.

Читательские отклики на эту статью были /по неофициальным сведениям/ многочисленны и, в основном, написаны в защиту Синявского и Даниэля. Ни один из этих откликов напечатан не был. Редакция смогла найти и напечатать три письма противоположного направления.

ПИСЬМО КАНДИДАТА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК В.И.ЛЕВИНА
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ"

Уважаемая редакция!

Статья Дм.Еремина "Перевертыши", напечатанная в Вашей газете, вызывает горечь и недоумение. Читая ее, невольно вспоминаешь такие печальные эпизоды из истории нашей культуры, как недавнее дело И.Бродского, как травля Б.Пастернака, а раньше - А.Ахматовой и М.Зощенко, как кампания против "космополитов", или, из другой области, - как сессия ВАСХНИЛ. Углубляясь дальше в историю, вспоминаешь о гибели О.Мандельштама, И.Бабея, И.Катаева и многих, многих других. Здесь, в статье Еремина, та же лексика и фразеология, та же демагогическая апелляция к гражданским чувствам читателя, которую помнят все и по 37-му, и по 46-49-му, и по 1953-му годам.

Между тем, вся система "доказательств", приводимых в статье, покоится на ложных /лучше сказать - лживых/ основаниях. Основной довод Д.Еремина - ссылка на цитаты из повестей и рассказов А.Терца и Н.Аржака. Уже давно известно - известно каждому школьнику - что цитаты, вырванные из контекста, не могут дать представления о целом. А Еремин приводит даже не просто изолированные цитаты, но цитаты, взятые из прямой речи персонажей, или, в лучшем случае, из речи героя, от лица которого ведется повествование. Отождествление литературного героя /хотя бы такого, от лица которого ведется рассказ/ с автором и его взглядов со взглядами автора представляет собой до смешного элементарную ошибку, понятную опять-таки любому школьнику, и тем более непростительную для писателя Д.Еремина. /Ср. хотя бы "Записки из подполья" Достоевского или повесть прогрессивной шведской писательницы Сары Лидман "Я и мой сын", написанную от лица оголтелого расиста/. "Методом" Еремина можно доказать все, что угодно и о ком угодно; хотя бы о Пушкине /цитатами из "Онегина"/ - что он мечтал о

смерти своего дяди, а в перерывах предавался похотливым мыслям о женских ножках и персях; а из "Тихого Дона", например, понадергать столько антисоветчины, что и "Свободная Европа" позавидует.

Теперь по существу статьи. Прежде всего, Д.Еремин старательно ставит в кавычки такие слова, как "произведение", "повесть", давая тем самым понять, что все это лишь бездарные писания, продиктованные исключительно ненавистью к Советской власти. Об этой "ненависти" потом, а сейчас хочу лишь сказать, что беспристрастный стилистический анализ |вещей| Терца и Аржака говорит о том, что эти произведения во всяком случае относятся к художественной литературе. Можно спорить об их литературных достоинствах и недостатках, манера автора может нравиться или не нравиться, но что это художественные произведения, что их авторы талантливы - в этом не может быть сомнения. В частности, А.Терц владеет очень широкой гаммой выразительных средств - от протокольно-лаконического рассказа /в "Суд идет"/ до орнаментального стилизованного сказа /в "Любимове"/, и это многообразие манеры выдает незаурядное мастерство. Основные вещи Н.Аржака /"Говорит Москва" и "Искупление"/ по своим стилистическим особенностям принадлежат к так называемой "молодой" советской прозе /В.Аксенов, А.Кузнецов и др./ и нисколько не уступают по своим художественным достоинствам произведениям названных писателей. Вместе с тем, чувствуется, что ему тесно в рамках этой манеры, о чем говорит и тяга к символическим обобщениям в "Искуплении", и выход в сказовую прозу в мастерски написанном рассказе "Руки", и чисто сатирический "Человек из МИНАПа".

Содержание произведений Терца и Аржака в статье Еремина систематически искажается. Он пишет о "болезненном сладострастии", с которым они "копаются в сексуальных и психопатологических "проблемах". Это ложь. И у Горького, и у Шолохова, и у Бабеля, например, /если не уходить к Боккаччио и Рабле или Д.Х.Лоуренсу/ сексуальные "проблемы" трактуются с 'неменьшей откровенностью - можно было бы при желании и это назвать "сладострастным копанием". Что касается психопатологии, то интерес к этой стороне жизни у Терца и Аржака - весьма умеренный /в "Искуплении" Аржака, "Ты и я" Терца/, - и здесь можно вспомнить и Гоголя, и Гофмана, и Булгакова /"Дьяволиада"/, и Фолкнера - беру первые попавшиеся имена.

Еще один демагогический прием: "ничто им не любо в нашей стране, никаких святень не чтят они..." Это - уже упомянутым методом - иллюстрируется двумя цитатами: о Чехове и о классиках, - цитатами, в

которых только очень наивный человек может увидеть выражение авторской мысли. Между тем, можно было бы процитировать хотя бы конец повести Аржака "Говорит Москва", где с большой и искренней любовью говорится о Москве. Можно было бы привести и много других примеров.

"Нашу Советскую Армию... эти "сочинители" пытаются очернить, оклеветать" — это просто ложь. Нигде ни у Аржака, ни у Терца нет ничего подобного.

Искажено в статье содержание повести Терца "Любимов". Например, говорится о том, "с каким смаком описывает Синявский-Терц крах коммунистического "эксперимента" и возвращение "любимовцев" к старым порядкам жизни". При этом не упоминается, что "старые порядки" — это наши теперешние советские порядки. Мне представляется, что основное в этой повести — это описание краха попыток волей одной личности построить идеальное общество, т.е. критика волюнтаризма — идея, в которой я не вижу ничего криминального.

О повести Аржака "Говорит Москва" говорится, что в ней "рисуются чудовищные картины быта, выдаваемого за советский, показывается идиотизм людей, дисциплинированно занятых "идеями" всеобщей резни... Всеобщий ужас захватывает страну..." И это — ложь. Нет в повести никаких "чудовищных картин", "советский быт" — даже в рамках фантастической ситуации — рисуется в реалистических тонах, говорится всего лишь об одном убийстве, никакого "ужаса" — ничего этого попросту нет в повести, как нет и "плохой эротики, пьяного разгула, разнузданного аморализма".

Наконец совершенно непонятны заключительные абзацы статьи, где говорится о том, что Терц и Аржак помогают тем, "кто хочет холодную войну превратить в горячую, кто не расстался еще с бредовой мечтой поднять руку на Советский Союз", что их произведения "направлены на разжигание вражды между народами и государствами, на обострение военной опасности". А раньше говорится о том, что они "брызжут ядом на все передовое человечество... на его священную борьбу за социальный прогресс, за демократию, за мир".

Такие пассажи, не имеющие абсолютно ничего общего с тем, что говорится в произведениях Терца и Аржака, представляют собой безответственную, злобную и демагогическую клевету.

Еще немного о методе Д.Еремина. О Синявском говорится, что он "пролез" в Союз писателей. Между прочим, имя Синявского в последние годы часто называлось в печати, когда говорилось о наиболее талантливых молодых критиках. Его /написанная в соавторстве/ книга о Пи-

кассо, получила широкую известность. Еремин старательно пытается представить Синявского двурушником, печатавшим в советской печати нечто противоположное тому, что он печатал в зарубежной. Это тоже ложь. Цитаты, призванные подготовить этот тезис Еремина, взяты из статьи Синявского о романе И. Шевцова "Тля" — действительно гнусном памфлете на советскую интеллигенцию. Борьба с явлениями, подобными "Тле", очевидным образом соотносится с критикой некоторых сторон нашей действительности, с которой мы встречаемся в повестях Терца — и ни в коей мере не противостоит ей.

Наконец самое основное: произведения Терца и Аржака названы в статье "антисоветскими пасквилями", сказано, что эти произведения — "гнусное издевательство над самым дорогим для Родины и народа", об авторах говорится, что они испытывают "ненависть к нашей строю", что они "поступили на службу к самым оголтелым... врагам коммунизма". Итак, Еремин считает произведения Терца и Аржака антисоветскими и антипатриотическими. Их авторы объявлены врагами нашего строя и людьми, не любящими свою Родину.

Об "антипатриотизме". Начнем с того, что любовь к Родине — чувство глубоко интимное, личное — как любовь к женщине или искусству. Ни один человек не вправе требовать от другого — "люби Родину". Другое дело, что человек, не привязанный к своей стране, к ее языку, ее людям, ее пейзажам — духовно неполноценен, он обкрадывает сам себя, оказывается духовным кастратом, подобно человеку, для которого не существует искусство. Но еще раз повторяю: любовь эта — интимное чувство, которое нельзя афишировать, о котором не подобает кричать на площадях и на газетных страницах, — всякого рода патетические излияния на эту тему всегда, по словам Пастернака, "морально подозрительны" и, как правило, свидетельствуют как раз об отсутствии любви и о желании добиться каких-либо выгод для себя. Во всяком случае, Пушкин, Чаадаев или Лермонтов, которые никогда не афишировали свой патриотизм, и которые сказали немало горьких слов о России, были большими патриотами, чем Булгарин и Бенкендорф.

Что касается "антипатриотизма" Синявского и Даниэля, то хочется еще раз вспомнить Чаадаева: "Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами... Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия".

Под этими строками могли бы подписаться многие из лучших деятелей русской литературы. Могли бы подписаться под ними и Синявский, и Даниэль. Только равнодушие к своей стране, соединенное со стремлением к собственному благополучию, может побудить к писанию розовых олеографий. XX съезд и критика культа личности не только открыли советским людям глаза на беззакония сталинского периода, но и показали неблагополучие во многих областях в теперешней нашей жизни. О многих из этих неблагополучий можно прочесть каждый день на газетных страницах; о более глубоких явлениях говорит наша современная советская литература. К сожалению, к числу неизжитых последствий культа личности относится и боязнь печатного слова. В последние годы все новые и новые темы выходили из-под спуда и получали доступ в печать. Появилась литература /художественная и публицистическая/ о процессах, происходящих в нашей деревне, о репрессиях периода культа личности и т.д. И эта литература, конечно, сыграла роль в оздоровлении обстановки в стране. И все же, до сих пор многие темы остаются запретными; называю наугад несколько: антисемитизм, проблема ответственности тех, кто творил беззакония в недавние годы, и ответственность тех, кто ничем не воспрепятствовал этим беззакониям /эта последняя проблема ставится в повести Аржака "Искушение"/, проблема моральной деградации некоторой части нашей интеллигенции /затрагиваемая в "Говорит Москва" Аржака, в "Суд идет" Терца/. Снятие запрета с этой и подобной тематики было бы только благом для нашего народа, как был благом для него XX съезд партии.

Так вот я утверждаю, что произведения Аржака и Терца продиктованы любовью к своей стране и ее народу, болью, вызванной бедами, пережитыми им, стремлением, чтобы эти беды не повторились, острым переживанием тех неблагополучий, которые и сейчас мешают нам жить. Это — литература большого гражданского накала, большой искренности, литература именно патриотическая.

Советского читателя, воспитанного на более или менее "благополучной" литературе, многое в произведениях этих писателей может шокировать. Ну, в самом деле, слыхано ли что-нибудь подобное — "День открытых убийств"! А ведь небольшое и нетрудное размышление могло бы показать, что этот "день" — проявление широко распространенного в литературе приема: поставить героев в "предельную ситуацию", в которой все скрытые в обычном течении жизни черты — и высокие, и низкие — проявились бы с полной ясностью /постоянно применял этот прием, например, Достоевский/. Но почему такая чудовищная "антисоветская

фантазия" - "открытые убийства" в наше время, в нашем обществе? Но ведь "Говорит Москва" - вещь и сатирическая, а что в сатире допустимо и даже необходимо преувеличение - это трюизм. В самом деле, кто видел когда-нибудь ну хотя бы градоначальника с фаршированной головой, как у Щедрина? Между тем, "День открытых убийств" - не такая уж фантазмагория - достаточно развернуть газеты 1937 или начала 1953 года. И разве не очевидно, что эта повесть направлена прежде всего на то, чтобы такие явления никогда больше не повторились.

Об "антисоветском" характере произведений Терца и Аржака. Если под антисоветской деятельностью понимать затрагивание любой темы, о которой "не принято" писать, то эти вещи - действительно антисоветские. Однако таким методом нетрудно об'явить антисоветскими или заклеить каким-либо другим столь же одиозным ярлыком не угодное кому-либо произведение, вплоть до заметки в стенгазете, критикующей работу столовой - столовая-то наша, советская. Мне кажется, что действительно антисоветской может быть названа деятельность, направленная на подрыв основ советского государственного и социалистического экономического строя - основ, записанных в Конституции. Ничего похожего извлечь из произведений Терца и Аржака невозможно. В них критикуются отдельные институты нашего общества, отдельные его черты. Как правило, эта критика обращена в прошлое, относится к периоду культа личности /"Суд идет"/, в других случаях касается настоящего /"Говорит Москва", где интерес автора сосредоточен главным образом на процессах, происходящих в среде творческой интеллигенции/. Но никаких попыток ревизии основ советской государственности или социалистической экономики, никаких следов, скажем, стремления к реставрации капитализма, - что и означало бы антисоветский характер этой литературы - ничего этого невозможно отыскать в произведениях Терца и Аржака при всем желании.

Прошу прощения у редакции за столь разросшееся письмо.

/Середина января 1966 г./

В.И.Левин, кандидат физ.-мат. наук

В ПЕРВЫЙ РАЗ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

"ИЗВЕСТИЯ" ПОДТВЕРЖДАЮТ АРЕСТ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ

Статья в "Известиях" более чем обвинительная. Ее автор Еремин, лауреат Сталинской премии, ныне секретарь Московского отделения Союза писателей, практически произносит приговор "двум ренегатам"...

...И это - скрупулезная об'ективность социалистической законности, согласно которой нельзя считать виновными до тех пор, пока двое обвиняемых не смогут высказаться с тем, чтобы либо защититься, либо признать свою вину, - после этой обвинительной речи, сильно напоминающей приговор?

Анри Пьер

МОНД, 14 января 1966

КЛЕВЕТНИКИ-ПЕРЕВЕРТЫШИ

"Перевертыши" - под таким заголовком в "Известиях" /№10/ была опубликована статья писателя Дм.Еремина, в которой рассказывалось об антисоветской деятельности двух отщепенцев-перевертышей А.Синявского-Терца и Даниэля-Аржака, сочинявших злобные пасквили о нашей стране и публиковавших их в реакционной зарубежной прессе.

Действия этих продажных клеветников вызвали глубокое возмущение советской общественности. В редакцию поступают многочисленные отклики. Некоторые из них мы публикуем сегодня.

ЭТО - ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вот уже сорок четыре года я работаю в поэтическом цехе моей страны. Я горжусь нашей литературой, горжусь тем, что советские писатели, посвятившие свое творчество служению светлым идеалам коммунизма, верные делу ленинской партии, народу, создали столько замечательных произведений, достойных эпохи великого созидания.

Все эти годы наши враги за рубежом злобно клеветали на советский строй, на советских людей, обливали грязью советскую культуру. Порой и у нас находились люди, которые подпевали врагам. Но о таких отвратительных клеветниках, как те, о которых рассказали "Известия" в статье "Перевертыши", мне еще не приходилось слышать. Я не мог спокойно читать эту статью. Два потерявших всякую совесть бесчестных авантюриста выдавали себя за советских литераторов, а на деле своими грязными измышлениями в зарубежной прессе по-холопски служили врагам социализма. Их преступные деяния не могут не вызвать гнева у советских писателей, отображающих в своих произведениях дружбу наших людей, занятых созидательным трудом в братской семье народов. Двуличные лицемеры разоблачены. Общественность Азербайджана, наши писатели клеймят их позором и презрением.

Зарубежные покровители Синявского и Даниэля пытаются выдать пере-

вертышей за представителей советской интеллигенции. Тщеты эти попытки. Между подлинной советской интеллигенцией, глубоко преданной своему народу, родной Коммунистической партии, и этими отщепенцами - глубочайшая пропасть. Называть их интеллигентами - значит оскорблять советскую интеллигенцию.

За границей у советского народа много друзей. Я уверен, что они вместе с нами возмущены измышлениями грязных пасквилянтов. Ибо друзья понимают внутреннюю сущность, моральное убожество этих людей. Только таких и могут вербовать враги прогресса.

Наша дорога светла и солнечна. Мы умеем, идя по этой дороге, вырывать с корнем сорняки, выросшие в цветнике великой дружбы народов. Перья, умеющие выдавать черное за белое, а белое за черное, должны быть сломаны. Место двух предателей - на скамье подсудимых.

Баку

Сулейман Рустам

Народный поэт Азербайджана

ТАКИХ НЕ ПРОЩАЮТ

С гневом прочитали мы в "Известиях" о пошлых, омерзительных писателях А.Синявском и Ю.Даниэле. Они лакейски сочиняли "сенсационные" книжонки и статейки на потребу буржуазным пропагандистам. Действительно, только чувство брезгливости вызывают грязные опусы этих нравственных уродов - специалистов по "темным проблемам" жизни, пытавшихся осквернить все наше родное, святое, советское.

Злобная клевета на наш общественный строй, государство преследует одну-единственную цель: выслужиться перед врагами Родины, нанеся удар из-за угла, из подворотни. Антисоветские сочинения Синявского и Даниэля - внутренних эмигрантов, а еще прямее говоря, отщепенцев и изменников - вызывают законный гнев всего нашего советского общества. Они должны быть сурово наказаны. Этого требуют интересы и идеалы нашего народа, принципы социалистического гуманизма.

А.ЛЮДМИЛИН, главный дирижер музыкального театра, народный артист РСФСР; М.ПОДОБЕДОВ, писатель, член КПСС с 1920 года; П.МОНАСТЫРСКИЙ, главный режиссер театра им.Кольцова, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Воронеж

ИХ УДЕЛ - ПРЕЗРЕНИЕ

Что может быть дороже Родины? Она нужна человеку, как солнце, как воздух, как чистый родник, наполняющий грудь живительной силой, едва прикоснешься к нему губами...

Было время, когда я могла потерять ее - мою Родину. Много лет уже прошло с той поры, но я сейчас нет-нет, да и возвращаюсь памятью к тем страшным дням, когда Латвия стонала под игмом фашистских оккупантов. Сколько тогда я видела слез, сколько натерпелась ужасов! Помню, как однажды на дороге, ведущей в Бауску, гитлеровские солдаты гнали толпу людей, с котомками за плечами, с узелками в руках. За подолы материнских платьев держались испуганные ребятишки.

В страхе я кинулась в лес. Там уже оказались такие же, как я, местные жители - женщины, дети, старики, прятавшиеся в страхе, что их угонят в рабство, разлучат с отчим домом. Мы готовы были принять любые лишения, лишь бы миновала нас горькая чаша, лишь бы нам удалось остаться здесь, на израненной и поруганной, но милой сердцу латвийской земле. Именно в те страшные дни я особенно глубоко поняла: самое дорогое, что есть у человека - это Родина!

Так как же могут подняться руки на святая святых - на Родину! На Отчизну, которая дала тебе все: возможность учиться, расти, творчески трудиться, без страха за себя и детей глядеть в будущее?

И откуда они взялись, такие перевертыши, которым ничего не стоит предать свою страну, свой народ? Ведь Синявский и Даниэль - эти два отщепенца жили на одной с нами земле, дышали одним с нами воздухом, пользовались теми же благами, что и все мы. До какой же степени падения надо дойти, чтобы писать гнусные пасквилы на свою страну, на советских людей!

Со страшным цинизмом пишет, например, Даниэль-Аржак о наших женщинах. А ведь и ему дала жизнь женщина, его мать. Не знаю, жива она или нет, но если жива, то какими глазами посмотрит на нее теперь сынок, оплевавший, униживший всех советских женщин, а стало быть, и ее? Предать мать, предать Родину - ведь это одно и то же...

Надо думать, что советское правосудие воздаст преступникам по заслугам. Но самым тяжким наказанием для них явится презрение, гнев

советских людей, чей светлый день не в силах омрачить никакие синявские и даниэли!

З.Гулбис

агроном Межотненской селекционной
станции

Бауский район, Латвийская ССР

"ИЗВЕСТИЯ" № 14; 18 января 1966 г.

НОВАЯ АТАКА "ИЗВЕСТИЙ" ПРОТИВ ПИСАТЕЛЕЙ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ

Публикация "Известиями" нескольких писем читателей, выражающих свое негодование и требующих показательного осуждения советских писателей Синявского и Даниэля, может означать, что процесс будет публичным. Резкая статья Еремина в "Известиях" 13 января предсказывает угрожающее начало процесса, но интеллигенция требует, чтобы власти действительно сделали суд открытым.

Письма, опубликованные в понедельник в официальной правительственной газете, являются необходимым прологом к процессу, который, по нашим сведениям, откроется в начале февраля или в конце января. Деятели советской литературы торопятся поскорее перевернуть эту "грязную страницу", чтобы потом безмятежно посвятить себя приготовлениям к двадцать третьему съезду. Общественность будет представлена советскими журналистами и некоторым количеством иностранных журналистов. Поскольку, по сообщениям властей, обвиняемые признали свою вину, некоторые обозреватели предвидят, что процесс пройдет со стороны обвинения без сучка и задоринки. Как бы то ни было, будет интересно услышать голоса этих людей, квалифицируемых как "преступники, предатели, чудовища аморальности и т.д."

Несмотря на крайности выступления Еремина /не обвиняет ли он их в том, что они стреляют в спину русскому народу и готовят войну против Советского Союза?/, в его статье очень искусно подобраны цитаты. Впрочем, все эти отрывки, вырванные из контекста, не могут не провоцировать возмущения публики в той мере, в какой они наносят удар благопристойности, великим русским классикам, армии, не говоря уже о святом имени Ленина. Обществу внушено и предписано, что Ленин является моральной категорией, которой нельзя коснуться без того, чтобы не подвергнуться осуждению возмущенных честных людей и самому суровому наказанию, более тяжелому, чем то, которому были подверг-

нуты наши сюрреалисты в то время, когда Арагон оскорбил "всю французскую армию в целом"...

Анри Пьер

МОНД, 19 января 1966

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ПИСАТЕЛЯМИ - ОТГОЛОСОК СТАЛИНСКОЙ ЭРЫ

Сталинисты в Советском Союзе готовятся провести боевые учения, крупнейшие за 16 лет со дня смерти их хозяина.

Для этого будет использован предстоящий процесс двух писателей, Синявского и Даниэля, находящихся под арестом с прошлого сентября. На Западе они известны более как Абрам Терц, автор трех повестей, получивших широкое признание критиков, и Николай Аржак.

Совершенно беспрецедентные волны протеста, хлынувшие в Москву со всего мира, не нарушили внешнего спокойствия советских властей, несмотря на то, что в числе протестующих были такие живые памятники, как Мориак и Моравиа, равно как и много других широко известных писателей.

Но в действительности советские власти глубоко обеспокоены. Об этом говорит тревожащее возвращение "Известий" к языку худшего периода сталинизма в начатой ими 10 дней назад атаке на этих двух писателей. Об этом говорит и предпринятая на прошлой неделе травля их в форме писем со всех концов России, в которых они безоговорочно осуждаются.

Одно предостережение

Прошло немногим больше года с тех пор, как председатель Верховного суда СССР Горкин опубликовал в той же газете статью, осуждающую, как давно изжитое зло, старую советскую практику признания человека виновным до суда. Теперь "Известия" публикуют статью, где вина Синявского и Даниэля предполагается очевидной, а поносят их в выражениях, целиком позаимствованных из языка чисток 30-х годов.

Может показаться, что существует намерение предупредить оппозиционно настроенных людей в России, напомнив им об ужасных днях, давно осужденных Хрущевым и, как надеялись и верили, наконец похороненных.

Вот заключительные слова обвинительной речи Вышинского на известном суде над Бухариным и другими в марте 1938 года. После заявления, что вся страна требует "изменников и шпионов, продавших нашу родину, расстрелять, как бешеных псов", он заключает:

"Пройдет время. Могилы проклятых изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце".

Беспрерывные проклятия

Мы знаем, что произошло после этого.

Вот заключительные слова в "Известиях" о Синявском и Даниэле:

"Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью. Ведь история не раз подтверждала: клевета, какой бы густой и злобной она ни была, неизбежно испаряется под горячим дыханием правды.

Так произойдет и на этот раз".

Известинский автор читал Вышинского. Об этом говорят и те, почти истерические проклятия, которыми наполнена статья: "Оба демонстрируют предельное нравственное падение. Оба выплескивают на бумагу все самое гнусное, самое грязное... В какое же бездонное болото мерзости должен погрузиться так называемый литератор, чтобы хулиганским своим пером чернить святое для нас имя! Невозможно воспроизвести здесь соответствующие цитаты: настолько эта писанина злобна, настолько она возмутительна и грязна".

Речь идет, разумеется, об имени Ленина. Цитаты не могут быть воспроизведены по той простой причине, что они не существуют. Даже предлагаемые цитаты более чем вырваны из контекста: слова и мысли, исходящие от персонажей произведений, выдаются за выражение собственных взглядов автора.

Потрясены

Русские этого никогда не узнают. Им не позволено видеть греховные книги, осужденные, как произведения "отщепенцев, поступивших на службу к самым оголтелым, самым разнузданным врагам коммунизма".

Очень многие более молодые русские будут потрясены атакой, начатой "Известиями". Те, кто постарше, содрогнутся и будут гадать, что же будет дальше.

Синявский и Даниэль осуждают вполне определенные стороны советского режима и советского общества. Они осуждают коррупцию, лицемерие, низкопоклонство, угнетение, алчность и мещанство. Если бы они нашли многое достойное осуждения в Англии или Америке, их бы не арестовали за такие высказывания. Но они осуждают нечто специфически

ки характерное для советского режима - абсолютное запрещение критиковать этот режим.

Это их единственное преступление. Но даже в этой части их критика не достигала той ядовитости, которая столь обычна для английской литературы - от Свифта до мистера Осборна, который до сих пор на свободе.

Меня самого обвиняли в раздувании их дела и создании им репутации. Но я, до вчерашнего дня, не читал ни слова из написанного Аржаком, и мне антипатичны повести Терца /большинство западных критиков хвалят их/. Об этом я писал в газетном обзоре по поводу "Суд идет" несколько лет тому назад. При всем том я оказался достаточно хорош как палка, которой можно бить Синявского.

Эдвард Крэнкшоу

ОБСЕРВЕР, 23 января 1966

Вскоре откликнулась и "Литературная газета". Литературовед З.Кедрина, не уступая Д.Еремину в тоне, по-своему "толковала" идеи произведений Терца и Аржака.

НАСЛЕДНИКИ СМЕРДЯКОВА

Еще до того, как выяснилось, что А.Синявский и Ю.Даниэль тайно печатались за рубежом под псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака, до того, как они были привлечены к ответственности за свои антисоветские "литературные забавы", зарубежная капиталистическая пресса, радио, телевидение до небес превозносили их произведения. Лондонская газета "Таймс", например, об'являла творения Терца "блестящим опытом сатиры... достойным лучших образцов русской традиции", а "Нью-Йорк Таймс" высказывала уверенность, что "каждый русский писатель гордился бы, если бы мог создать такие эссе, повести и афоризмы, как Абрам Терц."

Еще в 1962 году радиостанция "Свобода" утверждала, что Абрам Терц "рисует советскую действительность с насмешкой..." Американское агентство ЮПИ совсем недавно сообщало, что "Синявский специализировался на произведениях, высмеивающих советскую действительность", а итальянская газета "Джорно" повествует с эпическим спокойствием: "С 1959 г. в США и других западных странах появились брошюры и книги... антисоветского характера за подписью Абрама Терца".

Еще вчера печатавшие завлекательные статьи под заголовками, вроде "Неуловимый Абрам Терц", сегодня те же газеты и журналы спокойно раскрывают псевдоним, так прямо и пишут: Терц-Синявский, Даниэль-Аржак.

Да, буржуазная пропаганда не скрывала своих политических оценок писаний Терца-Синявского и Аржака-Даниэля.

Тем более удивительно, что в самое последнее время на Западе раздались голоса "доброжелателей", озабоченных судьбой Синявского и Даниэля и уверяющих, что причины их ареста якобы неосновательны. Заступники и болельщики Синявского и Даниэля ныне деликатно умалчивают об антисоветском содержании их сочинений.

Так что же такое написали эти люди, тайно выступавшие за рубежом под вымышленными именами? Что заставило их искать покровителей среди реакционных западных, в том числе эмигрантских, издательств?

Предо мною вашингтонские издания книг Абрама Терца и Николая Аржака.

Я прочтала эти книги внимательно, и для меня совершенно ясно, что это самая настоящая антисоветчина, вдохновленная ненавистью к социалистическому строю. Разумеется, я не претендую на юридическое определение вины Аржака и Терца. Это дело судебных органов. Мне хочется разобраться в другом. Может быть, при всей враждебности нам содержания этих произведений авторы их все же способные люди, какими их хотят представить зарубежные покровители? Нет. Даже если отвлечься от всего того, что в этих книгах возмущает вас как советского человека, читать их неприятно и скучно, - в иных случаях из-за примитивной прямолинейности, художественного худосочия, в других - из-за нарочитой запутанности изложения, такого нагромождения всевозможных иносказаний, что иной раз начинает казаться, будто перед вами бессвязное бормотание.

Пробравшись через, казалось бы, непроходимые пустыни риторики, сквозь чащи всевозможных символов, аллегорий и перекрестных взаимоперевоплощений персонажей, обнаруживаешь очень простую и ясную рационалистическую конструкцию, так сказать, идейный скелет всех произведений этих людей. Предельная запутанность формы у А.Терца служит всего лишь пестрым камуфляжем для его "основополагающих идей", и когда ее сорвешь и отбросишь в сторону, поначалу голая схема даже ошеломляет: только-то и всего?! Два-три из самых затасканных тезисов антисоветской пропаганды, знакомых с незапамятных времен.

Особенно наглядно нищета мысли раскрывается в насквозь клеветнической повести Н. Аржана "Говорит Москва".

Сюжет этого "произведения" столь же прост, сколь облыжен. Правительственным указом по радио об'является /в ряду дней "железнодорожника", "танкиста" и др./ "День открытых убийств". В этот день каждый может и должен уничтожить любого человека /кого заблагорассудится/, исключая лиц некоторых административных категорий. "Мероприятие", направленное на то, чтобы "запугать" население, в общем-то проваливается.

Читатель, естественно, спросит, зачем было придумывать такую нелепицу? Да затем, чтобы дать главному "положительному" персонажу возможность произнести несколько "зажигательных" речей, в том числе и о том, кого бы, по его мнению, на самом деле стоит убить.

Обдумывая и отвергая предложение своей любовницы убить ее нелюбимого мужа /впрочем, тут же и извиняя ее желание: ведь она мужа ненавидит/, "герой" перебирает в уме всех своих врагов и обидчиков с детства и находит их достойными лишь того, чтобы проучить хорошенько, но не убивать же! А убивать хочется. Кого же?...

Лицами, заслуживающими поголовного истребления, оказываются все люди, представляющие социалистический строй и осуществляющие государственную политику, люди, которых "герой" повести малюет в самых гнусных, издевательских тонах. "Как с ними быть?". И тут кровавый туман застилает глаза героя-рассказчика. И он взывает: "Ты еще помнишь, как это делается? Запал. Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь - бросок вперед. На бегу - от живота веером. Очередь. Очередь. Очередь..." И упиваясь мысленным зрелищем разорванных животов и вывороченных кишок, кровавой кашей, где все перемешалось - "русские, немцы, грузины, румыны, евреи, венгры, бушлаты, плакаты, санбаты, лопаты", "положительный герой" грезит о студебеккерах - одном, двух, восьми, сорока, которые пройдут по трупам.

Обыкновенный фашизм, скажете вы? Да, обыкновенный фашизм. Иллюстрации к его программе кровавых войн и спровоцированных путчей. При этом иллюстрации античеловечные не только по содержанию, но и по форме, по своей "эстетике" массового истребления людей. Эту программу "освобождения" от коммунизма и советского строя "герой" повести пытается обосновать, с одной стороны, заверениями, будто идея "открытых убийств" берет начало "в самой сути учения о социализме", с другой, что вражда - в природе человеческого общества вообще. Пра-

вильно делает тот, кто рассматривает каждого человека как потенциального врага, ибо "все друг друга в ложке воды утопить готовы", "скоро звери единственным связующим звеном... между людьми будут". Сюжет повести эту идею полного распада человеческих связей и иллюстрирует...

Я думаю, что читатель согласится со мной, что при таком содержании форма изложения особой роли не играет. По-видимому, так считают и сам автор, и его издатели, об'являющие в предисловии, что "основной момент повести" /об'явление "Дня убийств"/ - "только художественный прием" для изображения советского общества в нужном им плане. Автор предисловия поясняет далее, что "нельзя к советской действительности подходить с мерками и оценками общеевропейского реализма: что кажется совершенно невероятным в некомунистическом мире, - вполне возможно в мире "социалистического реализма". То есть на советское общество можно лгать как угодно, - все сойдет, лишь бы было против социализма.

Под этим знаком трудился и Абрам Терц, правда, с более пристальной заботой о камуфляже своих антисоветских взглядов.

Автор повестей Абрама Терца - кандидат филологических наук А.Синявский, которого зарубежная реакционная пресса с рекламным шумом об'являет "наследником русской традиции", человек расторопный, и сам охулки на руку не положит, без зазрения совести запуская ее в чужие книги. Нравственная нагота Абрама Терца, те антисоветские "идеи", которые он усвоил и жаждет распространить, выступают в одеждах самых различных литературных реминисценций и параллелей. Вырванные с мясом из самых различных чужих произведений, вывернутые наизнанку и на скорую руку сметанные в пестрое лоскутное одеяло антисоветчины, они характеризуют "творческое лицо" Абрама Терца, как человека, нагло паразитирующего на литературном наследии.

Статья А.Терца "Социалистический реализм" - наглядное свидетельство "разложения личности", отвратительного двурушничества, поскольку в этой статье оплевывается то, чему Синявский посвящал свои историко-литературные работы, публиковавшиеся в СССР.

Так вел себя Синявский-"теоретик", а вот воплощение его теорий в художественной, с позволения сказать, практике.

Передо мной "Фантастические повести" Абрама Терца, посвященные повседневному быту советских людей. Куда же "приводят" эти повести читателя? Что за мир разворачивается перед нами?

Случайные воры и убийцы, пропивающие свои несправедные доходы по

ресторанам и развлекающиеся на манер охотнорядских купцов с прости-тутками /рассказ "В цирке"/.

Оборотни, ведьмы, русалки и всяческая нежить, приплывшая в город по водопроводным трубам и существующая в смертельной взаимной вражде в коммунальной квартире /рассказ "Квартиранты"/.

Невольный ясновидец, завербованный в органы безопасности и бьющийся вместе с тупым полковником Тарасовым над посильным -улучшением истории", которая выражается в составлении планов мировой агрессии коммунизма. Именно для этого "мотива" и конструировалась длиннейшая и нелепейшая история о злоключениях супермена, который все заранее предвидит, но ничего не может предотвратить, даже свою собственную гибель. Для этого да еще опять же для иллюстрации "идеи" об извечной враждебности людей друг к другу и написана повесть "Гололедица".

Но сколь ни фантазмагориично все, что вы читаете, вас не покидает мысль о том, что, если нигде и никогда еще вы не встречали такой тоскливой злобы, липкой грязи, оголтелого цинизма, то внешние черты обстановки, приема, сюжетной схемы вам уже знакомы. Вот появляются перед вами нищие трущобы, населенные забитыми, озлобленными и униженными людьми, - и вы вспоминаете "Петербургские трущобы". Сам А.Терц и его зарубежные покровители усиленно хлопочут, чтобы перебросить мостик от "Фантастических повестей" прямо к Достоевскому. Вы догадываетесь об адресе терцовских притязаний не по силе сострадания к униженным и оскорбленным и не по глубине психологического анализа, проникновения в души людей: состраданию и никаким нормальным человеческим чувствам у Терца места нет, а психология у него вообще подменяется патологией. Вам становится понятным, на что претендует Терц, по внешним, грубо спародированным описаниям сырых углов, физических и нравственных тупиков, которые возникают в потоке помраченного сознания персонажей "Фантастических повестей".

В уже упоминавшейся выше статье Абрам Терц заявил, что Достоевский "был настолько широким, что сочетал в себе православие с нигилизмом и мог бы обнаружить в своей душе сразу всех Карамазовых - Алешу, Митю, Ивана, Федора /анекоторые утверждают, что даже Смердякова/, и, собственно, неизвестно, кого из них в нем было больше". В отношении самого Терца всякому, кто прочитал его сочинения, становится ясно: в его, терцевской, "душе" больше всего Смердякова. Если бы не Достоевский создал Смердякова, вложив в его образ всю силу своей ненависти к растлителям человеческих душ, а сам Смердяков писал романы, обобщая явления жизни со своих смердяковских позиций,

мы могли бы без труда установить прямое родство Терца с такой "традицией". Ибо нет той бездны нравственного распада и растления, которой убоялись бы достойные наследники Смердякова в своем стремлении осквернить и затравить все человеческое в советском человеке: дружбу, любовь, материнство, семью. Только в смердяковском воспаленном мозгу могли быть созданы эти изощреннейшие извращения всех отношений между людьми, в условиях которых, скажем, жена изменяет одновременно и мужу, и любовнику, а они изменяют ей, а заодно и самым элементарным нормам нравственной чистоплотности, делясь между собой своими интимными "впечатлениями". Только духом Смердякова могут быть вдохновлены мысли терцевского персонажа насчет употребления человеческих эмбрионов на консервы в целях предотвращения перенаселения земли.

Литературные пародии и реминисценции Синявского-Терца выражают злобную ненависть по отношению ко всем установлениям, людям, быту того общества, в котором Терц-Синявский живет и которое стремится замарать всеми доступными ему средствами, рисуя его в виде скопища отвратительных чудовищ.

Входите вы в "коммунальную" квартиру с населяющими ее ведьмами и оборотнями - и перед вами начинают мельтешить сологубовские персонажи, нечисть из клычковского "Чертухинского балакиря". А вот и "жилец" - персонаж, сделанный в стиле Кафки, - оборотень, вползающий в комнату без стука, в щель под дверь. "По внутреннему помещению расхаживаю сколько угодно. Хочу - по стенам, хочу - по потолку. Но за порог ни ногой. Физиология не позволяет".

Но Сологуб, создавший своего Передонова, этого Передонова презирал Кафка, при всей безнадежности своего взгляда на человеческую жизнь, ненавидел копеечный мир бюргерства, превращающий человека в пресмыкающееся. Терц же неотделим от той мерзости, в какой пребывают его персонажи.

"С миру по нитке - голому рубашка". Рядом с обокраденным Кафкой Терц спокойно и деловито вклеивает издевательскую пародию на гоголевскую птицу-тройку - и все для того же, чтобы еще раз пнуть ногой советское общество. "Эх, поезд, птица-поезд! Кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа мог ты только родиться! И хоть выдумал тебя не тульский и не ярославский расторопный мужик, а изобрел, говорят, для пользы дела мудрец-англичанин Стефенсон, уж больно пришелся ты в пору по нашей русской равнине, и несешься вскачь по кочкам, по пригоркам, по телеграфным столбам, и замедляешь и убыстряешь движение, пока не зарябит тебе в очи. А приглядеться - печь на колесах,

деревенский самовар с прицепом. Сердитый на взгляд, но добрый, великодушный, кудрявый. Пыхтит себе, отдувается и прет на рожон куда ни попросишь, только ухнет для острастки, да как свистнет в два пальца, заломив шапку на затылок таким фертотом, таким чертом, таким черт-те каким, сам не знает, гоголем: дескать, помни наших, не то раздавлю! Чем мы хуже других?!"

Хочешь - не хочешь, а согласишься с оборотнем из "Квартирантов": "Нет... не найти вам среди наших квартирантов ни одного живого лица". Да, ни одного лица, взятого из той жизни, на обобщение которой претендует Абрам Терц, - а все из чужих книг, изображающих иные времена, а то и другие страны. Взято, чтобы исковеркать, осквернить и запачкать по-своему, по-терцевски все советское, все человеческое, а заодно и тот источник, из которого "заимствует" Терц.

Даже в тех случаях, когда А.Терц берет не фантастический сюжет, а претендует вроде бы на обыкновенный показ жизни /повесть "Суд идет"/, сюжетные ходы, образы, расстановка противоборствующих сил взяты на прокат из многообразных книжных источников, одним из которых является и позабытая уже у нас бульварная литература. В духе этой литературы дана, например, вся линия роскошной обольстительницы, жены прокурора - Марины Павловны. Откровенное любованье "утонченно - пошлым очарованием" пожирательницы сердец живо напоминает бульварные шедевры. А подробное описание нравов и обычаев среды, в которой разворачивается действие, среды "добродушных мужчин, наводящих ужас, может быть, на полмира", снова приводит на ум литературу эпохи реакции и еще более ранних времен: Сологуб, Арцыбашев - все имеют здесь свою "долю", невольно поставляя автору изуродованные клочки и обрывки своих тем и образов.

Вплывавшая иезуитский тезис о цели, оправдывающий средства, в уста советского человека, на все лады глумясь над идеалами коммунизма, Абрам Терц усиленно иллюстрирует клеветническую формулу антисоветской пропаганды, что "хороший социализм" - это "свободное рабство" /"Суд идет"/.

Иллюстрации этого положения посвящена и повесть "Любимов", самое объемное произведение, наиболее полно выражающее "идейную концепцию" и "художественный метод" Абрама Терца.

Если в предыдущих своих повестях Абрам Терц задавался целью оклеветать наши идеалы, наше общество, так сказать, по частям, то здесь, в "Любимове", автор пытается "снять" проблему построения коммунизма в целом, в "историческом" разрезе раз и навсегда! - не больше, не

меньше. Для этого он пародирует тезис о построении социализма в одной стране изображением неудавшейся попытки такого построения в одном заштатном городе Любимове, стоящем среди лесов и болот, в стороне от мировой цивилизации.

"История заштатного города Любимова - это - в капле воды - история всего необ'ятного коммунистического мира, в первую очередь - коммунистического СССР", - пишет автор предисловия к вашингтонскому изданию книги белоэмигрант Б.Филиппов. "Но это не "История города Глупова" Салтыкова-Щедрина. У Салтыкова-Щедрина - позитивистическая желчная карикатура, вполне реалистическая, плоская, не идущая дальше эпидермы явлений", - присовокупляет он. "Любимов Терца - современнее - и глубже..." Еще бы! Терцевское "творение" современнее уже потому, что "списав" опять-таки чисто внешний рисунок щедринской сатиры с ее фантастической гиперболой, А.Терц подбавил к ней и кое-какие "окуровские" краски, поставив во главу угла своей конструкции, рассчитанной на невзыскательный вкус обывателя, замятинское "Наше уездное". Для изображения своего заштатного городка автор обокрал также и некоторые произведения советской литературы 20-х годов, рисуящие Россию неповских времен, прихватив, кстати, и кое-какие словесные приемы орнаментальной прозы.

А.Терца не смущает, что украденные им приемы, образы, сюжетные ходы, характеристики несут совершенно иные, прямо противоположные идейные и художественные функции, служат диаметрально противоположным общественным задачам. Беззастенчивый похититель с чувством полной безнаказанности /в Вашингтоне не разберут, а разберут, так не осудят!/ перемолол все, вместе взятое, сдобрил порцией наисовершеннейшего западного модернизма, подперчил щепоткой ремизовщины и, пропустив сквозь призму смердяковщины, подчинил требованиям своего заказчика и своей собственной разнузданной ненависти ко всему советскому.

Случайно получив в свои руки мистическую книгу покойного барина Проферансова "Психический магнит", "зачитавшийся в уме" велосипедный мастер Тихомиров обретает дар гипнотического внушения и свергает партийное руководство города.

Далее, путем все того же гипноза, Тихомиров внушает всем гражданам, включая грудных младенцев, что они хотят его "царем", и празднует свою свадьбу с местной вамп, Серафимой Петровной, претворяя тем же порядком воду местной речушки в шампанское /и божественное евангелие не оставил без внимания расторопный автор/. Той же силой вну-

шения искусственная минеральная вода превращается в чистый спирт, гнилые огурцы - в колбасу и т.д. Все верят, пьют, едят, хвалят новоявленного чудотворца, и только собак не удается обмануть: они претворенную колбасу не едят.

Таким образом, руководствуясь барским трактатом, узурпатор правит Любимовым, внушая жителям, что они сами хотят работать до упаду, не только не получая ничего взамен, но отдавая и все то, что имели. Супермен Тихомиров со своим подручным "летописцем" из "бывших" /потомком барина Проферансова, который изображается возможным прародителем и самого Тихомирова/ слепо выполняет волю своего мистического диктатора. Узурпатор, воруящий незаслуженное им доверие народа, совершает все единолично, включая и оборону города от посланной "из Москвы" карательной экспедиции, замаскированной под туристскую группу. И магнетическая сила его, наконец, иссякает, включаясь непроизвольно для того, чтобы поднять в воздух бабу на помеле, и отключаясь как раз тогда, когда надо отражать наступление врагов. Диктатура Тихомирова гибнет.

"Рассыпается материалистически-магический мирок - город внутреннего коммунистического счастья и благополучия - Любимов", - радуется Борис Филиппов, тут же и сетуя, однако, что социалистический распорядок жизни вообще-то не сокрушен в "общеимперских" масштабах, и остается лишь уповать на "силу" "подпольной и полузапретной литературы", в том числе на того же Терца - Синявского.

Вполне уложившись в предложенное "покупателями" прокрустово ложе зарубежной антисоветчины, творения Абрама Терца обнаружили свою паразитическую сущность, идейную и художественную несостоятельность.

Есть, впрочем, у этого автора и нечто бесспорно свое, "задушевное". Это, во-первых, порнография, рядом с которой самые рискованные пассажи Арцыбашева выглядят литературой для дошкольников.

Это, во-вторых, стойкий "аромат" антисемитизма, которым веет уже от провокационной подмены имени Андрея Синявского псевдонимом - Абрам Терц. Повсеместно и не без умысла рассеяны в его "трудах" замечаньица типа: "наглый и навязчивый, как все евреи"... "но что он мог понимать в русском национальном характере, этот Соломон Моисеевич?!" и т.д. Все это составляет "букет" весьма определенного свойства. Неистребимый, провокационный запах этого "букета" никак не снимается многослойной иронией, призванной помочь автору в любой момент установить свою "непричастность" к им же написанному.

И, наконец, в-третьих, настойчиво повторяющийся, переходящий из

повести в повесть, мотив страха перед арестом и предвидение неизбежности его. На эту тему написан даже целый рассказ "Ты и я", в котором маниакальный ужас перед арестом приводит "героя" к самоубийству. Пожалуй, ни одно произведение Абрама Терца не обходится без панических воплей в духе звучащего "лирическим отступлением" обращения любимовского летописца к усопшему барину Проферансову. Оно свидетельствует, кстати, о том, что сам-то Синявский отлично понимает антисоветскую сущность своих сочинений:

"Я сижу и трясусь, что обыщут и обнаружат под половицей эту рукопись и тогда уж по ней нас всех до одного выловят. Слушай, профессор. Ты же мой соавтор. Припрячь временно где-нибудь там у себя нашу повестушку. Пускай полежит пока в каком-нибудь твоём недоступном сейфе... Есть же у тебя укромное место. Тайничок какой-нибудь. Прийти до срока. Разве это не твоё добро?"

Да, "творения" Терца и Аржака - безусловно, "добро" старого мира, который, как мы уже знаем, охотно принимает и публикует их "манускрипты", во всеуслышание об'являя, за что именно к ним благоволит. "Интеллектуальный портрет Синявского-Терца так же двойствен, как и его имя, - заявляет автор журнала "Эспрессо", - открытая деятельность историка литературы и литературно-художественная критика... и подпольные рассказы, отправляемые за границу"...

Эта исчерпывающая характеристика творческого облика "внутреннего эмигранта" вряд ли нуждается в добавлениях. Наследники Смердякова, нетерпимые в нашей среде, нашли своих ценителей, издателей и почитателей в среде зарубежной реакции, все еще не теряющей надежду на то, что удастся сколотить "советское литературное подполье". Напрасные надежды, господа!

З.Кедрина

"Литературная газета" № 10, 22 января 1966 г.

Статья Кедринной увеличила поток писем-откликов, направленных в различные инстанции и газеты.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Операция Синявский-Даниэль протекает в соответствии с классическими формами. После мощной обвинительной речи, опубликованной "Известиями", последовали возмущенные письма читателей, требующих показательной кары. Наступление на писателей ведется и литературной критикой.

За подписью г-жи Кедринной "Литературная газета" опубликовала в субботу утром большую статью, где произведения писателей исследуются очень подробно и, как может показаться, с чисто литературных позиций...

...Г-жа Кедрина не об'ясняет пока, какие пункты обвинения и какие статьи кодекса привлечены для преследования писателей. Конечно, игнорируется и тот факт, что другие писатели, например Декарт и Вольтер, в некоторые периоды тоже печатались за границей.

МОНД, 23 января 1966

ПИСЬМО ИСКУССТВОВЕДА Ю.ГЕРЧУКА РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ"

Уважаемый тов. редактор,

Прочитав в Вашей газете от 13 января статью Дм.Еремина "Перевертыши" и отклики на нее в номере от 18 января, я считаю своим долгом написать Вам, т.к. близко знаю людей, о которых в этой статье идет речь, и мне удалось также познакомиться с произведениями, которые в ней цитируются.

Уже много лет в нашей печати не появлялись статьи, написанные в таком тоне - переполненные грубыми ругательствами, истерическими восклицаниями, столь бессовестно передергивающие и перетолковывающие вырванные из контекста цитаты. Последнее делается тем легче, что предполагаемые авторы сидят в тюрьме и лишены возможности спорить, а подавляющему большинству читателей газеты не опубликованные в СССР произведения незнакомы.

Еремин применяет простейший прием: слова отрицательного персонажа, нарисованного в резко сатирических красках, приписываются автору, без оговорок выдаются за его мнение. В статье - три цитаты из рассказа А.Терца "Графоманы", написанного от первого лица, от лица бездарного непризнанного писателя, который живет впроголодь и исходит завистью, ненавистью, недоверием ко всем, кому "повезло" - к писателям, редакторам, к классикам. Это он, а не автор рассказа, ненавидит Чехова и классиков вообще, он видит в секретаре редактора "девчонку, доступную любому корректору..." Можно ли поверить Еремину, что он этого не понял? Весь тон статьи убеждает в том, что такое использование цитат - результат вполне сознательной ловкости рук, циничный расчет на то, что читателям не удастся сверить тексты.

А вот другой, но не более честный способ цитирования. В повести Н.Аржака "Говорит Москва" герой - на этот раз симпатичный автору и во многом, очевидно, выражающий его мысли - размышляет о средствах борьбы со злом, с насилием. Может быть, оружие? "Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю..." и т.д. Но нет. Размышления идут дальше, герой отвергает террор, он не хочет крови, не хочет убийства. Еремин обрывает цитату перед этим поворотом в мыслях героя и получает нужный ему вывод: "По существу, - пишет он, - это провокационный призыв к террору!"

Естественно, что столь легко разделавшись с цитатами, Еремин чувствует себя свободнее, когда обращается к общему смыслу произведения.

Повесть Терца "Любимов" - сложная, нелегко поддающаяся анализу вещь. Попытка смаху, одной фразой определить ее идею заранее обречена на неудачу. Но для Еремина здесь все просто: "...поставлена задача доказать - не больше, не меньше - иллюзорность и несбыточность самой идеи коммунистического переустройства общества". Однако и это утверждение явно рассчитано на людей, не имеющих возможности проверить Еремина. Да, повесть Терца - произведение сатирическое. Да, она показывает в гротескной, фантастической форме крах попыток без труда, смаху, чисто словесным путем, "при помощи массового гипноза" /цитирую Дм.Еремина/ добиться "всеобщего счастья"... Не тех ли самых попыток, которые теперь, уже после появления повести, широко обсуждались и осуждались у нас под названием "суб'ективизма и волюнтаризма"? И ведь если в финале Любимов возвращается "к старым порядкам жизни" - то это как раз советские порядки. Правда, жил Любимов той не очень завидной жизнью, какой живут многие наши маленькие города,

оставшиеся в стороне от дорог, лишённые промышленности, а вместе с ней и больших перспектив роста. Не случайно проблема "маленьких городов" привлекает сейчас внимание многих советских публицистов. И если писатель показывает, что проблема эта не решается одним только "напряжением воли", достаточно ли этого, чтобы назвать его преступником?

То же самое, в сущности, можно сказать и о повести Н.Аржака "Говорит Москва". Это остро сатирическое произведение, посвященное, несмотря на гротескную фантастичность сюжета, вполне, к сожалению, реальным недостаткам нашей жизни. В том числе тем, которые еще раз проявились в самые последние дни в горячей готовности столь многих людей, не задумываясь, поддержать любую кампанию - например, призывать к расправе над авторами не известных им произведений на основании пяти оборванных фраз, процитированных газетой /см. "Известия" от 17 января/.

Характерно, что, сосредоточивая свое внимание на немногих произведениях Н.Аржака и А.Терца, Еремин обходит другие, не менее значительные - роман Терца "Суд идет", посвященный судебному произволу времен культа личности, его развращающему влиянию на людей не только причастных, но и прямо не причастных к нему, и повесть Аржака "Искушение", посвященную близкой теме - духовному наследию тех же времен, не распутанным до сих пор узлам взаимных обвинений и подозрений, нашей общей ответственности за творившуюся на наших глазах вакханалию доносов и репрессий. Оба эти произведения достаточно ясно показывают, чем вызван сатирический пафос книг Аржака и Терца, против каких сторон нашей жизни, против каких сил и какого наследия они выступают. Но ведь для Дм.Еремина стремление покончить с этим мрачным наследием, разрешить до сих пор не разрешенные вопросы общественной морали - это лишь "болезненный интерес к темным "проблемам жизни"! Не странно ли, что газета, нередко посвящающая свои страницы этим "темным проблемам" - спорным вопросам нашей морали и правосудия - предоставляет их теперь для публикации этой погромной статьи?

Чувствуя, очевидно, недостаточность своих аргументов для объяснения причин ареста писателей и своих нападок на них, Еремин прибегает к более общим обвинениям, которые никак не пытается аргументировать, и которые нельзя вывести из цитируемых им произведений. Тут и клевета на армию, "бессмертный подвиг которой спас народы Европы от истребления гитлеризмом" /он забывает только добавить, что один из обвиняемых - Ю.Даниэль - участник этого подвига, раненный на вой-

не, которую он прошёл рядовым/. Тут и "разжигание вражды между народами и государствами" - тоже ничем не доказуемое, и т.д...

Еще одна характерная для Еремина частность. Он пишет: "Русский по рождению, Андрей Синявский прикрывался именем Абрама Терца. Зачем? Да только с провокационной целью..." и т.д... Я знаю многих советских писателей-евреев, чьи псевдонимы звучат вполне по-русски. Это не вызывает ни у кого удивления, мне не приходилось читать упреков этим писателям в каких-либо задних мыслях. Почему же русский автор, назвавшийся именем и фамилией, напоминающими еврейские, должен вызывать такой гнев и обвинение в том, что сделано это, якобы, для доказательства существования у нас антисемитизма? Странное доказательство! Но зато самые эти намеки Еремина на то, что недостойно "русского по рождению" называться еврейским именем - вполне достаточное доказательство существования антисемитизма, и не где-нибудь, а среди авторов, пишущих в "Известиях".

С пафосом защищает Еремин от критики А.Синявского некоего писателя, который, по его мнению, "выступает активным, верным помощником партии, сыном своего народа", возмущенно цитирует статью Синявского, не упоминая, однако, кому она посвящена. И это не случайно. Ведь имя Ивана Шевцова, автора романа "Тля", разбору которого посвящена цитируемая статья Синявского, стало уже одиозным, - вся советская критика, самые разные газеты и журналы выступили единодушно против романа, посвященного пропаганде иллюстративно-натуралистического направления в искусстве и оплевывающего всех, кого оно не удовлетворяет, романа, положительные герои которого не знают других средств борьбы со своими противниками в искусстве, кроме многократных доносов на них. В чем же состоит "лицемерие" критика, всегда открыто боровшегося с такого рода литературой? Если по поводу неизданных в СССР произведений Терца и Аржана многие вынуждены будут верить Еремину на слово, то оценку критической деятельности А.Д.Синявского легко проверить.

Не являясь филологом, я все же утверждаю, что его многочисленные и весьма значительные критические и историческо-литературные статьи будут свидетельствовать в его пользу. Достаточно напомнить написанное им обширное предисловие к недавно изданным стихотворениям и поэмам Б.Пастернака - по существу, первую монографию о крупнейшем поэте нашего времени. Необычайная острота и свежесть восприятия стиха позволяет Синявскому раскрыть всю глубину и сложность ощущения жизни, свойственную большому поэту.

Вот прочитана большая - на четыре газетных столбца - статья Еремина. Я перечитываю ее снова и снова, стремясь понять, чем же все-таки вызван арест писателей, длящийся уж несколько месяцев? Фактом опубликования произведений за границей? Но известно, что само по себе это не преступление, что в советских законах нет статьи, запрещающей это. Сатирической направленностью их произведений? Но сатира - необходимое средство общественной гигиены, средство преодоления недостатков, ликвидация застоя. Без нее общество загнивает. Для меня несомненны высокие художественные качества произведений Аржака и Терца, глубокая выстраданность их критического пафоса. Я не считаю вообще, что содержание художественного произведения может быть объектом судебного разбирательства. Да, Н.Аржак и А.Терц не соразмерили размаха своей сатиры с мнениями начальства /как не делали этого в свое время Свифт или Салтыков-Щедрин/ и поэтому были вынуждены печататься за границей. Достаточно ли этого, чтобы объявить их клеветниками? Клевета - понятие юридическое, ее наличие необходимо доказать и при этом не путать /злонамеренно или по недостаточности грамотности/ с художественной гиперболой, с сатирическими приемами заострения. Пока что клевету гораздо легче обнаружить в статье самого Дм.Еремина, в его шулерских приемах передергивания вырванных из контекста цитат.

Вот почему возникают тревожные вопросы о причинах напечатания такой статьи сейчас, когда Ю.Даниэль и А.Синявский уже более четырех месяцев находятся в тюрьме, когда предстоит, очевидно, суд над ними. Для чего печатаются "отклики" людей, явно знающих о деле лишь по статье Еремина, судящих о писателях лишь по перетолкованным им цитатам? Для чего создается непосредственно перед судом эта накаленная истерическая атмосфера, хорошо знакомая нам по печально известным кампаниям против Пастернака, против "врачей-вредителей", против "антипартийной группы театральных критиков" и т.п. - обстановка, менее всего способствующая необходимому на суде выяснению истины и установлению справедливости? Возникает и вопрос о том, не базируется ли эта статья на материалах следствия, и не будут ли, в таком случае, обвинения на суде столь же голословными и необъективными, как у Дм.Еремина?

Вот эта тревога и заставляет меня обратиться к Вам с письмом, хотя атмосфера, созданная вокруг дела Даниэля и Синявского не дает мне надежды на то, что оно будет напечатано, а бесцеремонное обращение Вашего автора с цитатами заставляет опасаться того, что и мое

письмо может быть подвергнуто подобной операции. Тем не менее, я пишу Вам, потому что считаю необходимым сказать, что среди советской интеллигенции /думаю, что имею право говорить не только о себе, но и о тех, чье мнение по этому поводу мне известно/ есть, вопреки утверждению Еремина, люди, глубоко обеспокоенные фактом ареста писателей за их литературную деятельность и возмущенные газетной травлей людей, не имеющих возможности ответить на обвинения и опровергнуть возводимую на них клевету, тем более, что явная недобросовестность статьи Дм.Еремина ясна и многим из тех, кто не имеет возможности его проверить.

Это письмо было в основном написано, когда появилась еще одна обширная статья о произведениях Н.Аржана и А.Терца - статья З.Кедриной в "Литературной газете" от 22 января. На первый взгляд она может показаться попыткой перевести разговор о них в иной, более деловой и приличный план. "Чисто литературоведческий", почти академический разбор художественных произведений, выяснение литературных традиций и влияний - так построена статья. Но при внимательном знакомстве с ней становится ясно, что весь этот академизм лицемерен. Автор не может не знать, что от оценки этих произведений, которая будет принята судом, будет зависеть во многом и судьба обвиняемых, и все силы прилагает к тому, чтобы поставить их вне искусства, вне литературы. Поэтому, устанавливая факт следования литературным традициям, при этом - не тем, на которые опирается большинство наших писателей /традиции Ремизова, Замятина, и др., к которым добавляется еще Арцыбашев - уже явно лишь для дискредитации автора/, З.Кедрина уверяет, что тем самым творчество Терца лишено всякой самостоятельности, "состоит из надерганных кусков" и т.п... Она не замечает даже, что ее собственные слова о "многослойной иронии" Терца противоречат ее же утверждениям о плоскости, художественной беспомощности его произведений. Характерно для нее и столь же беззастенчивое, как у Еремина, клеветническое перетолковывание цитат - в частности, той же самой цитаты из повести "Говорит Москва", используемой для чудовищного вывода, противоречащего всему духу в статье... /Пропуск/ Кедриной продолжение и расширение клеветнической кампании против арестованных писателей и усиливает тревогу за их судьбу.

Ю.Герчук - искусствовед

Москва, Рублевское шоссе, д93, корп. 1, кв. 8

/Конец января 1966 г./

ПИСЬМО ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА Н.РОДНЯНСКОЙ
В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В Президиум Верховного совета СССР
/Копия направлена в редакцию
"Литературной газеты"/

В "Известиях" и "Литературной газете" недавно были опубликованы статьи Д.Еремина и З.Кедриной о причинах привлечения к судебной ответственности А.Синявского и Ю.Даниэля. Разумеется, сам факт печатной информации о предварительных результатах следствия можно только приветствовать /хотя предпочтительно было бы получить такую информацию из официальных, полномочных источников/. Однако в обеих статьях звучат ноты, которые побудили меня обратиться в столь высокую инстанцию, чтобы выразить свое недоумение и серьезную тревогу.

Я не буду останавливаться на тоне, которым написана статья Д.Еремина. Замечу только, что набор ругательств /"бездонное болото мерзости", "грязные помои клеветы", "брызжут ядом" и т.п./ вряд ли годится в качестве оружия для самой непримиримой полемики и в качестве средства для самого безоговорочного осуждения - и не может не унижить того, кто выражает свои чувства подобным образом. Кроме того, явственное стилистическое совпадение этих формулировок с формулировками, принятыми в печати в годы незаконных репрессий, вызывает естественное отталкивание и настороженность. Но это вопрос, в основном, этический.

Я же хочу обратить Ваше внимание на другое - на попытку авторов обеих статей до начала судебного процесса и вместо лиц и органов, ведущих этот процесс, составить собственное, "самодеятельное", так сказать, обвинительное заключение, обнародовать его и тем самым, вольно или невольно, оказать давление на ход судебного разбирательства.

В самом деле, Д.Еремин формулирует свои обвинения весьма конкретно и четко: провокационный призыв к террору, преступления против советской власти, поступление на службу к оголтелым, самым разнузданным врагам коммунизма, пособничество поджигателям войны. З.Кедрина утверждает, что не претендует на юридическое определение вины Синявского и Даниэля, - через несколько абзацев дает, по существу, такое определение, произнося слова: "антисоветская пропаганда",

"иллюстрация к фашистской программе кровавых войн и спровоцированных путчей". Суду предстоит установить, есть ли в действиях подсудимых состав преступления против советской власти и ее законов; но авторы статей игнорируют эту работу, предстоящую судьям, прокурору, защитнику, свидетелям - всем участникам сложной, юридически обоснованной процедуры; они полагают, должно быть, что такие "тонкости" ни к чему, им все ясно наперед. Мне кажется, это откровенное неуважение к суду, к важности стоящей перед ним задачи - неуважение, граничащее с нигилистическим убеждением, что судебная процедура - не более, чем пустая формальность. Меня поражает факт публикации таких статей ответственнейшими органами центральной печати без каких-либо редакционных оговорок и комментариев.

Хочется подчеркнуть еще одно обстоятельство. Даже человеку, юридически неграмотному, ясно, что уголовному преследованию может подвергаться не факт публикации каких-либо сочинений за рубежом /здесь действует суд общественного мнения/, а антигосударственный, противозаконный характер этих сочинений. Значит, самый тонкий, серьезный и решающий пункт следственно-судебного процесса - это вопрос о квалификации подследственных материалов. Поэтому особенно недопустимо оказывать давление на работников суда в этом вопросе, от решения которого в ту или иную сторону фактически зависит ход процесса и судьба подсудимых. Ведь суд располагает возможностью прибегнуть к услугам любых экспертов, которых он сам изберет.

Между тем, статьи Д.Еремина и З.Кедриной стремятся создать впечатление, что такого вопроса вообще не существует. Между сочинениями, относящимися к области литературного вымысла /каково бы ни было идейно-художественное качество этого вымысла/, и определенными провокационно-пропагандистскими призывами, лозунгами, программами авторы статей ставят знак равенства с такой легкостью, как будто это нечто само собою разумеющееся. Так, З.Кедрина всю совокупность литературных приемов Абрама Терца /среди которых она называет такие специфические, присущие беллетристике, как фантастика, многослойная ирония, пародийная стилизация и литературные реминисценции из известных писателей/, не задумываясь, определяет как камуфляж, за которым скрываются два-три тезиса антисоветской пропаганды. В качестве аргументации З.Кедрина пользуется приемом, недопустимым даже в литературно-критической полемике обычного характера, когда речь идет не о судебном приговоре, а о литературной репутации, - она отождествляет точку зрения автора с речами и поступками персона-

жей. Она так и пишет: "Терц неотделим от той мерзости, в какой пребывают его персонажи". Тот же прием использует Д.Еремин в отношении Аржака: "Автор устами своего "героя" обращается к читателю с таким призывом..." Кроме того, З.Кедрина для подкрепления своей точки зрения приводит высказывания эмигрантского литератора Б.Филиппова - свидетеля несомненно тенденциозного. Ведь нам известно, что даже "Продолжение легенды" А.Кузнецова было издано во Франции с предисловием, напоминающим филипповское.

Всем еще памятливы те времена, когда люди подвергались репрессиям за "переверзевщину" или "вейсманизм-морганизм", когда те или иные взгляды, высказанные в литературных, научных, философских сочинениях, безоговорочно квалифицировались как антисоветские политические маски, которые следует сорвать. И в интересах советской законности и советской общественности - проявить особенное, быть может, даже подчеркнутое внимание к тому, чтобы всякая возможность подобных прецедентов была исключена из нашей жизни навсегда.

Я не знакома с литераторами, находящимися под следствием, не читала их сочинений /за исключением публиковавшихся в советской печати статей А.Синявского/ и, разумеется, не берусь судить о характере и степени их вины. Но я не могу не выразить решительного несогласия с безответственными и бестактными попытками вмешаться в нормальный ход судебного процесса и психологически дезориентировать тех, кому доверено его вести.

С уважением

И.Роднянская, член Союза писателей СССР.

Мой адрес: Москва, Студенческая ул.д.28, кв.26

1.2.1966

Поиски адвокатов для Синявского и Даниэля начались в декабре. Вот коротко этапы этих поисков.

Председатель коллегии адвокатов Самсонов, обещавший взять на себя защиту Синявского, отказался выступать по этому делу. Есть основания предполагать, что этот отказ был вынужденным.

У адвоката Симеса, выбранного семьями, не оказалось допусков к делам, связанным с государственной безопасностью.

Кандидатура защитника Каминской была отведена коллегией адвокатов без объяснения причин.

По совету Самсонова и после утверждения кандидатур коллегией адвокатов, родственники Синявского и Даниэля вынуждены были остановиться на адвокатах Когане и Кисенишском.

Защитой были собраны отзывы писателей и литературоведов о творчестве обвиняемых. Среди них были отзывы: К.И.Чуковского о переводах Даниэля, К.Н.Паустовского и Л.З.Копелева о произведениях Терца и Аржака, В.В.Иванова о творчестве Терца и другие.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДА В.В.ИВАНОВА
В ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ

/В ответ на ее запрос/

В юридическую консультацию Бауманского района

Познакомившись в последнее время с сочинениями Абрама Терца, на основании которых обвиняется А.Д.Синявский, я утверждаю, что в них не содержится ничего, что могло бы дать повод для уголовного преследования.

Большинство произведений А.Терца написано в традиционной для нашей литературы сказовой форме /имеется в виду "сказ" в терминологическом смысле/. Особенностью сказа является то, что повествование ведется от лица героя, который отнюдь не совпадает с автором. Поэтому, например, все высказывания, сделанные в повести от первого лица /"Любимов"/, следует отнести к совершенно конкретному рассказчику-персонажу этой повести, а вовсе не к автору повести. Автор относится весьма критически к этому условному персонажу, что видно в особенности из заключительной главы повести. Как это принято в сказовой прозе, некоторые высказывания рассказчика введены намеренно, с целью показать читателю уровень этого рассказчика, существенно отличный от реального авторского. Несовпадение условного автора /т.е. того рассказчика, от лица которого ведется повествование и вставляются лирические куски/ и настоящего автора характерно и для повести "Суд идет" /в этом отношении особенно показателен эпилог этой повести/. Поэтому отдельные цитаты /хотя бы и сказанные от первого лица в обеих повестях/ не могут быть приписаны Абраму Терцу и тем более служить для уголовного преследования автора. Непонимание этого может проистекать только от неумения /или нежелания/ разобратся в специфике художественной литературы /в особенности ее

сказовой формы, характерной для русской прозаической традиции/, решительно ее отличающей от других видов литературы.

Такая форма сказа с условным рассказчиком, существенно отличным от реального автора, была намечена еще в прозе Пушкина - в "Повестях Белкина" и в "Истории села Горюхина", где все повествование ведется от имени вымышленного действующего лица.

Далее этот прием сказа был развит Гоголем и его продолжателями, прежде всего Достоевским, отмечавшим в своих письмах, что в его повести говорит не автор, а герой, и Лесковым. Позднее именно эта форма повествования получила особое развитие в советской прозе двадцатых годов и тогда же нашла теоретическое осмысление в трудах В.М.Эйхенбаума, М.М.Бахтина и других наших исследователей структуры художественной речи. Относительно связи этих теоретических структурных работ с практическим использованием сказа в советской литературе мне уже приходилось писать /см. комментарий к кн. Выгодского "Психология искусства", М.1965, стр. 362/. После структурных работ указанных советских ученых в отечественной и мировой литературе о языке художественной литературы, можно считать установленным, что в художественной прозе, принадлежащей к сказовой традиции, сознательно выдвигается на первый план "чужое слово" /термин Бахтина/, отличное от авторского. Этот бесспорный вывод современной науки следует постоянно учитывать при анализе произведений А.Терца, талантливо продолжающего и развивающего указанную традицию русской литературы. С собственно лингвистической точки зрения особенно интересно то, что в сказовой прозе /в частности, в произведениях А.Терца/ личное местоимение первого лица единственного числа и глагольные формы, имеющие эти грамматические значения, заведомо относятся не к реальному автору. Если для наглядности воспользоваться примером из классической русской прозы, можно сослаться на нелепость предположения, что Пушкин говорит о самом себе в таких строках "Истории села Горюхина", как, например: "Звание литератора всегда казалось мне самым завидным. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме азбуки, купленной для меня, календарей и новейшего письмовника, никаких других книг не находилось". Или: "Таким образом, уважение мое к русской литературе стоило мне тридцать копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста, а все даром". Столь же нелепым было бы предположение, что, например, в эпилоге повести "Суд идет" речь идет об аресте реального автора повести,

что в повести "Любимов" или в рассказе "Графоманы" можно найти в прямой речи выражение мыслей реального автора.

Эти несомненные положения, вытекающие из анализа художественных приемов сказовой прозы, делают бесспорным то, что цитаты из этой прозы не могут приводиться в качестве доводов для уголовного обвинения автора. Более того, указанные научные аргументы достаточны для того, чтобы утверждать, что проза, написанная в такой художественной форме, в принципе не может служить основанием для привлечения ее автора к уголовной ответственности по статье закона, где упомянута "литература" вообще, без оговорки, что в данном случае в понятие "литература" может быть включена и художественная литература, в частности, ее сказовая разновидность. Таким образом, сама постановка вопроса о привлечении к уголовной ответственности автора произведения с научной точки зрения является неправомерной.

В повести "Суд идет" и в рассказе "Гололедица" сатирически изображены отдельные сотрудники органов государственной безопасности и прокуратуры периода, предшествующего 1953 году /за исключением эпилога, о котором говорилось выше/. Деятельность этих органов в тот период подвергалась позднее еще более суровой критике в нашей печати. Поэтому указанные места сочинений А.Терца ничем не отличаются от очень большого числа художественных произведений, мемуаров и статей, опубликованных у нас после 1956 года. Если автора произведений А.Терца собираются судить за критику органов государственной безопасности и прокуратуры до 1953 года, то об этом нужно об'явить открыто. Следует тогда прямо сказать, что речь идет о попытке в ходе следствия пересмотреть сложившуюся у нашей общественности на протяжении последних десяти лет точку зрения по этому вопросу.

Повесть "Любимов" не является политическим произведением и даже отдаленно не может быть истолковано как таковое. В этой повести весь сюжет строится на совершенно фантастических предпосылках, никак прямо не связанных с фактами реальной действительности. Достаточно напомнить о чудесной психологической силе героя повести, о связанных с этой силой чудесах, им производимых, о введении в повесть умершего сочинителя старинной книги, где герой почерпнул источник чудодейственной силы. Разумеется, можно относиться отрицательно к такому фантастическому приему художественного творчества, но за него нельзя судить. При желании непременно истолковывать эту повесть не только как вымысел, можно было бы предложить и такое ее истолкование: повесть рассказывает о том, как оказывается тщетной попытка

авантюристически настроенного молодого человека изменить характер власти в небольшом нашем городе. Сам этот молодой человек изображен сатирически, как явно отрицательный персонаж. Почему изображение врага нашей власти следует считать опасным для этой власти? Можно спорить о том, насколько образ Тихомирова удался автору, но опять-таки здесь нет никакого повода для судебного преследования.

Элементы фантастики содержатся и в повести "Суд идет", входящей в цикл фантастических повестей, что уже не дает права толковать эту вещь в чисто реалистическом плане. Напомню хотя бы о драге в канализационной сети, фигурирующей в качестве мотивировки эпилога повести и подчеркивающей ирреальный, условный план этого эпилога.

Помимо названных произведений и ряда "Фантастических повестей", талантливо написанных в сказовой гротесковой форме и заведомо не связанных с политическими проблемами, А.Терцу приписывается статья "Социалистический реализм" /я знакомился с ней по тексту, напечатанному анонимно во французском журнале "Эспри" в 1959 г./. В статье дается критический анализ проблем истории нашей литературы в XIX и XX веках, причем детально разбираются причины появления так называемой "теории бесконфликтности", подвергнутой у нас резкой критике после пятидесятих годов. В статье дается сдержанная полемика с рядом высказываний Н.С.Хрущева по вопросам литературы и искусства, что само по себе не дает оснований для уголовного обвинения автора. Вместе с тем, автор касается извращений ряда положений марксизма при культе личности, постоянно указывая, что он не спорит с самыми основами советской власти, которые для него овеяны романтикой революции. Такая постановка вопроса во всяком случае не может быть поводом для уголовного преследования. Следует подчеркнуть, что в статье отмечается победоносность марксизма в наш век и отсутствие такой идеологии, которая могла бы спорить с марксизмом.

Таким образом, ни литературоведческая статья, ни художественные произведения А.Терца не дают никаких оснований для судебного преследования. Если А.Синявский является автором этих произведений, то его судить не за что.

Что же касается критических литературоведческих и искусствоведческих работ, опубликованных А.Синявским в нашей печати, то им неоспоримо следует дать очень высокую оценку. Недавно вышедшая монография о русской поэзии первых лет революции, одним из авторов которой является А.Синявский, представляет собой, по существу, первое серьезное исследование по этой теме, исключительно важное как для

научного осмысливания первых лет советской поэзии, так и для популяризации ее достижений. К этому труду А.Синявского примыкают написанные им обстоятельные главы истории нашей литературы и изданная в прошлом году монографическая статья о Б.Л.Пастернаке, предпосланная первому в нашей стране научному изданию стихов великого поэта и продолжающая более ранние статьи А.Синявского о Б.Л.Пастернаке (следует отметить, что сам Б.Л.Пастернак высоко ценил работы А.Синявского о своей поэзии, выделяя их из всех советских и зарубежных, весьма многочисленных, публикаций на эту тему). Работы А.Синявского отличает сочетание глубокого проникновения в суть поэтического текста с тщательностью научного анализа законов и структуры текста. В монографической статье о поэзии Б.Л.Пастернака и в других указанных выше работах А.Синявский обосновывал выводы о звуковых и смысловых связях в поэтическом тексте, которые представляют исключительный интерес для современной структурной теории поэтического языка. Для научного /в частности, семиотического/ исследования искусства большое значение имеет книга о творчестве Пикассо, одним из авторов которой является Синявский.

В своих критических статьях А.Д.Синявский много сделал для отделения подлинных достижений советской литературы от литературного брака, тщательно показывая отличие подлинного искусства от вредной для общества макулатуры /достаточно вспомнить критику сочинения Шевцова "Тля"/. Поэтому перерыв в литературной деятельности А.Д.Синявского не может не сказаться отрицательно на поступательном движении нашей литературы. Вместе с тем, как следует из всего вышесказанного, для этого перерыва, который был бы только вреден для нашей литературы и полезен лишь для ее врагов, нет никаких юридических оснований.

Кандидат филологических наук, заведующий сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР, председатель Комиссии по структурной лингвистике Секции семиотики Научного совета по кибернетике АН СССР.

В.В.Иванов

3 февраля 1966 г.

Защита располагала также отзывами зарубежной печати о произведениях Терца и Аржака, опубликованными до ареста А.Синявского и Ю.Даниэля.

Вот выписки из этих отзывов:

...Это явно сюрреализм, ибо лишь сюрреализм может изобразить режим тайной полиции, тайных арестов и тайных судов.

ЧИКАГО САН ТАЙМС, 25 сентября 1960

...Это необыкновенно хороший роман, независимо от того, в каких условиях он был написан. Влияние Маяковского и романистов Белого и Ремизова видно в импрессионистических вспышках и легкости, с которой Терц применяет образы и символы.

Ричард Маклафлин

СПРИНГФИЛД РИПАБЛИКЕН, 2 октября 1960

... "Суд идет" - может быть, самый замечательный роман, написанный в России за 43 года после революции... Не было бы ничего чрезвычайно удивительного, если бы Абрамом Терцем оказался Илья Эренбург.

ТАЙМ, 3 октября 1960

...Это не соц.реализм. Это использование широкого спектра литературных приемов для показа того, какой была в некоторых кругах советская жизнь в последние дни Сталина.

Гарри Шварц

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БУК РЕВЬЮ, 16 октября 1960

...Автор нападает не на коммунизм в собственном смысле, но лишь на истерические эксцессы последних дней сталинского режима... В книге не выражается доверия к Западу.

АТЛАНТИК МАНСЛИ, октябрь 1960

...У Терца блестящий литературный ум, глубоко воспитанный в интеллектуальной европейской традиции, и великолепный поэтический стиль прозы.

ХАРПЕРС МEGEЗИН, январь 1961

...По моему... Абрам Терц - величайший из здравствующих советских писателей, он пишет глубже всех, интереснее всех, честнее всех.

Гарри Шварц

САТЕРДЕЙ РЕВЬЮ, 11 ноября 1961

...Первое, что можно сказать, - это исключительно хороший роман по любым меркам, а не исходя из обстоятельств, в которых он был написан. Для любого привыкшего к ничему не стоящему вздору, который официально представляет современную советскую литературу, эта книга - вспышка молнии не менее яркая, чем "Доктор Живаго" Пастернака. Это настолько умная и интеллектуально изощренная книга, что первая реакция читателя - усомниться в ее подлинном происхождении... Самое главное: мир приобрел нового писателя величайшей свежести, мастерства, страсти и самодисциплины.

Майкл Фрейн

ГАРДИАН, 29 апреля 1960

...Действие /зловещий фарс, как у Гоголя - страшный и смешной/ происходит в последний год сталинской тирании, в атмосфере слухов о новой чистке, которая произошла бы, проживи Сталин дольше... Его сатира может быть справедливо названа свифтовской: она обладает той же страшной прямоотой и моральной силой, хотя по манере это совсем другое, что-то вроде сюрреалистического сценария. Главное, что роднит ее со Свифтом, - сила, возникающая равно из сильной ненависти и сильной любви.

ГЛАЗГО ГЕРАЛЬД, 30 апреля 1960

... "Суд идет" - тоненький "Петербург" - толстый; "Суд идет" - более или менее современный, "Петербург" - взгляд на 55 лет назад. И все же автор под псевдонимом Абрам Терц не очень далек от А.Белого по стилю и точке зрения... Этот роман кажется атакой на сталинизм, но автор всегда готов пятиться как рак, в убежище чистого коммунизма, не фальсифицированного, который он готов защищать. Книга эта называется "тайным романом молодой России". Прискорбно, что молодежь там осуждают за осуществление естественного права знать - что и почему...

ТАЙМ, 5 мая 1960

"Суд идет" Абрама Терца

...Что поразило меня, так это погруженность автора в почти незыб-

лему верность коммунизму... Насколько можно судить... автор настаивает на чистой, почти церковной вере в идеал, что почти соответствует у нас бунту газеты "Трибун" и левого крыла лейбористов против Гейтскела и подобных ему ревизионистов.

Карл Миллер

ОБЗЕРВЕР, 24 апреля 1960

...Нам говорят, что А.Белый оказал громадное влияние на современную русскую литературу. Читая "Суд идет", легко поверить этому утверждению. Он мог бы быть написан молодым А.Белым: сатира на бюрократию /на этот раз советскую бюрократию/, портрет молодого бунтарского поколения, чувство русской истории, как у А.Белого...

Д.Д.Скотт

САНДИ ТАЙМС, 24 апреля 1960

...Это блестящая жестокая сатира на горстку чиновников с семьями в последние месяцы жизни Сталина...

Р.П.В.

НОРЗЕРН ЭКО, 27 апреля 1960

...Неверно считать Абрама Терца западным бунтарем, выращенным в коммунистической трясине тайными передачами "Свободной Европы". Больше всего он напоминает молодых германских писателей, которые с радостью проклинаят сытую респектабельность и чиновничество из собственного процветающего капиталистического общества. "Суд идет" - скорее осуждение не советского режима, а буржуазного конформизма и мелкого эгоизма, на котором покоится сила этого режима...

Ренальд Брайден

СПЕКТЕЙТОР, 29 апреля 1960

...Это в русской традиции - "Шинели" Гоголя, "Мы" Замятина, "Хулио Хуренито" Эренбурга. Подобно нашей традиции от Свифта до Орвелла... Метод Терца может быть назван социалистическим сюрреализмом... Я думаю, что Терц блестящий писатель... Роман Терца и его критическая статья, подобно роману Дудинцева, есть не акт сопротивления, не проявление полной независимости... Мы не можем относиться к Терцу как к агенту госдепартамента, ибо судит он также и нас.

Н.В.

ФРИДОМ, 7 мая 1960

...Великолепная сатира, в которой главное действие происходит в последнюю фазу сталинской жизни, кошмарный период для стольких русских.

Роберт Грисен
ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ, 13 мая 1960

...После "Доктора Живаго" было неизбежно, что кто-то опубликует еще один роман на чужбине.

УЭСТЕРН МЕЙЛ, 23 июня 1960

...Его мрачная ирония в такой степени идет по традиционным путям, что почти все это могло быть написано Чеховым в 80-ые годы о царском режиме.

Эрик Киеун
ПАНЧ, 27 июня 1960

...Сатирические, горько символические 120 страниц вызывают в памяти последний страшный год сталинской жизни, год заговора врачей, год антисемитских убийств, волны террора, захлестнувшей все советское общество... Поражает размах чувств и обилие характеров, которые Терц сумел вместить в такую маленькую книгу.

Джон Рейменд
ЛИСНЕР, 28 июня 1960

...Абрам Терц ...написал сатиру на последний год сталинского правления.

Пель Вест
НЬЮ СТЕЙТСМЕН, 30 июня 1960

...Роман Терца "Суд идет" яростно сатирический, потому что его первый долг - сопротивляться силе, которая вообще мешает ему писать, но его талант скорее поэтический, чем политический... "Суд идет" - проза поэта, музыкальная по форме и крепко построенная... Терц явно писал бы еще лучше, если бы то давление, которое заставляет его писать тайно и давит на него самого, вдруг исчезло бы. Отнюдь не безумие сказать с наилучшими в мире намерениями, что режим, который загоняет Терца в анонимность, а Тарсиса в сумасшедший дом, действует исходя из опасного непонимания того, каким путем литература достигает расцвета.

Фрэнк Кермед
НЬЮ СТЕЙТСМЕН, 22 марта 1962

"Что такое социалистический реализм?" Абрама Терца

...Это самый серьезный диагноз положения писателя в Советском Союзе.

Артур Шлезингер-младший
/видный американский историк/

...Было бы серьезной ошибкой видеть в авторе антикоммуниста и духовного эмигранта. Он чувствует себя глубоко привязанным не только к России, но и к революции... Как пишет в предисловии польский писатель Чеслав Милош: "Эта статья должна рассматриваться как голос, принимающий участие во внутренней дискуссии среди советских писателей". Эта дискуссия, по временам немая, заслуживает нашего серьезного внимания не как акт холодной войны, но как свидетельство, могущее прояснить нам многое из возможных форм жизни и культуры в коммунистическом мире.

Генри Роберто
НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БУК РЕВЬЮ, 26 ноября 1961

... "О соцреализме" - работа значительная не только потому, что она выше идеологии, но и потому, что эта работа русского, который явно любит свою страну и изучает то, что омертвляет его общество.

Джеймс Иди
МИЧИГАН ДЖОРНАЛИСТ, 24 марта 1962

...Терц, замечательно независимый мыслитель, не хочет ни возврата к дореволюционным порядкам, ни об'ятий с западными демократиями. Он с тоской оглядывается на революцию, но не ортодоксален в отношении ко многим существенным чертам советской жизни и мысли.

Джордж Гибиан
СЛАВИК РЕВЬЮ, сентябрь 1962

"Фантастические повести" Абрама Терца

...Стиль Абрама Терца - исключительно умелая смесь реализма и сюрреализма, в которой компоненты усиливают друг друга.

Кетрин Карпентер
ПРОВИДЕНС ДЖОРНАЛ, 31 марта 1963

...Кто бы он ни был, где бы он ни был, он продолжает писать, и каждая новая его книга подтверждает впечатление от первой — что он, быть может, величайший из живущих русских писателей.

НЬЮ МЕГЕЗИН, 6 апреля 1963

...Редко мы встречаемся с работами писателя, чей литературный путь нам совершенно неизвестен, чьи первые книги уже показывают зрелость таланта. Так обстоит дело с Абрамом Терцем... Эти три тома выдерживают сравнение с лучшими произведениями Сартра, Камю, Орвелла, Беккета, Даррела, они уже явно принадлежат к главной традиции европейской литературы XX века.

Нельсон Хейс

САНДИ ТЕЛЕГРАММ, 7 апреля 1963

...Быть может, он лучший писатель сегодняшней России.

Стивен Росенфельд

ВАШИНГТОН ПОСТ, 21 апреля 1963

...Рассказы в высшей степени сюрреалистические или импрессионистические.

ТАЙМС, 27 июня 1963

...Он, конечно, не реалист, ни социалистический, ни какой другой... Было бы глупо и ошибочно назвать его бунтарем, разве лишь в том смысле, что все серьезные писатели — бунтари. Его издатели не правы, называя его "советским сердитым молодым человеком". У Терца воображение как у Лескова — фантастическое, щедрое в комизме, терпкое, даже горькое, но не озлобленное. Свидетельствует о чрезвычайном даровании то, что он может на 100 страницах открыть перспективы фантазии до пределов высказывания обо всем человечестве. Все, кто интересуется серьезной комической литературой, откуда бы она ни пришла, должны прочитать это.

ТАЙМС ЛИТЕРАРИ САПЛЕМЕНТ, 29 июня 1963

...Ободряет видеть, что русский писатель, даже если он скрывается под псевдонимом Абрам Терц — находится в авангарде молодых писателей всего мира, которые восстают против традиционного реализма и обращаются к литературе выдумки и фантастики.

ВИРДЖИНИЯ КУОТЕРЛИ, лето 1963

... "Гололедица" тайно вывезена из СССР, хотя необходимость этого трудно понять, ибо весь криминал ее в том, что она личная, остроумная, эксцентричная, а не официозная, банальная, утомительная... Странно, что русские запрещают использование удивительных возможностей человеческой фантазии.

БИРМЕНГЕМ ПОСТ, 2 июля 1963

... Создается впечатление, что мы видим, как солидный, законопослушный, со всех сторон проверенный и отредактированный герой советской литературы вдруг сходит с ума и начинает сбрасывать с себя идеологическую обработку и всю осторожность.

ЛИВЕРПУЛЬ ДОН ПОСТ, 3 июля 1963

... Они не кажутся политической подрывной деятельностью, хотя в эпилоге к "Гололедице" автор говорит о рассказах, как об оскорблении для вождей социалистического реализма... Очевидно влияние Гоголя и Кафки.

Эндрью Холл

... Он пишет обо всем - от клоунов до влюбленных - с равным пониманием, глубиной и юмором, в присущей ему фантастической, ни с чем не сравнимой манере.

ТАЙМ ЭНД ТАЙД, 4 июля 1963

... "Гололедица" - сборник из 5 рассказов, каждый из которых отличается несравнимой силой характеров. Ситуации, в которые автор помещает их, эксцентричны /Гоголь?/, но никогда не унижительны для человека. Ясно, что этот своенравный русский - писатель острого ума и острой наблюдательности. Ему даже удается соединить интеллектуальную пресыщенность с миром сказки.

ИСТЕРН ДЕЙЛИ ПРЕСС, 5 июля 1963

... Самое примечательное - и главная причина, почему этого боится режим - это именно новое открытие индивидуальности и внутренней жизни, где реальна только индивидуальность... Еще более опасно то, что это демонстрация настоящего прозрения человеческой судьбы, что человек не может выразить его открыто - вот еще одна тема, которая преследует нас с неотвязной остротой.

ГЛАЗГО ГЕРРАЛЬД, 11 июля 1963

...Важно, что в этих рассказах Терц проявляет впечатляющую фантазию и значительный стилистический диапазон, который при большой самодисциплине и более точной цели может сделать из него очень значительного писателя.

ПАНЧ, 16 июля 1963

.../"Гололедица", герой лицом к лицу с полковником Тарасовым/. Это аллегория: писатель лицом к лицу со сталинской автократией... Хотя, нагромождая логические абсурды, Терц явно выходит из "Шинели" Гоголя, он по писательской технике куда более современный писатель, чем Грин.

Фербенк,
ЭНКАУНТЕР, октябрь 1963

...Вот самая удивительная книга, полученная нами из России после "Доктора Живаго". Как говорит Ж.М.Доменак в прекрасном предисловии, здесь уже идет речь о разрыве и пренебрежении к осторожности... Персонажи книги не представляют собой ничего специфически русского. Однако все они страдают теми же страхами перед доносами или провокацией, тем же комплексом виновности, которые старательно растят в них чиновники режима. И все же они не хотят быть винтиками огромной машины, у них есть свои желания и мысли, совершенно бесполезные с точки зрения победы социализма во всем мире, и этого достаточно, чтобы вызвать подозрение, и в конце концов быть осужденными.

Так же, как от голода рождается галлюцинация, здесь от страха и абсурдности враждебного мира порождается фантастика. И вот бредовая фантастика представляется единственным противоядием против ужаса. Поэтическое чутье Абрама Терца помогает ему скользить от реального к нереальному с такой легкостью, что его жестокая наблюдательность и сила сатирического видения все же делают кошмар менее тяжким, чем сама жизнь, ибо из кошмара можно наконец выйти...

...В этих повестях можно найти склонность к чудесному старых сказок и легенд - волшебницы, ведьмы, крысы, демоны... Но можно также найти в них дружественный юмор, уже подмеченный г-жей де Сталь. Она называла русских "ужанами, вынужденными жить на севере". Но у Абрама Терца есть и мрачный юмор, напоминающий Мишо и Эдгара По еще больше, чем Кафку. Нужно прочитать "Фантастические повести",

чтобы понять, как борются против системы, мужчины и женщины, странным образом на нас похожие.

Жанина Дельпеш

НУВЕЛЬ ЛИТЕРЕР, 21 ноября 1963

...Чудесные по своим образам, удивительные по своей литературной ткани, иногда проникнутые духом экспрессионизма и сюрреализма — такими являются нам повести в стиле барокко Абрама Терца... Отказавшись от "положительного героя" и вернув права "лишнему человеку", Терц ввел в современную советскую литературу еще одно новое измерение. Нисколько не колеблясь, он строит свои литературные произведения на "вечных проблемах": смерть, страдание, ничто, вечность, любовь — вот что вдохновляет Терца в его творчестве... Было бы крайне ошибочным говорить о Терце как об антикоммунисте, ибо он по сию пору находится под обаянием Октябрьской революции... Его резкая ирония по существу не направлена ни против государства, ни за него: она существует, как самостоятельное литературное качество.

МОНД, 28 ноября 1963

... "Фантастические повести" несомненно показывают живое художественное воображение Терца, смелость его стиля, смелую сюрреалистическую образность, великолепное остроумие и, прежде всего, его моральную здравость и честность, — качества, которые ставят его в числе лучших писателей современности.

Темира Пачмус

СЛАВИК ЭНД ИСТ ЮРОПИАН ДЖОРНЕЛ, зима 1963

...Какое впечатление произвело на нас произведение Терца "Гололедица"? Прежде всего, впечатление удивительной фантастичности и иронии. Фантасмагоричность описания, изображение жизни как чего-то абсолютно абсурдного, и действий людей как абсолютно случайных, а также тот талант, с которым все это изображается, живо напоминает нам Кафку и в какой то мере Сэлинджера.

ГАЗЕТ ДЕ ЛЬЕЖ, 20 января 1964

...После смерти Сталина стало казаться, что политическая "оттепель" распространяется и на искусство и литературу. Однако, если не считать некоторой критики сталинского режима, выраженной в направлении и степени, устраивающих новых хозяев Кремля, ничего в литературе не изменилось... В 1958 году тайным путем во Францию прибыл первый текст Абрама Терца. Ж.М.Доменак сказал нам, что, читая его, он испытал одну из самых высоких профессиональных радостей. И действительно, "Социалистический реализм" — это наконец приподнявшаяся крышка над гробом, в котором была захоронена русская мысль. С большой смелостью Терц развивает мысли, поднятые Достоевским в "Записках из подполья", и насмехается над прогрессистскими утопиями — "целью" — священной основой коммунистической идеологии.

...Некоторые сравнивают Терца с Гофманом, с Кафкой. Доля правды в этом есть.

Однако странное искусство, с которым Терц об'единяет, смешивает трудную, будничную реальность с галлюцинацией, напоминает скорее "Преступление и наказание". Можно не преувеличивая утверждать, что после "Доктора Живаго" "Фантастические повести" являются вторым советским произведением истинно русской литературы.

О'з ЭКУТ, 27 сентября 1963

ПОВЕСТИ АБРАМА ТЕРЦА

...Было бы однако упрощением желание обвинить Абрама Терца в вульгарном антикоммунизме. Этот писатель был некогда увлечен идеей Октября и заявляет, что "он решительно ничего не имеет против советской власти". Его острая ирония и сатира и выражение боли и протеста не направлены ни на советский режим, ни на какой-либо его аспект. Они целят выше и направлены против условий человеческой жизни, человеческого Существа, при котором вопрос о режиме делается второстепенным.

Мне кажется, что этот писатель, тонкий и оригинальный, выросший в условиях "материалистической" философии, просто-напросто измучен жаждой, которую не может утолить никакая материалистическая доктрина: жаждой трансцендентности и вечности.

Петр Равич

МОНД, 28 сентября 1963

... "Любимов" Абрама Терца

...В ходе действия поднялась такая литературная дымовая завеса, что я искренне не понимаю, что является об'ектом сатиры... Если бы я был советским цензором, я бы сказал: "печатай, и чорт с тобой!"

Джон Колман

ОБЗЕРВЕР, 11 апреля 1965

... "Любимов" напоминает метафизические захватывающие сочинения оксфордских мыслителей Чарльза Вильямса и С.С.Льюиса.

Майкл Добсон

ИСТЕРН ДЕЙЛИ ПРЕСС, 15 апреля 1965

...Маня Харари /переводчица/ в предисловии вспоминает "Звероферму". Нет, книга Орвелла, как "Робинзон Крузо" и все великие мифы, имеет в основе жестокую простоту, ее можно пересказать, переделать в детскую книгу. "Любимов" для этого слишком ассоциативен, ускользающ, подобно ртути. Несвятой Руси здесь противопоставлена Святая Русь.

Хилари Корк

ЛИСНЕР, 15 апреля 1965

...Смесь Пушкина, Итало Кальвино и "Паспорта в Пимлико"... Это ближе к Тургеневу, чем к Достоевскому, ближе к "Крокодилу", чем к "Тихому Дону".

Ричард Мейн

НЬЮ СТЕЙТСМЕН, 16 апреля 1965

...Не все русские в изгнании водят такси в Париже, мечтая о снежных равнинах детства, - некоторые остаются инкогнито в России, водя перьями по снежным равнинам девственной бумаги; их произведения тайно печатаются за границей, чтобы в один прекрасный день влиться в литературу их родной страны. Так было при царе с Тургеневым, так сегодня при советской власти с таким восхитительным писателем, как Абрам Терц. "Любимов" - гоголевский вариант "Человека, который творил чудеса" Герберта Уэллса...

Если подумать, так, может, через некоторое время создатель Лени Тихоимрова будет об'явлен героем советской литературы.

Р.Черчилль

БИРМИНГЕМ ПОСТ, 17 апреля 1965

...Абрам Терц уже известен английским читателям как автор в высшей степени фантастических и острых сатир на обычаи советского полицейского государства. В этом новом романе он доводит свои суждения до настоящего времени, давая баснословные описания начала, под'ема и падения хрущевской эры... Легко понять, несмотря на тщательно подчеркиваемую разницу в физическом облике, что кипучий честолюбивый гипнотизер Леня Тихомиров напоминает Никиту, столь недавно канувшего в забвение... "Любимов" вообще далек от чисто политического пасквиля и касается не только России. Эта сатира задевает многое на Западе. Это самая острая ирония русской литературы, занятой вечными проблемами, с помощью которых современная русская литература возвращается в содружество литератур мира... Запрет ее смехотворен и неизбежен. Смехотворен, ибо лишает СССР всего, что могут дать самые оригинальные и смелые писатели, и благодаря этому совершенно ясно, что Терц и ему подобные любят свою родину так глубоко, как ее любил Пастернак. Запрет неизбежен по той же причине... Любя Россию, Терц принимает эту любовь слишком всерьез. Настоящий вопрос, над которым размышляет Леня - как вернуть любовь в человеческое сердце, а идеологи коммунизма, оставаясь взаперти, в монолитном самодовольстве, не могут допустить, что этот вопрос нужно задать.

С.С.

ГЛАЗГО ГЕРАЛЬД, 17 апреля 1965

...Вероятно, автор христианин и задает немарксистский вопрос: кто восстановит любовь в человеческом сердце?

Джон Боден

САНДИ ТАЙМС, 18 апреля 1965

... "Любимов" - блестящая сатира, роман в самых высоких русских традициях... Это сложная сатира для размышляющих русских читателей. Сатира эта распространяется как на христианство, так и на коммунизм... Это сатира на всю русскую жизнь, на ее бюрократию, бездельность, антисемитизм. Но это сатира слишком страстная, чтобы ее можно было принять за какую-то пропаганду.

ТАЙМС, 22 апреля 1965

...Это скорее русская сказка, чем "Звероферма".

Изабел Мюррей

СКОТСМЕН, 24 апреля 1965

... "Любимов" - легкий, порою чересчур причудливый роман, где-то напоминающий произведения Олеши 20-х годов.

ТАЙМС ЛИТЕРАРИ САППЛЕМЕНТ, 29 апреля 1965

... "Любимов" был оценен американским критиком как возможно самая значительная русская книга этого десятилетия... История Лени дает автору возможность для иронических и политических суждений, но, в основном, это веселая книга, написанная с легким сердцем и часто очень смешная.

Р.О.Х.

ДЕЙЛИ ИКЗЕМИНЕР, 21 мая 1965

... Если писатель хотя бы немного не похвалит дело коммунизма, у него мало шансов напечататься в СССР. От этого понижается литературный уровень. Но иногда, благодаря уму и ловкости издателей, которые ухитряются тайком вывозить рукописи в свободные страны, появляются романы значительной важности. Один пример - "Доктор Живаго", другой - "Любимов" Терца.

НОРЗЕРН ДИСПЕТЧ, 23 июня 1965

... Его великолепный новый роман не должен быть воспринят в Америке /как он несомненно будет!/, как политическое, антикоммунистическое произведение. Тема его - человек... На общечеловеческом уровне Терц показывает, что не только любая власть развращает, но что это также делает любое безвластие... На местном, русском уровне он высмеивает шовинизм и антисемитизм нового советского правящего класса... "Любимов", "Суд идет" и повесть "Гололедица" делают его крупной фигурой в мировой литературе.

Поэт Питер Вирек, 24 июля 1965

... В общем, вся книга может читаться, как длинный анекдот - вроде тех, которые русские рассказывают друг другу, чтобы дать выход чувству юмора, не наступая на ноги начальству... Терц - прирожденный бунтарь, а не антикоммунист, и можно содрогнуться, с улыбкой подумав, что бы он написал о недостатках нашего "великого общества".

С.К.Овербек

РИПОРТЕР, 21 октября 1965

"Говорит Москва" Николая Аржака

...В конечном счете, автор проявляет свою любовь к стране, которую он судит столь сурово... Нет нужды говорить, что это неэффективная критика советского режима, ей не хватает интенсивности и силы "Одного дня Ивана Денисовича" с его разящей критикой сталинской эры... Это не голос официальной Москвы, но это и не голос недовольной Москвы.

БУКС ЭБРОАД, № 1, 1964

Вот еще несколько штрихов к личности обвиняемых и характеристике их места в советской литературе. Несомненно, защита могла собрать значительно больший материал.

29 июня 1957

Дорогой Андрей Донатович!

От всей души благодарю Вас за доставленную радость. Независимо от того, кому посвящена она, великим удовольствием было прочесть статью, с такой исчерпывающей сжатостью выражающую существо разбираемого и его "душу", "философию", и которая была бы написана с таким естественным изяществом, напоминая лучшие в этом отношении впечатления юности, вроде Аксаковской биографии Тютчева или Страховских статей о Фете.

С какой счастливой законченностью поняли Вы все главное во мне! И как до конца, без остатка, прозрачно и стройно изложили, развили и раз'яснили! Часть широкого материала, который Вы привлекли и охватили, и которым так увлекательно пользуетесь, целиком его себе подчинив, я встречаю в первый раз, - она мне была неведома; о другой я забыл.

Исправьте две описки в приводимых Вами примерах. На стр. 13:

Казалось альфой и омегой

/а не казались/ а затем:

Бывало снег несет вкрутую

Что только в голову придет.

/а не "идет"/, т.е. снег несет, что в голову взбредет, как "несут околесину".

Собственно, достоинства статьи /помимо того, что она написана

обо мне/ отнимают у меня всякую надежду на то, что ее примут у Вас, одобряют и, не искромсав, напечатают. Мой опыт подсказывает, что это более чем сомнительно. Больше года шла подготовка и составление моих избранных стихотворений. Над книгой живо и плодотворно поработал составитель И.В.Банников, а я написал для нее биографическое вступление /знаете ли Вы его в рукописи?/ и много новых стихотворений для заключительного раздела. Долго верили, что книга будет издана. Я редко, периодами, и очень слабо разделял эту веру. Но нынешняя обстановка ничего от этих вероятий не оставила. Книжки не напечатывают, так же как и "Доктора Живаго", романа в прозе, об издании которого тоже была речь.

Но если когда-нибудь положение изменится, Ваш разбор, с моей точки зрения, не будет иметь соперников по пронизательности Вашей воспринимаемости, по содержательности мысли и литературной живости формы.

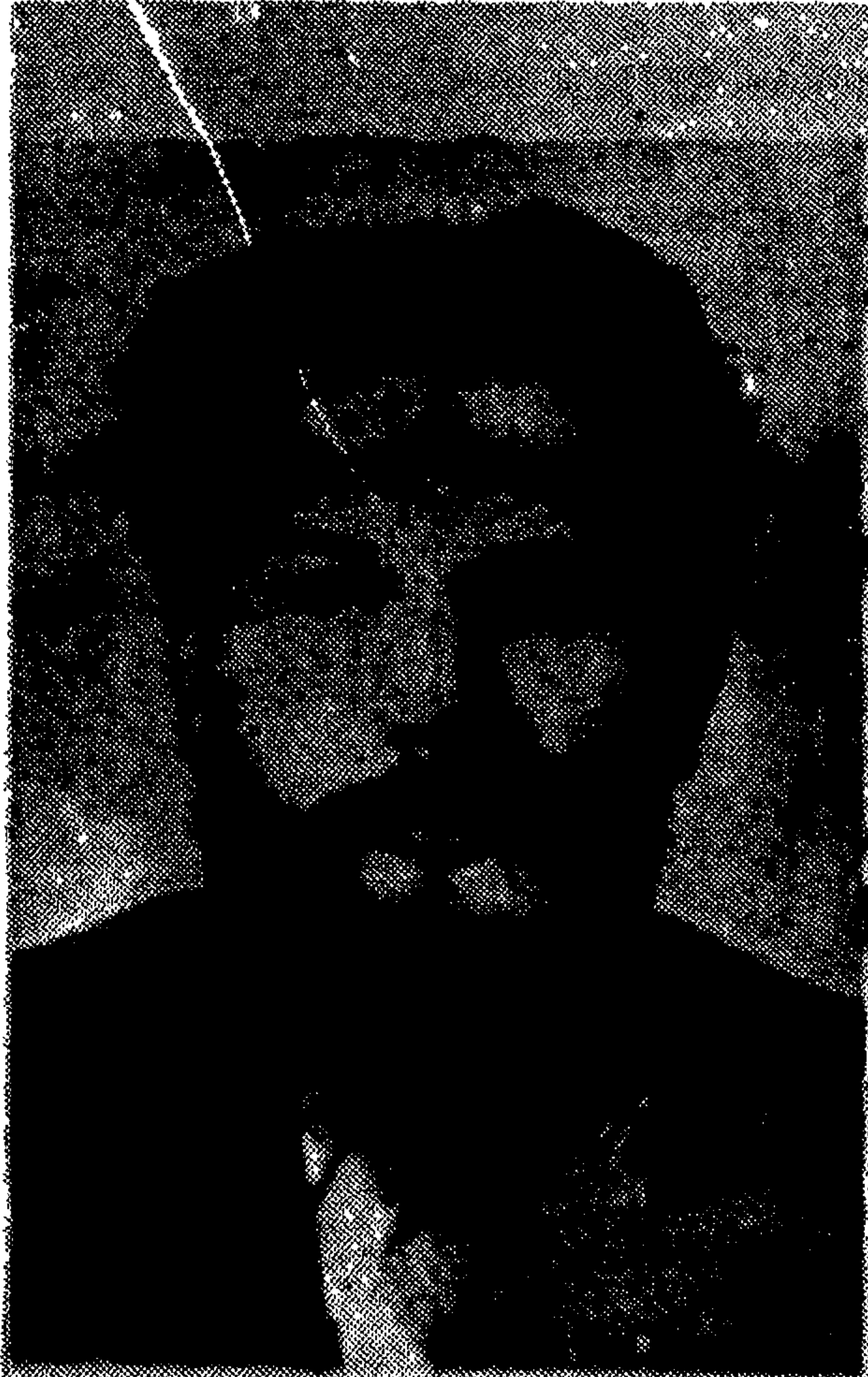
Мне о Вас говорили прошлым летом, это была наилучшая рекомендация. Я рад, что случай столкнул нас, и что жизнь, наверное, сведет нас еще ближе. Буду рад с Вами познакомиться и повидаться, как только по истечении больнично-санаторных сроков попаду опять к себе в Переделкино, и прежняя жизнь опять наладится. Об этом я не смел мечтать еще очень недавно. Я был болен очень долго, физически-мучительно и очень серьезно. Теперь мне лучше, теперь мне почти совсем хорошо. О возможности встречи извещу Вас особо.

Еще раз благодарю Вас за Вашу работу, за желание добра, сквозящее в ней, за Вашу свободно дышащую мысль, за неторопливый скромный и достойный тон статьи, за светлое преодоление всего мнимого и лишнего.

Ваш Б.Пастернак

Иногда мои письма пропадают. Удостоверьте меня хотя бы двумя строчками на открытке о получении письма.

Тезис Еремина, что Синявский "пролез в Союз советских писателей", можно проиллюстрировать вырезкой из газеты "Московский Литератор" от 12 января 1961 года под рубрикой "Будьте знакомы: новые члены Союза писателей".

Андрей Донатович СИНЯВСКИЙ родился в 1925 году. В 1949-м окончил филологический факультет МГУ, в 1952-м защитил кандидатскую диссертацию. С этого же времени работает в Институте мировой литературы имени Горького, в секторе советской литературы. Печатается с 1950 года. А. Д. Синявский — автор многих критических статей о творчестве Горького, Маяковского, Багрицкого, Берггольца, Софронова и других писателей.

Даниэль не был членом Союза писателей, но количество опубликованных им переводов /сборники и журналы в которых они напечатаны, не полностью представлены на снимке/ значительно превышало необходимую для приема в ССП "норму".

А вот как оценивали его работу поэты, которых он переводил /цитируем некоторые дарственные надписи на их книгах/:

Другу на всю жизнь, талантливому поэту в знак глубокого уважения!

30.1.59

Ибрагим Киберли

Прекрасному поэту-переводчику, хорошему другу Ю.Даниэлю.

22.4.59

Халил Рза

Дорогому Юлию, чьи переводы украсили эту книжечку.

13.10.59

Б.Муртазов

Юлию Д., задушевному товарищу, поэту большого и ясного ума - свою книжку. С уважением и симпатией

30.11.59

А.Ахматова

Лучшему моему другу и наилучшему моему поэту-переводчику - Юлию от моего сердца

5.6.60

Артасес Погосян

Юлию Даниэлю. С новым годом дорогой! Пусть у тебя будет столько успехов, сколько букв в этой книжке.

25.12.63

М.Геттуев

Юлию Даниэлю, человеку чистейшей души, - с пожеланием крылатых творческих успехов и большого, большого счастья!

3.3.64

Максим Геттуев

Моему хорошему другу, замечательному человеку и одаренному переводчику Юлию Даниэлю.

Дорогой Юлий! Здесь венок сонетов "Мать", который ты вдохновенно перевел на русский язык. Благодарный твой Аким.

12.12.64

Аким Галуаты

Одному из переводчиков, хорошему, Юлию Даниэлю с уважением, благодарностью и пожеланием всего лучшего.

27.8.65

Давид Кульгутинов

Когда стало точно известно, что суд состоится, письма стали приходить непосредственно на адрес суда.

ПИСЬМО ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА А.ЯКОБСОНА
В МОСКОВСКИЙ СУД

В Московский городской суд

Я - Якобсон Анатолий Александрович, поэт-переводчик, член профессионального совета литераторов при изд. "Советский Писатель", намерен был претендовать на роль индивидуального защитника по делу Ю.М.Даниэля, судимого сейчас совместно с Синявским. Однако Ю.Даниэль и его адвокат сочли целесообразным вызвать меня в качестве свидетеля и сделали соответствующее заявление суду. Я считаю своим долгом передать широкой гласности то, что готовился заявить на суде в качестве индивидуального защитника.

Я знаю Даниэля 10 лет. Знаю хорошо, близко, - он мой друг. Знаю и с профессиональной стороны - мы состоим в одном литературном объединении. Юлий Даниэль - человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. Он бескорыстен, принципиален, достоин того звания, которое носил во время войны, - звания солдата победившей фашизм страны. Даниэль всегда любил свою родину, свой народ, будучи при этом убежденным интернационалистом. Он всегда считал, что любить свою родину - это значит, прежде всего, не закрывать глаза на творящееся в ней зло, а наоборот - активно бороться со злом. Борьба писателя - это свободное печатное слово. Я до последнего времени не читал опубликованных за границей произведений Даниэля. Но я не мог поверить, зная его убеждения, что эти произведения являются антинародными, клеветническими, враждебными нашему обществу. Я не мог поверить соответствующим газетным статьям. Даниэль не профессиональный политик, а литератор, но его суждения в области гражданской всегда соответствовали духу решений XX и XX11 с'ездов КПСС.

Ввиду предстоящего суда я нашел способ прочесть произведения Даниэля. В ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР, по которой обвиняют Синявского и Даниэля, говорится о том, что антисоветская литература — это литература, содержащая призывы к подрыву или ослаблению Советской власти. И я убедился, прочитав произведения Даниэля, что они не являются антисоветскими. Это прежде всего х у д о ж е с т в е н н ы е произведения, не заключающие в себе никаких призывов, положений, выводов, никакой политической программы — ни антисоветской, ни иной. Но эти произведения имеют гражданскую тенденцию, направленную против сталинизма, против его пережитков и рецидивов в нашем обществе. Эта тенденция связана с сатирическими приемами повествования — с гротеском, с гиперболой, с фантастическим претворением жизненного материала. То, что есть хорошего в нашей советской действительности, не осмеяно, не оскорблено в произведениях Даниэля. Там, где хорошее не выступает об'ектом изображения — там не вина Даниэля, а закон избранного им — сатирического — жанра /Гоголь, Щедрин, в наше время Ильф и Петров, Зощенко и др./ . Предметом сатирического изображения является дурное. И это дурное представлено в произведениях Даниэля намеренно-преображенным, в гротеском виде — в полном соответствии с природой избранного автором литературного жанра. Но автор, бичуя зло, сам не впадает в озлобленность, не предается ни цинизму, ни даже политическому скепсису, он неизменно верит в торжество человечности, справедливости, добра. В повести "ГОВОРIT МОСКВА" за сатирическими негативными образами явственно выступает положительная гуманистическая идея, составляющая главный смысл произведения. Чей-то злой произвол планирует проведение в стране "дня открытых убийств" /вспомним террор 37-38 годов и "открытые" процессы тех лет; вспомним беззакония послевоенного времени: "ленинградское дело", "дело врачей" и проч./ . Как должен относиться сознательный советский человек к такого рода "мероприятиям"? Точно так, как герой повести, который идет на улицу, в толпу и примером бесстрашия, личной свободы побуждает людей оставаться людьми вопреки безумному указанию. Таково настроение большинства, таков, в конечном итоге, дух всего народа, и потому, как указано в повести, чудовищное дело срывается.

Индивидуальная и коллективная ответственность людей за все то, что совершается в их государстве, — вот тема повести "ГОВОРIT МОСКВА". И показано, что эта ответственность уже осуществляется в нашем обществе.

Охарактеризую кратко гражданскую тенденцию остальных произведений Даниэля, опубликованных за рубежом. Подчеркиваю: речь идет только о социально-критических тенденциях этих произведений, а не обо всем их содержании, которое значительно богаче этих тенденций.

Рассказ "РУКИ". Здесь осуждены перегибы красного террора первых лет советской власти. Эти перегибы достаточно сурово осудил в свое время сам Ленин. Вспомним, какой разнос устроил он Дзержинскому и Орджоникидзе за насилия, учиненные ими в Грузии в 1922 году.

Повесть "ИСКУПЛЕНИЕ". Здесь изобличена атмосфера предательства, доносов, клеветы, которая была порождена культом личности Сталина. Показано, как в период, когда воздух страны уже очистился от этой скверны, один честный человек был нравственно задушен ядовитыми испарениями прошлого, вдруг поднявшимися вокруг него в силу трагического недоразумения.

Рассказ "ЧЕЛОВЕК ИЗ МИНАПа". Произведение вообще лишено какой бы то ни было серьезной тенденции. Игривый, озорной, в значительной мере легкомысленный сюжет. Что здесь страшного? Уж не то ли, что имя и внешний облик К.Маркса "без должного уважения" преподносится в не совсем почтенной ситуации, в воображении сатирически осмеянного героя? Примерно то же самое мы находим в "БАНЕ" у Маяковского. Сам К.Маркс как человек, не лишенный чувства юмора, только посмеялся бы, прочитав этот рассказ. Единственный грех этого произведения, как и всех прочих, - в том, что оно опубликовано за границей.

Но, может быть, издание своих произведений за рубежом, не являясь преступлением, является все же чем-то некорректным, предосудительным? Ни с какой честной точки зрения, если, конечно, сами произведения честны! Разумеется, было бы лучше, если бы Даниэль имел возможность опубликовать свои произведения в нашей стране, но, к сожалению, это было невозможным ввиду не до конца изжившего себя страха - нашего страха перед открытым, резким изобличением наших недостатков. Эта невозможность сама толкнула писателя на то, чтобы распространять свои произведения "любими средствами".

Можно ли вменить в вину писателю, как это делается в данном случае, что часть зарубежной прессы использует его произведения для антисоветской пропаганды? А разве не были в тех же целях использованы и материалы XX и XXI съездов КПСС, т.е. живые факты, несущие в себе несравненно большую силу обличения, чем художественное произведение? А произведения советских писателей, опубликованные в нашей стране, - разве их не использовала в своих целях антисоветская

пропаганда? Не все то, что хвалят в нашей жизни за границей, плохо для нас /например, XX съезд/; и не все то, что ругают за границей /хорошо для нас /например, имевшее место гонение на генетику и кибернетику или травля так называемых космополитов/.

Произведения искусства следует рассматривать не с точки зрения их возможного субъективного истолкования кем-то, а с точки зрения их действительного объективного содержания. Между тем, ни в одном из произведений Даниэля нет антисоветского содержания. В нашей прессе имели место попытки доказать антисоветский характер произведений Даниэля с помощью недобросовестных средств. Отдельные цитаты, препарированные определенным образом, — цитаты, принадлежащие персонажам произведений Даниэля, были выданы за авторский текст. Таким образом можно любого писателя обвинить в чем угодно. Можно утверждать, что Пушкин — злодей /цитируя Сальери/, что Салтыков-Щедрин — садист и ханжа /цитируя Иудушку Головлева/, что Чехов — обскурант и дегенерат /цитируя "Письмо к ученому соседу"/, что Шолохов — отъявленный контрреволюционер /цитируя выступления многочисленных персонажей "Тихого Дона", в том числе любимого автором героя Григория Мелехова/.

Я тоже приведу отдельные цитаты, но лишь те, которые по смыслу повествования действительно выражают точку зрения автора.

Из повести "ИСКУПЛЕНИЕ".

"Нет, я не относился к войне так, как этот Фриц или Ганс. Я должен был воевать не только потому, что меня призвали. Эта война была моей войной".

"О чем мы говорили? А, ругали Россию. А мы ее всегда ругали, всю дорогу, со времен Владимира Красное Солнышко. Газетчики пишут, что кто, мол, ведет подобные разговорчики, тот кусает руку, которая его кормит. Идиоты. Рука-то моя".

Из повести "ГОВОРИТ МОСКВА".

— "А ты обиделся за советскую власть? Ты считаешь, что за нее следует заступаться?"

— "За настоящую советскую — конечно, следует".

"Мой отец в Гражданскую комиссарил, и, я думаю, он знал, за что воевал".

"Я их /письма отца/ прочел, и, по-моему, люди нашего поколения не имеют права болтать о тех временах".

"Я иду по улице, по тихому, уютному бульвару, нащупываю в руках тетрадь и думаю о том, что написал. Я думаю, что написанное мной

могло бы быть написано любым другим человеком моего поколения, моей судьбы, так же, как я, любящим эту проклятую страну. Я судил о ней и ее людях и о себе самом лучше и хуже, чем следовало бы судить. Но кто упрекнет меня за это?

Я иду и говорю себе: "Это твой мир, твой мир, твоя жизнь, и ты - клетка, частица ее. Ты не должен позволять запугать себя. Ты должен сам за себя отвечать, и этим - ты в ответе за других". И негромким гулом неосознанного согласия, удивленного одобрения отвечают мне бесконечные улицы и площади, набережные и деревья, дремлющие паромы домов, гигантским караваном плывущие в неизвестность.

Это - говорит Москва".

Разве не следует отсюда, что автор - истинный патриот, своей родины? И я хочу напомнить суду слова другого патриота, П.Я.Чаадаева: "Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло. Я полагаю, что мы пришли после других, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия".

Я призываю суд прислушаться к голосу совести, к голосу справедливости и голосам зарубежных друзей Советского Союза, выступающих сейчас в защиту Синявского и Даниэля.

Я призываю суд подумать о международном престиже нашей страны.

Я призываю суд оправдать Синявского и Даниэля.

9.2.66 г.

А.Якобсон

Суд отвел меня как свидетеля. Ни один из свидетелей, запрошенных защитой Даниэля, не был вызван в суд.

ПИСЬМО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА АН СССР
В.Д.МЕНИКЕРА В МОСКОВСКИЙ СУД

В Московский городской суд

Копии: ЦК КПСС
Верховный суд РСФСР
Редакция газеты "Известия"

Из статей, опубликованных в советской и иностранной печати, мне стало известно об аресте литераторов А.Синявского и Ю.Даниэля по обвинению в антисоветской пропаганде.

Поскольку, как мне представляется, на процессе по делу Синявского и Даниэля документами, имеющими силу доказательств их вины /ст. 88 и 83 УПК РСФСР/ послужат литературные произведения, опубликованные за рубежом под псевдонимами "Абрам Терц" и "Николай Аржак", то, будучи знаком с этими произведениями, я считаю своим правом /ст. 70, часть вторая и третья/ и обязанностью /ст. 73 УПК РСФСР/ сообщить все, известное мне по данному делу.

Надеюсь, что, согласно ст. 70 часть третья и ст. 292 УПК РСФСР суд огласит следующее мое показание или предоставит мне возможность огласить его лично.

Тщательное ознакомление с произведениями, изданными под псевдонимами "А.Терц" и "Н.Аржак", показывает следующее:

- 1) что эти произведения являются художественной литературой;
- 2) что политические мотивы, встречающиеся в этих произведениях, связаны с критикой явлений культа личности и его последствий, что соответствует линии КПСС и всего народа, проводимой с XX съезда партии;

- 3) что являющееся чистой гипотезой использование указанных произведений /полностью или частично/ для антисоветской пропаганды /в виде, например, памфлетов, публицистических статей, радиопередач и т.п./ не может быть поставлено в вину авторам, если они не дали на это разрешения.

По первому вопросу я не могу считать себя более компетентным, чем средний читатель, но я позволю себе обратить внимание суда на то, что ни в официальном органе Союза писателей СССР "Литературной газете". /22.1.1966/, ни в статье профессионального литератора Дм.Еремина /"Известия", 12.1.1966/ при всей резкости критики произ-

ведений А.Терца и Н.Аржака их не отлучают от художественной литературы. При этом даже литературовед З.Кедрина, "с трудом пробравшись через, казалось бы, непроходимые пустыни риторики", весьма невысоко оценивает "пропагандистский заряд" этих произведений и с понятной осторожностью отрешается от определения виновности авторов.

Это понятно, если прочитать их произведения глазами людей, желающих истинной славы и процветания нашей страны.

Действие произведений Терца и Аржака происходит в годы, когда во главе партии и правительства стоял Сталин, во главе органов госбезопасности - Берия. Хронологически действие этих произведений приходится также на годы, когда в нашей стране имели место проявления волюнтаризма и субъективизма в области политики, экономики и культуры.

Насколько мне известно, не существует партийных документов, в которых указывалось бы, что явления культа личности перестали встречаться со смертью Сталина и устранением Берия. Наоборот, само заглавие остающегося в силе постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. "О преодолении культа личности и его последствий", материалы октябрьского /1964 г./ пленума ЦК и пленумов ЦК КПСС 1965 г. свидетельствуют о другом. Вряд ли найдется суд, который заподозрит в антисоветской пропаганде тов. Пальмиро Тольятти, который писал, что в СССР "слишком медленно ликвидируются пережитки культа личности" /"Правда" от 18 августа 1964 г./.

Против каких явлений культа личности выступали Терц и Аржак? На этот вопрос трудно ответить кратко. Ни один из советских писателей, включая Солженицына, и даже публицистов, включая Эренбурга, не создал такой галереи ярких художественных образов конкретных носителей тех явлений, которые были характерны для культа личности; но ни в одном случае черты культа личности не приписываются всей советской действительности, всему советскому обществу. В каждом случае имеется конкретный носитель этих черт, с убедительной, на мой взгляд, художественной силой осуждаемый Терцем и Аржаком. Это политический демагог Леня Тихомиров /"Любимов" Терца/, циник и иезуит Глобов /"Суд идет" Терца/, который проповедует принцип "цель оправдывает средства" /как видите, это не просто "советский человек", как уверяет З.Кедрина/, аморальный в общественных вопросах и в быту Володя Залесский /"Человек из МИНАПа" Аржака/, проводник волюнтаризма в политике полковник Тарасов /"Гололедица" Терца/, осведомители и доносчики, кормящиеся вокруг этих людей, трусливые и циничные интелли-

генты /адвокат Карлинский, преподаватель истории в "Суд идет" Терца/.

Но как известно, "культ личности не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя" /"КПСС в резолюциях", стр. 231/. В полном соответствии с этим Терц и Аржак показывают лучших представителей советского народа - борцов против культа личности и его проявлений. Это честный юноша Сережа Глобов, возмущенный нарушениями ленинской сельскохозяйственной практики, недоумевающий по поводу теории антинародности восстания Шамиля, его тетка - старая большевичка /"Суд идет" Терца/, Анатолий Карцев /"Говорит Москва" Аржака/ - человек, прошедший всю войну и выступающий против бессмысленных убийств. Тех людей, которых он желал бы уничтожить, он ненавидит не за то, что эти "люди, представляющие социалистический строй и осуществляющие государственную политику", а за то, что эти люди сделали со страной.

Этот мотив - ненависть к культу личности во имя подлинных революционных идеалов, цинично эксплуатируемых носителями культа личности, полностью опровергает доказательства вины А.Синявского и Ю.Даниэля. Обратимся к недвусмысленным высказываниям этих авторов.

"Память революции священна для тех, кто участвовал в ней, и для тех, кто родился после нее, как память об умершей матери. Нам легче поверить, что все случившееся после революции - предательство, чем осквернить ее память недоверием и подозрением" /А.Терц "О социалистическом реализме" цит. по "Dissent", 1960, № 1/.

"И если представить себе, что наши враги победят и заставят нас вернуться к дореволюционному образу жизни /или включают нас в западную демократию, что одно и то же/, я уверен, мы сразу начнем с того, с чего мы начали. Мы начнем с революции" /там же, подчеркнуто мной - В.М./.

"...Нужно защищать настоящую советскую власть от тех искажений, которые произошли после революции" /Н.Аржак "Говорит Москва", цит. по "Reporter", 16 августа 1962 г./.

Таковы основополагающие позиции указанных произведений.

Разумеется, для антисоветской пропаганды можно использовать все, включая многочисленные материалы, публикуемые в советской печати. Здесь можно вновь сослаться на партийные документы, опубликованные со времен XX-го съезда. Лучше всего об этом сказано в уже упоминавшемся постановлении ЦК от 30.6.56 г.

"Коммунистическая партия Советского Союза, воспитанная на рево-

люционных традициях марксизма-ленинизма, сказала всю правду, как бы ни была она горька. Партия пошла на этот шаг, руководствуясь принципиальными соображениями. Она исходила из того, что если выступление против культа личности Сталина и вызовет некоторые временные трудности, то в перспективе, с точки зрения коренных интересов рабочего класса, это даст огромный положительный результат" /"КПСС в резолюциях", изд. 7-е, т. 4, 224-225/.

В соответствии с этим конкретным указанием партии действия А. Синявского и Ю. Даниэля могут быть квалифицированы по ст. 14 УК РСФСР и, следовательно, не могут признаваться преступлениями, ибо ущерб, причиненный культом личности и его последствиями, значительно превышает ущерб, якобы нанесенный публикацией произведений этих авторов за рубежом.

Обращаю внимание на то, что за рубежом произведения Терца и Аржака названы антисоветскими только в кратких информационных сообщениях и заметках, появившихся после ареста Синявского и Даниэля. Исключением являются писания белоэмигранта Филиппова.

Те же рецензенты в США и Англии, которые мало-мальски вчитались в произведения Терца и Аржака, пишут совершенно обратное:

"Автор /Терц - В.М./ бесспорно воспитан Коммунистической партией в Советской России и принимает идеологию марксизма-ленинизма..." /"Soviet Studies", 1960, № 4, p. 434/.

"Автор /Терц - В.М./ полностью принимает революцию, не хочет возвращения дореволюционного образа жизни и не разделяет идей западной демократии. Он не согласен лишь с отдельными явлениями советской литературы и жизни" /"Russian Review", 1964, № 4, p. 411/.

"Несомненна горячая оппозиция Аржака давлению, которое порождает тоталитарное государство. Но, как и в случае с Терцем, заметить только это в его работах было бы большим упущением".

"Имеются сильные просоветские ноты в произведениях Аржака". /"New Leader", 8, 11. 65. p. 18/.

Даже польский эмигрант Чеслав Милош отмечает, что А. Терц не отделяет себя от советской жизни и литературы, употребляя выражение "мы", "наше" и т.д. Он рассматривает очерк "О социалистическом реализме" как "выступление во внутренней для советских писателей дискуссии..." /"Bissent", 1960, № 4/.

Аналогичные оценки даются также в журналах - "Нью Лидер" от 13.5.63 и 19.7.65; "Славик Ревью", 1961, № 3; "Нью-Йорк Таймс бук ревью" от 8.11.64 и др. изданиях.

В заключение я хотел бы обратить внимание суда на нарушение правопорядка в связи с публикацией в "Известиях" от 12 января 1966 года статьи "Перевертыши". Дело не только в том, что сама статья может быть квалифицирована по статье 181 УК РСФСР как "искусственное создание доказательств обвинения", т.е. ложный донос. Главное то, что издатель "Известий" Верховный Совет СССР - осуществляет через Верховный Суд СССР контроль над деятельностью всех судебных органов страны /"Положение о Верховном Суде СССР", ст. 1 и 2/. Следовательно, уже до процесса нарушена ст. 16 УПК РСФСР, согласно которой судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

В.Д.Меникер, мл.научный сотрудник Института экономики АН СССР.

Домашний адрес: Москва Г-67, Рублевское шоссе, д. 97, корп. 3, кв. 35

/Начало февраля 1966 г./

ПИСЬМО ИСКУССТВОВЕДА И.ГОЛОМШТОКА
В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР

В Верховный суд РСФСР

Копии:

Редакция газеты "Известия"

Редакция "Литературной газеты"

Я прошу приобщить это письмо к делу А.Д.Синявского как свидетельство в его защиту.

Я тщательно изучил все напечатанные за рубежом произведения под псевдонимом "Абрам Терц", их критику в нашей прессе /статья Еремина в "Известиях" от 12.1., Кедринной в "Литературной газете" от 22.1 с.г./, отклики на эту критику трудящихся /в "Известиях" от 17.1./, и пришел к твердому убеждению, что арест Синявского и предстоящий суд над ним есть плод трагического недоразумения, в котором повинны как неверное понимание характера этих произведений /очевидно, из-за малого знакомства с ними/, так и злой умысел отдельных лиц. В первом меня убеждает неверная трактовка их содержания, трактуемого как антисоветское, во втором - чудовищные текстуальные передержки и от-

крытая клевета, содержащаяся в вышеупомянутых статьях как Кедринной, так и Еремина, умудрившихся усмотреть в них антисемитизм, || порнографию, литературное воровство и т.д. Если бы дело шло о литературной дискуссии, то не стоило бы браться за перо: нелепость 'пред'явленных Синявскому обвинений ясна каждому, прочитавшему его произведения. Но дело может прийти к драматической развязке не только для Синявского, которому угрожает незаслуженное наказание, но и для престижа нашей страны. Это побуждает меня письменно высказать оценку его произведений, хотя бы для того, чтобы показать, что не все в нашей стране думают так, как Кедрина и Еремин.

Творчество А.Д.Синявского /печатавшегося под псевдонимом Абрам Терц/ можно охарактеризовать как результат глубоких, подчас мучительных раздумий о судьбах современной цивилизации, как плод зрелого писателя, остро видящего противоречия, которые волнуют и мучают человека в современном мире /а не в условиях социалистического общества/. Проблемы, которые он поднимает, - разлад между личностью и обществом, противоречия между ростом технического прогресса и духовным опустошением человека, соотношение цели и средств к ее достижению и т.д. - стоят в центре современной культуры. Они составляют внутренний смысловой стержень творчества Кафки и Джойса, Фолкнера и Хемингуэя, Беля и Стейнбека, Бабея и Пастернака; в иной, более опосредованной форме они выступают в музыке, кино, изобразительном искусстве. Мы сталкиваемся с этими проблемами, когда смотрим картины Пикассо и Леже, слушаем симфонии Шостаковича и Хиндемита, смотрим фильмы Чаплина, Феллини, Кавалеровича, Эйзенштейна. Эти проблемы поставлены перед современным человечеством самой чрезвычайно усложнившейся жизнью XX века, пронизанной такими острейшими противоречиями, подобных которым не знала ни одна эпоха. Утверждать, что эти проблемы не стоят и перед нашим обществом, - значит вступать в противоречие не только с элементарными положениями марксизма, но и с позицией здравого смысла и с данными нашего каждодневного опыта. И каждый, кто претендует на звание современного писателя, не вправе закрывать на них глаза.

Как и всякий писатель, Синявский разворачивает эти проблемы на наиболее близком и знакомом ему материале. Действие его повестей и рассказов происходит не в космосе, не в фантастических странах, а в коммунальных квартирах, в маленьких городах бескрайней России, которую автор не только великолепно знает, но и по-настоящему любит. Но выводимые им события и персонажи - подчас остро конкретные, под-

час фантастические — это лишь материал, а не содержание его произведений. Тем не менее, эти понятия /материал и содержание/ часто смешиваются людьми, склонными видеть в произведении искусства простую иллюстрацию политической идеи.

Представляется, что квалификация произведений Синявского как антисоветских по характеру есть результат подобного смешения. Обвинять Синявского за то, что он свои идеи развертывает на материале нашей действительности так же нелепо, как приписывать, скажем, Пикассо надругательство над человеком на основании того, что он разлагает в своем произведении формы человеческого тела, или трактовать Кафку как борца с австрийскими порядками, а Фолкнера как антиамериканиста. Содержание же произведений Синявского слишком сложно и емко, чтобы определить его одним эпитетом. Оно требует конкретного анализа.

Сборник "Фантастические повести" открывается рассказом "Графоманы". Это рассказ о извечной человеческой потребности к творчеству, независимо от способностей, данных, возможностей человека, которая сильнее внешних обстоятельств, и которую автор с известной долей иронии называет графоманией. Автор размышляет о смысле творчества, как некоей духовной потребности, не имеющей определенной цели, но столь же необходимой, как потребность дышать и облекать свои размышления в плоть конкретного жизненного материала. Не случайно этот рассказ открывает сборник и снабжен подзаголовком "Из истории моей жизни": именно эта потребность творить /и печататься/, а не какая-либо политическая цель, заставила самого Синявского взяться за перо. И то, что не удалось его герою, удалось автору. Поэтому здесь, как, впрочем, и во всех произведениях Синявского, нельзя ни в коем случае отождествлять личность автора с его персонажами, и попытки выдать отчаянно бессильные нападки на классиков литературы бездарного графомана Страустина за точку зрения самого Синявского /как это сделал Еремин/ трудно квалифицировать просто как литературное недомыслие.

Рассказ "В цирке" слишком несложен и далек от какого-либо политического подтекста, чтобы нуждаться в трактовке /впрочем, и в нем авторы статей умудрились выискать антисемитизм на том основании, что здесь введен персонаж с еврейским именем и фамилией/.

В рассказах "Ты и я", "Квартиранты" и "Гололедица" передано трагическое ощущение маленького человека — человека вообще — зависимости своей судьбы от темных непонятных сил, принимающих формы то ле-

ших и русалок, то таинственного ока, взирающего с высоты и видящего все мысли и поступки персонажа, то полковника Тарасова, проделывающего эволюцию от жандарма к некоему полуорганическому кристаллу будущего. В них можно усмотреть влияние трагического мира Кафки, стилистических черт Ремизова, образов русских народных сказок, но никак не антисоветскую пропаганду.

Более гражданственный характер имеет повесть "Суд идет". Судя по дате /1956 г./, это наиболее раннее произведение автора, и речь в нем идет о временах уже минувших. Но и здесь конкретный сюжет из времен культа личности служит для Синявского материалом для развертывания общей идеи: проблема соотношения цели и средств к ее осуществлению. Проблема эта не нова. Ее мучительно вынашивал Достоевский. О том, что дурные средства оскверняют самую высокую цель, писал Маркс. Эта идея была извращена в период культа личности, и иезуитским лозунгом "цель оправдывает средства" оправдывались массовые аресты и уничтожение тысяч невинных людей. Критика этих последствий культа личности зафиксирована в партийных документах, в многочисленных статьях, опубликованных на страницах нашей центральной прессы. Критический пафос повести "Суд идет" и направлен как раз против этой антимарксистской и антигуманистической идеи, возрожденной к жизни ежовщиной и бериевщиной.

Признать эту критику антисоветской можно было бы лишь признав, что произвол, массовые незаконные аресты, антисемитизм, которые имели место в период культа личности, являются не извращением идей советской власти, а ее естественными проявлениями. Но это — явная нелепость. К сожалению, практика показала, что можно пойти и другим путем — путем литературного подлога, как это сделала Кедрина, выдав мысли персонажа повести — следователя Глобова, подготавливающего дело "врачей-убийц", за антисемитские выпады самого Синявского, и ввести в заблуждение советский суд и советских людей, не читавших эту повесть. Но на этот счет существует статья УК СССР /о клевете/, защищающая советских граждан от подобного рода "аргументов".

Правда, в эпилоге повести автор рисует колымский лагерь 1956 года и помещает |туда| повествователя, обвиненного в "порнографии и антисоветчине". На этом основании можно было бы упрекнуть Синявского в искажении фактов нашей действительности, ибо, как известно, к 1956 году политические лагеря уже отошли в прошлое. Но не был ли прав Синявский, увидев в нашем настоящем еще неизжитые потенции этого прошлого? Ведь настоящий, а не вымышленный арест Синявского

лишь подтверждает его правоту. Не является ли этот арест опасным рецидивом минувшего? Слишком непонятны мотивы ареста, а тон газетных статей, обвиняющих Синявского и Даниэля, слишком напоминает тон 1937 года.

Наконец последнее, наиболее крупное произведение Синявского - роман "Любимов". Это, пожалуй, наиболее сложное, содержательное и совершенное по форме произведение Синявского. И опять красной нитью в нем проводится идея соотношения цели и средства, определяя всю художественную ткань повествования.

...Велосипедный мастер Леня Тихомиров посредством гипнотической силы свергает законную власть в городе Любимове и устанавливает собственную диктатуру. Он движим благими намерениями создать в городе идеальный общественный строй, а обладает для достижения этой цели единственным средством - напряжением собственной воли. Вскоре он убеждается, что единственно усилием воли нельзя создать счастье на земле. Его воля, направленная на созидание добра, вдруг начинает производить на свет кошмарные феномены. "Идеальное" общество разваливается, а сам диктатор удирает, мечтая спрятаться от того, что он натворил, хотя бы в собственный карман. Таков фантастический сюжет этого произведения. Можно ли трактовать этот роман как пародию на нашу революцию, на развитие нашего общества? Конечно, нет. Если это пародия, то пародия на всякую единоличную диктатуру, всякий массовый политический гипноз, на идею сверхчеловека, думающего использовать темные массы в своих интересах, - явления, свидетелями которых люди XX века были в разных концах земного шара. Если эта сатира и касается нашей страны, то лишь в той части, в какой данные явления имели место у нас, опять-таки в период культа личности.

З.Кедрина в своей статье ссылается на высказывания белоэмигранта Филиппова, трактующего роман как пародию на коммунистическое общество. Но при этом не мешало бы вспомнить, что "История города Глупова" Салтыкова-Щедрина трактуется некоторыми буржуазными литературоведами как сатира на советский строй. И с каких это пор высказывания белоэмигрантов стали служить аргументами для обвинения советских писателей? Писатель не может отвечать за произвольные трактовки, которые даются его произведениям. Он ответственен только за прямо высказанные им идеи и изложенные факты. А в этом плане невозможно обнаружить в произведениях Синявского ничего антисоветского. Напротив, "Любимов" проникнут горячей любовью к родине /достаточно вспомнить описание картин природы, или окрашенную двойной иронией

сцену встречи Лени с американскими империалистами/, он написан в лучших традициях русской литературы /которые только такой недобросовестный критик, как З.Кедрина, может выдать за литературное воровство/.

В произведениях Синявского подчас действуют и нерадивые сотрудники госбезопасности, и секретарши, "готовые отдаться кому угодно", и озлобленные жизнью неудачники. Но как можно видеть в каждом отрицательном персонаже пародию на советских людей вообще и советский строй? Подобная ошибка уже имела место в оценке творчества таких писателей, как Зощенко, Ахматова, Пастернак, Бабель. Надо ли повторять старые ошибки?

По самому складу своего дарования Синявский очень далек от ампула политического сатирика или публициста. Это - писатель большого философского масштаба, и содержание каждого его произведения далеко перерастет рамки конкретного социального сюжета. Можно не соглашаться с отдельными высказанными им взглядами и идеями, можно было бы упрекнуть автора в излишнем пессимизме, но за пессимизм еще никогда не судили писателя.

Наша литература понесла слишком большие потери в период культа личности. Не следует умножать список этих жертв.

И.Голомшток
искусствовед,
член Союза советских художников

/Начало февраля 1966 г./

В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СУДА ПО ДЕЛУ
СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ за № ПИ-1-66

Прошу Вас приобщить к делу Синявского и Даниэля мое заявление, имеющее существенное значение для хода процесса, огласить его текст на суде и позволить мне присутствовать на процессе, как человеку, крайне заинтересованному в результатах этого процесса и выступавшего в следственный период свидетелем по этому делу.

Художник-реставратор Н.Кишилов
Домашний адрес: Москва Е-392
Гольяново, корп. 50, кв. 84

Передо мной статья в "Комсомольской Правде", статья, озаглавленная "Не понимаю" и рассказывающая о некоем литераторе Валерии Тарсисе, печатающемся на западе. Из статьи я узнаю, что Тарсис опубликовал на западе ряд произведений литературного характера. Автор статьи обвиняет писателя в антисоветской направленности его произведений и нелегальной пересылке рукописей за границу. Весь тон статьи обвинительный и разоблачающий и к концу невольно ждешь обычных обвинений и соответствующих выводов. Но именно в конце статьи читателя ожидает ряд невероятных сюрпризов. Оказывается, антисоветчик и клеветник /перефразирую автора статьи/ Тарсис каким-то чудом получает валюту за свои произведения и даже ухитрился купить за эти деньги кооперативную квартиру и легковую машину.

В этом месте статьи у меня естественно возникает ряд недоуменных вопросов к автору. Во-первых, каким образом писателю Тарсису, нелегально отправляющему свои рукописи за рубеж, удастся получить валюту. Автор статьи не понимает как это может быть. Я тоже не понимаю, но я с трудом понимаю и логику автора статьи, когда абзацем ниже он сообщает, что заграничный университет пригласил писателя Тарсиса прочесть цикл лекций и разражается градом упреков и издевательств по поводу заграничных благодетелей Тарсиса, а затем заключает, что по его мнению есть все основания выпустить антисоветски настроенного писателя и пусть западные благодетели поступают как угодно с изречениями душевнобольного. Здесь я вынужден сказать автору статьи, что во-первых, милостиво данное им согласие несколько опоздало, так как в день появления статьи Тарсис пересек границу, направляясь в Англию и второе - сумма благодетений, оказанных писателю, заставляет предположить, что его незримые покровители находятся в самых высших сферах, если антисоветчик, известный своей подпольной деятельностью, свободно получает визу на поездку в Англию.

Автор этих строк лишился осенью этого года визы на поездку во Францию, для свидания с родителями жены, только благодаря тому, что среди его друзей были писатели А.Синявский и Ю.Даниэль. Но если даже на мгновение допустить возможность такой ситуации, то уже совершенно непонятно каким образом можно купить в Москве кооперативную квартиру, расплатившись за нее долларами. Насколько мне известно, в нашей стране доллары не находятся в повседневном обращении. Остается только одна возможность - предположить, что писатель Тарсис к тому же еще и валютчик, занимающийся денежными операциями на черном рынке. Однако автор статьи этого не говорит.

Далее, из статьи выясняется, что Тарсис приобрел вне очереди автомобиль, оплаченный теми же долларами. Насколько мне известно, автомобиль за доллары и вне очереди можно купить только в валютном магазине. Но в валютных магазинах установлен строгий контроль за советскими гражданами, приобретающими вещи на валюту. Следовательно, и получать валюту и тратить ее в стране Валерий Тарсис мог только с чьего-то согласия. При том лицо, соглашающееся на это, во-первых, должно молчаливо потворствовать валютным сделкам Тарсиса. Каким образом Тарсису удалось в подобной ситуации получить выездную визу остается неразрешимой загадкой, которую не облегчают и настоячивые уверения автора статьи, что Тарсис умалишенный.

Этому утверждению видимо не очень верит и сам автор, который во время своего посещения В.Тарсиса замечает, что он не похож на больного и затем, если все же признать, что Тарсис действительно больной, то совсем непонятна реакция автора статьи, который еле удержался, чтобы не плюнуть Тарсису в лицо, сославшись при этом на то, что ненавидимое им лицо охраняют советские законы.

Для ясности осведоим автора, что плевать в лицо возбраняют любые сколько-нибудь разумные законы, а затем удивимся странному желанию плюнуть в лицо больного человека.

Уже если больной, то как говорится и "взятки гладки", и что же тут плевать. Нет что-то не очень убедительно получается у автора статья с диагнозом Тарсиса.

Я подвергаю сомнению тот факт, что Тарсис может быть действительно больным. Но какое это имеет значение для оценки его литературной деятельности? Мы все хорошо знаем, что Михаил Врубель, Винцент Ван-Гог и некоторые другие прославленные художники страдали тем же недугом, что и Валерий Тарсис, и тем не менее никто не усомнился в художественной значимости их произведений. Я не думаю, что проза Валерия Тарсиса по-настоящему серьезное художественное явление. Думаю, что скорее нет. Но мне не понятно, в какой связи может быть сопоставлена его болезнь и его творчество.

Видимо, болезнь - это основание для его безопасной деятельности, но в таком случае, чем же об'ясняются все остальные благодеяния, сыплющиеся на Тарсиса? И чем вызвана необходимость разрешения на поездку больного за границу? Страшно трудные вопросы и тем более своевременные, что одновременно с вояжем Тарсиса советский суд готовится вынести приговор двум другим писателям - Андрею Синявскому и Юлию Даниэлю, которые никогда советскую власть свергать не соби-

рались, доллары не получали и автомобилей не покупали. А обвинение их было состряпано из отдельных вырванных из контекста цитат, кое-как увязанных в нескладный узел клеветнически подстроенных доказательств. И чем об'яснить присутствие в зале суда Андрея Ремезова, свидетеля по делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля. По имеющимся достоверным сведениям, Андрей Ремезов, так же как его друг Синявский, тайно публиковался на западе, однако он не был привлечен к ответственности и будет фигурировать на суде в качестве свидетеля обвинения.

Удивительно, что это — тоже благодеяние? Но как возможны благодеяния перед лицом общего единого правопорядка? Или может быть такого в нашей стране не существует? Да, действительно, статьи осуждающей писателя за отправку рукописей за границу в уголовном кодексе нет. И именно поэтому суд над писателями, совершающими такие действия, является частной инициативой определенных кругов, и в качестве такой, не будучи оговоренной законами, позволяет Тарсису предоставить полную свободу деятельности, Ремезова оставить в тени, а Синявского и Даниэля по каким-то другим соображениям вытащить на скамью подсудимых. Останавливаться подробно на этом я не буду. Достаточно взять в одну руку газетные статьи, а в другую произведения указанных авторов, чтобы текстуально тут же поймать незадачливых обвинителей на самом гнусном подлоге, клевете и очковтирательстве, рассчитанных на читателя, незнакомого с текстом произведений.

Интересно другое, каким образом можно одной рукой карать в судебном порядке талантливых писателей, если повинных, то только в сатирическом изображении отдельных сторон нашей действительности, а другой выписывать визу писателю, официально заявляющему о своих антисоветских намерениях. Что это: фарс или лицемерие?

Ответ на это, по-моему, лежит в неправильном истолковании самой сферы художественного произведения и следует из кромешной путаницы критических установлений и судебных уложений, позволяющих отнести художественное творчество к области политической деятельности.

Дело в том, что художественное творчество подчиняется иным законам, чем повседневная жизнь, и регулируется не правовыми нормами, а законами художественного мышления.

Именно поэтому абсолютно справедливо, что писатель Тарсис на свободе, и крайне глупа расправа над Синявским и Даниэлем. Художественное творчество может встретить любую суровую критику и общественное осуждение, но не кандалы и колючую проволоку.

Иначе, чем же такой порядок вещей отличается от эпохи Николая I с ее идеологическими шорами и тупоголовой цензурой, эпохой, жертвой которой пал лучший цвет русской литературы. Писатель не может принести реального осязаемого вреда ни стране, ни правительству, которые он так или иначе критикует. И переносить центр тяжести из плоскости литературно-критической в судебную-правовую и карать писателей в правовом порядке есть признак не твердой уверенности в правоте своей позиции, а напротив, необъяснимого страха, вызванного ложной тревогой за непорочность святынь, и не имеющая оправдания глупость некомпетентных людей, берущихся судить художественное явление.

В свое время с трибун партийного съезда было объявлено, что нам нужна сатира, такая же действенная, как у Гоголя и Щедрина. Ну, что ж. Мы ее получили. А когда желание воплотилось в жизнь, глупенький мелкий испуг превысил все элементарные человеческие функции координации и мы закричали: Распни их, распни их...

Мы все любим нашу страну, мы не хотели бы жить ни в какой иной стране, и тем более мы не можем позволить определенным кругам чернить ее в глазах человечества. Мы гордимся Андреем Синявским и Юлием Даниэлем так же, как мы гордимся нашими научными достижениями и нашей революцией.

Она была направлена на раскрепощение человека, на создание идеальных условий для творчества и культуры — и величайшим преступлением перед лицом истории, является возвращением к антизаконным временам культа личности, когда советская литература потеряла таких выдающихся писателей, как Бабеля, Мандельштама, Кольцова, Клычкова, Васильева и многих других.

Они пали жертвой того же бессовестного смешения литературных и политических оценок, той же преступной беспринципности, позволяющей карать за критику, выраженную в формах художественного произведения.

Постараемся же быть объективными и четко отделять свободу художественного творчества от подпольной политической деятельности.

Иначе до бесконечности будет повторяться тягостная путаница наших правовых установлений, приводящая к таким казусам как дело Синявского и Даниэля на фоне пресловутого Тарсиса, и не будет конца истреблению советской художественной интеллигенции. Мы уже достаточно поплатились в период культа личности, мы возвращались к этим методам и совсем недавно, например, в деле Бродского. Теперь, наконец, пора понять, что не всегда те, кто кажутся врагами, являются ими на деле и напротив, не всегда яростные ревнители правопорядка являются его наилучшими защитниками.

И. Нишилов

Художник-реставратор

"... Все дано нам: и гласный суд, и земские учреждения,
а сверх того многое оставлено из прежнего..."

М.Е. Салтыков-Щедрин

Утреннее заседание 10 февраля

В помещении Московского Областного суда, в небольшом зале, вмещающем примерно 150-160 человек, 10 февраля в 10 часов утра начался этот суд. Верховный суд РСФСР под председательством председателя Верховного суда Л.Н.Смирнова, с народными заседателями Н.А.Чечиной и П.В.Соколовым, слушает дело А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля, привлеченных к уголовной ответственности по первой части статьи 70 УК РСФСР, которая гласит: "Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений порочащих Советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания - наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет, и со ссылкой на срок от двух до пяти лет".

Государственное обвинение поддерживает помощник Государственного прокурора О.П.Темушкин, государственный советник юстиции 3-го класса, а также общественные обвинители, выдвинутые Союзом писателей СССР - А.Васильев^{х)} и З.Недрина.

х) Писатель Аркадий Васильев в последние годы специализировался на произведениях о годах культа личности. Это и побудило сравнить его произведения с творчеством обвиняемых.

"Суд идет" Абрама Терца (1958)

- Ну-с, молодой человек, - сказал наконец следователь, - взгляды наши мы обсудили подробно. Хотелось бы еще уточнить - как Вам удалось войти в контакт с иностранной разведкой.

Всем сочувственным видом он словно поощрял: Не стесняйтесь. Чего уж скрывать? Все там бу-

"Принято единогласно" Аркадия
Васильева /журнал "Москва",
1962 г., № 12

В кабинете двое: Зина и Герасимов.

Герасимов хмуро поглядывает на Зину. Положил большие, тяжелые руки на стол.

- Ну-с, обвиняемая, разговаривать будете?

Защищают подсудимых адвокаты Э.М.Коган и М.М.Кисенишский, приглашенные родственниками подсудимых.

дем. Экая важность?

- Оставьте глупые шутки, - побледнел Сережа. - Я еще не осужденный, я подсудимый.

Следователь усмехнулся и раздвинул шторы. Дневной свет был так чист и прозрачен, что хотелось вдохнуть его всей грудью.

- Подойди сюда. Слышишь? Тебе говорю.

- Сейчас ударит, - подумал Сережа, деревенея лицом.

- Глянь в окно!

Сережа увидел площадь, на которой бывал раньше, увидел вход в метро, с нырявшими туда человечками, маленькие троллейбусы и автомобили, в которых тоже ехали люди, и каждый ехал куда хотел. А сверху падал снег, живой, настоящий снег.

- Вон они где - подсудимые. Видал сколько?

Следователь показал на снующую под ними толпу. Потом погладил Сережу по стриженной голове и ласково пояснил:

- А ты, брат, уже не подсудимый. Ты осужденный.

- Я не обвиняемая, я подследственная.

- Понятно! Сколько в камере пробыли?

- Два часа.

- Быстро научились. Опытная стало быть.

Встал, подошел к окну. Из окна виден Театральный проезд, Лубянская площадь. Герасимов помянул Зину пальцем:

- Иди сюда, милочка... Иди, иди, не бойся.

Зина у окна. Герасимов объясняет ей:

- Видишь, люди гуляют?

По тротуару, мимо памятника Ивану Федорову, идут москвичи. Их много - обыкновенных, ничем не выделяющихся жителей столицы. Аппарат выхватывает некоторых из них, показывает крупно:

пожилую, видно очень уставшую женщину;

двух жизнерадостных девушек, беседующих о чем-то веселом;

семью - молодого отца с ребенком на руках, мать с сумкой, из которой торчит бутылочка с соской; старого рабочего, судя по форме - железнодорожника...

Кабинет Герасимова. Он повторяет свой вопрос:

- Видишь? Так вот, они - подследственные...

В зале почти сплошь мужчины. Вход только по пригласительным билетам - на каждое заседание билет другого цвета, - которые дважды проверяются: один раз при входе в здание, другой - при входе на лестницу, ведущую в зал, причем второй раз с пред'явлением паспорта, который тщательно проверяется. На улице, во дворе, в вестибюле - везде милиция и судебные распорядители. Шторы в зале задернуты, горят лампы дневного света. Шторы, стены и мебель выдержаны в желтых тонах. Тесно и жарко.

Вводят подсудимых. У них вид такой же, как, очевидно и в повседневной жизни - никаких следов пребывания под следствием. А.Синявский - худой, маленького роста, с русой бородой, дикой, неухоженной; белоснежная нейлоновая рубашка под черным шерстяным свитером с круглым вырезом. Похож на гнома, вернее на домового. Ю.М.Даниэль - высокий, темноволосый, с крупным характерным ртом, слегка лысеет, одет в ковбойскую рубашку и в обычный многопоношенный пиджак.

За каждым подсудимым становится часовой без оружия. Входят прокурор и защитники. Распорядитель говорит: "Прошу встать" и после маленькой паузы - громогласно, напирая на первое слово: "Суд идет!"

Входит суд. Впереди Н.А.Чечина - худенькая женщина в очках, одетая в скромный темный костюм; за ней - Л.Н.Смирнов - крупный мужчина лет 58-ми, идущий слегка наклонив голову по-бычьему, целеустремленный, весь |его| облик отчетливо начальственный. Замыкает шествие П.В.Соколов.

Все трое подходят к возвышению, на котором стол и три кресла, среднее слегка повыше крайних. На каждом - герб СССР. Едва поднявшись на возвышение, едва ногу поставив на последнюю ступеньку, Л.Н.Смирнов говорит деловито, не поворачивая головы: "Прошу садиться". Следуют обычные процессуальные вопросы - не дают ли подсудимые отвода составу суда и т.д. Отводов нет. Защитники обращаются к суду с просьбами: вызвать свидетелей Дувакина, Якобсона, Воронеля, истребовать из библиотеки им. Ленина все статьи зарубежной прессы, посвященные А.Терцу и Н.Аржаку, приобщить к делу отзывы К.Г.Паустовского, В.В.Иванова и Л.З.Копелева о произведениях Терца и Аржака.

Суд удаляется на совещание, потом возвращается /снова распорядитель говорит свои "Прошу встать" и "Суд идет"/. Л.Н.Смирнов оглашает постановление суда:

1. Вызвать свидетеля Дувакина.
2. Вопрос о вызове Якобсона и Воронеля рассмотреть позднее.
3. Истребовать из библиотеки им.Ленина статьи о Терце и Аржаке.

4. Отзывы Иванова, Копелева и Паустовского отклонить.

В связи с последним пунктом Л.Н.Смирнов раз'ясняет, что суд исследует вопрос не о литературных достоинствах и недостатках произведений этих писателей, а об уголовно-наказуемом деянии. Поэтому художественные достоинства находятся за пределами данного разбирательства. Сообщается, что явились свидетели такие-то и эксперты - Костомаров, Дымшиц, Прохоров и др. Не явились эксперты Виноградов и Краснов. Судья знакомит экспертов с их правами, спрашивает прокурора, защитников и подсудимых, считают ли они возможным слушать дело в отсутствии двух экспертов. Все отвечают утвердительно. Судья сообщает, что назначены так же психологическая, графологическая и литературная экспертизы.

Секретарь суда оглашает обвинительное заключение по делу А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля в совершении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 70-й УК РСФСР. В обвинительном заключении сказано, вкратце, следующее:

В США, Франции, Англии и других капиталистических странах широкое распространение получили произведения так называемого "советского подполья". Империалистическая реакция ищет подрывных методов в области идеологии, чтобы скомпрометировать советский народ, наше государство, коммунистическую партию СССР и ее политику. В этих целях используются антисоветские клеветнические произведения подпольных литераторов, которые выдаются враждебной пропагандой за рассказывающие правду о Советском Союзе. К таким произведениям принадлежит "Суд идет", "Любимов" и статья "Что такое соцреализм" Абрама Терца, а также произведения Николая Аржака "Говорит Москва", "Руки", "Искушение", "Человек из МИНАПа". Органами государственной безопасности установлено, что под псевдонимом Абрама Терца скрывался А.Синявский, а под псевдонимом Аржака - Ю.Даниэль.

Следствием установлено, что Синявский и Даниэль, занимая по ряду вопросов позицию, враждебную советскому государству, с 1956 года занялись переправкой за границу своих произведений.

В повести "Суд идет" Синявский под видом критики культа личности, осмеивает советский строй и положения марксизма-ленинизма. Злобно клеветая на теорию марксизма и будущее человеческого общества, он пишет: /цитирует. Здесь и далее успеть записать цитаты из вещей Даниэля и Синявского не удалось/.

В том же 1956 году Синявский написал статью "Что такое соцреализм", в которой с антисоветских позиций пытался пересмотреть по-

ложения марксизма. Эта статья направлена против руководящей роли КПСС в советской культуре. Автор называет коммунизм "новой религией", все стороны жизни советского общества рассматривает с клеветнических позиций, как "насилие над личностью", зачеркивает все достижения советской литературы, как якобы "телеологической марксистской идеологии".

В 1956 г. Синявский ознакомил с этой статьей Даниэля. Свои произведения Синявский пересылал через границу с дочерью бывшего французского военно-морского атташе Пельтье-Замойской.

В декабре 1956 г. он передал "Суд идет" и "Что такое соцреализм" Замойской и тогда же назвал псевдоним, под которым хотел видеть эти вещи напечатанными. Позднее конец статьи он переслал той же Замойской через Ремезова, ехавшего во Францию.

Буржуазная пропаганда стала активно поддерживать за рубежом произведения Синявского. Так, за последние годы, повесть "Суд идет" издана на 24-х языках в разных странах мира различными антисоветскими издательствами. На одном издании был поставлен штамп с лозунгом антисоветской организации, призывающей к ликвидации КПСС. В 1959, 1960 и 1962 годах повесть издана польским эмигрантским центром, она транслировалась радиостанцией "Свобода", предпославшей передаче антисоветское предисловие и охарактеризовавшей повесть как "разоблачающую жизнь в Советском Союзе".

Даниэль, разделяя антисоветские взгляды Синявского, одобрил его произведения и посылку их за границу и со своей стороны дал Синявскому для прочтения рассказ "Руки", написанный в 1956-57 гг. Рассказ, содержащий злобные выпады против советского строя и советской власти, призывающий к возмездию за насилие, которое советская власть якобы чинила над народом.

Осенью 1957 года тем же путем, через Замойскую, послал рукопись своего рассказа за границу Даниэль. Сознвая антисоветскую направленность своих произведений и желая замаскироваться, он избрал псевдоним Николай Аржак. Рассказ "Руки" напечатан на польском языке в "Культуре" № 9 за 1961 год.

В 1961 году Синявский написал повесть "Любимов", направленную против социализма. Он изобразил социалистическое общество как противоречащее природе человека, как профанацию. Советская власть показана в повести как нищая и пьяная, а народ изображен, как безразличная к политике масса. В повести содержатся выпады против В.И.Ленина. Синявский ознакомил с повестью Даниэля. Осенью 1963 года от-

дал повесть Замоиской для опубликования за рубежом. Враги советского государства оценили антисоветскую направленность этого произведения, его передавала радиостанция "Свобода", а буржуазная пресса взахлеб писала о ее антисоветской направленности /цитаты/х).

Даниэль написал повесть "Говорит Москва", в которой содержатся нападки на коммунизм и на советское правительство. В повести клеветнически утверждается, будто бы 10 августа 1961 года Президиум Верховного Совета СССР об'явил "Днем открытых убийств". В повести содержатся призывы к расправе над вождями, над верными сынами народа. (В зале негодующее движение).

В рассказе Даниэля "Человек из МИНАПа" советские люди оглуплены и выведены уродами. В 1961 году Даниэль передал Синявскому эти рукописи, а тот переправил их в Париж Замоиской. Повесть была издана рядом издательств, в том числе в 1961 г. в "Пантеон букс", а в 1963 "Человек из МИНАПа" был издан Б.Филипповым в США. Синявский со своей стороны помогал издаваться за рубежом Даниэлю и Ремезову, произведения которых выходили во Франции под псевдонимом А.Иванов, и так же используются в целях антисоветской пропаганды. /Даниэль улыбается/.

В 1963 году Даниэль написал рассказ "Искупление", в котором изобразил советское общество находящимся в состоянии морально-политического разложения. В рассказе проводится идея, что в культе личности виноват весь советский народ, что "тюрьмы внутри нас", что "правительство не в силах нас освободить", что "мы сами себя сажали".

х) "Известно же - человеческий зародыш на какой-то ранней стадии уподобляется рыбе. Зачем же попусту гибнуть рыбным богатствам страны? В прекрасном будущем этих милых рыбок утилизируют. Осторожно изымут их из материнского чрева и станут разводить в особых прудах, приучая к самостоятельности. Пускай себе обрастают чешуйками и плавниками под охраной какого-нибудь глобовского собрата. Тут же, при абортарии - рыбозавод, консервы в огромном количестве. Кого в шпроты, кого - в килечки - по национальному признаку. И все произойдет в согласии с марксизмом. Мы снова вернемся к людской закуске. Но не вспять, не к первобытному пожиранию себе подобных товарищей, а, так сказать, на более высокой и деликатной основе. Развиваясь по спирали..."

/Здесь и далее "Суд идет" цитируется по изданию: Абрам Терц "Фантастические повести", Париж, 1961/.

Этот рассказ Даниэль передал Замойской осенью 1963 г. Белоэмигрант Филиппов назвал Аржака "духовным наследником Достоевского".

Издательства, издававшие Терца и Аржака, начислили авторам гонорары.

Синявский и Даниэль свои антисоветские рукописи и книги распространяли среди знакомых. В 1956-65 гг. Синявский давал свои произведения Ремезову, Докукиной, Кишиловым и др., а также своей жене. Даниэль в 1956-63 гг. давал читать свои вещи Гарбузенко, Азбелю, жене, Макаровой и др. Его произведения читал и "ценил" Синявский.

В ходе следствия Синявский признал, что он под псевдонимом Абрам Терц написал и переслал за границу указанные произведения, а также что он давал их читать ряду лиц и что помогал Даниэлю переправлять произведения за границу. Однако, Синявский отрицает антисоветскую направленность своих произведений и то что он помогал Ремезову. Однако его враждебная позиция по отношению к советской власти находит подтверждение в его рукописи "Опыт самоанализа", изъятый у него при обыске. Зная об использовании его произведений во вред советской власти, он не принял никаких мер против такого использования.

В ходе следствия Ремезов показал, что у Синявского антисоветские взгляды. Его преступная деятельность подтверждена также показаниями Даниэля.

Виновность Синявского подтверждается показаниями свидетелей Петрова, Докукиной, Кишиловой, Ремезова, очной ставкой с Ремезовым, лексикостилистической экспертизой, исследованием машинописных текстов, графологической экспертизой и изданиями его произведений за границей, а также рукописью его статьи "Опыт самоанализа", произведениями Ремезова, изданными за границей, перепиской с Замойской и письменными доказательствами имеющимися в деле.

Даниэль признал, что он под псевдонимом Николай Аржак написал и переслал за границу произведения "Говорит Москва", "Руки", "Искушение", "Человек из МИНАПа", а также, что он распространял эти произведения среди знакомых. Он отрицал антисоветскую направленность своих вещей, однако признал, что своими действиями нанес определенный вред советской власти, так как в его произведениях есть суждения, которые могут быть истолкованы как прямые антисоветские выпады.

Его виновность подтверждают показания Синявского, показания свидетелей - Гарбузенко, Хазанова, Хмельницкого, вещественные доказательства, письменные документы, имеющиеся в деле.

На основании изложенного обвиняются:

С и н я в с к и й, Андрей Донатович, родившийся 8 октября 1925 года, русский, беспартийный, уроженец Москвы, имеет сына, член Союза советских писателей, старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР, проживающий в Москве, Хлебный переулок, дом 9, квартира 9, в том, что занимая по ряду вопросов политики КПСС и советского правительства враждебную позицию, написал и переправил за границу повести "Суд идет", "Любимов", и статью "Что такое социалистический реализм", содержащие клеветнические утверждения, порочащие советский строй и используемые реакционной пропагандой против советского государства; что он распространял эти произведения среди знакомых; что он переслал за границу произведения Даниэля-Аржака, а также участвовал в пересылке из СССР во Францию сочинений Ремезова-Иванова, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных частью первой ст. 70 УК РСФСР.

Д а н и э л ь, Юлий Маркович, родившийся 15 ноября 1925 года, еврей, беспартийный, имеет 14-летнего сына, проживает в Москве, Ленинский проспект, 85, кв. 3, в том, что занимая по ряду вопросов враждебную советской власти позицию, написал и переслал за границу антисоветские произведения, порочащие советский государственный и общественный строй и используемые реакцией в борьбе против СССР, что он распространял свои произведения среди знакомых, т.е., в совершении преступлений, предусмотренных частью первой ст. 70 УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено 27 января 1966 года в Москве.

Оглашается постановление от 4 февраля 1966 года о предании Синявского и Даниэля суду. Суд постановляет далее удовлетворить ходатайство об'единенного заседания секретариатов Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР от 3 февраля 1966 года о допуске на суд общественных обвинителей, членов Союза писателей А.Васильева и З.Кедрину, меру пресечения - содержание подсудимых под стражей, оставить без изменения.

СУДЬЯ: Понятно ли вам существо обвинения?

Даниэль и Синявский отвечают утвердительно. х)

х) Утвердительный ответ в данном случае - одна из ошибок обвиняемых. Предоставив суду раз'яснить смысл термина "антисоветская пропаганда", обвиняемые могли, ссылаясь на это раз'яснение, избежать расширенного толкования этого термина.

Подсказать им эту возможность входило в обязанность защитников.

СУДЬЯ: Подсудимый Синявский, признаете ли вы себя виновным в пред'явленных обвинениях полностью или частично?

СИНЯВСКИЙ: Нет, не признаю ни полностью, ни частично.

Допрос Ю. Д а н и э л я

СУДЬЯ: Подсудимый Даниэль, признаете ли вы себя виновным в пред'явленных вам обвинениях полностью или частично?

ДАНИЭЛЬ: Не признаю. Ни полностью, ни частично.

Прокурор просит суд принять такой порядок слушания дела: допросить Даниэля, допросить Синявского, затем заслушать показания свидетелей и экспертов в порядке, указанном в обвинительном заключении.

Синявский просит начать допрос с него, т.к. он указан первым в обвинительном заключении, о том же просят и оба защитника.

СУДЬЯ /быстро посоветовавшись с заседателями/ об'являет, что ходатайство обвиняемого не удовлетворяется.

Небольшой перерыв в заседании. В 13.20 заседание продолжается.

СУДЬЯ: Переходим к допросу подсудимого Даниэля.

ПРОКУРОР: В чем выражалась ваша литературная деятельность в СССР?

ДАНИЭЛЬ: Я занимался переводами, писал статьи, в Детгизе вышла моя книга повесть "Бегство", которая в продажу так и не поступила.

СУДЬЯ: Ваша повесть имеется в деле /показывает книгу/.

ПРОКУРОР: Стало быть, как поэт-переводчик и писатель вы выступали в СССР под своей фамилией?

ДАНИЭЛЬ: Да.

ПРОКУРОР: Какие произведения и когда писались вами под псевдонимом?

ДАНИЭЛЬ: Произведения не пишут под псевдонимами, их под псевдонимами издают.

ПРОКУРОР: Хорошо, так что вы издали под псевдонимом?

ДАНИЭЛЬ: Под псевдонимом я издал произведения "Руки", "Говорит Москва", "Человек из МИНАПа", "Искушение".

ПРОКУРОР: Они изданы?

ДАНИЭЛЬ: Да.

ПРОКУРОР: Эти произведения находятся в томе 9-ом дела. Прошу суд ознакомиться с ними.

СУДЬЯ: Суд удостоверяет, что перечисленные Даниэлем произведения изданы под псевдонимом Николай Аржак /показывает книги/.

ПРОКУРОР: Даниэль, эти произведения вы имеете в виду?

ДАНИЭЛЬ: Да.

ПРОКУРОР: Когда и где были написаны эти четыре произведения?

ДАНИЭЛЬ: Рассказ "Руки" написан примерно в 1956-1957 гг., точно я вспомнить не могу; "Говорит Москва" написана в 1960-61 гг., "Человек из МИНАПа" в 1961 году, "Искушение" в 1963 году.

ПРОКУРОР: Писали ли вы эти произведения сами или вам кто-либо помог?

ДАНИЭЛЬ: Сам писал.

ПРОКУРОР: Кто-нибудь подсказывал сюжет какой-нибудь вещи?

ДАНИЭЛЬ: Не сюжет. Идея повести "Говорит Москва" принадлежит не мне.

ПРОКУРОР: Кто подсказал вам идею? Расскажите.

ДАНИЭЛЬ: Идею повести подсказал мне мой тогдашний приятель Хмельницкий.

ПРОКУРОР: Говорили ли вы с Хмельницким впоследствии о реализации этой идеи?

ДАНИЭЛЬ: Да, дважды. Первый разговор у нас с ним был в 1962 году: он при многих свидетелях спросил меня, написал ли я уже повесть с подсказанной им идеей? Я его оборвал.

ПРОКУРОР: Вот вы его оборвали. Значит вы понимали, что его нужно оборвать, что нежелательно раскрытие псевдонима.

ДАНИЭЛЬ: Да, понимал, так как эта вещь уже была напечатана за границей. Второй разговор об этом был после того, как Хмельницкий опять-таки в присутствии многих, услышав, что эта вещь передавалась зарубежным радио, воскликнул: "Да ведь это наше с Даниэлем произведение!"

ПРОКУРОР: Какое радио?

ДАНИЭЛЬ: Не знаю.

ПРОКУРОР: А разве не было разговора, что это радиостанция "Свобода"?

ДАНИЭЛЬ: Нет, такого разговора не было.

ПРОКУРОР: Это была радиостанция "Свобода", дата передачи указана в справке, имеющейся в деле. Даниэль, кому из своих знакомых, когда, где и в каком виде вы давали читать свои рукописи и книги?

ДАНИЭЛЬ: Как правило, я их читал в рукописи. Читал женам - своей и Синявского, читал Синявскому. Что касается других лиц, то

мне труднее сказать, когда именно читал. Читал Гарбузенко не помню когда, не раньше 1962 года. Затем в 63-64 гг. еще что-то читал ему. После 63-го года читал что-то Азбелю, не помню, что именно, так как вообще много читал тогда - может осенью 62 г. в Харькове...или через год... может быть, "Искупление". Этот же рассказ знал и Хазанов, но я ему не давал и не читал. Еще кому-то показывал в 1964-65 гг. Летом 1965 г. я все, что написал, прочел своей приятельнице Макаровой^х).

СУДЬЯ читает имеющуюся в деле запись передачи радиостанции "Свобода", в которой перед чтением произведения Даниэля сделаны антисоветские выпады.

ПРОКУРОР: Об этой ли передаче шла у вас речь с Хмельницким?

ДАНИЭЛЬ: Не знаю, об этой или нет.

ПРОКУРОР: Почему же вы оборвали Хмельницкого, когда он заговорил при посторонних? Значит, вы чего-то опасались?

ДАНИЭЛЬ: Конечно.

ПРОКУРОР: Расскажите, Даниэль, как оценили ваши знакомые и близкие с политической точки зрения то, что вы им дали читать?

ДАНИЭЛЬ: Один Гарбузенко сказал, что он не публиковал бы это за границей, т.к. это может быть неправильно истолковано и использовано врагами нашей страны. Остальные говорили только о художественных сторонах.

ПРОКУРОР: "Это страшно". - Кто это сказал из ваших знакомых о прочитанном?

ДАНИЭЛЬ: Не помню.

ПРОКУРОР: А не Азбель ли?

ДАНИЭЛЬ: Нет.

ПРОКУРОР: На предварительном следствии Гарбузенко заявил, что он говорил вам, что эти произведения могут быть использованы

х/ Читатель, которого удивит подобная разговорчивость обвиняемых на предварительном следствии /иногда переносимая в зал суда/, может заглянуть в запись допроса свидетеля Хазанова. Хазанов приоткрывает методы получения столь подробных и далеко не всегда точных показаний. Безусловно, если бы обвиняемые воспользовались своим правом отвечать на вопросы следователя письменно, такого могло и не случиться.

врагами в целях пропаганды. Какова была ваша реакция на это предупреждение?

ДАНИЭЛЬ: Я не придавал его словам значения. Меня интересовала оценка художественных сторон.

ПРОКУРОР: Почему вы не придали значения его словам?

ДАНИЭЛЬ: Потому что я не считаю, что там есть антисоветские выпады.

ПРОКУРОР: Если вы не видели в своих вещах ничего антисоветского, то почему вы не отнесли их в советские издательства?

ДАНИЭЛЬ: Я очень хорошо знал, что редакции не будут печатать ничего написанного на столь острые темы. В моих вещах есть политическая окраска, и их не стали бы печатать по политическим соображениям. Я имею в виду политику редакций и издательств.

ПРОКУРОР: Значит, Даниэль, вы понимали, что в ваших вещах есть что-то препятствующее их изданию в Советском Союзе?

ДАНИЭЛЬ /раздраженно/ Я имею в виду политику наших издательств, которые боятся издавать что-либо, написанное на острую тему.

ПРОКУРОР: А повесть "Бегство" все-таки понесли в издательство? Даниэль вы переправляли ваши произведения за рубеж легально или нет?

ДАНИЭЛЬ: Нет, я пересылал их нелегально.

ПРОКУРОР: Кто помог вам переслать их за границу?

ДАНИЭЛЬ: Эллен Пельтье-Замойская. Она моя не очень близкая знакомая, но я попросил ее отдать рукописи для публикации, и она согласилась.

ПРОКУРОР: Даниэль, как вы считаете, это этично для советского гражданина, передавать за границу через иностранную подданную вещи, имеющие, как вы выразились, политическую окраску?

ДАНИЭЛЬ: Нет, я не назвал бы это этичным.

ПРОКУРОР: Расскажите, кто такая Замойская?

ДАНИЭЛЬ: Она специалист по русской литературе, изучает Леонида Андреева, любит Россию и /усмехается/ просто милая женщина.

/Смех в зале/

ПРОКУРОР: Вы опознали ее во время следствия?

ДАНИЭЛЬ: Да, я узнал ее на показанной мне фотографии.

ПРОКУРОР: Прошу суд ознакомиться с документами, показывающими, что Замойская была в СССР.

СУДЬЯ подтверждает, что такие документы в деле имеются.

ПРОКУРОР: Значит, вы переправляли свои произведения в помощь дочери военно-морского атташе?

ДАНИЭЛЬ: Я передавал их через Замойскую, а чья она дочь, меня не интересовало.

ПРОКУРОР: Даниэль, кто еще помогал вам переправлять ваши рукописи за границу?

ДАНИЭЛЬ: Я не знаю, можно ли это назвать помощью. Я использовал поездку в 1961 году одной своей знакомой Анн Кариф. Я передал ей рукописи "Говорит Москва" и "Человек из МИНАПа", упаковав их в пакет и сказав, что это книга для Замойской. Она думала, что это просто книга и была, так сказать почтальоном.

ПРОКУРОР: А чем помог вам Синявский?

ДАНИЭЛЬ: В пересылке ничем.

ПРОКУРОР: А в чем?

ДАНИЭЛЬ: Я искал пути, чтобы переслать рукописи за границу. Э.Пельтье я уже знал, с ней меня познакомил Хмельницкий. Я попросил Синявского познакомить меня с ней поближе.

ПРОКУРОР: Вы знали, что Синявский пользуется помощью Пельтье для печатания своих вещей за границей?

ДАНИЭЛЬ: Нет, тогда еще не знал.

ПРОКУРОР: А когда узнали?

ДАНИЭЛЬ: Узнал позднее, когда мои рукописи уже были отправлены.

ПРОКУРОР: А не смазываете ли вы роль Синявского? На предварительном следствии вы показали, что знали. Вот ваши показания, я их вам прочитаю: "Я прежде не хотел впутывать Синявского и давал неправильные показания. Теперь я решил рассказать всю правду. Я передал все рукописи Синявскому, а как он их переслал, не знаю". Даниэль, зачем вы уходите от своих показаний?

ДАНИЭЛЬ: Я не только уйду от них, я прямо от них отказываюсь.

ПРОКУРОР: Даниэль, когда же вы лжете - в показаниях или сейчас?

СУДЬЯ: Я прошу избегать таких слов.

ДАНИЭЛЬ: Анн Кариф получила от меня пакет в тот момент, когда Синявский вышел из комнаты. Он ничего об этом не знал и совершенно тут ни при чем.

ПРОКУРОР: Начиная с 14 декабря 1965 г., вы давали показания, что, "раньше я не хотел, чтобы вся ответственность ложилась на Синявского, и потому давал неверные показания..." /чита-

ет показания Даниэля, уличающие Синявского в пересылке рукописей Даниэля./

ДАНИЭЛЬ: Эти показания не соответствуют действительности. Тогда я не помнил точно, а теперь вспомнил, как было на самом деле.

ПРОКУРОР: Во время следствия вы давали эти показания добровольно?

ДАНИЭЛЬ: Да.

Прокурор читает показания Даниэля от 13 января 1966 года, в которых сказано, что он давал рукописи Синявскому, а как и когда тот переслал их за границу — не знает.

ПРОКУРОР: Даниэль, почему вы меняете свои показания?

ДАНИЭЛЬ: Мои показания были сбивчивы, в деле есть разные мои показания, данные в разное время. Я не машина, я человек, я не могу все точно помнить, тем более, что дело было пять лет назад.

ПРОКУРОР: На следствии вы сначала отрицали, что вы являетесь Аржаком, потом вы старались отнести время написания своих произведений как можно дальше в прошлое. Все-таки вспомните, через кого вы передали свои рукописи? Через Синявского или через Анн Кариф? Это же не пустяк.

ДАНИЭЛЬ: Через Анн Кариф. Я это вспомнил совершенно точно уже после того, как следствие было закончено.

ПРОКУРОР: А потом вы интересовались судьбой переправленных вещей? Вы видели их изданными?

ДАНИЭЛЬ: Да, мне было известно, что опубликованы три вещи. Их привезла мне Пельтье. Рассказ "Искупление" напечатанным я не видел. Где я их получил, я не помню.

ПРОКУРОР: Вы подтверждаете ваши показания, что Замойская передала вам эти книги, на квартире Синявского?

ДАНИЭЛЬ: Не помню, возможно так.

ПРОКУРОР: Вы знали, в каких издательствах вас издавали и с какими предисловиями?

ДАНИЭЛЬ: Нет, не знал.

Прокурор просит суд ознакомиться с письмом издательства "Прогресс", в котором указаны издания произведений Аржака. Судья читает справки, где и когда были изданы эти произведения.

ПРОКУРОР: Вы получали гонорар за эти произведения?

ДАНИЭЛЬ: Нет.

ПРОКУРОР: Какой вам начислили гонорар за них и как? Что вам известно о гонораре?

ДАНИЭЛЬ: Понятия не имею, какой. Знаю только, что он есть.

ПРОКУРОР: Вы говорили о гонораре с Замойской?

ДАНИЭЛЬ: Да, говорил, Она сказала, что гонорар перечислили, что гонорар большой, но ничего точного не знаю.

ПРОКУРОР: А о гонораре Синявского у вас были разговоры?

ДАНИЭЛЬ: Нет, не было.

ПРОКУРОР: А теперь, Даниэль, изложите идейную направленность повести "Говорит Москва"?

ДАНИЭЛЬ: Я понимаю разницу между содержанием и идейной направленностью. Прежде всего надо сказать, как и почему была написана повесть. Сюжет подсказал мне товарищ. Меня увлекло, что при фантастическом допущении "Дня открытых убийств" можно показать психологию и поведение людей. Сама завязка - день открытых убийств - привела к политической позиции, оставляя в стороне литературные задачи, которые я решал. В 1960-61 гг., когда была написана эта повесть, я, и не только я, но и любой человек, серьезно думающий о положении вещей в нашей стране, был убежден, что страна находится накануне вторичного установления нового культа личности. Со смерти Сталина прошло не так уж много времени. Мы все хорошо помнили то, что называется "нарушениями социалистической законности". И вот снова я увидел все симптомы: снова один человек знает все, снова возвеличивается одна личность, снова одна личность диктует свою волю и агрономам, и художникам, и дипломатам, и писателям. Мы видели, как снова замелькало со страниц газет и на афишах одно имя, как снова самое банальное и грубое выражение этого человека преподносилось нам, как откровение, как квинтэссенция мудрости...

СУДЬЯ: И вот, опасаясь восстановления культа личности в нашей стране, вы решили апеллировать к издательству Харпера и Броу в Вашингтоне?

ДАНИЭЛЬ: Я об'ясняю сейчас не почему я послал, а почему написал.

СУДЬЯ: Продолжайте.

ДАНИЭЛЬ: Так вот, наблюдая все это, помня ужасы репрессий и нарушения законности при Сталине, я пришел к выводу - а я по натуре пессимист, - что возможно повторение страшных времен культа Сталина, что это может повториться. А тогда, как я

могу напомнить происходили события, куда более страшные, чем описано у меня - массовые репрессии, высылки, уничтожение целых народов. Описанное мной, по сравнению с этим, - детская игрушка...

СУДЬЯ: Я, конечно, понимаю, что авторская речь и речь персонажа - вещи разные. Но вот вы пишете в повести "Говорит Москва" /цитирует разговор с Маргулисом, где сказано "Зачем им это надо..." и т.д./^{х)}

х) "За все время у меня был только Володька Маргулис, который сразу, как пришел, задал мне дурацкий вопрос /цитировалось начиная со следующих слов/: "Зачем им все-таки понадобился этот указ?" Им - это правительству. Я промолчал, и он, обрадовавшись, что я никаких своих суждений не имею, стал об'яснять мне, что вся эта чертовщина неизбежна, что она лежит в самой сути учения о социализме.

- Почему? - спросил я.

- А как же? Все правильно: они должны были легализировать убийство, сделать его обычным явлением, поэтому и не об'ясняют ничего. Раньше об'ясняли, агитировали".

продолжим цитату:

- Ты чушь порешь. Когда?

- В революцию.

- Ну это ты загнул. Революция не так и не для того делалась.

- А тридцать седьмой год?

- Что тридцать седьмой год?

- То же самое. Полная свобода умерщвления. Только тогда был соус, а сейчас безо всего. Убивайте - и баста! И потом - тогда к услугам убийц был целый аппарат, огромные штаты, а сейчас - извольте сами. На самообслуживании.

- Ох, Володька, хватит! Твои антисоветские монологи перестали быть остроумными.

- А ты что, обиделся за Советскую власть? Ты считаешь, что за нее следует заступаться?

- За настоящую Советскую - конечно следует.

- Это которая без коммунистов? Как у Шолохова в "Тихом Доне"?

- Иди к черту!

- Оч-чень убедительный ответ! - с'язвил Володька. - А ты...

- Хватит, - сказал я.

ДАНИЕЛЬ: Вы правы, что позиция героя и автора не всегда одно и то же. И главный герой у меня возражает на те слова, которые вы привели. Он говорит: "За Советскую власть надо заступаться". Так что в отрывке, который вы прочли, все ясно.

СУДЬЯ: Этот главный герой, который "из автомата...", "веером", "от живота"?

ДАНИЕЛЬ: Да тот самый. Но я и это об'ясню. Вот идея всей повести кратко: человек должен оставаться человеком, в какие бы обстоятельства жизнь его не ставила, какое бы давление и с какой бы стороны на него не оказывалось. Он должен быть верен себе, самому себе и не участвовать ни в чем, против чего восстает его совесть, что противоречит его человечности. Теперь насчет отрывка "от живота". Этот отрывок назван в обвинительном заключении призывом к расправе над руководителями партии и правительства. Действительно, здесь герой говорит о руководящих работниках, он их имеет в виду, ибо он помнит о массовых репрессиях и считает, что за них должны нести ответственность те, кто в них повинен. Но на этом цитата оборвана, обвинительное заключение ставит точку. Но книга на этом не кончается, даже монолог на этом не кончается, герой чувствует, что картина убийств и кровопролития ему знакома, он уже видел ее на войне. И эта картина вызывает у героя омерзение. Здесь налицо тенденциозное истолкование этого отрывка в обвинительном заключении. Ведь дальше герой говорит прямо: "Я не хочу никого убивать". Пусть любой читатель ответит: герой хочет убивать? Каждому должно быть ясно - не хочет!

х) Мы помолчали, а потом он, обиженный, ушел.

Я снова лег на постель и начал думать. Почему и зачем издан этот Указ - это мне все равно. И нечего подводить под это научную базу и трепаться о революции. Я этого не люблю. Мой отец в Гражданскую комиссарил, и я думаю, он знал, за что воевал. Я его плохо помню его взяли в тридцать шестом, одним из первых, - но после смерти матери я нашел его письма. Я их прочел, и, по-моему, люди моего поколения не имеют права болтать о тех временах. Мы можем и должны решать каждый за себя. Это все, что нам осталось, все, что мы в состоянии сделать, но и это много. Слишком много."

/Здесь и далее "Говорит Москва" цитируется по изданию: Вашингтон, 1962 год/.

СУДЬЯ: Но вы упускаете самое главное – герой может убивать благодаря указу советской власти. Значит есть плохое правительство и хороший герой, который не хочет никого убивать, кроме правительства.

ДАНИЭЛЬ: Этого не следует из повести. Герой говорит "никого". Никого – значит никого.

СУДЬЯ: Но указ такой в повести есть?

ДАНИЭЛЬ: Да.

ПРОКУРОР: Я прошу Даниэля прочесть эпиграф к 4-й главе повести.

СУДЬЯ: Я не вижу никакой надобности, чтобы в зале звучала нецензурная брань.

ПРОКУРОР: Прошу все-таки разрешения прочесть эпиграф с купюрами – без мата.

СУДЬЯ: Прочтите, но без мата.

ПРОКУРОР /читает/ "я их ненавижу до спазм, до клекота в горле, до дрожи; о, если бы собрать их да и разом всех этих... уничтожить?" Как, Даниэль, об'яснить этот эпиграф?

ДАНИЭЛЬ: Этот эпиграф к размышлениям героя.

/Смех в зале. Даниэль нервно взглядывает в зал/.

ПРОКУРОР: Кого же вы ненавидите? Кого вы хотите уничтожить?

ДАНИЭЛЬ: К кому вы обращаетесь? Ко мне, к герою или к кому-нибудь еще?

ПРОКУРОР: Кто является у вас положительным героем? Кто в повести излагает вашу точку зрения?

ДАНИЭЛЬ: Во время нашей предварительной беседы я вам уже говорил, что у меня в повести нет ни одного до конца положительно-го, да это и не обязательно.

ПРОКУРОР: У нас не было предварительной беседы. Но кто является носителем авторского кредо? Где оно выражено?

ДАНИЭЛЬ: Герои частично несут груз авторского мироощущения, частично нет. Ни один герой не есть автор. Может быть, это плохая литература, но это литература, и в ней нет только белого и черного.

ПРОКУРОР: Я оглашаю заключение Главлита о повести Аржака /Читает/ "Повесть "Говорит Москва" – это чудовищный пасквиль..." и далее дается оценка повести, полностью совпадающая с обвинительным заключением, с той разницей, что в заключении Главлита сказано, что в повести выражен антисемитизм. Вы согласны с такой оценкой, Даниэль?

ДАНИЭЛЬ: Никоим образом. В отзыве сказано, что я выражаю свои идеи "устаами своих героев". Это, мягко говоря, наивное обвинение. Так можно обвинить в антисоветчине любое произведение любого советского писателя. Скажем, белогвардейца высказываются у Лавренева, Шолохова, Леонова...

ПРОКУРОР /перебивает/: Очевидно, оценка западной прессы, где вас сравнивают с Достоевским, так вскружила вам голову, что вы уже сравниваете себя с крупнейшими советскими писателями.

ДАНИЭЛЬ: Я ни с кем себя не сравниваю. Я хочу сказать, что важно не то, что говорят герои, а авторское отношение к этому, его позиция.

ПРОКУРОР: На предварительном следствии вы были частично согласны с заключением Главлита.

ДАНИЭЛЬ: Внешние факты там изложены правильно.

ПРОКУРОР /читает заключение Главлита/: "По мысли автора, советский народ слепо подчиняется партийной верхушке..." Как вы оцениваете свое произведение с этой точки зрения?

ДАНИЭЛЬ: Я не имел в виду говорить резкости. В какой-то степени я могу согласиться с мыслью, что политическая инициатива масс... Я в нее не очень верю. И политически считаю массы пассивными.

ПРОКУРОР: Значит, если об'явят День открытых убийств, то весь народ кинется убивать, если ему так прикажут.

ДАНИЭЛЬ: Нет, этого там не сказано. День открытых убийств - это литературный прием, избранный для того, чтобы разобратся в реакции людей.

СУДЬЯ: Я хочу кое-что пояснить. Вот представьте себе коммунальную квартиру: Иванова ссорится с Сидоровой. Если Иванова напишет, что есть некая дама, которая портит жизнь другой даме, то это намек, иносказание. А если она напишет, что Сидорова подсыпает ей мусор в суп, то это уже подлежит юридическому разбирательству, как что-то вроде доноса, либо как клевета, либо еще как-то. А вы же прямо говорите о советском правительстве, не о древнем Вавилоне, а конкретном правительстве, что это оно об'явило "День открытых убийств", и указываете дату - 10 августа 1961 года. Это прием или прямая клевета?

ДАНИЭЛЬ: Я воспользуюсь вашим примером. Если Иванова напишет, что Сидорова летает на помеле или превращается в животное в буквальном смысле, то это будет литературный прием, а не клевета. Я взял заведомо фантастическую ситуацию.

СУДЬЯ: Вот что пишет Б.Филиппов: "Но так ли уж нереально то, что изображает Аржак?" Так что это выходит, не литературный прием, Даниэль?

ДАНИЭЛЬ: Это литературный прием.

ПРОКУРОР: Даниэль, неужели вы отрицаете, что "День открытых убийств", якобы об'явленный советской властью, это клевета?

ДАНИЭЛЬ: Я считаю, что клевета — это то, в чем — хотя бы теоретически — можно уверить других... /смех в зале/.

СУДЬЯ: Хочу раз'яснить /Читает кодекс/. Клевета — это распространение заведомо ложных и позорящих сведений. Это юридический закон.

ДАНИЭЛЬ: Как же тогда быть с фантастикой?

СУДЬЯ: Я возвращаюсь к приведенному мною примеру. Когда Иванова утверждает, что Сидорова сделала то-то и то-то, и Сидорова этого не делала, то юристы называют подобные утверждения клеветой.

ПРОКУРОР: Вы оклеветали простых советских людей. Посмотрите как советские люди реагируют на об'явление "День открытых убийств" /цитирует/х) Интеллигентные люди так реагируют! Разве это не клевета?

х) В Москве на другой день я пошел на работу. Я заранее знал, что будет неминуемый треп об указе, знал кто будет высказываться, а кто помалкивать. Но, к удивлению моему, помалкивали почти все. Два — три человека, правда, спросили меня: "Ну, что Вы обо всем этом думаете?" Я промямлил что-то вроде: "Не знаю... там видно будет...", на этом разговоры прекратились.

Через день в "Известиях" появилась большая редакционная статья "Навстречу Дню открытых убийств". В ней очень мало говорилось о сути мероприятия, а повторялся обычный набор: "Растущее благосостояние — семимильными шагами — подлинный демократизм — только в нашей стране — все помыслы — впервые в истории — зримые черты — буржуазная пресса..."

Еще сообщалось, что нельзя будет причинять ущерб народному достоянию, а потому запрещаются поджоги и взрывы. Кроме того, Указ не распространяется на заключенных. Ну, вот. Статью эту читали от корки до корки, никто по-прежнему ничего не понял, но все почему-то успокоились. Вероятно, самый стиль статьи — привычно-торжественный, буднично-высокопарный — внес успокоение. Ничего особен-

Вот ваша беседа с Маргулисом...

ДАНИЭЛЬ /перебивает/: Не моя, а моего героя!

ПРОКУРОР: Но разве это не клевета на советского человека?

ДАНИЭЛЬ: С таким же успехом "Баня" и "Клоп" Маяковского тоже клевета на советского человека. Разве Маяковский не оклеветал советского человека Пьера Скрипкина.

ПРОКУРОР: Не будем об этом говорить! Покажите хоть одного советского человека, который бы выглядел как настоящий советский человек. Как вы интеллигентов изобразили!

ДАНИЭЛЬ: Вы говорите о советских интеллигентах так, как будто все они достойны только преклонения.

ПРОКУРОР: Ну, хоть кого-нибудь вы изобразили хорошим? /Цитирует/хх)
Разве это не клевета на советских людей, на советское правительство?

х) ного: "День артиллерии", "День советской печати", "День открытых убийств"... Транспорт работает, милицию трогать не велено - значит порядок будет. Все вошло в свою колею".

хх) "Чупров писал левые картины и был известен в либеральных кругах как новатор. /Дальше прокурор пропустил до "В том-то и штука.../. Но продавать полотна, отмеченные тлетворным влиянием Запада, было некому, с иностранцами он связываться боялся, а жрать надо было. Поэтому он делал плакаты: девушек с просветленными лицами на фоне кремлевских стен, шахтеров в полной подземной амуниции, шагающих уверенной поступью к светлому будущему, молодых инженеров в комбинезонах с кронциркулем в нагрудном кармане и с "Историей КПСС" подмышкой. Платили ему здорово, хотя и нерегулярно.

- Что, не приняли работу? - спросил я. - У тебя что же, договора не было?

- В том то и штука, что не было. Я думал, им выбирать будет не из чего, ну и решил рискнуть ради такого случая. Лево сделал в своей, свободной манере. Соображаешь? Приношу, а там...

- погоди, ради какого случая?

- Ты что, с луны свалился? Ради Дня открытых убийств. Без плакатов небось, не обойдутся!"

Он же, выложив мне как-то весь свой запас, сообщил о том, что Игорь на каком-то собрании, у себя в академии, высказался в том, смысле, что 10 августа есть результат мудрой политики нашей пар-

ДАНИЭЛЬ: Даже в уставе Союза писателей нет пункта, что надо обязательно писать только о благородных, умных и хороших людях.

Почему в сатиристическом произведении я должен писать о хороших людях? Сатирики от Аристофана до Гоголя...

ПРОКУРОР: У вас вскружилась голова!

ДАНИЭЛЬ: Прошу разрешения сделать заявление. Я литератор. Я не могу не сослаться на историю литературы, на опыт других писателей. Это не значит, что я сравниваю себя с ними, ни по уму, ни по таланту. Пусть обвинитель не утверждает, что я себя с ними сравниваю.

ПРОКУРОР: Вы в повести упоминаете газету - "Известия", "Литературу и жизнь", упоминаете писателей Безыменского, Михалкова! как оклеветана вся советская пресса, все советские писатели! Разве это не клевета на советскую печать?

ДАНИЭЛЬ: Нет, это не клевета на советскую печать. Я имею в виду отдельных авторов, приспособленцев. Это пародия на казенный стиль, на шаблон, присутствующий часто в наших газетах.

ПРОКУРОР: Я предвидел этот ответ и вернулся к цитате про "Известия". Там сказано, что, как обычно, газета напечатала редакционную статью, призывающую поддержать "День открытых убийств", откликнуться и т.п. Как обычно. Разве это не клевета на всю советскую печать?

ДАНИЭЛЬ: Это издевка над стилем газетных статей.

ПРОКУРОР: Вот теперь вы уже заговорили своим подлинным голосом.

СУДЬЯ: Не надо замечаний, не помогающих выяснению дела.

ДАНИЭЛЬ: Я всегда говорю своим подлинным голосом.

ПРОКУРОР: Вы пишете, что народ настроен антисемитски и только ждет, чтобы начать еврейский погром. Вы сравниваете это настроение с тем, которое привело к Бабьему Яру. Но там ведь убивали фашисты. Разве это не кощунство сравнивать весь наш народ с фашистами!

ДАНИЭЛЬ: Из этой цитаты не следует, что весь советский народ настроен антисемитски, а следует, что есть отдельные люди с подобными настроениями. Речь идет о каких-то людях - каких не указано, которые могут заняться сведением личных счетов, о том,

хх)тии, что Указ еще раз свидетельствует о разворачивании творческой инициативы народных масс - ну, и так далее, в обычном духе".

что могут найтись отдельные подонки, и ничего более из этого текста не следует.

ПРОКУРОР: Отдельные или весь народ — об этом мы сейчас поговорим /читает описание резни, где сказано, что грузины резали армян, армяне резали грузин, а в Средней Азии все резали русских/х). Разве это не клевета на весь советский народ?

х) — В Одессе блатные поймали начальника милиции. Ну, он, конечно, в форме был. Так что они сделали? Переодели в какую-то рвань и отпустили. Понимаете, отпустили! А потом догнали и... кончили! Их еще потом судили.

— Ну-у!

— Осудили... за грабеж!

— Слушайте, слушайте что было в Переделкине. Кочетов нанял себе охрану — из подмосковной шпаны. Кормил, поил, конечно. А другие писатели тоже наняли — понимаете? Чтоб Кочетова прихлопнули!

— Ну, и что же было?

— Что было? Драка была — вот что! Шпана между собой дралась!

— Ребята, а кто знает, много жертв было?

— По РСФСР немного: не то восемьсот, не то девятьсот, что-то около тысячи. Мне один человек из ЦСУ говорил.

— Так мало? Не может быть!

— Правильно, правильно. Эти же цифры по радио передавали. По заграничному, конечно.

— Ух, и резня там была! Грузины армян, армяне азербайджанцев...

— Армяне азербайджанцев?

— Ну да, в Нагорном Карабахе. Это же армянская область.

— А в Средней Азии как? Там тоже, небось, передрались?

— Не-ет, там междоусобия не было. Там все русских резали...

— Письмо ЦК читали?

— Читали!

— Не читали! Рассказывай!

— Во-первых, про Украину. Там Указ приняли как директиву. Ну, и наворотили. Молодежные команды из активистов; рекомендательные списки; ну, по описи сразу известно стало — разве такое в секрете удержишь? И пришлось спецкомандам облизнуться: все, кто в списках значился, удрали. Так что это дело у них бортиком вышло. И еще ЦК им приложил — за вульгаризацию идеи, за перегибы. Четырнадцать секретарей райкомов и два секретаря обкома — фьють!

ДАНИЭЛЬ: Нет, это не клевета на весь советский народ.

ПРОКУРОР: И у вас сказано, что всем этим руководит ЦК /цитирует/.

Разве это не клевета?

ДАНИЭЛЬ: Вы забываете, что отправная точка всех этих высказываний — фантастическое допущение, а не реальность.

/Смех в зале/

ПРОКУРОР: /цитирует отзыв белоэмигранта Филиппова, в котором повесть Аржака оценена как антисоветское произведение/: Что вы об этом скажете?

ДАНИЭЛЬ: Я советую вам за раз'яснениями обратиться к Филиппову. Я не отвечаю за то, что он пишет.

ПРОКУРОР: Это вы адресуетесь к Филиппову, а не к советским людям.

ДАНИЭЛЬ: Я не писал Филиппову и никому вообще не писал и никогда не знал, где это будет напечатано.

СУДЬЯ: Однако напечатал все Филиппов.

ДАНИЭЛЬ: Я узнал об этом только в 1963 году.

ПРОКУРОР: Но вы знали, что антисоветские круги передавали ваши вещи по радио!

ДАНИЭЛЬ: У вас нет никаких оснований утверждать это.

/Перерыв. В 15.30 заседание возобновляется/.

ПРОКУРОР: Вот что вы пишете, Даниэль. /Зачитывает выдержки из повести "Говорит Москва", где сказано о письме ЦК по поводу Дня открытых убийств/.

В этот момент в зале гаснет свет. Чей-то взволнованный голос: "Лев Николаевич, что делать со светом?" Недовольный голос судьи: "Я вам судья, а не электромонтер". Свет зажигается.

- Ну да?

- Абсолютно точно. А в Прибалтике никого не убили.

- Как никого не убили?

- А так! Не убили — и баста!

- Да ведь это демонстрация!

- И еще какая! Игнорировали Указ, и все. В письме ЦК устанавливается недостаточность политико-воспитательной работы в Прибалтике. Тоже кого-то сняли".

/Все это цитировалось отрывками, иногда лишь ответы без вопросов, вместо "Кочетов" говорилось "один советский писатель" и т.п./.

ПРОКУРОР: Разве это не злобная клевета и в адрес украинского народа?

ДАНИЭЛЬ: Я уже один раз сказал, что такое клевета. Это то, во что можно поверить. В мой вымысел поверить нельзя. А если в вымысел поверить нельзя то это не клевета, а фантастика. Но хочу повторить еще раз: все описанное мною было бы возможным при условии реставрации культа личности. Если бы он возродился, то могло быть все, что угодно. Я не считаю, что что-либо невозможно, когда государством управляет один человек.

ПРОКУРОР: При чем тут культ личности? У нас речь идет о Советском Союзе в 1961 году. Вот на стр. 50-51 повести у вас герой является к мавзолею, и там его душат, а единственное, что возмутило часового, это грязное пятно на сапоге! Сцена написана от лица автора! И псих, напавший на героя, кричит: "По приказу Родины!" /цитирует/. Разве это не глумление?

ДАНИЭЛЬ: Я не знаю, служили ли вы в армии, но я знаю, что часовой не имеет права менять положение! Здесь нет никакого глумления.

ПРОКУРОР: Глумление в том, что дело происходит у мавзолея, что наш советский человек взволнован только грязью на сапоге!

ДАНИЭЛЬ: Здесь нет никакого глумления. Если бы часовой покинул пост, его судил бы военный трибунал - и правильно бы сделал. Я прошу прочесть две-три фразы этого отрывка.

СУДЬЯ /читает тот же отрывок/.

ДАНИЭЛЬ: Я просил прочесть до этого, а не повторять. Но я сам перескажу. До этого герой восклицает: остановитесь, ведь не этого хотел тот, который первым лег в эти мраморные стены. Ленин не хотел ни убийств, ни террора, ни репрессий!

СУДЬЯ /цитирует более широкий текст/х)

х) Меня сбили с ног, Я упал, и прежде чем успел подняться, на меня навалился человек. Он сжал мне горло, но я резко дернулся и высвободил шею. Мы покатались, стучаясь головами о тесаный булыжник, стискивая друг друга и тщетно пытаюсь упереться ногами в скользкий, недавно политый камень. Передо мной мелькало голубое небо, пестрота Василия Блаженного, красный мрамор куба и две неподвижные статуи с винтовками, охранявшие мертвецов. Мы поднялись к ногам часовых. Здесь мне удалось, наконец, двинуть его коленом в живот. Он разжал руки, и я вскочил, пошатнулся, наступил на ногу часовому. Мой противник тоже поднялся, и я ударил его в челюсть, раз и еще раз, и он снова упал и пополз и хотел встать, и

ПРОКУРОР: На предварительном следствии вы согласились, что вся идея повести, как сказано в отзыве Главлита, — в том, что народ СССР запуган и не может оказать никакого сопротивления любому дикому мероприятию. Вы подтверждаете свои показания?

ДАНИЭЛЬ: Я еще раз говорю, повесть написана о том, что было бы в случае возрождения культа личности.

ПРОКУРОР /читает разговор Карцева со Светланой, смысл которого в том, что "весь народ запуган"/^{хх}) Что это за строки? Разве они не подтверждают слова Главлита, что вы оклеветали весь народ и правительство?

х) руки у него подломились, и он сел, привалясь спиной к мавзолею, и, сплевывая красную слюну, прохрипел:

— Я готов. Бей!

Я поднял валявшийся у парапета пиджак и сказал, задыхаясь:

— Сволочь...

Он ответил: — По приказу Родины.

Я оглянулся на часовых. Они так же неподвижно стояли, как и три минуты назад, и только один из них, скосив вниз глаза, смотрел на пыльное пятно, оставленное моим каблуком на его начищенном сапоге...

Я пошел домой.

Многолетним благоговением, плотным и осязаемым до отказа, до крыш и куполов, была забита выпуклая, прямоугольная коробка площади. Голые бетонные параллели трибун, трехярусные кубы гробницы, прямые углы невысокого парапета наивные двузубые стены — весь этот с детства, с младенческого лепета знакомый и любимый мною узор, неприложный и бескомпромиссный, как чертеж теоремы, внезапно ударил меня в мозг, в душу, в сердце. Дано: идея, требуется доказать: воплощение. И чертят, чертят оледеневшие в своем рвении геометры, чертят, положив бумагу на склоненную перед ним спину, чертят и не замечают, что прорвалась бумага, что сломался грифель, что по коже, по мясу бороздит обернувшийся спицрутеном карандаш! /Цитировалось только до сих пор/. Остановитесь! Нельзя же, нельзя такой ценой! Ведь люди же! Ведь не этого он хотел — тот, кто первым лег в эти мраморные стены.

хх) — Ну, как Светлана? Нравится?

— Я не понимаю, Толя. Они действительно были все очень милые, а

ДАНИЭЛЬ: Я снова повторяю, что написано о том, что было бы, если бы культ личности был возрожден — именно в 1961 году угроза реставрации была серьезной.

ПРОКУРОР: Вы вновь, Синявский, клеветаете!

ДАНИЭЛЬ /с полупоклоном/: Моя фамилия Даниэль.

СУДЬЯ: Не нужно оценок. Допрос имеет целью установить факты. Оценку даст суд.

ПРОКУРОР: На допросе 13 января вы признали, что в повести есть места, которые могут быть истолкованы как антисоветские. Вы подтверждаете эти показания?

ДАНИЭЛЬ: Да.

СУДЬЯ /читает показания Даниэля о местах, которые могут быть истолкованы, как антисоветские/: Вы подтверждаете эти показания?

ДАНИЭЛЬ: Да, подтверждаю.

ПРОКУРОР: Ваши произведения "Человек из МИНАПа", "Руки", "Искупление" тоже носят антисоветский характер. /Читает заключение Главлита: "Все эти произведения в своей идейно-политической направленности представляют собой образцы антисоветских произведений, написанных с позиций антикоммунизма" и т.д. Идея рассказа "Искупление" в том, что в культе личности виноват весь советский народ, что народ не верит в дело партии; политическое кредо рассказа — в бредовых выкриках в конце: "Товарищи! Они продолжают нас расстреливать!", "от себя не убежите", "тюрьмы внутри нас!" и т.д. В рассказе "Руки" — злобные выпады против чекистов, политика партии изображена как антикоммунистическая. В "Человек из МИНАПа" изображен вымышленный "московский институт профанации", это грубый пасквиль, высмеивающий нашу мораль и некоторые научные представления/. Вы согласны, Даниэль, с заключением Главлита?

ДАНИЭЛЬ: Ни в коей мере.

ПРОКУРОР: А на предварительном следствии вы иначе оценивали эти произведения /Читает выдержки из допроса от 23 декабря 1965 года, где Даниэль признал, что в 6-й главе "Человек из МИНАПа" есть

хх)потом, когда начали про это говорить... Почему они так радуются?

— Они радуются, что уцелели, Светочка.

— Но они же все прятались! Их же, — Светлана запнулась, подыскивая слово, — их же... запугали!

— Запугали? — я взял Светлану за плечи, — Света, вы понимаете?"

строки, которые могут быть расценены, как выпады против советского правительства/. Вы подтверждаете это?

ДАНИЭЛЬ: Да, я подтверждаю, что эти строки могут быть расценены так.

ПРОКУРОР /цитирует/: А эти строки могут быть расценены как антисоветские?

ДАНИЭЛЬ: Могут быть расценены, но такими не являются.

/Смех в зале/

ПРОКУРОР: Даниэль, что побудило вас к написанию антисоветских, клеветнических произведений, порочащих государственный строй СССР?

ДАНИЭЛЬ: Я отказываюсь отвечать на вопрос, поставленный в такой форме.

ПРОКУРОР: Что, Даниэль, побудило вас написать эти произведения?

ДАНИЭЛЬ: В свое время "Тихий Дон" тоже расценивался как антисоветское произведение... /Гул и смех в зале/. ... "Могут быть" и "являются" - вещи разные.

СУДЬЯ: Здесь не литературный диспут и экскурсы в историю литературы не нужны.

ДАНИЭЛЬ: Я настаиваю на своем праве искать литературные аналогии. Меня обвиняют в политическом преступлении, и я защищаюсь, приводя литературные аналогии.

СУДЬЯ: Вы сравниваете "Человека из МИНАПа" с "Тихим Доном". Это бес тактно.

ДАНИЭЛЬ: Я себя ни с кем не сравниваю.

ПРОКУРОР: Зачем вы писали вещи, которые могут быть истолкованы как антисоветские произведения.

ДАНИЭЛЬ: Вы спрашиваете обо всех сразу или о каком-то одном?

ПРОКУРОР: Вы можете сказать о любом.

ДАНИЭЛЬ: Я скажу о "Руках". Я знаю, что не имею права задавать вопросы суду, но может ли обвинение указать в рассказе, хоть одну фразу, хоть одно слово, хоть одну букву, которую можно истолковать как антисоветскую. Этот рассказ - литературная запись рассказанного мне действительного происшествия. Из текста рассказа не вытекает то, в чем меня обвиняют. Фразы обвинительного заключения об этом рассказе - сплошное противоречие. В обвинительном заключении говорится, что, якобы, советская власть обходилась без насилия. Но это не научно, не по-марксистски, не по-ленински. По Ленину, революция - это насилие и государство - насилие, насилие большинства над меньшин-

ством. В обвинительном заключении говорится, что я пишу, что "советская власть допускала насилие над советскими людьми". Но этого нет в рассказе - там изображается расстрел контрреволюционеров. Из текста рассказа не вытекает и идея возмездия. Текст рассказа не дает права толковать его так, как в обвинительном заключении. Теперь о рассказе "Человек из МИНАПа". Мне не нравится этот рассказ, он плохо написан, груб, бестактен, но ничего антисоветского в нем нет. Это сатирический рассказ, - а шарж, гротеск, преувеличение - это традиционные средства сатиры. Почему изображение десяти плохих людей выдается обвинением за изображение всего советского общества? Герои сатиры всегда отрицательные, а положительный герой в ней - фигура всегда условная. Нет никаких оснований, говорить, что рассказ направлен против морали и этики советского общества. Почему я его написал? Среди моих друзей много ученых, один из них рассказал мне о шумихе вокруг Башьяна и Лепешинской /я не равняю эти два имени/, рассказал, что сенсация нанесла вред нашей науке. По поводу этой шумихи, а не по поводу этой науки и был написан этот рассказ. Главлит полагает, что я должен был, очевидно, восхвалять те явления, которые я высмеиваю.

/ПРОКУРОР и ДАНИЭЛЬ долго спорят о "научных представлениях", упомянутых Главлитом/.

СУДЬЯ /зачитывает рецензию Главлита, где сказано, что рассказ - пасквиль на "некоторые научные представления". Даниэль, вы в этом рассказе выступаете против Башьянова?

ДАНИЭЛЬ: Нет, я выступал против шумихи, рекламы вокруг научных открытий.

СУДЬЯ: А если стержень рассказа то, о чем вы говорите, то почему ваш Володя думает о Карле Марксе и Кларе Цеткин в столь неподходящее время и в такой ситуации?

ДАНИЭЛЬ: Это об'ясняется спешкой, с которой был написан рассказ.

/Неодобрительный шум и грубый смех в зале/

СУДЬЯ: Ваш рассказ "Руки" - он ведь посвящен далекому прошлому. Почему же именно этот рассказ вы послали за границу, а не, скажем, повесть "Бегство"?

ДАНИЭЛЬ: Я хотел видеть написанное мною напечатанным. Я убежден, что в моих произведениях нет ничего антисоветского. Но я знаю, что наши издательства и редакции считают, что есть круг запретных

тем, которые не следует предавать литературной огласке. Есть ряд проблем, о которых либо писатели не пишут, либо издатели не печатают. Тема рассказа "Руки" - тема запретная, замалчиваемая. Речь идет в рассказе о работе кровавой, тяжелой, но необходимой. Герой рассказа, рабочий, который затем служит в ВЧК. И вот у него в результате этой работы дрожат руки /Пересказывает рассказ/.

СУДЬЯ: Но почему первым ушел за границу именно этот рассказ?

ДАНИЭЛЬ: Потому что я заранее мог предположить, что его здесь не напечатают, так как это запретная тема, и с 30-х годов в нашей литературе она не освещается...

СУДЬЯ: Так почему же все-таки не "Бегство" и не переводы, а именно этот рассказ? Он написан в стиле "гиньоль". /Читает отрывок/. Но не в этом дело. Почему тема расстрела попов была для вас важна сегодня? Зачем вы возродили эту тему именно сейчас? Эмиграция много кричала про Тихона. Это что, имеет отношение к литературе?

ДАНИЭЛЬ: А герой не знает, за что он расстреливает.

СУДЬЯ /цитирует/^{х)}: Ясно, что это будет охотно напечатано за границей.

ДАНИЭЛЬ: Я не ставил политических целей, когда писал рассказ.

/Смех в зале/

ПРОКУРОР: Допустим, что вы не понимали политической направленности этого рассказа. Но зачем в этом случае вы послали его за рубеж, под псевдонимом и нелегально?

ДАНИЭЛЬ: Я послал, чтобы напечатали - это достаточная для меня причина. Если бы я был врачом или инженером, я бы опубликовал это под своим именем. Но я переводчик. Получение работы для переводчика моего класса связано с добрыми отношениями с издательствами. Если бы стало известно, что я печатаюсь за границей, меня бы лишили переводческой работы. Когда я отдавал эти вещи Пельтье, я не знал, где, когда и в какой стране они

х) "Приказано нам было вывести в расход партию попов. За контрреволюционную агитацию. За злостность. Они там прихожан мutilи. Из-за Тихона, что ли. Или вообще против социализма - не знаю. Одним словом - враги".

/Рассказ "Руки" цитируется по изданию: Вашингтон, 1963 год/.

будут напечатаны. Завершение литературной работы есть публикация. Это можно трактовать как угодно... как тщеславие или гордыню. Но если бы я был врачом или ученым, я не взял бы псевдонима. Я уже говорил, что, возможно, это неэтично.

ПРОКУРОР: Вы хотели напечататься, а вы подумали о наших врагах, о том как эти произведения могут быть использованы для антисоветской пропаганды?

ДАНИЭЛЬ: Я об этом не думал.

ПРОКУРОР: А когда вы об этом подумали?

ДАНИЭЛЬ: Начал думать после 1964 года, когда увидел две книги, одну из них с предисловием Филиппова. Тогда я понял, как они истолкованы. Несмотря на мои сомнения, я еще отправил за границу одну рукопись. Но с 1963 года я больше ничего не писал и не отсылал.

ПРОКУРОР /читает показания Гарбузенко на предварительном следствии 25 октября 1965 года, где тот говорит, что считал, что рукописи отправлять не надо, так как они автоматически становятся антисоветскими от того, что их публикуют за границей; показания Хазанова, которого ужаснуло, как это скажется на семье, и который говорил, что в политическом смысле это фи́га в кармане/: Почему же после всего этого, после того, как Хазанов пришел в ужас, вы все-таки послали за границу "Искупление"?

ДАНИЭЛЬ: Ужас Хазанова относился к моей судьбе.

ПРОКУРОР: Но вот Гарбузенко говорил же вам, что они попадают автоматически в разряд антисоветских? Надо же было задуматься. Или вот еще вы говорили с Хмельницким. Хмельницкий еще в мае 1962 года в компании сказал, что эта повесть была передана антисоветским радио, а вы в третий раз передаете рукописи. Значит, вы знали что вы делаете?

ДАНИЭЛЬ: Самый факт передачи по радио ни о чем еще не говорит. Я не знал, какая это радиостанция. Из-за рубежа могли передавать и не антисоветские радиостанции. Только Гарбузенко говорил, что это может быть расценено как антисоветчина, но не за содержание, а за факт публикации. А Хазанов вообще всего боялся.

ПРОКУРОР: Что значат ваши слова, что "это может вам дорого обойтись"?

ДАНИЭЛЬ: Я понимал в том смысле, что это неэтично.

СУДЬЯ снова цитирует предисловие к передаче радиостанции "Свобода".

ПРОКУРОР: Ну, пусть вы не знали, какая это радиостанция, пусть вы решили, что это лояльная станция и равнодушно отнеслись к

словам друзей. Но вот наконец получили свои произведения в начале 1964 года и прочли предисловие Филиппова. И вот увидели, как вас используют. Но никаких мер не предприняли — ни протеста, ни попыток не допустить издания новой вещи.

ДАНИЭЛЬ: Я не хотел разоблачать себя как автора, решив ничего больше не писать и не посылать. Любой мой протест огласил бы мое настоящее имя — я побоялся это сделать.

ПРОКУРОР: А в других случаях вы были храбрее. Вот Синявский говорил вам, что посылать опасно.

ДАНИЭЛЬ: Вы не точно цитируете показания.

ПРОКУРОР читает показания.

ДАНИЭЛЬ: Да, я забыл. Вы цитируете правильно.

ПРОКУРОР: Но смелости у вас не хватило, когда надо было нейтрализовать ущерб, причиненный родине?

ДАНИЭЛЬ: Я оказался не таким храбрым. Я надеялся, что пронесет. К тому же речь шла не только обо мне, а отвага иссякает, когда человек думает о семье. Что касается ущерба, то такому государству, как наше, две или двадцать две книги не принесут существенного ущерба.

СУДЬЯ: Все-таки приносило, однако, все по восходящим ступеням. Вот "Искупление" было издано еще рядом издательств.

/Смех в зале/

ДАНИЭЛЬ: Я рассказ "Искупление" напечатанным не видел. Я оказался не таким храбрым, как был вначале. Я потерял запас храбрости из-за угрозы семье. Я считаю, что ущерб нашему государству невелик.

ПРОКУРОР: Вы писали вещи, которые, по вашему признанию, можно было истолковать как антисоветские. Вы делали это долго. Вы знали, как они расценивались на Западе. Оцените сами свое поведение.

ДАНИЭЛЬ: Я считал и считаю, что писал не антисоветские произведения. Я не вкладывал в них антисоветского содержания, так как не подвергал критике или осмеянию основы нашей жизни. У меня нет знака равенства между лицами и общественным строем, между правительством и государством, между периодом и эпохой. Государство существует века, а правительство бывает недолгим и зачастую бесславленным. Другое дело, как я оцениваю факт их опубликования — я сожалею об этом. До ареста я мог только дога-

дываться о реакции на Западе. Во время следствия я увидел, что мои вещи расценены, как направленные не против отдельных лиц, а против строя, не против эпохи, а против дела в целом. Идея каждой моей вещи не является антисоветской — ведь не является антисоветской та идея, что человек должен быть человечным, даже если он попадает в ситуацию "Дня открытых убийств".

СУДЬЯ: Должен даже при чудовищном допущении о Верховном Совете СССР?

ДАНИЭЛЬ: Да, и я не считаю это антисоветским.

СУДЬЯ: И эти художественные допущения вы отослали за границу?

ДАНИЭЛЬ: Я сожалею об этом.

СУДЬЯ: Ваши допущения идут от одного политического образа к другому, Посмотрите сами /повторяет цитаты, которые уже приводились в обвинительном заключении/.

ДАНИЭЛЬ: О том, о чем я пишу, молчит и литература и пресса. А литература имеет право на изображение любого периода и любого вопроса. Я считаю, что в жизни общества не может быть закрытых тем.

ПРОКУРОР: Но вы же взяли 1961 год! Вы выдумали Указ! И т.д. и т.п. Мой вопрос прям. Если вы не хотите оценить свое поведение — дело ваше.

ДАНИЭЛЬ: Я не считаю себя виновным в том, что я написал, но сожалею, что я напечатал это за границей. Я повторяю, что в 1961 году была реальная угроза реставрации культа личности.

СУДЬЯ: А ваше обращение к Филиппову тоже связано с культом личности?

ПРОКУРОР: Да никакого отношения эти произведения к периоду культа личности не имеют.

ДАНИЭЛЬ: Я к Филиппову не обращался.

ПРОКУРОР: Так, ясно. Скажите, Даниэль, что вам известно о литературной деятельности Синявского? Вы знаете его произведения?

ДАНИЭЛЬ: Мне известны все его вещи, опубликованные за рубежом. Он читал мне их по рукописям. Я видел книги "Любимов" и "Фантастические повести".

ПРОКУРОР: Знакомились ли вы с предисловием Филиппова?

ДАНИЭЛЬ: Нет.

ПРОКУРОР: Как вы оценивали произведения Синявского?

ДАНИЭЛЬ: С художественной стороны.

ПРОКУРОР: А с политической?

ДАНИЭЛЬ: Я считаю, что там нет ничего антисоветского.

ПРОКУРОР: А статью "Что такое социалистический реализм" вы читали?

ДАНИЭЛЬ: Не помню.

ВАСИЛЬЕВ /общественный обвинитель/: Откуда вы взяли псевдоним Аржак?

ДАНИЭЛЬ: Мне понравилось звучание, понравилось сочетание этого имени и фамилии.

ВАСИЛЬЕВ: Это не из песни?

ДАНИЭЛЬ: Нет, я не знаю такой песни.

КИСЕНИШСКИЙ /защитник Даниэля/: С какого года вы занимаетесь литературной работой?

ДАНИЭЛЬ: С 1957 года.

КИСЕНИШСКИЙ: Сколько у вас было публикаций?

ДАНИЭЛЬ: За это время вышло примерно 40 сборников с моими переводами.

КИСЕНИШСКИЙ: Когда вы начали писать прозу, какое ваше первое прозаическое произведение?

ДАНИЭЛЬ: Первое — это повесть "Бегство". Я начал ее в 1952-53 годах, а закончил в 1957-58 годах.

КИСЕНИШСКИЙ: Перечислите в хронологической последовательности даты написания и передачи за границу ваших произведений.

ДАНИЭЛЬ: Рассказ "Руки" написан в 1956-57 годах, переслан за границу в 1960 году; "Говорит Москва" написана в 1961 году и в том же году переслана; "Искушение" написано и переслано в 1963 году.

КИСЕНИШСКИЙ: В рассказе "Руки" есть ли места, свидетельствующие не об антисоветской, а о противоположной направленности вашей вещи?

ДАНИЭЛЬ: Да, есть /Цитирует ряд мест/.^{х)}

КИСЕНИШСКИЙ: Как возникло название рассказа "Руки"?

ДАНИЭЛЬ: Сначала рассказ назывался "Происшествие", потом "Руки". Следы этого есть в тексте.

х) "Иду, а сам в мечтах воображаю, как я всех этих контриков беспощадно вылавливать буду, чтобы они молодую нашу Советскую власть не поганили".

"Работка не так, чтобы трудная, а и легкой не назовешь. На сердце влияет. Одно дело, сам помнишь, на фронте: либо ты его, либо он тебя. А здесь... Ну, конечно, привык: Шагаешь за ним по двору, а сам думаешь, говоришь себе: "Надо, Василий, Н-А-Д-О. Не кончишь его сейчас, он, гад, всю Советскую Россию порушит".

КИСЕНИШСКИЙ: Есть ли в рассказе "Человек из МИНАПа" политически бес-
тактные места?

ДАНИЭЛЬ: Да, например, упоминание о Марксе в определенной ситуации,
хотя ничего дурного там о Марксе не говорится.

/Смех в зале. Голос: "Совесть совсем потеряли!"/

КИСЕНИШСКИЙ: А не придавали вы этой ситуации более общий смысл?

ДАНИЭЛЬ /смеется/: Нет, я не представляю, как это можно было бы сде-
лать.

КИСЕНИШСКИЙ: Расскажите, как возник сюжет рассказа "Искушение".

ДАНИЭЛЬ: Этот сюжет пришел, как говорится, от обратного. В послед-
ние годы часто приходилось слышать, что отдельные лица разо-
блачались как клеветники, как те, кто посадил невинных людей
в тюрьму. И вот я подумал, как должен чувствовать себя чело-
век, ложно обвиненный в столь тяжелых преступлениях. Эта си-
туация касалась близкого мне в то время человека. Так роди-
лось содержание рассказа. Идея рассказа, по обвинительному
заключению, что все виноваты, что был культ личности и мас-
совые репрессии. Я согласен с такой трактовкой, только не
согласен с добавлением к ней слова "клеветническая". Я счи-
таю, что каждый член общества отвечает за то, что происходит
в обществе. Я не исключая при этом себя. Я написал "виноваты
все", т.к. не было ответа на вопрос "кто виноват?" Никто ни-
когда не говорил публично - кто же виноват в этих преступ-
лениях. И я никогда не поверю, что три человека - Сталин,
Берия, Рюмин - могут сделать страшной всю жизнь страны. Но
никто еще не ответил на вопрос: кто же виноват?

КИСЕНИШСКИЙ: Когда вы посылали ваши рукописи за границу последний
раз и почему вы перестали это делать?

ДАНИЭЛЬ: В 1963 году.

КИСЕНИШСКИЙ: Расскажите основные вехи вашей биографии.

ДАНИЭЛЬ: Родился в 1925 году. Из школы пошел на фронт. Во время вой-
ны воевал на 2-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах. После
тяжелого ранения был демобилизован и получал пенсию, как ин-
валид войны. В 1946-м году поступил в Харьковский универси-
тет, затем перевелся в Московский областной педагогический
институт, который и закончил. После этого 2 года преподавал
в школе в Людиново. Потом еще 4 года преподавал в Москве.

СОКОЛОВ /заседатель/: Очевидно, вы должны были предугадать общест-

венный резонанс от публикации ваших рукописей. Какой резонанс вы предвидели?

ДАНИЭЛЬ: Если бы я предугадал такой резонанс, то не послал бы свои рукописи за границу.

СУДЬЯ: Но ведь вы должны были предугадать политический резонанс.

ДАНИЭЛЬ: Я не думал о политической оценке своих произведений. Я думал только об оценке художественных достоинств и недостатков.

СУДЬЯ: Тогда ради чего привлекались все эти политические подробности? Чудовищный указ, расстрел священника из-за Тихона, институт научной профанации?

ДАНИЭЛЬ: В "Говорит Москва" все подробности связаны с фантастической сюжетной завязкой.

СУДЬЯ: У вас там все сплошь моральные уроды — ведь это с политическим замыслом сделано, это же не с завязкой связано. Почему, зачем, все это привлекалось? Разве не ради того, чтоб вызвать определенную реакцию?

ДАНИЭЛЬ: В мою задачу не входило изображать хороших людей. В изображении сгущены краски, но я не ставил задачи изображать хороших людей. Я изображал поведение плохих людей в выдуманной ситуации.

СУДЬЯ: В ситуации Указа Верховного Совета!

ДАНИЭЛЬ: Я уже говорил, что не считал невозможным любые крайности, если бы возобновился культ личности.

СУДЬЯ: В ходе следствия вы по-разному об'ясняли ваши произведения...

ДАНИЭЛЬ: Значения эти детали не имели. Существо от этого не менялось.

СОКОЛОВ: Замойская поняла, зачем вы послали ей с Кариф рукописи?

ДАНИЭЛЬ: Естественно, поняла — ведь уже был прецедент.

СОКОЛОВ: Зачем вы скрывали от Синявского пакет?

ДАНИЭЛЬ: Я считал, что Синявский отнесется к этому плохо, так как он был против вовлечения в это Кариф.

СУДЬЯ: Но это не логично... Сам послал, а вам будет мешать?

ДАНИЭЛЬ: Он не хотел вовлекать в это дело Анн Кариф. Я так думаю.

СУДЬЯ: Вот, обратите внимание, какое слово вы употребили. "Вовлечь" — это ведь в плохое дело. Значит, вы чувствовали, что плохо?

ДАНИЭЛЬ: Ну, почему же! Ведь говорят вовлечь... в коллектив.

/Хохот в зале/.

ПРОКУРОР: Вы говорите, что о политике не думали. А вот эта, например, фраза из повести "Говорит Москва": "это не очень красиво печататься в антисоветском издательстве". Как это понять?

ДАНИЭЛЬ: Понять буквально — это не очень красиво. Я еще раз повторю, этическую сторону я уже оценил.

СУДЬЯ: Есть ли у вас пояснения, которые вы хотели бы дать суду?

ДАНИЭЛЬ: Да. Обвинение все время ставит знак равенства между автором и героем. Это тем более нельзя делать, если герои, мягко говоря, не совсем в порядке. Например, в "Искуплении" герой сошел с ума и это он кричит: "Тюрьмы внутри нас!".

СУДЬЯ /перебивает/: Он у вас еще через страницу сойдет с ума...

ДАНИЭЛЬ: Нет, через страницу он уже будет в психиатрической лечебнице. Далее цитаты даны без ссылки на состояние героев. Один сошел с ума, другой — алкоголик.

СУДЬЯ /перебивает/: У вас там вся интеллигенция пьет.

ДАНИЭЛЬ: Я прошу, во-первых, не вырывать цитаты из контекста, а во-вторых, учитывать состояние героев. И если краски у меня сгущены кое-где, это надо отнести не за счет антисоветских настроений, а за счет слабого владения пером.

/Смех в зале/

СУДЬЯ: Переходим к допросу Синявского.

/Примерно 6 часов вечера 10 февраля/.

СУДЬЯ: Синявский, что вы закончили, какую имеете степень?

СИНЯВСКИЙ: Закончил МГУ, кандидат филологических наук.

ПРОКУРОР: Где вы потом работали?

СИНЯВСКИЙ: Работал в Институте мировой литературы АН СССР.

ПРОКУРОР: Печатались ли вы под псевдонимом?

СИНЯВСКИЙ: Да, я напечатал 9 произведений за границей под псевдонимом Абрам Терц.

ПРОКУРОР: Почему вы выбрали именно Абрам Терц?

СИНЯВСКИЙ: Он мне просто понравился. Не думаю, чтобы это можно было объяснить каким-нибудь национальным путем.

ПРОКУРОР: Что именно было опубликовано под этим псевдонимом?

СИНЯВСКИЙ: Я опубликовал "Суд идет", "Что такое соцреализм", "Гололедица", сборник "Фантастические повести", "Мысли врасплох", "Любимов".

ПРОКУРОР /Передает суду произведения, указывая на названия и даты

издания. "Любимов" /1964-65 г./, "Суд идет" /1960 г./, "Что такое соцреализм" /1959 год/, "Фантастические повести" /1963 год/, "Мысли врасплох" /1965 год, 19 июля, журнал "Нью-лидер"/. Синявский, это ваши произведения?

СИНЯВСКИЙ: Да, мои.

ПРОКУРОР: Когда вы написали те три, что вам инкриминируются?

СИНЯВСКИЙ: В 1958 году я написал "Суд идет" и "Что такое социалистический реализм", в 1961-62 годах - "Любимов".

ПРОКУРОР: Где вы их писали?

СИНЯВСКИЙ: В Москве.

ПРОКУРОР: Кто-нибудь помогал вам их писать, подсказывал сюжеты и идеи?

СИНЯВСКИЙ: Никто не помогал.

ПРОКУРОР: Как вы их переправляли за границу?

СИНЯВСКИЙ: Я пересылал их с помощью Замойской, моей знакомой с которой я учился в университете.

ПРОКУРОР: Вы пересылали ваши рукописи нелегально?

СИНЯВСКИЙ: Я посылал их неофициально, а не нелегально.

ПРОКУРОР: А как вы назовете такой путь, который вы избрали?

СИНЯВСКИЙ: Неофициальным. Я не считаю это нелегальным и не знаю, что это слово означает в юридическом смысле.

ПРОКУРОР: Кто-нибудь еще вам помогал?

СИНЯВСКИЙ: Да, одну страницу я послал через Ремезова. Это дополнение к статье, оно касается лишь вопроса о фантастическом искусстве, в нем нет ничего ни о социалистическом реализме, ни о политике.

ПРОКУРОР: И он передал эту страницу?

СИНЯВСКИЙ: Видимо да, раз она напечатана.

ПРОКУРОР: А еще кто-нибудь помогал?

СИНЯВСКИЙ: Нет.

ПРОКУРОР: Вы посылали что-нибудь через Анн Кариф?

СИНЯВСКИЙ: Нет, с ней я ничего не посылал.

ПРОКУРОР: А кто с ней посылал.

СИНЯВСКИЙ: Я с ней ничего не отправлял, а отправлял ли что-нибудь Даниэль, я не знаю.

ПРОКУРОР: Вы опознали Замойскую по фотографии?

СИНЯВСКИЙ: Да.

ПРОКУРОР: Вы давали Замойской ваши рукописи отпечатанными на машинке?

СИНЯВСКИЙ: Да.

ПРОКУРОР: На машинке марки "Оптима"?

СИНЯВСКИЙ: Да.

ПРОКУРОР: Где и когда передали "Суд идет", и "Что такое соцреализм" и "Любимов"?

СИНЯВСКИЙ: В конце 1958 года "Суд идет" и "Что такое соцреализм", в 1963 году "Любимов" и "Мысли врасплох".

ПРОКУРОР: Вы передавали свои повести Замойской накануне выезда из СССР? Почему? Из осторожности?

СИНЯВСКИЙ: Очевидно, так. Не знаю, с чем это связано. Так получалось. Разно бывало. Не помню.

ПРОКУРОР /зачитывает показания на предварительном следствии/: "Передавал наедине в моей квартире. Копии она брала незадолго до от'езда". Это случайно, что незадолго до от'езда?

СИНЯВСКИЙ: Когда я передавал ей рукописи, я ничего не оговаривал, и ни о чем не просил. Не знаю, с чем это связано, что передавал накануне ее от'езда.

ПРОКУРОР: Замойская не боялась, что ее могут задержать на границе?

СИНЯВСКИЙ: Я не помню таких разговоров.

ПРОКУРОР: Кого вы знакомили с вашими произведениями?

СИНЯВСКИЙ: Я читал вслух разным лицам, я вообще люблю читать вслух. Прошло 10 лет и точно вспомнить, кому и что я читал, не могу... Знает Даниэль, знает все, кроме статей, не помню, читал ли ему статьи. Давал ему две книги - "Фантастические повести" и "Любимов". Эти же книги знал Ремезов. Все читал жене. В начале 1965 года много читал Петров, а может только одну из них. Ремезов, в конце 1964 года - начале 1965 года видел и, кажется, читал эти книги. Раньше, возможно, читал ему отрывок из "Суд идет", а про статью не помню. Другим читал маленькие рассказы, в процессе создания, возможно читал что-либо из "Любимова", но точно не помню. Когда читал, то обычно не указывал названия, т.к. оно было еще не готово, я не всегда говорил, что это мое произведение.

ПРОКУРОР: 18 ноября 1965 года вы показали, что читали группе лиц: Петрову, Кишиловым, Хмельницкому, Меньшутиным, Сергеевым, Горчукам, Голомштоку. Вы подтверждаете ваши показания?

СИНЯВСКИЙ: Да, но вы спрашиваете о трех произведениях, а в ходе следствия спрашивали о всех. А эти три читал, может быть, Даниэлю, Голомштоку, отрывок из "Любимова" читал жене, Петрову.

ПРОКУРОР: Во время следствия вы назвали еще ряд французов: Клода Фриу, Мишеля Окутюрье, Альфреда Окутюрье. Вы подтверждаете, что им читали?

СИНЯВСКИЙ: Они читали сами. Мне помнится, что кажется, да. Фриу я сказал, что это мои произведения, а остальные узнали об этом как-то иначе.

ПРОКУРОР: Когда и от кого вы получали свои книги?

СИНЯВСКИЙ: В 1963 году "Фантастические повести" привезла Замойская, а в начале 1965 года, через Анн Кариф, в пачке книг, я получил от Замойской "Любимова". "Суд идет" впервые увидел в сборнике.

ПРОКУРОР: Когда вы узнали, что ваши произведения изданы за рубежом?

СИНЯВСКИЙ: Я знал, что издана статья, но не видел ее.

ПРОКУРОР: А вы знали, как оценены ваши произведения за рубежом?

СИНЯВСКИЙ: Нет.

ПРОКУРОР: Вы знаете произведения Даниэля?

СИНЯВСКИЙ: Он читал мне все вслух.

ПРОКУРОР: Читал по рукописи или по книге?

СИНЯВСКИЙ: Я не заглядываю через плечо, когда мне читают.

ПРОКУРОР: А вы видели его книги?

СИНЯВСКИЙ: Да, держал в руках.

ПРОКУРОР: Назовите его произведения.

СИНЯВСКИЙ: Их сегодня столько раз здесь называли, что если бы я их не знал, то выучил бы.

ПРОКУРОР: Чем вы помогали Даниэлю в переправке рукописей?

СИНЯВСКИЙ: Не знаю точно, какую помощь я ему оказал. Но я был в курсе.

СУДЬЯ: Вы передавали или сам Даниэль передавал? Как было дело?

СИНЯВСКИЙ: Я хочу дать развернутый ответ. Я знал, что он публикуется за границей, но факта прохождения рукописей через мои руки не помню. Когда следователь показывал мне новые показания Даниэля, я ему вполне доверял, считая, что он помнит лучше. Я точно помню про свои рукописи, а про его пусть он сам помнит, я ему полностью доверяю.

ПРОКУРОР: Где встретились Даниэль и Замойская? У вас?

СИНЯВСКИЙ: Встречались и у меня.

СУДЬЯ: Так все-таки через ваши руки прошли рукописи Даниэля?

СИНЯВСКИЙ: Точно не помню. Как он говорит, так и есть.

СУДЬЯ: Он передавал свои рукописи при вас?

СИНЯВСКИЙ: Как-будто да. Может быть да, может быть нет.

ПРОКУРОР: Раньше вы показывали, что вы знали, что Даниэль передает свои рукописи за границу. Это так?

СИНЯВСКИЙ: Не помню точно. Может быть показывал.

ПРОКУРОР: Во время следствия вы признали, что были посредником при передаче рукописей Даниэля. Вы подтверждаете эти показания?

СИНЯВСКИЙ: Я этого не подтверждаю. Слово "посредник" я употреблял не точно, не в юридическом смысле этого слова. Я тогда не понимал, что оно юридически значит.

СУДЬЯ: Даниэль, расскажите как было дело.

ДАНИЭЛЬ повторяет свои показания насчет Анн Кариф и передачи рукописи без ведома Синявского.

СУДЬЯ: Синявский, вы подтверждаете, то, что говорит Даниэль?

СИНЯВСКИЙ: Я подтверждаю все, кроме того, чего я не видел.

ПРОКУРОР: Вот вы показали, я читаю: "Признаю, что я передал через Анн Кариф рукописи Даниэля". Почему вы теперь показываете иначе?

СИНЯВСКИЙ: Я не помню фактов. Во время следствия я соглашался с Даниэлем.

ПРОКУРОР: А в изданном виде книги Даниэля вы ему передавали?

СИНЯВСКИЙ: Не помню. Может быть, их передал я, может быть, видел их у Даниэля, который получил их у Замойской сам.

ПРОКУРОР: Даниэль, как к вам попали эти книги.

ДАНИЭЛЬ: Я не помню.

Вот отклики печати первый день суда:

Из зала суда.

ТУТ ЦАРИТ ЗАКОН

Есть что-то в своем роде торжественно-спокойное, когда совершается ритуал правосудия. Установленная законом процедура судебного заседания, каждая ее деталь направлена на то, чтобы утверждать справедливость.

Советское правосудие, защищая общество, жизнь, честь и достоинство граждан, предусматривает одновременно широкие права на защиту тем, над кем занесен меч правосудия. Поэтому неискушенным людям бывает странно, когда, скажем, убийца или изменник Родины, или другой

человек, совершивший самое гнусное преступление "допрашивает" свидетелей или потерпевших, когда адвокат его задает "праздные" вопросы.

- Все ясно, - иногда слышишь реплики, - зачем все столь усложнять?

Однако демократизм нашего судопроизводства как раз и состоит в том, чтобы гарантировать наиболее верную оценку событий, составляющих существо дела. Суду не все ясно, пока не исследовано тщательным образом дело, пока не выслушаны обе стороны, не выяснено все, что отмечает или смягчает вину подсудимого. Тут нет мелочей, здесь нельзя оставить и малейшего сомнения. Только тогда откроется истина, и только в этом случае возможно торжество справедливости.

Об этих вещах думал я, когда шла предписанная законом процедура, предваряющая начало судебного следствия. А репортаж этот я веду из зала Московского областного суда, где Верховный суд РСФСР рассматривает дело А.Синявского и Ю.Даниэля.

Все идет на этом процессе обычным процедурным порядком. Но сам процесс не совсем обычен. Ведь обвинение в преступлении против своего Отечества, своего народа - одно из самых тяжких.

Читатели уже знакомы с деяниями этих двух людей, занявших теперь место на скамье подсудимых, - об этом рассказывалось в статье "Перевертыши", опубликованной в № 10 "Известий". Поэтому лишь вкратце напомню суть дела.

Синявский - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук СССР, член Союза писателей. Даниэль - переводчик стихов. Оба они в своих произведениях прославляли нашу Родину, рассуждали о высоком моральном облике советского человека, критиковали /по крайней мере Синявский/ тех своих коллег, которые казались им недостаточно патриотичными. Это в произведениях, которые появлялись в советских изданиях.

Одновременно на протяжении нескольких лет они сочиняли антисоветские пасквилы и переправляли их в зарубежные буржуазные издательства. Там охотно печатали стряпню, направленную против нашей Родины. Печатали на многих языках, снабжали антисоветскими предисловиями и широко распространяли. В том числе забрасывали в СССР. Свои пасквилы оба писали под псевдонимами. Западные издательства тщательно скрывали их подлинные имена. Связной служила некая Элен Замойская /Пельтье/ - дочь бывшего французского военно-морского атташе в СССР. Она бывала у нас в гостях как туристка, была знакома с Синявским и тайком переправляла за рубеж их пасквилы. Синявский скрывался под име-

нем Абрама Терца. Даниэль выбрал себе прозвище Николай Аржак. Любопытная деталь. Утверждают, что слово "аржак" на смоленском говоре некогда означало "бандит". Фамилия Абрам Терц тоже не лишена интереса. В двадцатых годах ходила по Одессе блатная песенка, в которой персонажем был "Абрашка Терц, разбойник из Одессы". Может быть, друзья-приятели не случайно подобрали себе псевдонимы, а может, это совпадение...

Но не в кличках, конечно, дело. Суд, надо полагать, будет выяснять в ходе следствия вещи куда более серьезные.

Время - 10 часов, 10 февраля 1966 года. Занимают свое место государственный обвинитель, государственный советник юстиции третьего класса, помощник Генерального прокурора СССР О.П.Темушкин и общественные обвинители писатели Аркадий Васильев и Зоя Кедрина. Напротив них адвокат Синявского Э.М.Коган и защитник Даниэля М.М.Кисенишский, которых пригласили защищать интересы подсудимых их родственники.

В процессе участвуют эксперты. В их задачу входило установить авторство подсудимых в тех писаниях, которые были густо напичканы антисоветскими измышлениями. Хотя свое авторство подсудимые и не отрицают.

Как всегда торжественное: "Встать. Суд идет!". Кресла с государственными гербами занимают председательствующий - председатель Верховного суда РСФСР Л.Н.Смирнов и народные заседатели Н.А.Чечина и П.В.Соколов.

Зачитывается обвинительное заключение. Синявскому и Даниэлю предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. Эта статья закона гласит: "Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания - наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет, или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет".

Наш закон устанавливает, что антисоветская литература - это литература, содержащая призывы к подрыву или ослаблению Советской власти... А подсудимые прямо призывали к борьбе с нашим строем, нашей моралью.

Империалистическая реакция, говорится в обвинительном заключении, потерпев поражение в попытках силой, путем вооруженной борьбы сокрушить социализм, не отказалась от других форм борьбы против Советского государства и делает сейчас главную ставку на подрывную работу путем идеологических диверсий. Пытаясь скомпрометировать социалистическое общество в глазах мирового общественного мнения и советских людей, буржуазная пропаганда не брезгует никакими, даже самыми, гнусными средствами. В этих же целях пропагандистские центры империалистических государств активно используют антисоветские клеветнические сочинения отдельных отщепенцев, которых выдают на Западе за "подлинных" представителей советской литературы.

В антикоммунистической пропаганде в последние годы значительное место отводится антисоветским клеветническим произведениям "Суд идет", "Что такое социалистический реализм", "Любимов", опубликованным на Западе под псевдонимом Абрам Терц, а также "Говорит Москва", "Руки" и другим, напечатанным под псевдонимом Николай Аржак.

В обвинительном заключении систематизирован большой материал, показывающий лицо Синявского и Даниэля. Больше моральное падение трудно себе представить. Вот одна из выдержек, далеко не самая хлесткая но ярко характеризующая всю гнусность облика подсудимых. Принадлежит она перу Синявского. /Повесть "Суд идет"/: "Известно же — человеческий зародыш на какой-то стадии уподобляется рыбе. Зачем же попусту гибнуть рыбным богатствам страны? В прекрасном будущем этих милых рыбок утилизируют. Осторожно изымут из материнского чрева и станут разводить в особых прудах, приучая к самостоятельности. Пускай обрастают чешуйками и плавниками под государственной охраной. Тут же при абортарии — рыбозавод, консервы в огромном количестве. Кого в шпроты, кого в килечку — по национальному признаку. Все произойдет в согласии с марксизмом".

Они, конечно, говорят, что это, пусть очень неприлично, но тут, мол, еще нет ничего антисоветского. Пресса Запада несколько по-иному расценивает повесть "Суд идет"; "Это наиболее прямое и неприкрытое выражение полнейшего недовольства советской системой" заключает в себе столько "взрывной силы" и т.д. А журнал "Тайм" в номере от 29 октября 1965 года называет Синявского "озлобленным врагом коммунизма".

Повесть Синявского "Суд идет" проникнута ненавистью ко всему советскому. В ней содержатся злобные нападки на теоретические положения марксизма-ленинизма, историю Советского государства, культуру и

мораль советских людей. Пасквиль "Что такое социалистический реализм" направлен против коммунистической идеологии, против руководящей роли КПСС в идеологической жизни советского общества и содержит клеветнические измышления на советскую действительность.

Литературные злопыхательства Синявского были подхвачены буржуазными идеологическими центрами и стали активно использоваться в антикоммунистической пропаганде. Приводятся все новые и новые факты. Эти факты убедительно показывают, что действия Синявского и Даниэля прямо подпадают под ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР. Они сознательно, тайком посылали нашим недругам произведения, которые, конечно, вызвали враждебное отношение к Советской власти, служили оружием идеологической диверсии против нашей страны, наносили урон престижу Советского государства, содержали даже прямые призывы расправляться с советскими людьми, с руководителями государства.

Кажется бесконечным перечисление самых реакционных издательств, какие размножали пасквили подсудимых. Повесть "Любимов" захлеб хвалит радиостанция "Свобода", действующая от имени "Координационного центра антибольшевистской борьбы".

После оглашения обвинительного заключения председательствующий спрашивает:

- Подсудимый Синявский, признаете ли вы себя виновным?

Тот же вопрос адресуется Даниэлю. Оба категорически отрицают свою вину. На предварительном следствии оба, хотя и отрицали умысел в антисоветской пропаганде, однако, признавали, что их произведения могут быть использованы и использовались во вред нашей стране. Теперь они отрицают все.

Что ж, судебное следствие и призвано установить, было ли это преступлением, которое карается законом, и насколько тяжка вина подсудимых.

Ю. ФЕОФАНОВ

"Известия" 11 февраля

КЛЕВЕТНИКИ

Судебный процесс по уголовному делу Синявского А.Д. и Даниэля Ю. М.

10 февраля в Москве в Верховном суде РСФСР начался открытый судебный процесс по делу советских граждан А.Д.Синявского и Ю.М.Дани-

эля, привлеченных к уголовной ответственности по первой части статьи 70-й Уголовного кодекса РСФСР. В чем же они обвиняются?

Империалистическая реакция, говорится в обвинительном заключении, потерпев поражение в попытках силой, путем вооруженной борьбы сокрушить социализм, не отказалась от других форм борьбы против Советского государства и делает сейчас главную ставку на подрывную работу путем идеологических диверсий. Пытаясь скомпрометировать социалистическое общество в глазах мирового общественного мнения и советских людей, буржуазная пропаганда не брезгует никакими, даже самыми гнусными средствами. В этих же целях пропагандистские центры империалистических государств активно используют антисоветские, клеветнические сочинения отдельных отщепенцев, которых выдают на Западе за "подлинных" представителей советской литературы.

В антикоммунистической пропаганде в последние годы значительное место отводится антисоветским, клеветническим произведениям "Суд идет", "Что такое социалистический реализм", "Любимов", опубликованным на Западе под псевдонимом Абрам Терц, а также "Говорит Москва", "Руки" и другим, напечатанным под псевдонимом Николай Аржак.

Принятыми Комитетом государственной безопасности мерами установлено, что под псевдонимом Абрам Терц на Западе печатался старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М.Горького, Синявский Андрей Донатович, а под псевдонимом Николай Аржак - его соучастник - переводчик Даниэль, Юлий Маркович.

В сентябре 1965 года в отношении Синявского и Даниэля, в соответствии с законом и с санкции Генерального прокурора СССР, возбуждено уголовное дело.

Судит Синявского и Даниэля Верховный суд РСФСР. Председательствует председатель Верховного суда РСФСР Л.Н.Смирнов, народные заседатели - Н.А.Чечина и П.В.Соколов. Секретарь суда Т.В.Воробьева.

Государственное обвинение поддерживает помощник генерального прокурора СССР О.П.Темушкин. Общественные обвинители - члены Союза писателей СССР А.Н.Васильев и Э.С.Кедрина.

Защиту осуществляют члены Московской городской коллегии адвокатов, Э.М.Коган и М.М.Кисенишский.

...10 часов утра. Председательствующий об'являет судебное заседание открытым. В зал вводят подсудимых Синявского и Даниэля.

Председательствующий устанавливает личность подсудимых. Синявский родился в 1925 году в Москве, до ареста работал в должности старшего научного сотрудника Института мировой литературы им. А.М.

Горького. Даниэль родился в 1925 году в Москве, является переводчиком.

На вопрос председательствующего подсудимые отвечают, что копии обвинительного заключения им вручены.

Объявляется состав суда и разъясняются права отвода. Подсудимые Синявский и Даниэль не дают отвода составу суда.

Начинается судебное следствие. Секретарь суда зачитывает обвинительное заключение.

Предварительным следствием по делу установлено, что Синявский и Даниэль, занимая враждебную антисоветскую позицию, начиная с 1956 года, писали и нелегально переправляли за границу клеветнические произведения, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, в 1956 году Синявский написал повесть "Суд идет", проникнутую ненавистью ко всему советскому. В ней содержатся злобные нападки на теоретические положения марксизма-ленинизма, историю Советского государства, культуру и мораль советских людей. В том же году Синявский отправил за границу пасквиль "Что такое социалистический реализм", направленный против коммунистической идеологии, против руководящей роли КПСС в идеологической жизни советского общества и содержащий клеветнические измышления на советскую действительность.

Для пересылки своих писаний на Запад Синявский воспользовался знакомством с дочерью бывшего военно-морского атташе Франции в СССР Замойской /Пельтье/ Элен. Он передал их впервые в 1956 году у себя на квартире в Москве и попросил опубликовать за границей под псевдонимом Абрам Терц.

Литературные злопыхательства Синявского были подхвачены буржуазными идеологическими центрами и стали активно использоваться в антикоммунистической пропаганде.

Обвиняемый Даниэль, разделяя взгляды Синявского, не только одобрял его деятельность, но в свою очередь изготавил опус "Руки", который содержит клевету на социалистический строй, политику Советского государства.

Осенью 1960 года в той же квартире Синявского Даниэль передал Замойской рукопись для публикации за границей. Сознвая антисоветскую направленность своих действий и стремясь скрыть свое подлинное имя, Даниэль также избрал псевдоним - Николай Аржак.

В последующем Синявский и Даниэль продолжали писать и распространять антисоветские, клеветнические произведения. В 1961 году Синяв-

ский написал повесть "Любимов", направленную против основ социализма и по достоинству оцененную врагами советского строя.

По этому же пути шел и Даниэль. Его "произведения" "Говорит Москва" и "Человек из МИНАПа" полны звериной ненависти к советскому народу, строящему коммунизм, его морали и этике.

За эти "труды" иностранные издательства щедро начисляли им гонорар.

Свои "произведения", носящие антисоветский, клеветнический характер, Синявский и Даниэль распространяли и среди окружающих в рукописях, а также в виде книг, изданных за границей на русском языке и доставленных в СССР нелегально Замойской.

Чтение обвинительного заключения закончено.

На вопрос председательствующего, признают ли они себя виновными, Синявский и Даниэль отвечают отрицательно, хотя на предварительном следствии и тот и другой признавали свою вину. Они, верно, отрицали умысел в антисоветской пропаганде, но вместе с тем, признавали, что их произведения могут быть использованы и использовались во вред нашей стране. Теперь они отрицают все. Однако их враждебная позиция по ряду вопросов политики КПСС и Советского правительства, как говорится в обвинительном заключении, достаточно подтверждается не только содержанием их антисоветских клеветнических произведений, изданных за рубежом, но и показаниями свидетелей, заключениями экспертизы, вещественными доказательствами.

Суд переходит к допросу подсудимых.

Свои портреты Даниэль и Синявский дорисовывают, отвечая на вопросы председателя и членов суда, государственного обвинителя. Подсудимые часто уходят от прямых ответов, изворачиваются. Во время допроса приводятся цитаты из книг. И становится ясным, что Даниэль и Синявский кощунствуют над святыми для каждого советского человека понятиями, идеалами.

Как еще показывает судебное разбирательство, произведения подсудимых взяты на вооружение врагами нашей страны. Однако, Даниэль, например, пытается замаскировать политический характер передачи своих писаний для публикации за границей. А вынужденный признать, что его "творения" использовались в антисоветских целях, он без конца утверждает, что "этого не хотел", что теперь он "сожалеет об этом".

Ход судебного разбирательства показывает преступность намерений и действий Даниэля и Синявского.

11 февраля суд продолжит слушание дела.

/Корр. ТАСС/

Из зала суда.

КЛЕВЕТНИКИ

Последнее время в некоторых буржуазных странах определенными кругами поднята шумиха по поводу ареста в СССР "выдающихся", "известных" советских писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Встречали ли вы таких литераторов? Да еще среди выдающихся, известных советских писателей?!

Что же на самом деле произошло? Есть такие писатели? Есть! Они арестованы? Да, арестованы и вчера предстали перед судом, привлеченные к уголовной ответственности по первой части статьи 70-й Уголовного кодекса РСФСР по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Чтением обвинительного заключения и началось утреннее заседание суда.

Судит Синявского и Даниэля Верховный суд РСФСР. Председательствует председатель Верховного суда РСФСР Л.Н.Смирнов, народные заседатели - Н.А.Чечина и П.В.Соколов. Секретарь суда - Т.В.Воробьева.

Государственное обвинение поддерживает помощник Генерального прокурора СССР О.П.Темушкин. Общественные обвинители - члены Союза писателей СССР А.Н.Васильев и З.С.Недрина.

Защиту осуществляют члены Московской городской коллегии адвокатов Э.М.Коган и М.М.Кисенишский.

С возмущением и гневом присутствующие в зале смотрели на тех, кто еще недавно находился среди советских литераторов, но предал это высокое звание, продался за иудины сребреники, и двуличничая, поднял руку на самое святое - Родину, народ, его жизнь и идеалы.

Шаг за шагом открывалась перед судом дорога грязных антисоветчиков в стан врага.

За последние годы в некоторых капиталистических странах получили распространения произведения ярко выраженного антисоветского, клеветнического характера отдельных отщепенцев, которых выдают на За-

паде за "подлинных" представителей советской литературы. Они издавались большими тиражами, подхватывались известной радиостанцией "Свобода", вокруг них кликушествовали разного рода "знатоки" русской литературы, связанные со всевозможными антисоветскими пропагандистскими "центрами", издательствами и журналами. Откуда, с какого "литературного черного рынка" они поступали, никто не знал.

Наибольшим спросом пользовались книги неких Абрама Терца и Николая Аржака. Само собой разумеется, что в справочной книге Союза писателей эти фамилии не значились.

Первые произведения Абрама Терца "Суд идет" и "Что такое социалистический реализм" были опубликованы еще в 1956 году. Своей злобой антикоммунистической направленностью они сразу же привлекли внимание буржуазных идеологических центров. "Суд идет" признавался как "сюрприз года". Затем в 1961 году почти в тех же издательствах США, Англии, Франции, ФГР, Италии, Латинской Америки выходит вторая повесть Терца - "Любимов", в которой он рассказывает о жизни небольшого городка России. Само существование социалистического общества берется тут под сомнение. Оно будто бы противоречит человеческой природе, истории и здравому смыслу. В своем злопыхательстве автор не останавливается даже перед самыми грязными выпадами против Ленина.

И снова у книги раздуваемая всякими подонками антисоветская слава. Об этой повести журнал "Нью-лидер", издаваемый в Нью-Йорке, писал: "...История города Любимова есть не что иное, как история Советского Союза, от его начала до наших дней". Другой журнал - "Тайм", от 29 декабря 1965 года, с радостью называет Терца "озлобленным врагом коммунизма", "внутренним эмигрантом". Лучше, пожалуй, не скажешь.

По ступеням антисоветской славы взбирался в это время и Николай Аржак. Его произведения "Говорит Москва", "Искушение", "Руки", "Человек из МИНАПа" полны той же грязи, клеветы на нашу страну, нашу мораль, наши мечты. В них открытый призыв к террору, в них советские люди оглулены, уродливы и ничтожны. Естественно, что и этого литератора буржуазная критика возносила на свой антисоветский литературный Олимп, подчеркивая его антикоммунистическую сущность.

Но кто же действовал под псевдонимами? После мер, принятых Комитетом государственной безопасности, было установлено, что Абрам Терц - это Синявский, Андрей Донатович, 1925 года рождения, беспартийный, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы, а Николай Аржак - его близкий друг Даниэль, Юлий

Маркович, 1925 года рождения, образование высшее, беспартийный, литератор-переводчик.

Свою антисоветскую "карьеру" они начали вместе, всесторонне обсуждая каждое свое произведение. Еще в 1956 году установили контакт с дочерью бывшего военно-морского атташе посольства Франции в Москве, Элен Пельтье-Замойской и через нее тайно передавали рукописи враждебным кругам за границей.

Смотришь на них, сидящих сейчас на скамье подсудимых, и думаешь, какой же урон нанесли они нашей государству, партии, народу, нашей литературе! Ведь они жили в литературе. Критик Синявский не раз устно и печатно выступал по поводу произведений советских писателей, чему-то поучал, что-то хвалил, кого-то ругал. Какая же цена его критическому кредо? Кстати при обыске у него обнаружили рукопись "Опыт самоанализа", в котором он с откровением обнаглевшего циника развивает те же свои мысли против партии и В.И.Ленина.

А какой вред они нанесли нам за рубежом! Там очень важно каждое правдивое слово о Советском Государстве - слово, которое они предали, изображая все советское в кривом зеркале. И, конечно, не прошла даром пропагандистская шумиха, поднятая вокруг их произведений, смутив умы даже честных людей. Но неужели можно, например, всерьез принимать мнение сочинителя антисоветских пасквилей белоэмигранта Б.Филиппова, сказавшего, что Н.Аржак, он же Ю.Даниэль, - "духовный наследник идей Достоевского" и "крупный и разносторонний мастер рассказа?" Полноте, в литературных поделках сегодняшних подсудимых очень легко разобратся. Нет, не за большую художественность они полюбились буржуазным критикам и пресловутой радиостанции "Свобода", а за антисоветское содержание, за клевету на советский народ.

За это и судят А.Синявского и Ю.Даниэля.

Чтение обвинительного заключения закончено.

На вопрос председательствующего, признают ли они себя виновными, Синявский и Даниэль отвечают отрицательно, хотя на предварительном следствии и тот и другой признавали свою вину. Они верно, отрицали умысел в антисоветской пропаганде, но вместе с тем признавали, что их произведения могут быть использованы во вред нашей стране. Теперь они отрицают все. Однако их враждебная позиция по ряду вопросов политики КПСС и Советского правительства, как говорится в обвинительном заключении, достаточно подтверждается не только содержанием

их антисоветских клеветнических произведений, изданных за рубежом, но и показаниями свидетелей, заключениями экспертизы, вещественными доказательствами.

Суд переходит к допросу подсудимых.

Свои портреты Даниэль и Синявский дорисовывают, отвечая на вопросы председателя и членов суда, государственного обвинителя. Подсудимые часто уходят от прямых ответов, изворачиваются.

Как еще раз показывает судебное разбирательство, произведения подсудимых взяты на вооружение врагами нашей страны. Однако Даниэль, например, пытается замаскировать политический характер передачи своих писаний для публикации за границей. А вынужденный признать, что его "творения" использовались в антисоветских целях, он без конца утверждает, что "он этого не хотел", что теперь он "сожалеет об этом".

Ход судебного разбирательства показывает преступность намерений и действий Синявского и Даниэля.

Сегодня суд продолжит слушание дела.

М.Ильин

"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ" 11 февраля 1966 г.

ЗА СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ

...Дело Синявского-Даниэля - один из многих эпизодов этой сомнительной битвы. В чем их упрекают? В опубликовании нескольких произведений за границей? Но нельзя забывать, что те из наших писателей, кого особенно любят русские, часто печатали вне Франции самую новую, самую смелую часть того, чем сегодня восхищаются и что изучают в школах. И почему то, что не было вменено в преступление Пастернаку, делает виновными Синявского и Даниэля?

Почему два веса, две меры? Потому что мой коллега Синявский виновен также в неуважении к русским классикам. И что отсюда следует? Самые великие люди имеют свои слабости. Я, по крайней мере, знаю советского писателя, который познакомился с Сибирью за то, что поставил под сомнение непогрешимость Горького. Пусть я люблю Горького, пусть я им восхищаюсь. Но почему я обязан забывать, что несколько его строк о Рембо, строк посредственных, незначительных, террори-

зировали с 1933 года критику, хотя и были позаимствованы у Рене-Думи - буржуазного академика и, между прочим, реакционера? Еще лучше: неверно, что Синявский не оказал должного почтения Чехову. Г-н Окутюрье это хорошо продемонстрировал. Итак? Итак, Синявский и Даниэль дошли до антисоветской пропаганды? Если сатира в духовной области становится достойной осуждения при социалистическом строе, если творческая фантазия может быть выдана за измену, когда мне нечего сказать в пользу подсудимых. Пусть судьи, тем не менее, вспомнят судьбу Мандельштама, опалу Ахматовой. Однако, Мандельштама переиздают. Однако Париж имел в прошлом году случай приветствовать Ахматову, восстановленную наконец в величии, в котором я никогда не сомневался /как и в ценности Мандельштама/. Может быть, завтра, в крайнем случае послезавтра, Синявский и Даниэль займут свое место в истории русской литературы, во всех советских учебниках. Советские судьи не могут подвергнуть себя осмеянию, как те, кто у нас осудили "Цветы зла" и "Мадам Бовари"...

Этьембель, профессор
ф-та словесности в Париже
"МОНД", 11 февраля 1966 года

Утреннее заседание 11 февраля 1966 года

СУДЬЯ: Продолжаем допрос Синявского.

ПРОКУРОР: Синявский, знаете ли вы Иванова, его изданные за рубежом произведения?

СИНЯВСКИЙ: Знаю. Это Ремезов. Он мне читал вслух "Есть ли жизнь на Марсе" неполностью; статью "Американские муки русской совести", хотя может быть, это были куски из каких-то двух статей; читал какие-то отрывки из пьесы о человеке-роботе.

ПРОКУРОР: Как вы оценили его произведения?

СИНЯВСКИЙ: Эта манера мне далека, это лобовая полемика, подчеркнутая тенденциозность. Это не вызвало моего восторга.

ПРОКУРОР: А как вы оценили политическое звучание?

СИНЯВСКИЙ: Я уловил повышенную возбудимость по некоторым идеологическим проблемам. "Есть ли жизнь на Марсе" - это отклик на события 1953 года. Но я не настолько знаю эти произведения, чтобы давать им политическую оценку.

ПРОКУРОР: А свои произведения вы давали ему читать?

СИНЯВСКИЙ: Изданные за рубежом показывал в 1964 году, может быть и читал, но не уверен.

ПРОКУРОР: Ремезов помог вам переправить заключительную часть статьи "Что такое социалистический реализм"?

СИНЯВСКИЙ: Это маленькое дополнение к статье, а не заключительная часть.

ПРОКУРОР: А вы помогали Ремезову пересылать его вещи?

СИНЯВСКИЙ: Нет.

ПРОКУРОР: На очной ставке Ремезов говорил, что вы через Замойскую помогали ему отправить за границу четыре произведения. Вы подтверждаете его слова?

СИНЯВСКИЙ: Да, Ремезов говорил это, но это неправда.

ПРОКУРОР: Почему же он говорил неправду?

СИНЯВСКИЙ: Я затрудняюсь это об'яснить. Я знал, что его литературными делами ведает его друг Гуссено.

ПРОКУРОР: Но на очной ставке он заявил это в категорической форме. Какие у вас отношения с Ремезовым?

СИНЯВСКИЙ: Товарищеские. В детстве мы были друзьями, а последние 10-12 лет стали просто товарищами, и его жизнь была вне моего поля зрения. Я у него бывал очень редко, да и он у меня не часто.

ПРОКУРОР: Разве он враг вам? Почему он оговаривает вас? У него нет для этого причин?

СИНЯВСКИЙ: До ареста не было. Я не знаю, почему после моего ареста он стал меня оговаривать. Ремезов фигурирует как свидетель обвинения, он подтвердил, что у меня антисоветские взгляды. Может быть, он старается подтвердить свою позицию ссылкой на меня? В протоколе, составленном во время следствия, есть только исповедь самого Ремезова, а ссылки на меня носят чисто умозрительный характер. Фактов у него нет, кроме того что я имел с ним в 1951 году один разговор: у меня арестовали отца, я будто бы сказал Ремезову, что надо бы посадить меня, так как отец всегда стоял на советских позициях. Но я помню этот разговор, и дело было совсем не так. Во время обыска один из сотрудников МГБ сказал, что стоило бы и меня арестовать вместе с отцом. Это меня поразило, я говорил всем, что мой отец всегда был советским человеком. Ремезов тенденциозен и старается представить свои взгляды как общие у меня с ним и

ссылается для убедительности на меня. Его позиция, что каждый интеллигент думает так же, как и он...

ПРОКУРОР: В этих трех произведениях, которые вам инкриминировали, изложены ваши политические взгляды и убеждения?

СИНЯВСКИЙ: В них изложена моя позиция писателя... Я не очень понимаю. И в статье "Что такое социалистический реализм"... Это опыт, эссе... Там в вольной манере изложена моя художественная позиция.

СУДЬЯ: А первая часть статьи? Это тоже относится к художественным произведениям?

СИНЯВСКИЙ: В этой статье, посвященной сложным и неясным вопросам, по которым есть много трактовок, я хотел выразить свое понимание социалистического реализма. На эту тему существуют разные мнения. На Западе часто говорят, что социалистический реализм — это фикция, выдумка...

СУДЬЯ /перебивает/: А первая часть статьи?

СИНЯВСКИЙ: Простите. Я хочу ответить более подробно. Я подойду и к первой части, я не собираюсь отклоняться от ответа. Так вот, моя точка зрения отличалась: я считал, что социалистический реализм — это органическое явление для нашей литературы. Но моя трактовка отличается от общепринятой. Чтобы определить сущность соцреализма, я исходил из более общих категорий, из понятия цели — центрального понятия для нашего общества и нашей литературы. Цель по-гречески "телос", а отсюда и мой термин "телеологический". И первая часть статьи — это разговор о цели вообще. Я рассматриваю человека как существо телеологическое; затем я говорю, что есть эпохи, например, наша, когда цель становится центральным, ударным понятием, и в этой связи касаюсь марксизма — не в экономическом или социальном плане, а в моральном, в плане его идеала всеобщего счастья. Эта статья написана не с марксистских позиций и не с позиций нашей теории социалистического реализма. Может быть, это позиция... я затрудняюсь ее определить, в общих словах — она идеалистическая. Коммунизм я рассматриваю как единственную цель, которую может выдумать современный ум, и говорю, что Запад бессилён выдвинуть что-либо подобное. Слово "религиозные" я употребляю в разных смыслах: как нравственный императив, в ироническом смысле, как мистику, например, как в "Кратком курсе". Говорю о наших трудностях и противоречиях

в последние годы при Сталине, говорю, что применялись жестокости и негуманистические методы. Но и сталинский период для меня закономерный период, я его не зачеркиваю. Упреки западного мира в жестокости я отвожу — эти жестокости связаны с действием против бездействия. Меня не устраивает отказ от насилия, западные позиции. Я отвечаю либеральным критикам: а что сделали ваши старички и старушки?

СУДЬЯ: Значит, в этой статье вы приветствуете коммунистическое общество?

СИНЯВСКИЙ: У меня сказано, что коммунизм — великая цель. Но реальные пути не всегда соответствуют цели: они подобны, но не тождественны. Цель достигнутая — слабое подобие начала...

СУДЬЯ: Вот что вы пишете /читает/: "Что смеетесь, канальи..." и др.^{х)}

СИНЯВСКИЙ: Вы оперируете переводом с польского языка. Этот окончательный вариант несовершенен, он сделан тенденциозно.

СУДЬЯ говорит, что в деле есть ряд переводов.

СИНЯВСКИЙ: Я могу сослаться на Фильда. В его статье от 19/1У-1965 г. сказано, что переводчик искажил мою статью, как утверждает один ученый читавший оригинал. Вольное обращение с текстом налицо, поэтому я отвечаю только за общий смысл, но не за детали.

СУДЬЯ: Суд не находит разницы в переводах. Угодно ли пригласить переводчика?

СИНЯВСКИЙ: Нет.

ПРОКУРОР: Вы в своей статье защищали социалистический реализм? /Читает цитату из статьи, где сказано, что уже в самом названии содержится противоречие, что социалистическое — значит религиозное, целенаправленное, стало быть, нереальное; что литература должна отбросить свойственную ей реалистичность, чтобы

х) "Что вы смеетесь, сволочи? Что вы тычете своими холеными ногтями в комья крови и грязи, облепившие наши пиджаки и мундиры? Вы говорите, что это не коммунизм, что мы ушли в сторону и находимся дальше от коммунизма, чем были вначале".

/Здесь и далее статья "Что такое социалистический реализм?" цитируется по машинописной копии, не идентичной с переводом с польского языка, которым оперировал суд/.

выразить величественный и неправдоподобный смысл эпохи^{х)}. Вот как вы защищаете социалистический реализм.

СИНЯВСКИЙ: Я противопоставил соцреализм искусству XIX века. Именно в социалистическом искусстве, где цель играет главную роль, а в центре стоит положительный герой, а в XIX веке стоит герой отрицательный. Я против эклектики, против смешения, против незаконного сожительства "Вишневого сада" и "Мистерии Буфф".

СУДЬЯ: Кстати, насчет Чехова. Вот вы пишете: "Искусство не терпит одного: эклектики... Но мы все учились в школе, читали разные книги, мы слишком хорошо знали, что до нас были замечательные писатели: Мопассан, Бальзак, Толстой и затем еще один, ну, как его, Че, Че, Че... ах, да, Чехов. Это нас погубило, мы захотели писать, как Чехов..." Это зачем тут у вас Че, Че, Чехов?

СИНЯВСКИЙ: Это же явная ирония.

/возглас в зале: это явная антисоветчина!/
/

Вы ориентируетесь на обвинительное заключение и на отзыв Главлита, а там - то, что Синявский отрицает, еще и приписано.

х) "Это не классицизм и не реализм. Это полуклассическое псевдоискусство не очень социалистического полуреализма. Даже в самом термине "социалистический реализм" заключено непреодолимое противоречие. Искусство социалистическое, т.е. религиозное, устремленное к единственной цели, не может быть создано средствами литературы XIX века, той, которую считают "реалистической". Картина, полностью соответствующая реальности, со всеми подробностями повседневной жизни, психологический анализ, пейзаж, портреты и т.д. не поддаются описанию на языке, предназначенном для телеологических спекуляций. Если социалистический реализм действительно хочет подняться до уровня великих мировых культур и создать свою "коммунаду", то для этого есть лишь одна возможность: покончить с реализмом, отказаться от жалких и при всех условиях бесплодных попыток создать социалистическую "Анну Каренину" или социалистический "Вишневый сад". Только после того, как он перестанет считаться с реальностью, для него несуществующей, социалистический реализм сумеет выразить великий и неправдоподобный смысл нашей жизни".

СУДЬЯ: У нас не литературный диспут, а исследование состава преступления, то есть юридической стороны. Так что вы лучше обратитесь к первой части статьи, это ближе к тому, в чем вас обвиняют.

СИНЯВСКИЙ: Я перешел к литературной части, так как на нее обратил внимание прокурор.

ПРОКУРОР: Я это сделал потому, что там дальше идут политические выпады. На стр. 46 вы делаете вывод, что "шансов немного", Ленина сопоставляете со Сталиным, говорите о коммунизме как о религиозной системе. Какое это имеет отношение к социалистическому реализму? Зачем тут такое о Ленине? Зачем это — сопоставлять со Сталиным?

СИНЯВСКИЙ: Это имело то отношение к статье, что литература питается некоей почвой. Литература периода Сталина — это литература религиозного склада. Здесь речь идет о религиозно-мистическом культе, который лежал в основе мистического искусства сталинской эпохи.

ПРОКУРОР: Я прошу не читать литературных лекций. Я прямо, конкретно спрашиваю: зачем вы изобразили Ильича в неприглядном виде?

СИНЯВСКИЙ: Я говорил, что вокруг Ленина нельзя создавать культа. Ленин для меня человек, тут нет ничего отрицательного.

СУДЬЯ: Про обожествление Сталина — что здесь имелось в виду? /Читает отрывок из статьи/х).

СИНЯВСКИЙ: Это достаточно иронично сказано. И ирония в адрес культа. Если бы Сталин еще немного пожил — и до этого дошло бы.

ПРОКУРОР: Выражаются ли в этих трех произведениях ваши политические взгляды и убеждения?

СИНЯВСКИЙ: Я не политический писатель. Ни у одного писателя его вещи не передают политических взглядов. Художественное произведение не выражает политических взглядов. Ни у Пушкина, ни у Гоголя нельзя спрашивать про политические взгляды.

/Возмущенный гул в зале/.

Мои произведения — это мое мироощущение, а не политика.

ПРОКУРОР: Я думал иначе. Возьмем "Суд идет" /читает цитату/ про зародыш-рыбку/"... в соответствии с марксизмом".

х) "Ленин слишком похож на обычного человека: невысокий, лысый, в гражданской одежде".

СУДЬЯ продолжает цитату/: "...развиваясь по спирали"х).

ПРОКУРОР: Ну, скажите, что это такое. Расцените это место.

СИНЯВСКИЙ: Да, это очень циничное высказывание, это унижение будущего, издевательство над ним, оно направлено против марксизма. И принадлежит это высказывание самому отрицательному персонажу повести, Карлинскому. Он циник. Он же говорит, что социализм - это свободное рабство. Я показывал в повести, что Карлинский аморален, что он ничтожество. Отношение автора к Карлинскому совершенно ясно. После приведенных вами слов в повести сказано /цитирует/хх. Вы спутали героя с автором. Если мы пойдем по такому пути, то Горького спутаем с Климом Самгиным, а Салтыкова-Щедрина с Иудушкой Головлевым.

СУДЬЯ: Давайте говорить о том, что идет от автора. "Драга под унита-зом" - что это? Сцена в лагере - это уже автор?

СИНЯВСКИЙ: Я поясню сцену в лагере. Реальные исторические события строго локализованы в повести во времени - это конец 1952 года - начало 1953-го, от дела врачей до смерти Сталина. Но ряд сцен - кажущаяся действительность. Это художественное произведение, а не политический документ. /Смех в зале/. Я прошу возможности говорить. Я изображаю героя-маньяка.

СУДЬЯ /перебивает/: Я хочу об'яснить, что есть аспект ваших произведений, который нас интересует. Вы пишете о мыслескопах, о драге под унитазом. Значит, кем-то принято решение установить такие драги? Это ст. 70. Нет ли в этом клеветы, статьи 70? Разве это не позорит наше общество, наших людей, наш строй?

СИНЯВСКИЙ: Нет, эти герои показаны в определенное время, накануне смерти Сталина. Эти герои - сыщики. Эпоха - дело врачей. Обстановка арестов, подозрительности. Эпилог написан от лица сочинителя, помечен 1956-м годом. Годом, когда повесть закон-

х) "Сталин же был специально создан для гипербол, которые его ожидали: таинственный, всевидящий, всемогущий, он был живым монументом нашей эпохи, и ему недоставало лишь одного, чтобы стать богом - бессмертия".

хх) "Он свесился через перила и плюнул в пролет лестницы, похожей на колодец. Ответа не было долго. У него закружилась голова от этой чернеющей под ногами каменной глубины. Зато потом влажный отзвук донесся так отчетливо, что Юрий плюнул еще раз".

чена. "Я" в повести условно, это не Синявский и не Терц, это сочинитель. "Сочинитель" живет в страхе пополам с восторгом. Кольма — это логический конец его характера. Это не реальность, а то, что мерещится сочинителю в его страхах. Это не изображение исторической действительности 1956-го года. /Смех в зале/. Это литературный прием — допущение нереальной обстановки.^{х)}

СУДЬЯ: Аборт-то реальный. Он его зачем произвел?

СИНЯВСКИЙ: Это сказано, но не показано. В художественной литературе есть понятие условности.

СУДЬЯ: Об условности еще будет речь. Русский народ вы изобразили пьяницей.

СИНЯВСКИЙ: Могу развернуто ответить. /Смех в зале/.

СУДЬЯ: Вот ваши "Мысли врасплох" — это прямая авторская речь?

СИНЯВСКИЙ: Не совсем... /Смех в зале/.

СУДЬЯ: Вот Фильд пишет, что это "самобичевание перед зеркалом". Это так?

СИНЯВСКИЙ: В известном смысле, да.

СУДЬЯ /читает про русский народ/^{хх)}: Это лирическое отступление?

х) "Я прибыл в тот лагерь позже других, летом пятьдесят шестого. Повесть, для завершения которой не хватало лишь эпилога, стала известна в одной высокой инстанции. Подвела меня, как и следовало ожидать, упомянутая ранее драга, поставленная в канализационной трубе нашего дома. Черновики, что каждое утро я добросовестно пускал в унитаз, непосредственно поступали на стол к следователю Скромных. И хотя важное лицо, чей приказ я выполнил, может быть, недостаточно точно, к этому времени уже умерло и даже подверглось переоценке со стороны широкой общественности, меня все-таки привлекли к дознанию за клевету, порнографию и разглашение государственной тайны.

Я не отпирался: улики были налицо. К тому же Владимир Петрович Глобов, вызванный в качестве свидетеля, представил документы, неопровержимо доказывающие мою полную виновность. Все, что я написал, как это установило следствие, являлось плодом злого умысла, праздного вымысла и больного воображения".

хх) "Пьянство — наш коренной национальный порок и больше — наша идея-фикс. Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по известной

Этот пасквиль зачем вы отыскали? Это наш народ, русский народ, который жертвы приносит, который в страшной войне жертвы приносил, страдал, ковал сталь победы, двадцать миллионов потерял, но выдержал и создал величайшую культуру. Это - "воры и пьяницы"? Не забывайте, вас судит суд Российской Федерации! /Гул в зале/.

СИНЯВСКИЙ: Могу ответить по поводу своего отношения к русскому народу и по поводу тех трактовок, которые допускают мои произведения. Я знаю, что голословными утверждениями "люблю" и "знаю" я ничего не добьюсь. Они ничего не докажут и покажутся попыткой оправдаться. Но никто не может упрекнуть меня в пристрастии к Западу, в нелюбви к русскому народу - я даже слыл славянофилом. И на Западе так же рассматривают Абрама Терца. Всего дороже мне в русском человеке его внутренняя духовная свобода - она и в высоком плане проявляется, давая ми-

хх) потребности в чудесном и чрезвычайном, пьет, если угодно, мистически, стремясь вывести душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное бестелесное состояние. Водка - белая магия русского мужика: он ее решительно предпочитает черной магии - женскому полу. Дамский угодник, любовник перенимает черты иноземца, немца /черт у Гоголя/, француза, еврея. Мы же, русские, за бутылку очищенной отдадим любую красавицу /Стенька Разин/.

В сочетании с вороватостью... пьянство нам сообщает босяцкую развязность и ставит среди других народов в подозрительное положение люмпена. Как только "вековые устои", сословная иерархия рухнули и сменились аморфным равенством, эта блатная природа русского человека выперла на поверхность. Мы теперь все - блатные /кто из нас не чувствует в душе и судьбе что-то мошенническое?/. Это дает нам бесспорные преимущества по сравнению с Западом и в то же время накладывает на жизнь и устремления нации печать непостоянства, легкомысленной безответственности. Мы способны прикарманить Европу или запузырить в нее ересь, но создать культуру мы просто не в состоянии. От нас, как от вора, как от пропойцы, можно ждать чего угодно. Нами легко помыкать, управлять административными мерами /пьяный инертен, неспособен к самоуправлению, тащится, куда тянут/. И одновременно - как трудно управиться с этим шатким народом, как тяжело с ними приходится нашим администраторам". /"Мысли врасплох". Цитируется по машинописной копии/.

ру Достоевского, живопись, песни, и в низком, бытовом. Но я не склонен думать, что на каждом шагу надо хвалить русский народ, хотя и считаю его самым великим народом на земле.

СУДЬЯ: Нужно ли было это посылать на Запад?

СИНЯВСКИЙ: Я считаю, что недостатки есть добавление к достоинствам, — они тесно связаны. Пьянство — это другая сторона духовности. В отрывке об этом речь. Даже в этих проявлениях /воровство, пьянство/ обнаруживаются не только дурные, но и лучшие стороны русского характера. Как будто на Западе раньше думали, что мы трезвенники, а Терц оклеветал — и вот узнали, что мы пьяницы. И еще я считаю, что русский не любит ничего показного. Он скорее изобразит себя сниженной, чем возвышенной. Мои слова "не способен создать собственную культуру" — это частность, свойство русского человека говорить обо всем в сниженной манере. Но из всего моего творчества следует обратное — моя вера в способность... /хохот в зале/. Речь идет о неприятии западной цивилизации. Русские склонны пренебрегать западным комфортом, безразлично относиться к собственным памятникам старины — это свидетельство того, что русскому нужны духовные ценности. Когда я говорю, что мы можем ересью подивить всю Европу — я имею в виду ересь Достоевского.

СУДЬЯ: "Люмпены, воры, подозрительные в глазах других народов" — это что, не клевета на русский народ? Я сам сверил перевод с английским текстом.

СИНЯВСКИЙ делает попытку ответить.

СУДЬЯ /перебивает/: Вот у вас есть статья о поэме Евтушенко "Братская ГЭС". Там вы пирамиду Хеопса защищали. Ее защищали, а о своем народе статью в Англию послали?

СИНЯВСКИЙ: А в этой статье есть и о русском народе, я могу показать, если мне дадут возможность к ней обратиться.

СУДЬЯ /прокурору/: Продолжайте допрос.

ПРОКУРОР: Взгляды ваши, высказанные в "Мыслях врасплох", не случайны. Они же выражены и в ваших художественных произведениях. Вот в "Любимове" вы пишете, что книг нет, что огурцы превратились в колбасу, все на нее набросились, только собаки не едят. Это у нас, где так развито библиотечное дело. Это что, тоже восхваление русского народа?

СИНЯВСКИЙ: Я могу рассказать о "Любимове" в целом. Это риторический вопрос? Я не понимаю, как ведется допрос — по отдельным фразам? Я могу отвечать только "да" или "нет" или могу объяснить подробно?

СУДЬЯ: Вы можете подойти к ответу на конкретный вопрос любым развернутым способом, но не уходить от ответа.

СИНЯВСКИЙ: "Любимов" — это последняя вещь. Я наделил это захолустье моими любимыми чертами чудесного, фантастического. По городу ходят призраки, люди превращаются. Это вымысел. Там во многом мотив кажимости, невидимости. Это нереальный город моей души. Это лирическое произведение, а не политическое. И это не политическая сатира, как считают некоторые, которые сравнивают мой "Любимов" с щедринским "Глуповым". Я против такого сравнения, надо уметь читать хотя бы заглавие. У Щедрина "Глупов" от слова "глупый", а у меня "Любимов" от слова "любимый", люблю, любить. И отношение мое к нему — доброе отношение. У меня так написано: "С добрым утром, мой голубь, мой город любимый". Это клочок моей родины, но именно клочок, а не символ Советского Союза, и нет никаких причин расширять это толкование. Жители этого города истине противопоставляют свои мечты...

СУДЬЯ: А вот Борис Филиппов считает, что Любимов и СССР одно и то же: "В Любимове, как в капле воды, отразился Советский Союз". Это интерпретация Филиппова. Вы с ним согласны?

СИНЯВСКИЙ: Нет. Есть и другие оценки, например, Фильда. Все предисловие Филиппова основано на цитатах из разных авторов: Мандельштама, Заболоцкого, Слуцкого. Эти цитаты нанизаны на антисоветские взгляды Филиппова. Его толкование произвольно. Это видно и из того, что он утверждает, будто в "Любимове" сказано, что женщина спасает Любимов. Там этого нет. А говорить, что в Любимове живут захватчики — нелепо. Васюки хотели стать Москвой, но это не значит, что там живут захватчики, там патриоты своего города. Подобные толкования — старый прием.

СУДЬЯ цитирует Фильда о повести "Суд идет".

СИНЯВСКИЙ: "Суд идет" — это о сталинизме, он больше связан с реальным планом, чем "Любимов". Мой положительный герой — сам город Любимов. И мой смех — добрый, а не злобный. Критическое отношение автора вызывает Леня Тихомиров, в прошлом хороший человек.

СУДЬЯ: Вот переводчица пишет, что слова похожи: "Ленин /Леня/ - Ленин - леший - лень". Она имела основание сравнивать Леню Тихомирова с Лениным?

СИНЯВСКИЙ: Нет. Она произвольно рассуждает об этом. У нее вообще мой старый барин Проферансов это Маркс и т.п.

СУДЬЯ: А что у вас отрицательное отношение к Ленину, что вы затрагиваете его священное имя - это она имела основание утверждать?

СИНЯВСКИЙ: Я хочу сказать об этом...

СУДЬЯ: Имела она основание это сказать или нет?

СИНЯВСКИЙ: Нет. У меня нет отрицательного отношения к Ленину.

СУДЬЯ: Вот послушайте /цитирует "Любимов" - то место, где Ленин воет на луну/^{х)}

/Движение в зале/

Это зачем? С какой угодно точки зрения. Джойса, Кафки, сюрреализма - это симпатия к городу Любимову? К Ленину? Остановитесь на этом эпизоде.

СИНЯВСКИЙ: Я сожалею, что упомянул Ленина - это бестактность. Вся эта глава называется "Земная и загробная жизнь Самсона Самсоновича Проферансова". Вся эта глава - абракадабра, она построена на нелепицах, по принципу детской песни "ехала деревня мимо мужика"...

/Гул в зале. Голос: "Причем тут советская песня?"/

х) "...Этот чекист, между прочим, одну зиму нес караульную вахту на даче Ленина в Горках, а рядом, за бревенчатой стенкой Владимир Ильич лечился и сочинял по ночам первый план пятилетки. Попишет Владимир Ильич, на счетах пощелкает и во втором часу на ципочках выскальзывает проветриться - в простом пиджаке, без шапки, ручки в брючки. На дворе, на скрипучем снегу переминается, озирается, нет ли кого поблизости, и закинув лысоватую голову - начинает...

Выл на луну Ленин вдумчиво и методично, выл Ильич перед смертью. Всякую ночь, как была луна. Повоет, немного послушает - все ли тихо, и снова залыется и до тех пор кукует, пока вконец не иззябнет, и тогда бежит, зеленоглазый, со всех ног - на счетах щелкать и дальше писать, как нам двигаться по намеченному пути. И долго-долго не тухнет в светелке ленинская лампада..."

Она построена на небылицах, все в ней противоречит здравому смыслу, все слова как тарабарщина: "Проферансов был звездочет, диоген и филантроп", Николай 1 перепутан с Николаем 2; с Ариной Родионовой героиня разговаривает стихами Есенина - все построено как очевидные нелепицы.

/Движение в зале/

Я не стремился унижить Ленина, но я сожалею, что ввел его в абракадабру наряду с десятком других имен: Пушкин, Есенин, Лев Толстой, Лавуазье...

/Перерыв 20 минут/

ПРОКУРОР: Это не единственное место, где вы пятнаете светлое имя Ленина. Вы об'ясняли это место. Но вот в другом месте, на стр. 110, в сноске от автора, где стены оклеены деньгами, "денежная пестрядь на стенах закопошилась, китайские богдыханы с бородками...^{х)} и т.д. Что вы имели в виду? Это зачем?

СИНЯВСКИЙ: Это не от автора. В "Любимове" нет авторской речи. Это и не о Ленине. Это описание того, как на глазах у сыщика Вити Кочетова начинаются чудеса.

х) "Сыщик Виталий Кочетов с перепугу не мог разобрать, кто ведет перебранку в глубине резиденции, и сперва ему представлялось, что это Тихомиров с самим собой разговаривает на разные голоса. Казалось, он ворожил на смесях темного воздуха, последних закатных отблесков и ранней лунной изморози, которая там и сям выпала по кабинету, углубляя невнятицу этой сумрачной обстановки. Денежная пестрядь, облупившая стены, весело завозилась. Китайские богдыханы, наострив шустрые мордочки, проказливо перемигивались и одобрительно шелестели замусленными бородачками - должно быть, в знак солидарности с косоглазым владельцем, который все пуще кружился и бесновался, подбадривая себя крепкими окриками. Вообразим ужас разведчика, когда, напрягая уши, он уловил речь, касающуюся его заточения посреди разгневанной сволочи, и взвихренная занавеска сналету вцепилась ему в космы...

- Сгинь! Сгинь! Пропади! - раздался приглушенный, точно с того света, возглас Тихомирова, и безотчетно повинувшись ему, сыщик Виталий Кочетов кубарем скатился по водосточной трубе..."

ПРОКУРОР: Это совсем не так. Это авторская сноска! Зачем же вы отказываетесь. /Цитирует отрывок над сноской/.^{х)}

СИНЯВСКИЙ: Это сноска не в научном труде, а в художественном произведении. Сноска у меня — прием. Это изображено в восприятии сыщика Виталия Кочетова. Я не имел в виду Ленина, и его имени здесь нет.

СУДЬЯ: Комната у вас оклеена деньгами, а на деньгах был только один портрет — портрет Ленина. Других не было. И слова ваши в тексте кощунственны.

СИНЯВСКИЙ: Это не о деньгах и не о Ленине. Богдыханы относятся к пестряди, а не к деньгам.

ПРОКУРОР: Вот вами описано светлое будущее /цитирует "Город, как лоскутное одеяло..." и далее, страница 77-78^{хх)}. Это о каком светлом будущем вы говорите?

х) "С этими словами я легонько встряхнул занавеску у отворенного окна, давая понять нашему присмирившему соглядатаю, что его роль в истории тоже не прошла незамеченной".

Вот как об'ясняются сноски в "Предисловии" /написанном, как и весь роман, от лица Савелия Кузьмича/:

"Чтобы не расплыться, в исторических книгах и летописях /так уж заведено/ устраиваются особые сноски, расположенные внизу, под страницей. Зыркаешь туда глазами время от времени и все воспринимаешь. И я тоже приделал эти сноски для читательского облегчения. Каждый читатель может туда спуститься и, немного передохнув, узнать о подробностях или еще о чем. А кто не желает, или некогда, или ему надо побыстрее понять главное содержание, тот пусть эти второстепенные сносочки спокойно пропускает и шпарит дальше, без передышки, сколько влезет".

хх) "Город лежал перед ними, как лоскутное одеяло, перебуторенное и брошенное в вакхическом беспорядке. Красные флаги и скатерти, малиновые сарафаны, подбитые ветерком, спорили с озимой зеленью сельского хлебопашца, которая с вышины небес вклинивалась в ложбину, рассекая надвое железную голизну кустарника. А если еще учесть излучины и рукава реки бутылочного цвета, облепленные там и сям роями горожан, да прибавить к ним искривление улочек, тупиков, задворок и с'ехавшую набок церквушку с провалившимся куполом и ворохом воронья, подлинное кладбище в мелких крестиках и жел-

СИНЯВСКИЙ: Это связано с Леней Тихомировым, к которому автор относится отрицательно. Он со своими методами не вызывает авторского сочувствия, он ничего не может изменить в действительности. Он только внушает, что эти изменения произошли. Тихомиров призывает быть счастливыми. Это, если хотите, волюнтаристская деятельность, она не связана с реальностью. Вода в реке не превращается в шампанское на самом деле, хотя она кажется людям шампанским под влиянием Тихомирова и т.д. Эта деятельность Тихомирова не имеет ничего общего с марксизмом, а картина будущего — с коммунизмом. Вся повесть написана от лица персонажей, а персонажи говорят на своем языке. Это надо учитывать. В речи некоторых персонажей есть штампы, они усилены изложением Савелия Кузьмича, старика начитанного, который старается говорить научно, витиевато, книжно. Смех возникает над говорящим, а не над тем, что он говорит. Художественная литература очень легко пользуется перефразировкой газетной речи, и в этом приеме нет политики. Вспомните "Баню" или "Клопа" Маяковского.

СУДЬЯ: А в сцене про деньги вы над кем смеетесь? А тут, где сказано, что перегоним?

СИНЯВСКИЙ: Леня Тихомиров...

СУДЬЯ: А бороденки? А известные слова Ленина о всемирной передышке. /Цитирует "Любимов"/^{х)} А здесь над чем смеется автор? Это не имеет отношения к "Бане".

хх)тый горб больницы по соседству с кряжистой темно-бурой тюрмой, пустырь в мусоре и безлюдный проезжий тракт, блистающий на раздолье серебристыми змейками непросохшей грязцы, плюс каланча на выгоне, заборы, возня собак, плюс гармоника с придурью, кудлатый дым из трубы и над дымом — мчащиеся, будто кони, круглогривые облака, — если повторяю, все это сложить вместе и как следует ставить, то мы получим картину, открывающуюся взорам нашей изумленной публики".

х) "Кабы нам годик этой мировой передышки, — говаривал Леонид Иванович, разгуливая по кабинету, — и мы бы по всем статьям государственного бюджета перещеголяли Бельгию и обогнали Голландию. А там постепенно можно подумать и о расширении территории и внедрения наших идей в поголовном масштабе. Не насилием и обманом,

СИНЯВСКИЙ: Автор смеется над Леной Тихомировым, говорящим штампами.

И все мыслящим в мировом масштабе.

ПРОКУРОР: А здесь над кем? /Цитирует/хх).

СИНЯВСКИЙ: А здесь над Савелием Кузьмичем. Я скажу о нем особо: он то отходит от Лени, то к нему возвращается...

ПРОКУРОР: Вы уходите от ответа...

СИНЯВСКИЙ: Я смеюсь не над коммунистами, а над Савелием Кузьмичем.

ПРОКУРОР: А здесь над чем? "У них есть самоланы, а у нас ничего, кроме оголенного воображения...ххх) Кому это вы хотите ткнуть в морду кровоточащую гиперболу?"

СИНЯВСКИЙ: Здесь описана конкретная ситуация - налет самолетов на город Любимов. И Леня Тихомиров отводит опасность с помощью воображения.

СУДЬЯ: Фильд понял это иначе. Вот у вас совещание в обкоме партии и секретарь тов. О. говорит: "и чтоб никаких последствий культа личности". Это что - метафора, гипербола? Это говорит тов. О.

СИНЯВСКИЙ: В лице тов. О., секретаря обкома, можно уловить намеки на некоторые черты Хрущева, но я не ставил задачей критиковать его или его деятельность, я взял только отдельные черты. Он легко возбуждался от собственной речи, употребляя грубые слова.

ПРОКУРОР: Вернемся к вашей статье "Что такое социалистический реализм". Возьмем оттуда политические взгляды. Что вы имели в

х) а только живым примером и воздействием на умы прогрессивного человечества завоеет Любимов симпатию и мировое признание".

хх) "Давайте совместными усилиями, как когда-то бывало, подналяжем и попробуем еще разок крутануть колесо истории. Вы только верните нам Леню Тихомирова, царя, волю, как ее? - энергию эту самую дайте, и мы вам снова в два счета построим коммунизм..."

ххх) "Но где справедливость?! У них - самоланы, газеты, журналы, радио, сумасшедшие дома, телефон, а у нас ничего, ну понимаете, ничего нет под руками. Оголенное воображение. Так неужто же мы, придавленные к земле и ждущие смертного часа, не кинемся навстречу и не ткнем в урчащую морду первой пришедшей на ум кровоточащей гиперболой?!"

виду, когда писали: "Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы построим новые тюрьмы"^{х)}, "испоганили не только тело, но и душу..." Какое это имеет отношение к социалистическому реализму?

СИНЯВСКИЙ: Речь в статье идет о целях. О трудностях и противоречиях, о негуманистических методах при Сталине. Но даже это я не зачеркиваю /цитирует/^{хх)}. Я оправдываю даже такие методы. Я говорю: "Что вы сделали, гуманные старички и старушки?" и "как приятно пить чай с вареньем", имея в виду западных либералов.

ПРОКУРОР: Не сказал бы, что оправдываете. Вот вы пишете: "Во имя достижения цели мы прибегали к методам наших врагов... мы ввели пытки, погоны, мы посадили царя на опустевший трон... Порой казалось, что ради полной победы коммунизма не хватает только одного - отказаться от коммунизма".^{ххх)} /Как это понимать?

х) "Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы понастроили новые тюрьмы. Чтобы пали границы между государствами, мы окружили себя китайской стеной. Чтобы труд в будущем стал отдыхом и удовольствием, мы ввели каторжные работы. Чтобы не пролилось больше не единой капли крови мы убивали, убивали, убивали".

хх) "А мы не себе желали спасения - всему человечеству. И вместо сентиментальных вздохов, личного усовершенствования и любительских спектаклей в пользу голодающих, мы взялись за исправление вселенной по самому лучшему образцу, по образцу сияющей и близящейся к нам цели".

"И если представить, что нас победят враги и вернут нас к до-революционному образу жизни /или приобщат к западной демократии - все равно/, то, я уверен, мы начнем с того же, с чего начали когда-то. Мы начнем с революции".

ххх) "Во имя цели приходилось жертвовать всем, что у нас было в запасе, и прибегать к тем же средствам, какими пользовались враги - прославлять великодержавную Русь, писать ложь в "Правде", сажать царя на опустевший престол, вводить погоны, пытки... Порою казалось, что для полного торжества коммунизма не хватает лишь последней жертвы - отречься от коммунизма".

"Не только нашу жизнь, нашу кровь, тело отдавали мы новому бо-

СИНЯВСКИЙ: Мы славили великодержавную Русь, мы посадили царя - Сталина. Понимать как я уже сказал - имеется в виду сталинская эпоха.

ПРОКУРОР: А вот вы сопоставляете Запад и нас: "Какой же свободы от своего Бога может хотеть верующий?" Как это понимать?

СИНЯВСКИЙ: Западная демократия основана на "свободе личности", "свободе конкуренции" и т.п. На Западе говорят: свобода выбора. Я над этим иронизирую. Господь Бог - это не парламент. Для религиозного человека вопрос о свободе не стоит. Для человека теологического нет "свободы выбора". В этом смысле я говорю о советских писателях, перед ними не стоит вопрос о выборе. Либо веришь, - либо, если нет, /взгляд на скамью подсудимых/ - сиди в тюрьме.

СУДЬЯ: "Такой художник с радостью встречает руководящие указания". Как понимать эту цитату? Это изложение вашего политического кредо?

СИНЯВСКИЙ: Здесь явный переход в иронию. И ясно, по какому адресу.

СУДЬЯ: Вот-вот. Это и относится к статье 70. Вы говорите "руководящие указания партии и правительства". Это же не прием! Это прямо сказано.

СИНЯВСКИЙ: При Сталине так было, как у меня сказано.

СУДЬЯ: При чем тут Сталин? Это же другое время.

СИНЯВСКИЙ: А какая личность была высшим авторитетом в лингвистике, экономике, музыке? Разве не Сталин? Разве не ясно, что имеется в виду?

СУДЬЯ: Разве издавали бы вас реакционные издательства так красиво, если бы это не было антисоветчиной. На такой бумаге, в такой обложке. Кстати, обратите внимание, вот издание статьи и повести "Суд идет". Две трети обложки черные и только одна треть красная. Не означает ли это, что в Советском Союзе больше темных сторон. А разве оценивали бы вас так высоко, не будь это антисоветчина?

СИНЯВСКИЙ: Я не заказывал обложки. А оценки есть и другие. "Терц не является антикоммунистом", "Читатели Америки ошиблись бы, считая Терца врагом коммунистического общества", - это пишет Милош.

xxx)гу. Мы принесли ему в жертву нашу белоснежную душу и забрызгали ее всеми нечистотами мира..."

СУДЬЯ: Тарсиса там об'явили новым Достоевским. Фильд об'являет вас новым Шопенгауэром. Он вас скоро с Шекспиром сравнит.

СИНЯВСКИЙ: Гражданин председатель, здесь речь идет не о Достоевском, а о политике. Поэтому я процитирую, как автор рассуждает о политике в статье "Что такое социалистический реализм": "Если бы вернулась монархия или западная демократия, что одно и то же, мы снова начали бы с революции".

СУДЬЯ /после небольшой паузы, прокурору/: Продолжайте допрос.

ПРОКУРОР: Вы в этой статье тоже задели светлое имя Ленина. Вот вы пишете: "Маяковский понял очень скоро, над чем нельзя смеяться. Он не мог себе позволить высмеивать Ленина, как Державин не мог себе позволить смеяться над царицей". Как это об'яснить?

СИНЯВСКИЙ: Речь в этом месте идет о стилевых особенностях. Есть перекличка классицизма XX века с классицизмом XVII века. XIX век как бы болел иронией. Молодой Маяковский смеялся, потом перестал. Для Маяковского встали границы смеха. В XIX веке их не было. Державин - это классицизм, и я сравниваю его с XX веком.

ПРОКУРОР: Попутно вы и Пушкина задели. "Пушкин рукой испорченно-стыдливой Татьяны пописывал неприличные стихи".

СИНЯВСКИЙ: Пушкин был ироничен.

ПРОКУРОР /зачитывает отзыв Главлита о статье "Что такое соцреализм", где сказано, что это попытка с ревизионистских позиций подойти к вопросу, что статья насыщена антисоветчиной, направлена против коммунизма и руководящей роли партии, утверждает, что у нас нет свободы слова и творчества/: Вы согласны с этим заключением?

СИНЯВСКИЙ: Нет. Отзыв построен на передергивании текста /цитирует статью/. Вместо "телеологично" в заключении "теологично". Пропущены те места, которые невыгодно цитировать. Так, у меня сказано не "мы принесли в жертву мучеников", а "мученики принесли себя в жертву".

СУДЬЯ: Давайте продолжим эту цитату /цитирует/. Надо цитировать полностью.

СИНЯВСКИЙ: Я говорю об отзыве Главлита. Я приведу примеры передержек /цитирует/.

СУДЬЯ: Продолжите эту цитату /цитирует/. Вот вы и о Горьком здесь говорите без симпатии. Давайте цитировать точно.

СИНЯВСКИЙ: Я говорю о передержках в заключении Главлита. Еще пример того, как у меня сказано прямо противоположное тому, что мне приписывает Главлит. У меня написано: "Многие говорят, что то-то и то-то. Но еще Маяковский это опроверг. Главлит пишет: "Синявский утверждает то-то и то-то".

СУДЬЯ: Давайте продолжим эту цитату /цитирует более широкий контекст/.

ПРОКУРОР: Синявский, а если бы Главлит процитировал так, как председатель суда, вы согласились бы с его выводами?

СИНЯВСКИЙ: Нет, и тогда не согласился бы.

СУДЬЯ цитирует еще более широкий контекст.

СИНЯВСКИЙ: Это я уже об'яснял. Социалистический реализм несовместим с литературой XIX века.

ПРОКУРОР: Когда вы написали из'ятую у вас при обыске рукопись статьи "Точка отсчета"?

СИНЯВСКИЙ: Это называется еще "Опыт самоанализа".

СУДЬЯ: Это одно и то же.

СИНЯВСКИЙ: Это оборванный и недоконченный черновик, кусок статьи, которая не была дописана - я бросил ее. Первый кусок написан в 1953-54 г. еще отрывок написан в 1960 году. В обвинительном заключении сказано, что тут выражено "существо моих взглядов". Я считаю, что кусок черновика не может выражать существо взглядов писателя. Его я никому не показывал и не читал. Даже Даниэлю.

ПРОКУРОР хочет читать выдержки.

СУДЬЯ: Эта рукопись не вменяется Синявскому в вину. Она характеризует его личность и не более этого. Я поясню, что рукописи, дневники, не могут вменяться в вину, если их не распространяли.

ПРОКУРОР: Вы здесь пишете про гигантский мозг Ленина, про его гипертрофированный рассудок, что при вскрытии мозг оказался весь из'еден склерозом. Разве нельзя это связать с тем, что вы пишете о Ленине в ваших произведениях?

СИНЯВСКИЙ: Нет, нельзя. В "Любимове" Ленин показан в алогизме, в том, что ему, по-моему, несвойственно. А эти мысли вызваны 1937-м годом.

/Движение в зале/

СУДЬЯ цитирует сопоставление Ленина со Сталиным.х)

СИНЯВСКИЙ: Сталин для обывателя понятнее. О Ленине я говорю уважительно.

/Смех в зале/

СУДЬЯ цитирует про Ленина, где сказано, что Ленин необ'ясним для обывателя.

СИНЯВСКИЙ: Сталин был одержимый. До уровня Ленина обыватель подняться не может.

ПРОКУРОР: Не следует ли из ваших слов, что 1937-й год был предвосхищен Лениным? Вот вы говорите, что "Сталин реализовал метафоры Ленина".

СИНЯВСКИЙ: Речь идет здесь о метафорах. Если мы реализуем метафоры, будет светопреставление. Мы говорим "дождь идет", "звезды падают" и т.п. Когда Ленин говорил о врагах наших идей, он употреблял метафоры. Сталин реализовал метафоры, и начались ужасы 1937-го года. Сталин вывернул метафоры наизнанку. Но Ленин не ответственен за Сталина, как язык не ответственен за реализацию метафор.

СУДЬЯ: Колдовство-то у вас начинается с Ленина.

ПРОКУРОР: Вы пишете: "Предстояли кровопуски!"

СИНЯВСКИЙ: Я привлекаюсь к ответственности за каждое слово. Я обращаю внимание суда, что это черновик. У меня были взяты при обыске и другие рукописи, записки, наброски, и коль скоро в ход пошли черновики, я хочу сослаться на пометки, сделанные мной на эмигрантских записках Бунина. Я написал: "Дикий реакционный бред". Так что это вообще спорно - что выражает мою сущность.

СУДЬЯ: Из библиотеки им. Ленина доставлены статьи о творчестве А.Терца, затребованные защитой. Ряд затребованных материалов в библиотеке отсутствует.

П е р е р ы в

х) Цитаты из рукописи "Точка отсчета" /опыт самоанализа/ невосстановимы.

ПРОКУРОР: Вы получали гонорары за свои произведения, что вам известно о сумме гонорара?

СИНЯВСКИЙ: Я писал не из материальной заинтересованности, не преследовал цели заработать ни в работе тут, ни в публикации там. Несколько лет назад Замоиская шутливо назвала меня миллионером. Но что это значит сейчас, после денежной реформы во Франции, я не знаю.

ПРОКУРОР: Значит ли это, что вы сейчас не миллионер?

СИНЯВСКИЙ: Не знаю.

ПРОКУРОР: Вы как-то использовали свои гонорары?

СИНЯВСКИЙ: В последний приезд Замоиской я сказал ей, что она может использовать мой гонорар, чтобы подписать меня на французский искусствоведческий журнал. Не знаю, на гонорар ли это, но с января 1965 года я начал регулярно получать этот журнал. В ответ я посылал советские журналы и книги. Кроме того, я просил Кишиловых, ехавших во Францию, купить мне там книги. Но дальше разговоров дело не пошло, так как меня арестовали, а у Кишилова отобрали визу.

ПРОКУРОР: А вот долг Кишилову вы хотели гасить за счет ваших денег за границей? Такой разговор был?

СИНЯВСКИЙ: Я такого разговора с Кишиловым не помню, но на следствии мне говорили, что имеется магнитофонная запись этой беседы, но мне кажется, что это, вероятнее всего, записали мои денежные разговоры с женой.

ПРОКУРОР: Вы говорите о том магнитофоне, который собирался купить себе во Франции Кишилов?

СИНЯВСКИЙ: Я говорю о том магнитофоне, который меня подслушивал...

ПРОКУРОР /перебивает/: Почему вы не пытались публиковаться в СССР?

СИНЯВСКИЙ: Как литературный критик я довольно хорошо представлял вкусы и нормы, распространенные в нашей литературе. В ряде важных пунктов они не совпадали с моими писательскими и литературными вкусами. Особенности моего литературного творчества достаточно отличаются от того, что у нас принято и что у нас пропускают. Отличаются не политикой, а художественным мироощущением. И те шесть произведений, которые мне в вину не вменяются, тоже не могут быть у нас напечатаны, во всяком

случае сейчас. Я наше издательское дело хорошо знаю и потому никогда не предлагал в наши издательства свои вещи. Как критик Андрей Синявский, публикующийся в нашей печати, и как писатель Абрам Терц, публикующийся за границей, я, естественно, улавливал разницу между этими двумя людьми. Но я никогда не считал, что эти различия имеют принципиальный характер, что это раздвоение личности. Поэтому я не считал и не считаю себя двурушником и лицемером.

ПРОКУРОР: Почему эти три вещи, которые вам вменяются в вину, вы переслали за границу?

СИНЯВСКИЙ: Я отвечал, почему: у нас это не могли напечатать.

ПРОКУРОР: Я нашу печать не трогаю.

СИНЯВСКИЙ: Я думал, что суд интересуется...

СУДЬЯ /перебивает/: Нет, почему именно эти произведения вы туда отсылали и почему скрыли ваше имя?

СИНЯВСКИЙ: Я скрыл свое имя при публикации всех девяти произведений, в том числе и тех шести, что мне не ставятся в вину, а не специально вот этих трех, так называемых антисоветских. Как литературный критик, я старался писать о тех авторах, которых я люблю как человек и писатель. Я писал о Маяковском, Пастернаке, Хлебникове, Бабеле. Мне кажется, что некоторые из названных авторов повлияли на Абрама Терца. Я не считаю свою деятельность советского критика ни маской, ни уловкой, ни только средством заработка — это мое жизненное призвание. Поэтому моя деятельность не была никогда легкой, а была сопряжена с рядом трудностей, не всегда преодолимых. Самые дорогие для меня работы — статьи о Бабеле, Пастернаке — лежали в редакциях по 7–8 лет и не печатались, хотя и были мне заказаны.

ПРОКУРОР: А эти статьи вы не пытались переправить за границу?

СИНЯВСКИЙ: Нет, их, наконец, напечатали. Вообще последние 2–3 года я получил возможность высказывать свои индивидуальные взгляды. Литературоведение для меня не личина, а жизненное дело, и всегда была тесная связь между моей критической деятельностью и моей литературой. Но я понимал, что если даже мои статьи так туго печатаются то художественные произведения не будут и подавно. Но я не думал, что это навсегда — мои вещи странны, сложны, поэтому я не рассматривал мое творчество, как рассчитанное на массового читателя. Печатание за границей

для меня никогда психологически не было способом завязать отношения с аудиторией. Это был способ сохранить их для немногих, для отдельных лиц, которые, может быть, когда-нибудь что-либо найдут в них для себя. Это литература для себя и для очень немногих, где бы они ни жили и когда бы они ни жили. И это подтверждается текстом моих произведений.

ПРОКУРОР: Вам показывали, как и сколько вас печатают и на кого рассчитывают ваши издатели?

СИНЯВСКИЙ: Я говорю о себе, о своем ощущении. В одной из моих вещей есть такое место: "Только чудак-любитель может подобрать такие слова". Меня мало интересовали переиздания и тиражи.

ПРОКУРОР: Я понял вас так, что вы не потому переправляли ваши произведения за границу, что они антисоветские, а потому, что хотели видеть их изданными.

СИНЯВСКИЙ: Изданными - в значении сохраненными.

ПРОКУРОР: Почему же вы хранили рукописи у Докукиной, а не у себя?

СИНЯВСКИЙ: Вы забегаєте вперед, как и с псевдонимом. Обвинительное заключение рассматривает это как одно из доказательств моей вины - я, дескать, понимал антисоветский характер своих вещей, я, дескать, потому избрал псевдоним, что понимал, что пишу антисоветчину. Но псевдоним - не подпольная кличка, и каждый автор волен им пользоваться как хочет. Псевдоним был взят мною из предосторожности, как и хранение у Докукиной - я хранил у нее все, в том числе и не "антисоветское". Я допускал, что мои произведения, не будучи антисоветскими, могут подвергнуться репрессиям в какой-то форме, хотя и не предрешал эту форму. Но псевдоним - законное литературное явление, и каждый автор может им пользоваться. Опасения мои были вызваны тем, что мои вещи и без антисоветской направленности могли бы подвергнуться репрессиям. В 1956 году памятно были меры, принятые против Зощенко, Ахматовой и других. Может быть, я был мнительнее, чем кто-то другой, но у меня в 1951 году арестовали отца и тогда из'яли у меня дневники. Я прятал и то, что не вменяется мне в вину.

СУДЬЯ: При чем тут Зощенко и Ахматова? Речь идет о других годах, а вы прячете.

СИНЯВСКИЙ: Я прятал, главным образом, не только эти три вещи.

СУДЬЯ: Ваши первые вещи - "Суд идет" и статья о соцреализме. Они идут на Западе массовыми тиражами. Это далекая от художест-

венных аспектов тема. Вот сожительство с трупом у вас — это гнусно; если бы это было в реальности — на этот счет есть соответствующие статьи. Но это не антисоветские деяния. А вот эти два ваши произведения, это дело другое. У вас был расчет, что именно это опубликуют, что это привлечет внимание к вам.

СИНЯВСКИЙ: Сожительство с трупом — это воспоминание о прошлой жизни, о XIY веке.

СУДЬЯ: Вот вы писали о страхе Проферансова: "Если призовут меня грозные судьи..." Это мысли Самсона Самсоновича — не ваши ли страхи и опасения?^{х)}

СИНЯВСКИЙ: Это не Самсон Самсонович говорит, а Савелий Кузьмич, и это не мои мысли.

СУДЬЯ: Но все-таки защитная реакция, осторожность имела место при отправке?

СИНЯВСКИЙ: Раньше все произведения А.Терца называли антисоветскими в ходе следствия. Сейчас называют три. Следствие прочло их повнимательнее. Значит, политическая квалификация художественного произведения — дело тонкое, раз одно и то же произведение то оказывается антисоветским, то не оказывается. Я прошу суд повнимательнее разобраться в деле во избежание ошибок.

СУДЬЯ: Но статья ваша далека от литературы. Это не художественная литература. И суд будет ее рассматривать, в частности, ее первую часть.

СИНЯВСКИЙ: Нет, статья — это не художественная литература. В ней проблема взята в философско-психологическом плане. Это постоянно делается в литературных кругах. Я коснулся понятия Цели. Для исследования литературы это обычно — рассматривать сначала общую духовную атмосферу. Поэтому здесь нет злого умысла.

ПРОКУРОР: Синявский, ну скажите же суду, когда вам стало ясно, что ваши произведения используются буржуазной пропагандой?

СИНЯВСКИЙ: Это до конца и до сих пор мне неизвестно.

х) "Если призовут меня к ответу грозные судьи, закут мои ручки и ножки в железные кандалы, — заранее предупреждаю: я от всего отрекусь, как пить дать, отрекусь! Эх! — скажу — граждане судьи! Оплевали вы меня, запутали. Стреляйте, если хотите, но я не виновен".

ПРОКУРОР: Когда вы увидели книгу с предисловием Филиппова.

СИНЯВСКИЙ: В 1965 году, за несколько месяцев до ареста. В обвинительном заключении говорится, что "я знал, но не предотвратил" и т.д. Но до 1965 года, у меня были другие сведения. Обвинительное заключение содержит домысел, основанный на подозрении. "Все зная, не предотвратил" - чистый вымысел следствия. У меня были две книги - "Фантастические повести" и "Любимов". Какие же факты мне известны? Я знал, например, что Фриу, французский коммунист, читал "Суд идет" и не нашел в этой повести ничего антикоммунистического. Между прочим, он упомянут недавно Симоновым в "Правде" как друг нашей поэзии. Далее Замойская говорила мне, что Терца хотят опубликовать в Чехословакии и в Венгрии. Я видел в "Леттр Франсэз" анонс о выходе произведения Терца. Это было для меня знаком, что передовые круги на Западе не расценивали мои вещи как антисоветские. Статью Филиппова я рассматривал как исключение. У меня нет до сих пор ясного представления о реакции на мои произведения на Западе. У меня твердое впечатление, что буржуазная пропаганда выдает желаемое за действительное. Часто эпитет "антисоветское" употребляют на Западе для сенсации. У меня нет доверия к об'ективности следствия - в обвинительное заключение введены материалы о моем протесте и отзывы о моих произведениях, взятые из буржуазной прессы уже после моего ареста /"Тайм" от 19 октября 1965 года, "Вашингтон пост" от 29 ноября/, и эти материалы подаются как об'ективное доказательство моей антисоветской деятельности. На Западе печатались слухи, что я из семьи старообрядцев, что я близкий друг Пастернака и т.п. Мало ли что там могут написать. Должны быть об'ективные критерии реакции на мои произведения за рубежом. 30 ноября 1965 года я попросил следствие дать мне возможность получить через моих французских друзей полные материалы, касавшиеся отзывов о А.Терце. Я предлагал это сделать любым, сколь угодно тактичным путем, например, через друзей-коммунистов. Мне в этом отказали. Тем не менее даже в материалах, тенденциозно подобранных следствием, я нашел иные оценки моего творчества, например, оценки Милоша, Фильда. Почему следствием подбирался материал только в пользу обвинения, почему Филиппову верят больше, чем Фильду? У меня и по сей день нет уверенности, что материал собран пол-

ностью: так, некоторые называют меня лишь "не ортодоксальным советским писателем". Это больше отвечает моему пониманию своего творчества. Я опирался на эти свидетельства, а не на те явно сенсационные антикоммунистические статьи, на которые опирается обвинение.

СУДЬЯ: Только суд может решить, есть ли у вас антисоветские произведения, а отзывы — это только доказательство того, кто и как использует ваши произведения. Вот радиостанция "Свобода" три передачи посвятила "Любимову". Зря они делали это, что ли?

СИНЯВСКИЙ: А публикация в "Леттр Франсез"?

СУДЬЯ: Там просто коммерческое об'явление, а не рекомендация прочесть. Вот есть такой Марк Слоним — швейцарский профессор. В 1964 году он писал о Терце /цитирую/: "Советский Союз — сумасшедший дом для Терца".

СИНЯВСКИЙ: Слоним здесь как раз трактует те вещи, которые мне не вменяются в вину.

СУДЬЯ: Если даже эти вещи трактуются как антисоветские, то тем более те, которые вменяются. ЦОПЭ поставило штамп на книге Терца. Это что ли зря?

СИНЯВСКИЙ: Этот, неизвестно кем поставленный штампик, упоминали здесь уже три раза. Я не говорю, что мои произведения — социалистический реализм. На Фадееве такой штампик не поставишь. Но я думаю, на Зощенко, на "Реквиеме" Ахматовой, на "Одном дне Ивана Денисовича", на Бабея тоже может быть штампик ЦОПЭ.

СУДЬЯ /цитирует отзыв Фильда о трактовке Терцем соцреализма/: А ведь вы считаете его об'ективным.

СИНЯВСКИЙ: О социалистическом реализме более точно говорит Милош. Я ссылаюсь на Фильда, потому что у меня мало материалов. Но я стараюсь не повторять одни и те же цитаты по три раза, как это делает обвинение.

СУДЬЯ: Разве статья о соцреализме не подходит под действие статьи 70 Уголовного кодекса? /цитирует/: "Чтобы больше не было тюрем, мы построили новые тюрьмы, чтобы не пролилась ни одна капля крови, мы убивали, убивали, убивали..." Разве это имеет отношение к литературоведческим исследованиям?

СИНЯВСКИЙ: По поводу этой цитаты я уже отвечал.

СУДЬЯ: Я понимаю /цитирует еще раз, продолжая этот отрывок/. А это разве литературная цитата? Суд должен исходить из ваших про-

изведений. Почему именно эти два произведения переданы за границу? Случайно ли это? Ведь первыми ушли не какие-то там невинные рассказы, а именно "Суд идет" и "Что такое соцреализм". Почему это именно так? Тут не об отзыве Фильда речь.

СИНЯВСКИЙ: Я заговорил о Фильде не по своей инициативе.

СУДЬЯ: Вот вы вели семинар по советской поэзии, наверно упоминали о Маяковском и, значит, о его поэме "В.И. Ленин". Говорили студентам об образе Ленина у Маяковского. А он у вас воеет на луну. Да за одно это вас враги нашей родины об'явят кем угодно. И именно эти две вещи идут на Западе большими тиражами. Вы, советский литератор, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник! Вы понимаете, что это такое? Вот Даниэль, — он воевал, был ранен, а для вас война прошла вполне благополучно.

СИНЯВСКИЙ: Я для этого ничего не делал.

СУДЬЯ: А я и не говорю, что делали. Так счастливо сложилась судьба. Но народ воевал, переносил страдания, варил сталь, а вы пишете такое об этом народе. Суд интересуется, понимаете ли вы, что, отправляя за границу свои произведения, вы причинили вред советскому государству и своему народу?

СИНЯВСКИЙ: Я могу еще раз сказать о своем отношении к русскому народу.

СУДЬЯ: Нам надо оценить и ваши поступки и ваше отношение к ним. Вот цитата о пьяницах. Это вы написали в 1964 году, опубликовали в 1965 году. Вы понимали, когда это делали, что это клевета на советский народ?

СИНЯВСКИЙ: Это не клевета.

ПРОКУРОР: Когда вам стало впервые известно, что ваши произведения используются за рубежом в антисоветских целях?

СИНЯВСКИЙ: Статья Филиппова стала мне известна в 1965 году.

ПРОКУРОР: В журнале "Иностранная литература" № 1 за 1962 год напечатана статья Рюрикова, в которой он, в частности, говорит об антисоветских писаниях Абрама Терца /цитирует/, и уже после этой статьи появился "Любимов". Значит, вы знали, как вас оценивают! И тем не менее продолжали свои действия.

СИНЯВСКИЙ: Статью Рюрикова я прочел во время следствия.

ПРОКУРОР: Вы хотите уверить суд, что не читали статью Рюрикова?

СИНЯВСКИЙ: Видите ли, я не очень внимательно слежу за журналами.

/Смех в зале/

ПРОКУРОР: Как же вы могли совмещать два направления? В советской печати публиковать статьи, написанные с позиций социалистического реализма, поучать советских писателей, в частности Софронова, Берггольц, - а на Западе публиковать совершенно противоположные произведения под именем А.Терц.

СИНЯВСКИЙ: Я не считаю свои произведения "антисоветскими". Что касается Софронова, то о нем я писал и здесь и там. Мое отношение к нему наиболее полно выражено в повести "Любимов".

ПРОКУРОР: Напомню ваши статьи. В "Новом мире" № 2 за 1962 год: Вы упрекали одного нашего поэта, что он недостаточно ярко изобразил нашу действительность. Зато вы в своих вещах изобразили ее ярко!

СИНЯВСКИЙ: В своих статьях я выражал не только свои взгляды, но и взгляды тех редакций, которые мне статьи заказывали.

/Смех в зале/

Только последние 2-3 года я получил возможность более полно выражать свои личные взгляды. Однако, как критик, я не пожинал здесь лавры, подвергался нападкам, и принималось достаточно мер, чтобы я не написал того, чего хочу.

ПРОКУРОР: В "Новом мире" вы писали о Софронове и критиковали его. Как это совместить с вашими антисоветскими произведениями?

СИНЯВСКИЙ: Я не расцениваю свои произведения, опубликованные за границей, как антисоветские. И не вижу принципиальной разницы.

ПРОКУРОР: В "Новом мире" № 12 за 1964 год вы писали о советском писателе Шевцове, упрекали его за то, что он - очернитель.

/Смех в зале/

Как это совместить с очернительской антисоветской идеей повести "Суд идет"? Какая связь между тем, что вы писали в одном месте и в другом?

СИНЯВСКИЙ: Это не идея моей повести и связи тут нет.

СУДЬЯ: В повести "Суд идет" вы пишете, что в 1956 году оказались на Колыме. Разве это не очернительство?

СИНЯВСКИЙ: Я уже об'яснил, что это не очернительство. "Суд идет" - об эпохе культа Сталина.

СУДЬЯ: И эпилог к этой повести - не очернительство?

СИНЯВСКИЙ: Нет.

ПРОКУРОР: Как Абрам Терц вы глумились над именем Ленина, а в "Новом мире" № 5 за 1960 год в статье об Ольге Берггольц вы иначе писали о Ленине. Как это совместить?

СИНЯВСКИЙ: Фразы в "Любимове" не выражают моего отношения к Ленину, я могу сказать о моем отношении к Ленину.

СУДЬЯ: Вы уже сказали об этом в своих произведениях.

ПРОКУРОР: Синявский, оцените ваше поведение. Как вы, научный сотрудник, вставший на ноги в нашей стране, учившийся в нашей школе, расцениваете факт посылки за рубеж антисоветских произведений?

СИНЯВСКИЙ: Я не согласен с такой оценкой моих вещей, поэтому не могу отвечать.

ВАСИЛЬЕВ: Для кого предназначается черновик "Точка отсчета"?

СИНЯВСКИЙ: Это черновик статьи, которая не получилась. Она писалась просто так, для себя.

ВАСИЛЬЕВ: Вы бывали в Ленинской библиотеке?

СИНЯВСКИЙ: Да.

ВАСИЛЬЕВ: Сколько у вас было архивов? Один или два? Один — для произведений, предназначенных для советской печати, а другой — для рукописей для заграницы?

СИНЯВСКИЙ: Это завуалированное издевательство и я не буду отвечать на этот вопрос.

СУДЬЯ: Здесь нет издевательства. Вас спрашивают, где вы хранили рукописи, предназначенные для советской печати, и где — для зарубежной?

СИНЯВСКИЙ: У меня нет специальных ящиков для тех и других рукописей.

СУДЬЯ: Вы хранили рукописи у Докукиной. Значит, было два хранилища?

СИНЯВСКИЙ: О Докукиной я уже отвечал.

ВАСИЛЬЕВ: Откуда взята фамилия Аржак?

СИНЯВСКИЙ: Не знаю.

ВАСИЛЬЕВ: На следствии вы показали, что эта фамилия взята из песни.

СИНЯВСКИЙ: Прочтите мои показания.

СУДЬЯ /читает/: "Если не ошибаюсь, это из песни..."

СИНЯВСКИЙ: Не знаю.

ВАСИЛЬЕВ: Какие вещи получили вы от Замойской?

СИНЯВСКИЙ: Я получал подарки от французских друзей и сам делал им подарки. Я не рассматриваю это как что-то подозрительное.

ВАСИЛЬЕВ: На следствии вы показали, что получили две куртки, два свитера, нейлоновую рубашку и еще что-то.

СИНЯВСКИЙ: Это так. Прочтите протокол дальше — там сказано, что я им дарил.

ВАСИЛЬЕВ: Мне важно, что вы получили.

СИНЯВСКИЙ: Вы... хотите сказать, что за эти ошмотки я продал Родину?

СУДЬЯ читает протокол допроса.

СИНЯВСКИЙ: Я прошу прочесть о тех подарках, которые я делал Замойской и другим.

ВАСИЛЬЕВ: Вы говорили, что видели две своих книги. А Замойская назвала вас миллионером. Это что же, за две книги столько денег?

СИНЯВСКИЙ: Я знал, что я публикуюсь.

ВАСИЛЬЕВ /Даниэлю/: Вам приходило в голову написать своим издателям, чтобы они перестали вас печатать?

ДАНИЭЛЬ: Я уже давал об'яснения на этот счет. Единственный путь был - разоблачить свое имя. Я это уже об'яснял.

ВАСИЛЬЕВ: Но вы думали об этом?

ДАНИЭЛЬ: Я думал об этом, но им не писал.

ВАСИЛЬЕВ: Почему же вы не послали письмо?

ДАНИЭЛЬ: Я не знал, как это сделать. Да я и не пишу писем впрок в ожидании ареста.

СУДЬЯ: Ведь чем дальше, тем лучше шло дело. Происходила цепная реакция. Сперва маленькая книжка, потом - роскошное издание. Зачем тут было писать письмо?

ДАНИЭЛЬ: Я уже говорил, что письмо не остановило бы зарубежных издателей. Теперь по поводу того, что факт опубликования за рубежом свидетельствует против меня. Вот я видел сборник "Ассонирующие голоса", вышедший в Лондоне. Там я напечатан вместе с Грином, Шкловским, Чаковским и др. Я также виноват в том, что меня напечатали, как Зощенко, Бабель и все остальные.

СУДЬЯ: Здесь есть разница. Все остальное было напечатано у нас.

ДАНИЭЛЬ: Разница только та, что я напечатан под псевдонимом.

СУДЬЯ: Да нет! Все остальное было опубликовано у нас. А Аржак нет. Остальные - честные писатели, они ничего не посылали за границу. Это же разница.

ДАНИЭЛЬ: Это только подтверждает мою мысль, что сам факт опубликования в буржуазном издательстве не есть свидетельство антисоветской направленности произведений. Книгоиздатели толкуют произведения, как им угодно.

ВАСИЛЬЕВ: Вы знаете о суде советского писателя Кузнецова с его французскими издателями?

ДАНИЭЛЬ: Нет, не знаю.

/Перерыв на 15 минут/

КОГАН /адвокат Синявского/: Синяевский, три ваших произведения следствие рассматривает как антисоветские, а три остальные — нет. Каково ваше субъективное отношение к вашим произведениям? Вы выделяли из своих произведений какие-либо? И какие намерения у вас были, когда вы послали свои произведения за границу?

СИНЯВСКИЙ: Намерения были одинаковые при посылке всех моих вещей — опубликовать их. Я не преследовал политических целей. Я руководствовался только своими литературными интересами и творческими потребностями. Я не вижу принципиальной разницы между своими произведениями в политическом плане.

КОГАН: Статья "Что такое соцреализм" не была издана за границей на русском языке. Однако это наиболее острая политическая вещь. Но эмигрантские издательства ее не подхватили. Чем вы это объясняете?

СИНЯВСКИЙ: Я не знаю, почему одно печатали здесь, а другое там. Почему это я не знаю. Замойская говорила, что одно эмигрантское издательство предлагало ей напечатать статью, но она отказалась. Я еще в самом начале просил Замойскую не направлять мои вещи в реакционные издательства — мне это было бы неприятно.

КОГАН: Каково ваше отношение к тезису обвинительного заключения, что в повести "Любимов" вы прибегли к мистическому прикрытию своих антисоветских взглядов?

СИНЯВСКИЙ: Я с этим тезисом не согласен. У меня это фантастика. Под "мистическим прикрытием" они, очевидно, понимают мой интерес к чудесному, фантастическому.

КОГАН: Вы отправили статью "Что такое соцреализм" в 1956 году. В 1958 году вы специально дослали еще одну страницу? Очевидно, вы считали эту страницу важной. Почему вы ее дослали?

СИНЯВСКИЙ: Мне хотелось выразить свое собственное литературное credo.

КОГАН: Это просто одна страница или это именно концовка статьи?

СИНЯВСКИЙ: Да, это концовка.

КОГАН: Каково содержание этой страницы?

СИНЯВСКИЙ: Мне, как писателю, близок фантастический реализм с его гиперболой, гротеском. Я называю имена Гоголя, Шагала, Маяковского, Гофмана, некоторые произведения которых я условно отношу к фантастическому реализму.

СУДЬЯ оглашает эту страницу.х)

КОГАН: Это ваша художественная программа?

СИНЯВСКИЙ: Да, это моя программа.

КОГАН: Как вы считаете, было бы правильнее назвать "мистическое прикрытие"?

СИНЯВСКИЙ: Это не прикрытие, а особенность моего мироощущения. Что касается "Любимова", то трудно определить его точное логическое значение в юридическом порядке, ибо художественный образ всегда многозначен. Даже мне, автору, трудно сказать, что это значит. Я считаю невозможным юридическое разбирательство художественного текста. Потому что невозможно определить юридически однозначно значение художественного произведения. И все-таки мне, как автору, легче разобраться в логическом значении моих собственных произведений. Произведения Терца очень сложны и многослойны, и даже мне было бы трудно их исследовать. В своем последнем слове я хочу коснуться собственно литературной стороны вопроса, оставляя адвокату юридическую сторону дела. Суд интересуется политическая сторона. Но я хочу объяснить литературный аспект, защищая, именно литературный текст.

СОКОЛОВ: Вы говорили с Даниэлем о том, чтобы раскаяться?

СИНЯВСКИЙ: Это не точно. Я не считал свои вещи антисоветскими, поэтому мне не в чем каяться. Но была такая мысль, что в одном лице жить лучше, чем в двух. Хотя я и не считаю эти два лица взаимно исключаящими.

СОКОЛОВ: Были ли у вас с Даниэлем разговоры об этом?

СИНЯВСКИЙ: Такой разговор был до ареста, но это был случайный разговор и я ему не придавал значения.

СОКОЛОВ: У вас не было с Даниэлем разговора о том, чтобы отрицать свое авторство?

х) "Ныне же я возлагаю надежды на искусство афантазмагорическое, основанное на гипотезах, а не на цели, искусство, в котором гротеск заменит реалистическое описание повседневной жизни. Такое искусство более всего соответствует духу нашей эпохи. Пусть же необычные образы Гофмана, Достоевского, Гойи, Шагала и Маяковского /наибольшего социалистического реалиста из всех/ так же, как подобные образы многих других реалистов и нереалистов, нас научат тому, как можно быть истинным при помощи абсурда и фантазии.

СИНЯВСКИЙ: Нет: был разговор о том, что не надо предавать огласке наши имена.

Вечернее заседание 11 февраля 1966 года

Допрос свидетеля Ремезова^{х)}

ПРОКУРОР: Вы печатались за границей? Какие произведения печатали за границей и под каким именем?

РЕМЕЗОВ называет свои произведения, напечатанные за границей под псевдонимом Иванов: "Есть ли жизнь на Марсе" и другие.

ПРОКУРОР: Как вы передавали свои произведения?

РЕМЕЗОВ: Через Синявского.

ПРОКУРОР: Синявский был знаком с содержанием ваших произведений?

РЕМЕЗОВ: Я читал ему одну вещь - "Есть ли жизнь на Марсе".

ПРОКУРОР: Почему вы решили публиковать свои произведения за границей?

РЕМЕЗОВ: Я решил это еще до 1953-го года, но я не видел возможности публиковать свои произведения за границей. Я знал, что я не могу опубликовать их в советской прессе, так как явления, о которых я писал и которые потом были признаны - сами явления - были признаны антисоветскими, в то время считались советскими. Поэтому мои произведения квалифицировались как бы антисоветские произведения. Я понимал уже тогда, что в нашей литературе царит заведомая ложь, и до 1953-го года - при Сталине, и немного погодя - при Хрущеве - то же самое. Невозможность выступить против этого привела меня вновь к этой мысли - напечатать произведения за границей. Когда совершаются ошибки и преступления, а нет возможности открыто выступить против и надо только восхищаться, тогда приходится выступать за рубежом.

/Дальше Ремезов говорит о том, что еще в студенческие годы он чувствовал, что вокруг царит ложь, неискренность, что настоящая художественная литература подвергается резкой кри-

х) Ремезов Андрей - кандидат филологических наук, научный сотрудник Библиотеки иностранной литературы.

тике и, по сути дела, уничтожению. Он видел, что не только он это понимает, но и остальные студенты вокруг него были настроены так же, как он, но никто не решался выступить и сказать об этом открыто. Еще в студенческие годы их, студентов-гуманитариев, толкали на путь лицемерия, на путь двойственной жизни, когда одно говорилось во всеуслышание, а о другом не полагалось говорить никому, разве что близким друзьям. Это и толкнуло его напечатать произведения за границей/.

ПРОКУРОР: Почему вы обратились с такой просьбой к Синявскому?

РЕМЕЗОВ: Я знал, что он опубликовал статью за границей, и так как я собирался сделать то же самое, я попросил его помочь мне.

ПРОКУРОР: Вы знали каким путем он передает свои произведения?

РЕМЕЗОВ: Нет, я только предполагал, что у него есть какие-то знакомые, но я не знал.

ПРОКУРОР: Знакомил ли он вас со своими произведениями?

РЕМЕЗОВ: Что-то я читал: "Фантастические повести", "Любимов", статью.

ПРОКУРОР: Как вы их оцениваете?

СУДЬЯ: Суд это не интересуется.

ПРОКУРОР спрашивает у Синявского, почему расходятся показания Ремезова и Синявского относительно передачи.

СИНЯВСКИЙ говорит, что он не передавал произведений Ремезова и настаивает на своих показаниях.

ПРОКУРОР спрашивает у Синявского, нет ли у Ремезова причины его оговорить.

СИНЯВСКИЙ говорит, что он не знает. Ему кажется, что таких причин у Ремезова не было, во всяком случае, до его ареста.

ПРОКУРОР спрашивает Ремезова о взглядах Синявского.

РЕМЕЗОВ: Я могу только предполагать. Я не знаю его взглядов. Я в своих показаниях на предварительном следствии привел эпизод с арестом отца Синявского, когда Синявский сказал, что ему непонятно, почему арестовали отца, а было бы понятнее, если бы арестовали его. Я привел этот эпизод в своих показаниях только в связи с тем, что освещал эволюцию своих собственных взглядов. Это соответствовало тому, что я сам думал, и я мог только предполагать, что Синявский думал так же.

ПРОКУРОР читает показания Ремезова, данные на предварительном следствии, и спрашивает, подтверждает ли их Ремезов.

РЕМЕЗОВ: Я об'яснял, что вся система преподавания на гуманитарных факультетах вела к тому, что мы должны были заучивать неправду, чтобы нас не выгнали. Мы прибегали, я имею в виду сейчас себя, к мимикрии, мы вступали в сделки с совестью.

ПРОКУРОР: А после 1956 года вы возвращались к таким разговорам?

РЕМЕЗОВ: Не помню, может и возвращались. Поколение отцов старалось оправдать все, а мы относились ко всему критически.

КОГАН: Почему вы не рассказываете суду, что ваши произведения публиковал ваш знакомый издатель Гуссено? Как вы установили с ним связь?

РЕМЕЗОВ: Я установил с ним связь, когда был во Франции в 1958-м году. Я с ним договорился, что если мне удастся передать какие-либо мои произведения, он их напечатает.

КОГАН: Когда же были переданы рукописи?

РЕМЕЗОВ: Первая - "Есть ли жизнь на Марсе" в 1958-59 г.г. написана, остальные в 1963-м году.

КОГАН: Это верные показания?

РЕМЕЗОВ: Да.

КОГАН: Как отнесся Гуссено к вашему предложению?

РЕМЕЗОВ: Он согласился.

КОГАН: При каких обстоятельствах и когда вы с ним познакомились и договорились?

РЕМЕЗОВ: В 1960 году. Или в 1961-м году.

КОГАН: Как же вы направили ему рукописи в 1959-м году?

РЕМЕЗОВ: Первую рукопись я просто передал Синявскому.

КОГАН: Вы говорили на предварительном следствии, что все четыре рукописи вы направили Гуссено. Это же вы повторили только что в судебном заседании. Были ли вы знакомы с Замойской?

РЕМЕЗОВ: Я видел ее у Синявского.

КОГАН: Не оговариваете ли вы Синявского?

РЕМЕЗОВ: Нет.

КОГАН: В связи с чем и когда вы были вызваны в КГБ?

РЕМЕЗОВ: Я был вызван в качестве свидетеля по делу Синявского, 6 декабря 1965 года.

КОГАН: Вам было известно, что Синявский дал о вас показания?

РЕМЕЗОВ: Нет.

КОГАН: Когда вы давали показания, что вы - Иванов?

РЕМЕЗОВ: 9 декабря.

КОГАН: Знали ли вы в это время показания Синявского?

РЕМЕЗОВ: Мне показали четыре строчки, где говорилось, что я был в курсе его дел.

КОГАН: Каково было ваше эмоциональное отношение к Синявскому после вызова вас в КГБ? Как вы оценивали его поведение? Не натолкнули ли вас его показания на мысль свалить на него вину?

РЕМЕЗОВ: Нет.

СУДЬЯ: Вы передали рукопись через Синявского?

РЕМЕЗОВ: Да.

СУДЬЯ: Это правда?

РЕМЕЗОВ: Да.

КОГАН: Реальных фактов о взглядах Синявского у вас нет?

РЕМЕЗОВ: Нет.

СУДЬЯ: Вы знали о тех произведениях, которые Синявский печатает здесь у нас, в нашей прессе, и вы знали его произведения, которые публикуются за рубежом?

РЕМЕЗОВ: Да.

СУДЬЯ читает показания Ремезова, данные на предварительном следствии: "Постепенно я привыкал к двойной жизни. Я понимал, что я кандидат в тюрьму. То же происходило не только со мной, а, вероятно, и с Синявским".

СУДЬЯ: Такой вывод вы сделали, зная об истинной жизни Синявского, не так ли?

РЕМЕЗОВ: Я могу только предполагать о Синявском по параллели со мной.

СИНЯВСКИЙ просит свидетеля подробнее осветить характер отношений Ремезова с Замойской. Как часто он ее видел? Разговаривал ли с ней сам по себе?

РЕМЕЗОВ: Да. Видел ее на квартире у Синявского. Вел с ней разговоры, но разговоры нейтральные.

ДАНИЭЛЬ задает Ремезову вопрос: Не может ли Ремезов спутать, может быть, он передал рукопись на квартире Синявского, но не через Синявского?

РЕМЕЗОВ: Нет. Самому Синявскому.

/В зале возглас: "Бойтся за себя! Свидетель с петлей на шее!/"

СУДЬЯ: Допрос окончен.

Допрос свидетельницы Докукиной^{х)}

ПРОКУРОР: Как вы знаете Синявского?

ДОКУКИНА: С 1946 года.

ПРОКУРОР: Какие у вас взаимоотношения?

ДОКУКИНА: Хорошие.

ПРОКУРОР: Синявский никогда не обращался к вам с просьбой о хранении рукописей.

ДОКУКИНА. Это неточная формулировка. Он однажды принес некоторые бумаги и просил, чтобы они остались у меня.

ПРОКУРОР: Когда это было?

ДОКУКИНА: Я не помню точно, когда, так как не придавала этому значения. Лет пять назад.

ПРОКУРОР: О чем он вас просил, оставляя рукописи?

ДОКУКИНА: Ни о чем не просил. Просил, чтобы остались у меня.

СУДЬЯ: Вы знаете, почему он обратился к вам с такой просьбой? Вам не показалось странным это: что человек имеющий квартиру в Москве, в центре города, вдруг просит вас хранить у себя его рукописи?

ДОКУКИНА: Нет, не показалось странным. Я считала, что это его личные бумаги, которые он не хочет, чтобы видел кто-нибудь, чтобы домашние видели.

СУДЬЯ: Вы никогда не интересовались, что там такое в этих бумагах?

ДОКУКИНА: Нет. Он иногда что-то менял, забирал, приносил, но я не придавала этому значения.

СУДЬЯ: Как эти бумаги оказались на даче у вашей подруги?

ДОКУКИНА: После ареста Синявского я отвезла их на дачу, где жила, и сожгла их. Мною руководил, ну, наверное, инстинкт самосохранения.

СУДЬЯ: Ну, зачем вы это сделали. Может быть, там было что-нибудь весьма патриотическое, что могло помочь Синявскому.

ДОКУКИНА: Я потом об этом пожалела. Это было импульсивное действие.

СУДЬЯ: Но вы прочли их перед тем, как сжечь?

ДОКУКИНА: Нет. Я посмотрела, могу сказать, что там было. Мне показалось, что там то ли конспекты произведений советской лите-

х) Докукина Елена - соученица Синявского по университету, ныне со-трудница научно-исследовательского института.

ратуры, ну, вот, я увидела, что там о социалистическом реализме написано, какие-то личные записи. Это были личные записи, и я не могла их посмотреть.

СУДЬЯ: Неужели так и не прочли? Хоть один абзац?

ДОКУКИНА: Ну один абзац, может быть, я и прочла.

СУДЬЯ: Очевидно, что вы прочли и дальше. Вы же культурный человек, и не может быть, чтобы вы, прочтя один абзац, не заинтересовались, что же дальше.

ДОКУКИНА: Ну я уже сказала, что немного там прочла, просмотрела.

ПРОКУРОР: А что там еще было, кроме статьи?

ДОКУКИНА: Я... Если бы даже было доказано, какие там были бумаги, я не могу этого подтвердить, не могу это утверждать, потому что они были без имени автора. Я прочла один рассказ из тех, которые там были, рассказ "Пхенц".

КОГАН: Охарактеризуйте взгляды Синявского как человека.

ДОКУКИНА: Я знаю его 20 лет. За это время ни разу не столкнулась ни с чем отрицательным в его характере. Он добрый, умный, работоспособный, целеустремленный. Его взгляды на литературу, насколько я их знаю... Он никогда не высказывал ни контрреволюционных, ни просто резких взглядов. Все, что он говорил, было нормальной реакцией обычного человека нашего круга. О религиозных взглядах Синявского я не берусь судить. На предварительном следствии в ответ на вопрос, который мне был задан, я сказала и могу повторить это сейчас: я полагаю, что возможно, Синявский верит в Бога, но в некотором философском смысле.

ВАСИЛЬЕВ: Когда вы прочли рассказ "Пхенц", он вам понравился?

ДОКУКИНА: Нет, не понравился. Я не считаю, что всем должно нравиться одно и то же.

ВАСИЛЬЕВ: Вот вы вытащили один только рассказ "Пхенц" и только его прочли?

ДОКУКИНА: Да.

СУДЬЯ: Допрос окончен.

Допрос свидетеля Гарбузенко.

ПРОКУРОР: Вам знаком Даниэль?

ГАРБУЗЕНКО: Да.

ПРОКУРОР: Какие у вас отношения?

ГАРБУЗЕНКО: Я знаю его по совместной учебе в университете. Отношения у нас были дружеские.

ПРОКУРОР: Известен ли вам Синявский?

ГАРБУЗЕНКО: Ну, с ним я знаком, но меньше.

ПРОКУРОР: Какие между ними отношения, между Синявским и Даниэлем?

ГАРБУЗЕНКО: Дружеские отношения.

ПРОКУРОР: Знаете ли вы о произведениях, которые Даниэль переправил за рубеж?

ГАРБУЗЕНКО: Да, знаю.

ПРОКУРОР: Когда и где вы с ними познакомились?

ГАРБУЗЕНКО: На квартире у Даниэля. Не помню точно, когда. Вначале я не знал, что они печатаются за границей, потом он мне сказал, что одно из произведений будет опубликовано за рубежом.

ПРОКУРОР: Как вы относились к этому?

ГАРБУЗЕНКО: К факту публикации отрицательно, и я ему об этом сказал.

ПРОКУРОР: А книги изданные видели?

ГАРБУЗЕНКО: Да, видел "Говорит Москва" в 1964 году.

ПРОКУРОР: Вы говорили на следствии, что не одобрили идею "Говорит Москва".

ГАРБУЗЕНКО: Пока я не знал о публикации этого произведения за рубежом, мы с Даниэлем говорили только о художественной стороне этого произведения.

СУДЬЯ /читает протокол предварительного следствия/: "Когда я читал машинописный вариант, я не одобрил идею, но речь шла больше о художественной стороне. Я считал, что это проба пера. Я рекомендовал ему писать для нашей печати".

ГАРБУЗЕНКО: Я не высказывал ему осуждения этой идеи, я только осудил про себя. Мне она не понравилась, но ему я про это не сказал.

СУДЬЯ: Как вы относитесь, как член партии, к этой идее?

ГАРБУЗЕНКО: Меня эта идея испугала. Но эта идея фантастическая.

СУДЬЯ: Автор клеветает на Верховный Совет. Это, по-вашему, безобидная фантастика?

ГАРБУЗЕНКО: Но ведь убийств не было. Там же никого не убили.

/В зале смех/

СУДЬЯ: Вы считаете закономерным для советского автора выступать с произведением, где основная идея - указ Верховного Совета об открытых убийствах? Вы - член партии. Вам не кажется это кощунственным?

ГАРБУЗЕНКО: Хотя там есть даты, я мысленно соотнес это к более ранним временам.

ПРОКУРОР /читает показания/: "Идея воспринималась мной, как описание безропотности народа и отсутствия единства между народом и руководящими органами". Вы - член партии, завуч учебного заведения, воспитываете молодежь. Как вы это оцениваете?

ГАРБУЗЕНКО повторяет по сути дела, то, что было сказано раньше, что он "идею осудил, но осудил ее про себя", что "никого не убили" и т.п.

КИСЕНИШСКИЙ: Сколько лет вы знаете Даниэля?

ГАРБУЗЕНКО: С 1946 года.

КИСЕНИШСКИЙ: Часто вы с ним встречались?

ГАРБУЗЕНКО: Раньше встречались часто, теперь реже.

КИСЕНИШСКИЙ: Какие у вас были разговоры?

ГАРБУЗЕНКО: О литературе, о работе, об общих знакомых.

КИСЕНИШСКИЙ: А на политические темы у вас были разговоры? /Читает показания Гарбузенко/: "У меня сложилось впечатление, что Даниэль беспартийный человек... В отношении "Человек из МИНАПа", я не задумывался о содержании этого произведения".

СУДЬЯ /в ответ на это, читает предисловие Б.Филиппова к рассказу "Руки"/: Вот перед вами все, что нужно: где, когда, как опубликовано, как оценено Филипповым. Какое у вас впечатление? У вас, у члена партии?

ГАРБУЗЕНКО: Этого предисловия я не читал.

СУДЬЯ: Удивительно! Предыдущая свидетельница говорит, что не читала статью. Вы - что не читали предисловия. Ну, все. Допрос окончен.

Допрос свидетеля Хазанова

ПРОКУРОР: Как вы знаете Даниэля? Какие у вас с ним отношения?

ХАЗАНОВ: Я знаю его с конца 1957 года. Это мой друг и соавтор. В последнее время мы виделись реже, но отношения у нас не испортились.

ПРОКУРОР: Что вам известно о творчестве Даниэля для заграницы?

ХАЗАНОВ: Теперь мне известно многое, а до сентября знал очень мало. У нас был разговор об опубликовании произведений критического характера за границей.

ПРОКУРОР: Что за произведения критического характера?

ХАЗАНОВ: Ну, произведения, критикующие отдельные явления, отдельные периоды жизни страны. Разговор этот был у нас с Даниэлем в связи с Пастернаком. И мы высказали, в общем, разные мнения. Даниэль считал, что произведения такого критического характера, как я говорил, полезно публиковать и у нас и за границей, ну, где удастся. А я считаю, что наши проблемы надо решать у нас. Конечно, их могут перепечатать за границей, но задача — публиковать здесь такие произведения. Потом он мне сказал, что то ли будет что-то опубликовано, то ли опубликовано, какие-то его произведения, за границей, но я в это не поверил. Я вспоминаю, что из всех произведений о которых идет речь, он мне ничего не читал и не показывал. Я знаю его повесть "Бегство", рассказ о коже, мне кажется знакомым отрывок об официанте из повести "Говорит Москва", но сами эти произведения я не знаю.

ПРОКУРОР: Был ли разговор о передаче произведений Даниэля по радио?

ХАЗАНОВ: Нет, такого разговора не было.

ПРОКУРОР читает показания Хазанова, в которых говорится, что Елена Михайловна Закс знала о передаче произведений Даниэля по радио, и вот от нее узнал Хазанов.

ХАЗАНОВ: Я вспоминаю, что вопрос на следствии был поставлен так: не слышал ли я от Даниэля каких-либо доказательств, что он автор. Я сказал, что не помню такого. Меня спросили, не мог ли я слышать об этом в доме Закс. Я сказал, что могло такое быть. В этом случае речь шла о доказательствах того, чему я не верил. Я не верил, что Даниэль является автором этих произведений.

ПРОКУРОР: Когда это было?

ХАЗАНОВ: Я совершенно не помню.

ПРОКУРОР: Могло это быть в 1962 году?

ХАЗАНОВ: Не помню, может быть позже.

СУДЬЯ /зачитывает целиком показания Хазанова/: Подтверждаете ли вы эти ваши показания?

ХАЗАНОВ: Я плохо помню. /Что-то подтверждает, что-то отрицает/.

СУДЬЯ: Это ваше собственноручное заявление в КГБ. Подтверждаете ли, что вы такое заявление в КГБ писали?

ХАЗАНОВ говорит что-то невразумительное.

СУДЬЯ /подымает лист бумаги/: Вот это ваше собственноручное заявление в КГБ. Подтверждаете ли вы, что давали такие показания?

/Опять невразумительный ответ/.

СУДЬЯ: Подойдите ко мне и убедитесь, что это ваше собственноручное заявление в КГБ.

ХАЗАНОВ подходит еле живой, к судье.

СУДЬЯ несколько раз повторяет. "Ваше собственноручное заявление в КГБ".

ХАЗАНОВ что-то бормочет.

ДАНИЭЛЬ /Хазанову/: Не можете ли вы сказать, где я впервые сообщил вам о том, что пишу произведения, которые печатаются за границей?

ХАЗАНОВ: Не помню.

ДАНИЭЛЬ /судье/: Можно ли мне напомнить свидетелю, подсказать ему?

СУДЬЯ: Нет, нельзя.

ДАНИЭЛЬ: Ну, я назову обстоятельства. Это были особые обстоятельства. Хазанов должен был бы их запомнить. Я назову эти обстоятельства, Хазанов может быть, подтвердит, так это было или не так. Это было зимой 1962-63 года за городом.

ХАЗАНОВ: Да, на самом деле, я вспоминаю, что это было зимой 1962-63 года за городом.

ДАНИЭЛЬ: Может ли свидетель категорически утверждать, что разговор о передаче по радио он не запомнил, изложил точно?

ХАЗАНОВ: Нет, я помню очень неточно, очень приблизительно.

СУДЬЯ опять читает показания Хазанова.

ХАЗАНОВ не может ни подтвердить их, ни опровергнуть.

ДАНИЭЛЬ: Если суду ясно, что требовать точности от этих показаний нельзя, то у меня вопросов к свидетелю нет. Хазанов - человек нервный, мог в этой обстановке запомнить или пойти по пути, подсказанным следствием. Я задал вопрос лишь для того, чтобы суду стало ясно, что поминание третьего лица - Елены Михайловны Закс - здесь, в этой связи, в этом контексте, не имеет никакого отношения к делу.

В зале возглас: "Молодец! А свидетель - трусишка!"

ВАСИЛЬЕВ /Хазанову/: Вы член Союза писателей?

ХАЗАНОВ: Нет.

СУДЬЯ: Допрос окончен.

Допрос свидетеля Хмельницкого^{х)}

ПРОКУРОР: Как давно вы знаете Даниэля и Синявского? Какие у вас отношения?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Синявского я знаю с 1933 года. Даниэля с 1947 года. Отношения у нас дружеские.

ПРОКУРОР: Были ли у вас разговоры с Даниэлем в связи с передачей "Говорит Москва" по радио?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Никаких разговоров не было.

ПРОКУРОР: Не подсказали ли вы Даниэлю сюжет этого произведения?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Я поделился с Даниэлем парадоксальной идеей, которая у меня возникла, связанной с психологическим анализом.

ПРОКУРОР: Ваша идея... Там было сказано, кем решены убийства?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Я не собирался писать произведения, меня интересовала только идея, замысла, и поэтому я не разрабатывал никакие детали.

СУДЬЯ: А про указ что-нибудь было в вашем замысле? Указ Верховного Совета с разрешением убийств?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Это меня не интересовало.

ПРОКУРОР: А не было у вас с Даниэлем разговоров о воплощении этого замысла, о воплощении этой идеи?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Было два таких разговора. В первый раз я спросил у Даниэля, написал ли он произведение по моей идее. Он мне ответил очень резко, что не написал. Второй раз разговор был связан со следующим обстоятельством. В одном доме я услышал однажды пересказ моей идеи, воплощенной в сюжет "дня открытых убийств". Я воскликнул, что это моя идея, что я передал

х) Хмельницкий Сергей Григорьевич, архитектор. В 1963 году, на защите его диссертации, выступили его бывшие друзья Кабо и Брегель, рассказавшие о том, что в 1949 году они были арестованы и осуждены по его доносу. Вскоре после этого Хмельницкий уехал из Москвы. Появление его на суде было неожиданным для обвиняемых. Синявский усмехнулся, Даниэль подался вперед. Хмельницкий встал на свидетельское место, повернул голову вправо, посмотрел, невидящим взглядом через очки на своих бывших друзей - на Синявского, на Даниэля - повернул голову прямо, поднял подбородок и начал отвечать на вопросы.

ее Даниэлю. Я рассказал об этом Даниэлю и получил заслуженный нагоняй.

СУДЬЯ: Ну, чем же этот нагоняй был заслуженным?

ХМЕЛЬНИЦКИЙ: Конечно, это была подлость — называть имя человека в связи с передачей антисоветских произведений антисоветскими радиостанциями.

СУДЬЯ: Допрос окончен.

Газетные отчеты и после второго дня процесса, не отличались ни оперативностью, ни точностью. Это было особенно заметно, если сравнивать материалы разных газет.

ФАКТЫ ИЗОБЛИЧАЮТ

Судебный процесс по делу Синявского и Даниэля

Второй день Верховный суд РСФСР слушает уголовное дело А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля. Как известно, они обвиняются в том, что сочиняли антисоветские произведения и нелегально пересылали их за границу для публикации под псевдонимами.

На утреннем заседании 11 февраля продолжался допрос Синявского. Суд терпеливо вникает в существо дела, внимательно исследует его детали, чтобы точно определить меру вины подсудимых.

Синявский пытается скрыться в дебрях "литературоведческих" рассуждений. Зачем? Чтобы уклониться от главного — от политической оценки своих произведений, своих действий. Но факты его изобличают.

В статье "Мысли врасплох" Синявский возводит чудовищную клевету на русский народ, называя его нацией воров и пьяниц, не способной создать собственную культуру.

Когда цитаты из "Мысли врасплох" были оглашены, по залу прокатился гул возмущения...

Перед участниками судебного заседания — статьи Синявского, опубликованные в советской печати. Сопоставление их с тем, что написано для буржуазных издательств, изобличает подсудимого как двурушника.

— В каких же произведениях выражена ваша точка зрения — в тех, которые печатались у нас или за рубежом?

Вопрос для подсудимого явно трудный. Он долго мнетя, а потом играя в наивность, говорит:

- Я точно не знаю...

Факты - упрямая вещь. Хочет этого Синявский или нет, но его произведения, изданные за рубежом, ясно характеризуют автора, как человека, глубоко враждебного нашему государственному и общественному строю.

Суд приступил в допросу свидетелей.

Корр. ТАСС, 12 февраля 1966 года.

ИЗОБЛИЧЕНИЕ

Из зала суда.

Давно замечено, что если преступник исчерпал все возможности отрицать сам факт содеянного им, он ищет пути об'яснить это в выгодном для себя свете. Мне вспоминается не один процесс, когда подсудимый, прижимая руки к груди, истово заклинал:

- Виноват, граждане судьи, полностью сознаю свой проступок. Но... пьян был, ничего не помню. А так, разве ж бы я посмел!

Сейчас перед судом /о процессе мы начали рассказ в предыдущем номере/ - люди, которые оперируют литературными терминами, эстетическими категориями, "умными" словами. Но слушаешь ход судебного следствия и понимаешь: те же методы - идти на все, лишь бы вывернуться, лишь бы представить все не так, как было на самом деле.

- Скажите Даниэль, - задает вопрос прокурор, - какие идеи хотели выразить вы в повести "Говорит Москва"?

- Я заинтересовался анализом психологии людей, попавших в необыкновенные обстоятельства. Никаких политических мотивов у меня не было. Чисто психологизм.

- Что же это за необыкновенные обстоятельства?

Содержание повести таково. В стране вводится "День открытых убийств," наподобие "Дня строителя", "Дня учителя" и т.д. В этот день каждый может сводить счеты с каждым. И дальше повествуется о том, как прошел этот день.

Анализировать все эти гнусности нет никакого желания, но прокурору приходится это делать. Как Даниэль об'яснит такую чудовищную клевету на советское общество?

- Видите ли, мне хотелось нарисовать фантастическую ситуацию. Поставив героя в необычные условия. Это так сказать фантазия.

- Но почему бы вам тогда не избрать местом действия, скажем древний Вавилон? Почему вы допускаете фантастические гнусности по отношению к своему народу?

- Это художественный прием, - твердит Даниэль уже в который раз и пытается свести диалог к проблемам теории литературного творчества.

На суде, однако, идет речь не об эстетических особенностях произведений Даниэля, а об его уголовных деяниях. Повесть вышла в издательстве белоэмигранта Б.Филиппова. В предисловии издатель подчеркнул, что "художественный прием", примененный Николаем Аржаком /псевдоним Даниэля/, позволил показать "реальную жизнь" в Советском Союзе. Он, Филиппов, в таких "художественных приемах" отменно разбирается. Гнусности о Вавилонском царстве он вряд ли стал бы печатать. А вот пасквиль на свое бывшее отечество - с превеликим удовольствием.

- Но ведь я же за слова Филиппова не отвечаю, - с гримасой удивления говорит подсудимый. Мало ли что он может сказать?

- Но он мог истолковать вашу повесть в антисоветском смысле. Могут наши враги взять ее на вооружение в борьбе против нашей Родины, нашего строя, нашего народа?

- Да, - вынужден признать Даниэль. И тут же спешит добавить:

- Человек всегда должен оставаться человеком, в любых обстоятельствах, вопреки всяческим влияниям.

Даниэлю, однако, невдомек, что одно из первых качеств человека, который хочет таковым оставаться при любых обстоятельствах, - это забота о чести своей Родины. Тут как-то даже неловко об'яснять или доказывать: разве надо об'яснять, что ударить родную мать - предел падения?

- Я никогда сознательно не хотел нанести урона своей стране, - много раз твердит Даниэль. - Только на следствии я понял, что мои произведения направлены против строя и эпохи.

- А вы показывали кому-нибудь из советских людей ваши рукописи?

- Да, нескольким друзьям.

- А как они к этому отнеслись?

И выясняется такое обстоятельство. Знакомый Даниэля услышал, как белоэмигрантская радиостанция "Свобода" передавала повесть Аржака. Сказал об этом в кругу друзей. Даниэль тут же оборвал его: "Зачем болтаешь?"

- Значит, вы понимали, что псевдоним раскрывать рискованно? Сознали, какова политическая окраска повести?

На этот вопрос вразумительного ответа не последовало.

Другой приятель, познакомившись с рукописью, прямо предостерег автора: это за рубежом печатать нельзя, повесть могут использовать против нас.

- Я как-то не придавал значения его словам, - говорит "легкомысленный" автор пасквиля, который полагал, как он прикидывается теперь, будто сочинил чуть ли не невинные сказочки для воскресного чтения.

Хорошо. Допустим, можно не внять по "наивности" предостережениям. Допустим, что своего разума не хватает. Но вот из-за рубежа приходит экземпляр книги с недвусмысленно антисоветским предисловием г-на Филиппова. Уж тут все точки над "и" поставлены. Книга уже использована против нашей Родины, взята на вооружение идеологическими диверсантами. Думаете, автор в ужасе хватается за голову? Шепчет по ночам: "Что же я, дурак, по неразумению своему натворил?" Ничего подобного! Отправляет за рубеж очередную повесть - "Искушение".

- Но, возможно, я отправил ее чуть раньше.

- А потом забеспокоились? Отозвали новое произведение? Заявили издательству протест?

- Нет.

- Но вы же поняли, что произведение направлено против нашего строя? Честный не заблуждавшийся человек, в конце концов узнав о столь чудовищном извращении его невинных, как вы утверждаете, идей, пришел бы и открыто обо всем рассказал. Ведь вашей Родине причиняется ущерб.

Даниэль путает, петляет, порой паясничает, как самый банальный уголовник.

Во время судебного следствия по необходимости довольно обильно цитируются произведения подсудимого. Приводить здесь эти выдержки просто совесть не позволяет. Нельзя без гнева слушать, как оскверняется имя Маркса - имя, дорогое всему передовому человечеству, всему нашему народу.

Нет, все это далеко не так невинно, как пытается представить Даниэль. Перед судом предстает преступник. Не противник, который открыто, в честной дискуссии отстаивает свои взгляды, а злобный враг. Но кусал исподтишка, тайком пересылая рукописи в явно антисо-

ветские издательства и редакции. Факты свидетельствуют об этом неопровержимо.

Столь же убедительно разбивают факты и позиции Синявского. Он выстроил, как ему кажется, неуязвимую линию обороны. Собственно, она состоит из тех же фактов: не ведал что творил.

- Да, перечисленные произведения, изданные за границей, писал и посылал туда я, - поглаживая большую рыжую бороду, говорит он.

Разбирается клеветническая повесть Синявского "Суд идет". И вновь знакомые, уже набившие оскомину слова, о "праве художника на самовыражение", об условностях, гиперболах и т.д.

- Допустим. Но давайте, подсудимый, обратимся к вашим собственным мыслям, высказанным уже не в художественном произведении, а в литературных, как вы выражаетесь, размышлениях. Вам знакомо произведение "Мысли врасплох"?

- Да, это мое произведение.

- Оно издано за границей?

- Да.

- Позвольте процитировать...

"Пьянство - идея фикс русского народа... - "размышлял" Синявский. - Нация воров и пьяниц не способна создать культуру..."

Как же нужно было низко пасть, чтобы так написать о народе, поражающем и восхищающем мир своими свершениями!

- Что вы скажете на это, подсудимый?

После долгого молчания, Синявский говорит:

"Видите ли, я люблю русский народ... /Председательствующий успокаивает зал/. Меня не упрекнешь в пристрастии к Западу, меня даже славянофилом называли..."

Отпираться от цитат невозможно. А вот антисоветскую сущность своих писаний Синявский отрицает, изворачиваясь как только может. Тут и рассуждения о реализме XIX века, и об особом понимании Синявским социалистического реализма, и о его точке зрения на будущее человечества.

Это когда суд просит дать показания насчет его статьи, опубликованной за рубежом, "Что такое социалистический реализм".

- Подсудимый, а может быть, мы оставим теорию литературы, - замечает председательствующий. - Все-таки у нас не диспут на литературные темы, а уголовный процесс. Вы о советских людях говорите, что это "твари из крови и грязи". Как сочетать это с вашими словами о любви к коммунистическим идеалам?

- По-моему, это не точный перевод, - под смех зала заявляет подсудимый.

- С какой целью вы отправляли на Запад эту чудовищную клевету?

- Я хотел сказать о духовных потребностях народа /смех в зале/.

Они тщатся представить себя оригинально мыслящими личностями, употребляют высокие слова. А суд, срывая словесную мишуру, обнажает их вражескую сущность.

Судебное следствие продолжается. Так и хочется сказать: хватит, ведь ясно, облик двух отщепенцев не вызывает сомнений. Но суд внимательно выслушивает пространные сентенции подсудимых. Они вольны "обосновывать" свои писания, разглагольствовать о непричастности к антисоветской пропаганде, прикидываться непонимающими. Их никто не прерывает.

Но их неотразимо бьют факты.

Ю.Феофанов.

"ИЗВЕСТИЯ", 12.2.1966 года.

СУД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После двух дней суда над Синявским и Даниэлем - людьми, которые писали антисоветские, клеветнические произведения и нелегально отправляли их в буржуазные западные журналы и издательства, - можно сказать, что характер поведения обвиняемых выявился полностью.

События разворачиваются так. Сначала обвиняемые отрицают свою вину. Говоря о своем авторстве, как о бесспорном, само собою разумеющемся факте, они отрицают антисоветскую направленность произведений, пересланных ими за границу. "Допустим, замечает прокурор. - Но как тогда назвать этот отрывок, эту цитату, эти утверждения?" /Следует чтение/.

Обвиняемые - Даниэль и Синявский - отвечают почти стереотипно: "Прежде чем ответить на этот вопрос, мне хотелось бы высказать свои соображения по поводу..." По разным поводам. О жанре фантастики. О теории гиперболы. О своих взглядах на художественное творчество. Обо всем. О чем угодно. Кроме ответа на прямой вопрос.

Суд терпеливо слушает. Долго. Внимательно. Уже всем присутствующим очевидно, что обвиняемые сознательно уходят от поставленного вопроса. Что они хотят бесконечно затянуть время, подобно преслову-

тым ораторам в американском сенате, которые читали телефонный справочник, библию, поваренную книгу - все, что угодно, только бы "потянуть резину", взять слушателей измором.

...Обвиняемые говорят и говорят - они хорошо знают: в советском суде их права гарантированы законом.

Долго-долго никто из членов суда не прерывает обвиняемого. Наконец, воспользовавшись паузой, председательствующий говорит: "Вы заявили, что для того чтобы ответить на прямой вопрос, вам необходимо начать издалека. Вы имели эту возможность. Но может быть, вы ответите, наконец, и более определенно. Вам был зачитан отрывок, весь состоящий из клеветы на советский социалистический строй, оскорбляющий коммунизм, советский народ, все то, что является для нас святым. Суд не занимается литературной дискуссией. Ответьте: признаете ли вы, что написанное вами и широко процитированное в суде, носит откровенно антисоветский характер?"

Пауза. И тихий, монотонный ответ: "Прежде чем ответить на данный вопрос, я хотел бы..." Шум в зале. Председательствующий восстанавливает тишину. Сказка про белого бычка продолжается. Обвиняемый ныряет в дебри схоластических, псевдолитературоведческих "раз'яснений". Но факт остается фактом. И Даниэль, и Синявский писали антисоветчину. "Отрицая" свою вину, никто из них не пытается отрицать свое авторство... - Вы писали это? - Да, писал. - Вы переправляли свои писания нелегально за границу, в органы, известные своей враждебностью к Советскому Союзу? - Да, переправлял. - Согласны ли вы, что вот такие-то и такие-то произведения, отрывки, цитаты, носят откровенно антисоветский характер? - Видите ли, прежде чем ответить на этот вопрос...

Громкий смех в зале.

Очевидно, поняв наконец всю нелепость своего поведения, Синявский /суд допрашивал его вчера/ решил несколько изменить "аргументацию". Почувствовав, что уйти от вопросов суда невозможно и что рано или поздно ему все же придется квалифицировать политическую сторону своих писаний, Синявский делает головокружительный вольт. Он заявляет: "Я не политический писатель".

Создается трагикомическая ситуация. Судья знакомит стороны с откровенными антисоветскими пассажами Синявского. А Синявский?.. Синявский пожимает плечами и отвечает, что он... вообще далек от политики.

Итак, если использовать известное горьковское определение, "механические граждане" Синявский и Даниэль сочиняют антисоветские пасквили; подпольно, пользуясь услугами иностранцев, пересылают их за границу и печатают там. И — утверждают, что ни в чем не виноваты. Антисоветчина? Как можно! "Я не политический писатель" /Синявский/. Клевета на советское правительство? "Ну, кто же всерьез поверит, что оно может об'явить "день открытых убийств!" А раз не поверят, значит, при чем же здесь клевета?" /Даниэль/.

"Но клеветой называется распространение заведомо ложных порочащих измышлений, — замечает председательствующий. — Значит, то что вы написали, клевета?" Пауза. "Нет, отвечает, наконец, Даниэль. — Это художественная гипербола".

К ссылкам на "гиперболизацию" попытался прибегнуть и Синявский. В ходе допроса он стал утверждать, будто в его произведениях антисоветские высказывания принадлежат только действующим лицам. "Это не прямая авторская речь!" — восклицает подсудимый. "Отлично, — возразили ему, — тогда послушайте прямую авторскую речь". И на суде был оглашен отрывок из "Мыслей врасплох", где Синявский называет русский народ народом пьяниц и воров, не способных создать свою культуру. "Вы говорите, что любите русский народ, что на Западе вас называют славянофилом, — бросает реплику судья. — Не хотите ли вы сказать, что переслали этот отрывок антисоветским кругам для того, чтобы подчеркнуть ваше уважение к родному народу?"

И еще одна "прямая авторская" речь Синявского. Отрывок из повести "Любимов". Мало того, что это произведение в карикатурном, уродливом виде рисует советскую жизнь, — автор допускает здесь кощунственные выпады против В.И.Ленина.

— Вы же не можете отрицать, что карикатурное, пасквильное изображение нельзя характеризовать иным словом, чем клевета? — спрашивает прокурор.

Но, по-Синявскому, это не более чем "гротеск, гипербола..."

...Суд продолжается. Но еще до того, как он закончится, хотелось бы поделиться с читателями одним наблюдением.

Замазывание во что бы то ни стало своей вины Синявским и Даниэлем в первые минуты суда наводило на мысль, что двое "механических граждан" решили разыграть своего рода трагиномический фарс, выступить в качестве неких "рыцарей духа", решивших отстаивать свои убеждения. И вот — все сломалось, все пошло насмарку еще до первого перерыва первого судебного заседания.

Почему обвиняемые так быстро превращались то в "глухарей", не понимающих сути обращенных к ним вопросов, то в людей, "далеких от политики" и поглащенных раздумьями о судьбах фантастического жанра, почему? Да потому, что позорное дело антисоветской клеветы, издевательства над целым народом нельзя, невозможно защищать. Можно юлить, отрекаться, мямлить - но защищать невозможно!

Может быть, позорная участь, на которую обрекли себя двое клеветников, заставит призадуматься тех, находящихся в безопасном далеке господ, которые делают ставку на популяризацию антисоветских идей в нашей стране?

Суд продолжается.

Б.Крымов

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА", 1 февраля 1966 г. № 19

ФАКТЫ ОБЛИЧАЮТ

Из зала суда

Второй день Верховный суд РСФСР слушает дело клеветников А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля. Второй день перед советскими людьми, заполнившими зал, проходит омерзительная картина падения двух так называемых литераторов, которые на протяжении многих лет нелегально поставляли зарубежным антисоветским организациям свои произведения, полные чудовищной клеветы на советский народ, на коммунистическую партию, на всю нашу социалистическую действительность.

Подсудимые все еще пытаются рядиться в тогу писателей, говорить о "глубинах" литературных замыслов своих произведений и уходят от пред'являемых им обвинений, от ответов на конкретные вопросы прокурора, членов суда.

Нормы советского уголовно-процессуального кодекса соблюдаются пунктуально. Долго, не перебивая, слушают судьи пространные речи Синявского. Он говорит длинно, путанно и в то же время осторожно, словно помня, что он писал о советской литературе в своей кандидатской диссертации и что затем предал, сочиняя пасквилы для западных издателей.

Когда речь заходит о клеветнической повести "Любимов" и зачитываются целые отрывки, в которых русские люди и все советское изображены чудовищно безобразными, Синявский, жонглируя литературными

терминами, об'ясняет, что это-де, мол, не прямая речь, что там много условностей и т.д.

Хорошо. Но у вас есть произведение "Мысли врасплох" или так называемые лирические размышления. Там прямая речь?

- Да.

- Не условность?

- Нет.

И тогда зачитывается отрывок из этого "произведения", слушать который нельзя без возмущения и негодования.

До какой же подлости и низости надо было дойти, чтобы собственной рукой вывести на бумаге слова: "Пьянство - идея фикс русского народа... Нация воров и пьяниц не способна создать культуру... Как от вора и пьяницы, от нас можно ожидать чего угодно..."

Гневный гул проносится по залу, в котором сидят представители советской общественности.

- Это ваше? - Спрашивает председательствующий Л.Н.Смирнов.

- Да.

- И это вы называете лирическими размышлениями?

Синявский молчит. От его былой самоуверенности не осталось и следа.

- Я хочу вам напомнить, - продолжает председательствующий, - вы находитесь на территории России, судит вас суд Российской Федерации и судит за уголовное преступление - за клевету на советский народ.

Трудно из зала суда сразу передать все, что шаг за шагом раскрывает судебное следствие. Потoki грязи вылили эти два отщепенца в своих произведениях на В.И.Ленина, на марксизм, на М.Горького, на нашу литературу, на весь социалистический строй, на все, чем мы живем и дышим. Они еще пытаются защищаться, но факты неумолимо припирают их к стенке.

Суд продолжается.

И.Котейко.

"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ", 1 февраля 1966 г.

Допрос свидетеля Голомштока. х)

ПРОКУРОР: Как вы знаете Синявского и Даниэля?

ГОЛОМШТОК: У нас хорошие, дружеские отношения.

ПРОКУРОР: Знакомы ли вы с произведениями Синявского?

ГОЛОМШТОК: Да, я знаю его произведения "Суд идет", "Фантастические повести", "Любимов".

ПРОКУРОР: Когда вы с ними познакомились?

ГОЛОМШТОК: После ареста Синявского.

ПРОКУРОР: А Синявский знакомил вас со своими произведениями?

ГОЛОМШТОК: Нет.

ПРОКУРОР: Синявский на предварительном следствии показал, что знакомил.

ГОЛОМШТОК: На очной ставке Синявский сказал, что читал мне отрывки из каких-то своих произведений. Когда я прочел эти произведения, мне не показалось, что я когда-либо слышал эти отрывки. Синявский здесь на суде показал, что возможно, он читал мне отрывки, которые не вошли в произведения. Может быть я их просто не узнал.

ПРОКУРОР: Где вы взяли эти произведения?

ГОЛОМШТОК: Когда был арестован Синявский, и я узнал, за что он арестован, я постарался достать эти произведения и познакомиться с ними. Я достал их у своих знакомых.

ПРОКУРОР: Назовите этих знакомых.

ГОЛОМШТОК: Я отказываюсь назвать их.

ПРОКУРОР: Я бы не хотел, чтобы вы отказывались. Своим отказом вы способствуете распространению антисоветской литературы.

ГОЛОМШТОК: Я не считаю эти произведения антисоветскими.

ПРОКУРОР: Отвечайте на прямо поставленный вопрос.

СУДЬЯ: Вы прочли их в библиотеке?

ГОЛОМШТОК: Нет.

СУДЬЯ: Значит, вы достали их нелегальным путем?

ГОЛОМШТОК: Я взял их у знакомых. Это называется нелегальным путем?
Я не знаю.

х) Голомшток, Игорь Наумович - искусствовед, соавтор Синявского по книге "Пикассо" /М., изд. "Знание" 1960 г./.

СУДЬЯ: Прокурор неправильно назвал эти произведения антисоветскими. Суду еще предстоит установить, являются они антисоветскими или нет. Поэтому вы можете назвать ваших знакомых, у которых вы их взяли.

ГОЛОМШТОК: Я отказываюсь называть этих знакомых, потому что, хотя я не считаю эти произведения антисоветскими, но вот моего друга судят за то, что... Ну, по 70-й статье. Я не хочу вовлекать в это еще кого-то.

ПРОКУРОР /делает заявление/: Свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний, и тем не менее он отказался дать показания на суде. Обвинение ходатайствует о вынесении частного определения по отношению к свидетелю Голомштоку о привлечении его к ответственности.

СУДЬЯ спрашивает у сторон, какие будут мнения по поводу ходатайства прокурора.

СИНЯВСКИЙ: Голомшток отказывается дать показания не по поводу того, что разбирается в суде. На все вопросы, связанные с делом Синявского, по которому он вызван, он дал исчерпывающие ответы, а вопрос о том, где он взял произведения после моего ареста, не является вопросом по делу. Поэтому я считаю неправильным ходатайство о привлечении к ответственности.

ДАНИЭЛЬ присоединяется к словам Синявского и говорит, что это было бы, мягко говоря, неправильно.

ГОЛОМШТОК: Я хотел бы раз'яснить, почему я отказываюсь дать показания.

СУДЬЯ: Раз'яснения не входят в задачи свидетеля.

КОГАН: Вы были соавтором Синявского?

ГОЛОМШТОК: Да.

КОГАН: Не обсуждали ли вы вопроса о положении художника в буржуазном государстве, о положении человека в буржуазном государстве?

ГОЛОМШТОК: Да. Такие разговоры у нас были.

КОГАН: Каковы взгляды Синявского по этим вопросам?

ГОЛОМШТОК: Я не могу текстуально повторить того, что говорил Синявский, но позиция его такова: Синявский хорошо знает западную культуру и всегда достаточно критически к ней относился, даже с моей точки зрения, а я специалист по западному искусству. Синявский считал абстракционизм признаком духовного опустошения. Он скорее славянофил по своим взглядам.

СУДЬЯ: А как же вот в "Мыслях врасплох" он пишет о русском народе, что русский народ — это народ пьяниц?

ГОЛОМШТОК: Это слова противоречат всему, что я знаю о Синявском. Видимо он вкладывал в эти слова другой смысл.

СУДЬЯ: Ну, что же, поговорим о смысле. /Читает высказывание о русском народе/. Это кощунственное высказывание — это славянофильство?

ГОЛОМШТОК: Ну, такого рода высказывание можно найти у Гоголя.

СУДЬЯ: Так вы считаете, что это славянофильство?

ГОЛОМШТОК: Да.

/Смех в зале/

СУДЬЯ: Отвечайте по конкретным вопросам. Что вы думаете об отношении Синявского к русской культуре?

ГОЛОМШТОК: Синявский овою деятельность связал с русской культурой, всю свою деятельность.

СУДЬЯ: А пересылка книг на Запад — это защита русской культуры?

ГОЛОМШТОК: Я говорю пока о мировоззрении, а не о поступках.

СУДЬЯ: Он и о Маяковском писал, Синявский. А Маяковский говорил: "у советских собственная гордость". Так вот, такие поступки — это и есть собственная гордость. Допрос окончен. Вы должны находиться в зале до вынесения частного определения, т.е. до конца процесса.

Допрос свидетеля Петрова^{х)}

ПРОКУРОР: Как знакомы вам Синявский и Даниэль?

ПЕТРОВ: Очень хорошо. Это мои лучшие друзья.

ПРОКУРОР: Что вам известно по делу?

ПЕТРОВ: Сейчас мне известно очень много, когда поднят такой шум во всем мире.

ПРОКУРОР: Я вас спрашиваю не о том, что вам сейчас известно стало, а о том, что вам известно было раньше.

ПЕТРОВ: Раньше я знал произведения Терца, но кто такой Терц-Синявский или Даниэль, или еще кто-нибудь, этого я не знал.

ПРОКУРОР: Как вы прочли произведения Терца?

х) Петров, Александр — художник по металлу. Войдя в зал, бодро здоровается с подсудимыми, на вопросы отвечает звонко, задиристо.

ПЕТРОВ: Дело в том, что мы с Синявским в таких дружеских отношениях, почти в родственных. Мы свободно бываем в домах друг у друга, у них есть ключ от моей квартиры, у меня — ключ от их квартиры, и я беру с полки у них любую книгу. Ну, вот я взял и прочел. Меня заинтересовало название — "Фантастические повести". Так что, я, вероятно, сам познакомился с этими произведениями.

ПРОКУРОР: А вы не обратили внимания на то, кем изданы эти произведения?

ПЕТРОВ: Ну, я видел, что эти произведения, изданные за рубежом, но таких книг много.

СУДЬЯ: Допрос окончен.

ПЕТРОВ: Могу ли я остаться в зале?

СУДЬЯ: Я думаю, что вам незачем оставаться здесь.

ПЕТРОВ: Я так давно не видел Синявского и Даниэля, что мне хотелось бы посмотреть на них еще.

Петрова выдворяют из зала.

Допрос свидетеля Дувакина^{х)}

КОГАН: Как и когда вы познакомились с Синявским?

ДУВАКИН: Я знаком с Синявским с 1945-го года. Осенью 1945-го года мне сдавал экзамен студент-заочник в шинельке. Я обратил на него внимание, как на очень яркого человека. Он учился у меня в семинаре, и я убедился в том, что первое впечатление не было ошибочным. Сначала у нас были отношения учителя и ученика, а потом постепенно отношения стали дружескими.

КОГАН: Не можете ли вы охарактеризовать деловые и профессиональные качества Синявского?

ДУВАКИН: Деловые и профессиональные качества Синявского — блестящие. Думаю, что с этим согласились бы и его сотрудники.

СУДЬЯ: Эти экскурсы мне не нужны.

ДУВАКИН: Хорошо. Я знаю его книги, посвященные анализу произведений советской литературы, советских писателей. Мы иногда с ним спорили, я общался с ним преимущественно по вопросам искус-

х) Дувакин, Виктор Дмитриевич — доцент филологического факультета МГУ, единственный на процессе свидетель защиты.

ства. Два года он читал лекции в МГУ; пользовался большой популярностью. Вначале первые его лекции я просматривал, потом понял, что это уже не нужно. Я почувствовал, что пришел лектор сильнее меня. У меня было такое отношение, как у... ну, как у утки, высидившей лебедя. Это был гадкий утенок, раз-вернувшийся в лебедя.

СУДЬЯ: Хорош лебедь! Скорее гусь.

/Смех в зале/

ДУВАКИН: Конечно, можно состричь по этому поводу, но я говорю о своем впечатлении о качествах Синявского. Это человек, ищущий истину, искренний и честный в своих исканиях.

СУДЬЯ: Искренний и честный. Вот тот человек, которого сейчас судят?

ДУВАКИН: Да.

СУДЬЯ: И его книжки вы тоже считаете искренними и честными?

ДУВАКИН: Разрешите мне перейти к этим книгам.

СУДЬЯ: Нет, это решает суд.

ДУВАКИН: Но именно этот вопрос - о книгах - мне задавали на предварительном следствии.

СУДЬЯ: Этот вопрос не интересует суд.

КОГАН: Ну, обратимся снова к фактам. Вот на предварительном следствии вы говорили об автобиографичности "Графоманов" и в другом месте вы говорили, что Синявского подвела маниакальная влюбленность в слово, желание быть напечатанным.

ДУВАКИН: Синявский как-то говорил мне, что, в сущности, нет границ между писателем и графоманом. Видимо, его...

СУДЬЯ /прерывает/: Все эти "видимо" не нужны. Вы говорите о фактах. Где там автобиографичность?

ДУВАКИН: Его жизнь, очень аскетическая, жизнь человека, погруженного в русское искусство. влюбленного в русское искусство, но живущего трудно - такова была жизнь самого Синявского. А в "Графоманах" - там тоже автор, который на тухлых котлетах живет. Ну...

СУДЬЯ /прерывает/: Допрос окончен.

Ранее отложенную просьбу защиты о вызове в суд свидетелей Якобсона и Воронеля судья отклоняет, заявляя, что они не нужны суду.

ПРОКУРОР /ходатайствует/: Прошу зачитать протокол очной ставки Даниэля со свидетелем Азбелем.

Зачитывается протокол очной ставки. /Даниэль на очной ставке сказал, что он читал свои произведения Азбелю. Азбель сказал, что может быть это и было, но он этого не помнит/.

ПРОКУРОР /Даниэлю/: Вы подтверждаете то, что было на очной ставке?

ДАНИЭЛЬ: Я подтверждаю то, что было на очной ставке и хочу объяснить это. Осенью 1962-го года я ежедневно Азбелю что-нибудь читал: отрывки из "Бегства", рассказы, упоминавшиеся здесь и не упоминавшиеся. Он мог не запомнить, что именно я читал, потому что через 2-3 недели он уехал и после этого тяжело заболела его жена и болела в течении полутора лет. Так что последующие события вполне могли стереть в его памяти, что именно я ему читал. Повесть "Искушение" я читал ему в то время, когда он был тяжело болен. Это было не столько для того, чтобы познакомить его с этим произведением, сколько для того, чтобы развлечь больного.

ДАНИЭЛЬ /ходатайствует/: Прошу дать мне дополнительно высказаться по поводу пред'явленных мне обвинений.

СУДЬЯ: Это вы не то хотите говорить, что будет в последнем слове?

ДАНИЭЛЬ: Нет, это не то, что должно быть в последнем слове. Я хочу сказать о существовании пред'явленных обвинений и о моем к этому отношении. Мне непонятно, зачем обвинение задает мне вопросы. Я отвечаю на эти вопросы, но...

СУДЬЯ /прерывает/: Это не интересует суд - ваша полемика с обвинением.

Статья Элен Пельтье-Замойской, напечатанная в "Монд" 17-18 апреля, и по форме и по сути, тоже является свидетельским показанием, равно как и "Свидетельство за Синявского" М.Окутюре и К.Фриу.

СИНЯВСКИЙ И ЕГО РОДИНА

Синявский и Даниэль доверили мне судьбу своих произведений на одном условии: что они не будут напечатаны в издательствах, работающих против их страны. Я старалась дотошно выполнить эти указания в

соответствии со своим пониманием. Я искала издателей среди людей, которые пекутся о правде и чье отношение к СССР не основано на враждебной полемике или льстивой угодливости.

Первая статья Синявского-Терца о социалистическом реализме появилась в "ЭСПРИ" благодаря г-ну Доменаку, который сразу принял это произведение, ни в коей мере не сочтя его антисоветским.

Позднее рассказы Терца оказались слишком длинными, чтобы их можно было напечатать в "Эспри", и были переданы в "Культуру", журнал, издававшийся во Франции поляками, которые сперва выпускали его на своем языке. Почему я сделала такой выбор? После замужества я познакомилась с г-ном Гедройцем, главным редактором этого журнала, и другом моего мужа художником Чапским, который чудом избежал Катинской бойни и написал хорошую книжку воспоминаний "Бесчеловечная земля". Эти люди привлекли меня своей серьезностью, а также еще одним редким качеством: пострадав от русских, как и множество их соотечественников, они, хоть и явно не были коммунистами, ни единым словом не проявляли никакой ненависти и даже обиды по отношению к России. Более того, они страстно хотели снова завязать традиционные связи свободной дружбы, которые когда-то об'единяли Мицкевица с Пушкиным. Достойное имя, которое я ношу, и моя личная привязанность к России приближали меня к этому умонастроению, и мне казалось, что мои друзья меня поддержат. Во всяком случае, ответственность за этот выбор целиком лежит на мне.

Обвинение в том, что у них был замысел заниматься антисоветской пропагандой за границей, не выдерживает никакой критики. Если бы это было на чем-нибудь основано, западные коммунисты, имевшие возможность читать произведения обвиняемых, несомненно осудили бы их уже давно и не стали бы протестовать против приговора. В действительности же, на процессе просто столкнулись два понимания патриотизма, полярно противоположные друг другу: первое - представление судей, которые считают, что безоговорочное подчинение идеям и вкусам руководства является критерием советского патриотизма, и другое, действительное представление, отказывающееся погрязать в конформизме.

Характерная эволюция

Синявский и Даниэль принадлежат к тому поколению, которому сегодня сорок лет. Они выросли и сформировались в эпоху Сталина. До самой его смерти, т.е. в течении 27 лет, они наблюдали торжество мировоззрения, которое сегодня защищают их судьи; в какой-то мере они

его даже разделяли, но они увидели результаты и почувствовали властную необходимость его преодолеть. В этом смысле духовная эволюция Синявского очень характерна.

Когда я с ним познакомилась на скамье московского университета, ему было 19 лет и он был уже горячим патриотом. Героическая память войны, которая только что кончилась, продолжала воспламенять сердца. И хотя он сам, по молодости лет, принимал в ней малое участие, она явилась первой для него возможностью реально познать свой народ, и он сохранил чувство глубочайшей солидарности с простыми людьми, а не с интеллигентами, с которыми его связывала среда.

Синявский в ту пору был убежденным комсомольцем. Сын воинствующего революционера, он не представлял для своей родины никакого другого устройства, нежели то, которое было установлено в 1917 году. Самое слово "революция" было для него, как и для других моих товарищей, исполнено глубочайшего смысла, свято, оно означало пришествие более справедливого социального порядка, нового гуманизма, призванного заново перестроить вселенную. Во имя этой веры, почти религиозной, он не желал осуждать проявления системы, какими бы они ни казались ему неприятными.

Он был человек с ясным умом, его душа была ранена разрывом, который существовал между его романтической идеей революции и атмосферой, царившей в стране после войны. Ему нелегко было наблюдать, как никнет революционный порыв под железной догмой, которую усиленно насаждают вокруг, в какой-то мере бюрократической догмой; признаки, которые символизировали победы 1917 года, уничтожались /офицеры снова надели погоны, рабочие кепки уступили место мягким шляпам/; его угнетала, наконец, душная диктатура благонамеренного неоклассицизма в искусстве, литературе и даже науке, которая запрещала какие-либо перемены.

Цель и средства

Возмущала ли его жестокость, с какой утверждался этот лучший порядок, о котором мечтал его отец? Несомненно меньше, чем меня, иностранку. Он, безусловно, не замечал всего ее масштаба, так как с самого детства, которое прошло в эпоху коллективизации, чисток, войны, он погружался в море насилия, самовластия, неуверенности, и не представлял себе, что может быть что-нибудь другое. Вслед за своими учителями, он повторял мне, что закон исторического развития, к несчастью, требует человеческих жертв. Тем не менее, его совесть

протестовала против таких удобных оправданий. Интересно, что один из наших первых серьезных споров произошел на тему выбора, который стоял перед Иваном Карамазовым: можно ли построить хрустальный дворец на трупе ребенка.

Но еще больше, чем проблема цели и средств, его, как и многих молодых советских людей, мучила неустойчивость моральных и духовных критериев, целиком подчиненных временной тактической задаче. Он думал над словами другого моего товарища: "Вот мы не знаем ни что хорошо, ни что плохо, ни что правда, ни что ложь". Правда, тот добавлял: "Так как надо жить, лучше всего повторять то, что нам рассказывают, тогда будет меньше неприятностей". Но Синявский не делал этого циничного вывода. У него был свет в окошке — его страстная любовь к литературе.

Чтобы как-нибудь вынести действительность, столь мало соответствовавшую его вкусам и идеалам, он пытался спрятаться, но не в будущее, которое казалось ему тупиком, а в прошлое. Его увлекали 20 годы своей эстетической суровостью. Разве тогда не пытались создать новый художественный мир для нового общества?

Тот факт, что модернистские течения продолжали распространяться на Западе, вызывал у него жадный интерес к тому, что происходило у нас. Он особенно был увлечен Пикассо, чьи полотна в то время были спрятаны в подвалах музеев Москвы и Ленинграда. Он испытывал перед этим художником горячее восхищение, видя в нем наиболее точное живописное выражение нашего времени.

Однако он не отмахивался и от настоящего. Он изучал его, пораженный парадоксами эпохи, в которой неразрывно перемешались великое, уродливое, жестокость, героизм и ложь. Царившее самовластие придавало действительности невероятную фантастичность. Это подстегивало его воображение и мало-помалу воспитывало его писательское призвание — самое благородное призвание, как он считал. "Литература важнее, чем жизнь", — сказал он мне уже в 1949 году.

Потом наступило потрясение, вызванное смертью Сталина и XX-м съездом.

Знаменитый "секретный" доклад Хрущева о преступлениях Сталина был событием непередаваемой важности для всего Советского Союза и особенно для поколения, к которому принадлежали мои друзья. "Мир превратился в развалины, — сказал мне Пастернак, — и на его месте родится новый". Произошла, кроме всего прочего, подлинная переоценка всех ценностей. Мои бывшие товарищи по университету внезапно почув-

ствовавали угрызения совести за трагедию, которую пережили миллионы невинных людей в концлагерях, почувствовали свою личную ответственность и соучастие в этих преступлениях, ибо во имя патриотизма, понятого как конформизм, они позволяли совершаться этим преступлениям. Стыд породил желание больше не оставаться пассивными, т.е. равнодушными к любой самой малой несправедливости. Те, у кого было редкое мужество не подчинить свою совесть лозунгам дня, стали героями. У этого поколения утверждалось новое понимание советского патриотизма.

Такова же была реакция Синявского и Даниэля, толкнувшая их писать. С 1956 года Синявский редактирует свою статью "О социалистическом реализме" и первую повесть - "Суд идет". По рукам ходят рукописи: вся страна обуреваема потребностью рассказать о годах, проведенных в слезах, крови и страхе. Нарыв должен был прорваться, его должно было вскрыть не только руководство, но и простые смертные, что им предоставлялось делать только втихомолку.

Грубые нападки на "Доктора Живаго" /1958 г./ вскоре напомнили, что жгучие темы все еще запретны и, главным образом, что их нельзя затрагивать иначе, чем это разрешают официальные установки. Такое отношение властей, естественно, подняло престиж Пастернака у молодых, обострило, как нельзя больше, их желание выразить себя любыми средствами и усилило их скептицизм к возможностям добиться этого путем издания внутри Советского Союза. Так первое произведение Синявского было опубликовано в 1959 году за границей. За ним последовали его "Фантастические повести" /1959-1961/, которые появились до прекрасной повести Солженицына /конец 1962/ "Один день Ивана Денисовича", первого опубликованного в СССР произведения о концлагерях. Понадобилось восемь лет после смерти Сталина, чтобы прикоснуться к этой теме.

Синявскому был необходим Терц

Синявский в Москве сталкивался с цензурой по поводу малейшей из своих статей, ему мешали высказаться начистоту, поэтому ему нужен был Терц, не для того, чтобы отрицать то, что пишет он сам, а для того, чтобы это дополнить. Его первые сочинения под псевдонимом пропитаны упорной ненавистью к сталинским годам, которую он выражает в жестоких образах, полных сатирического и фантастического реализма, который исповедует автор. Его последняя повесть "Любимов" написана в гораздо более спокойном тоне.

Возможность писать без оглядки показала ему, что свобода совести и слова — это не роскошь анархистствующего идеалиста, опасная для общего блага /как его приучили думать раньше/, а основная потребность человека и необходимое условие всякого индивидуального и социального прогресса.

За бесценный дар — быть до конца самим собой — надо было рискнуть всем, даже семью годами заключения в лагере. Он этого ждал и часто мне об этом говорил. Я убеждена в том, что он этого хотел, потому что Абрам Терц должен был умереть, ибо Абрам Терц был всего лишь временным наставником, от которого он должен был избавиться в тот день, когда он внутренне окрепнет и обретет перед лицом людей, пройдя через испытания судебного процесса и лагерей, свою цельность.

Эта сила, которая позволила ему заявлять на суде о своей невинности, постепенно крепла в нем за последние годы. Ее питали его поездки на Север, где он изучал древнерусское искусство. Там он соприкоснулся с религиозными источниками своего народа. Это открытие не только не заставило его отказаться от идеалов справедливости, которые он унаследовал от своих предков, наоборот, его сильно обогатило; благодаря ему он вернул прекрасный смысл слову п р а в д а, которое одновременно обозначает правосудие и истину, подчеркивая, что одно невозможно без другого.

Эта медленная, мучительная эволюция Синявского, отражает линию, по которой разными путями шли лучшие люди его поколения. Для них впрямь требования свободы и "правды" неотделимы от патриотизма. Да не обидим мы советский народ мыслью, что он недостаточно "эволюционировал", чтобы признать эти требования своими.

Элен Замојская

МОНД, 17-18 апреля, 1966 года

После допроса свидетелей были оглашены заключения экспертиз, и суд перешел к слушанию сторон.

Помещенный здесь краткий пересказ выступлений показывает линию обвинения и защиты.

РЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ А.ВАСИЛЬЕВА

Я хочу начать с цитаты из статьи Синявского "А.М.Горький" /Первый том "Истории советской литературы"/. Приравнивая к Климу Самгину Сашку Епанчика, Мечика..., Синявский пишет: "На них лежит печать моральной и духовной деградации, противоречия между словом и делом, они не то, чем хотят казаться, многие из них мечтают о третьем пути". Я не собираюсь приравнивать Синявского и Даниэля к Климу Самгину, они слишком мелки для этого. Но и Синявский и Даниэль являются не теми, кем они хотят казаться.

В ходе процесса выяснено, что в редакциях, в Институте мировой литературы часто мелькал кандидат наук Синявский. Какую-то часть своего времени он выдавал себя за советского литературоведа. Я бы мог привести много цитат из статей Синявского. Он в своих статьях цитировал Ленина. Но теперь мы знаем, что самую большую часть своего времени он тратил на книги и статьи, наполненные злобой и ненавистью.

В редакции, где есть в смете графа о гонораре, появлялся Даниэль. Он существовал на деньги, полученные за переводы, а трудился над рукописями для мадам Замойской. Даниэля никто не спрашивал, почему он стал поэтом-надомником. Его жалели, понимали, что ему надо подработать. А он, расписываясь в нашей советской ведомости, трудился над рукописями для мадам Замойской.

Некоторые зарубежные деятели называют их честными, порядочными людьми, а они двурушники. Странное понимание честности. Тарсис хоть и двурушничал. Тарсис - джентльмен по сравнению с ними. Синявский и Даниэль сознательно встали на путь измены. Вполне возможно, что их заказчики не знали, откуда взялись эти авторы. Но Филиппов пишет: "наш автор", "наш автор, укrywшийся под псевдонимом..." Филиппову, может быть, неизвестно, но мы-то знаем, откуда появились псевдонимы: из блатных песен. Оба "поставщика", - хотя боюсь, что Синявский не поймет это слово, он же не понял слова "посредник" - оба "поставщика" мадам Замойской нашли свои клички в мусоре блатного жаргона. По

Сеньке и шапка. Вот кого западные писатели называют представителями советской интеллигенции. А советская интеллигенция — это академик Курчатов, Келдыш, Товстоногов, Ландау... — это тысячи, десятки тысяч врачей, инженеров. К этому отряду Синявский и Даниэль не имеют никакого отношения.

Много времени уделялось вопросу: как оценивать их деятельность — как ошибку или как умысел? Даниэль говорил, что в настоящее время он сожалеет о своих действиях. Но он говорил ведь и с Хмельницким и с Гарбузенко — со своими друзьями. Эти разговоры свидетельствуют о том, что он понимал, что он делает. Вот "Говорит Москва" — все, кто читал, понимают, что говорит автор, только автор не понимает. Я хочу еще раз огласить эти строки. Дело в том, что подсудимые были единодушны не только в выборе псевдонимов, но и в идеях /цитирует из "Говорит Москва" про убийства/. Это не изящная словесность, а прямой призыв к убийствам, мы знаем, на кого нацеленный. А Терц? /Цитирует об окровавленной гиперболе/. Это у кого "у них"? У советской власти. А "у нас" у кого? У Аржака и Терца.

В показаниях Синявского говорится: "Я понял, что был слишком пессимистичен, но все же передал рукописи и теперь об этом сожалею". Даниэль тоже говорил, что понял, но тот понял только после знакомства с предисловием Филиппова. Синявский тоже пытался вилять: "Это прием, сатира, гротеск, художественная литература". Сатира? Это оплевательство, это значит — оплевать русский народ. Перелистайте Гоголя и Щедрина — вы там не найдете ни одного плохого слова о народе. А у Абрама Терца — "нация воров и пьяниц, неспособная создать культуру". А вот из "Любимова" /цитирует/. Это из "Любимова", "гордости его души", по словам Синявского. По словам свидетеля — "Лебединая песнь". Белогвардейцу заштатного города Любимова..." — из предисловия Филиппова/. Для Синявского-Терца нет ничего святого. Он не пощадил дорогого слова мать, он измывается над матерями. На последней странице они находят утешение у полуграмотного попа — "матери были тут же под рукой..."

В буржуазных газетах Терца называют "автором шедевров". Я процитирую одно место, говорящее о "таланте" /цитирует "у одной девки случился выкидыш..."/.

Склонность к матерной брани, порнография, какая-то патологическая. Это, возможно, и привлекло к нему там, на Западе. Синявский говорил, что автор сам по себе, а герои сами по себе. Я процитирую то, что глубоко оскорбит сидящих в зале, но ничего не могу поделать.

Цитирует из "Любимова" о Ленине/. Это из "Любимова", а вот выдержка из статьи "Точка отсчета". Цитирует про "безобидную бухгалтерскую наружность", "Ленин - статистик революции" и т.д./. Эта статья не ставится в вину, это для прояснения, откуда, из какого источника питались герои произведения. И тут, и там - "счеты", "статистика" и т.п. Синявский пытался внушить, что его идеи связаны с культом Сталина. Это неправда Цитирует: "Сталин уютней и понятней, чем Ленин" из "Точки отсчета"/. Весь запас злобы направил Синявский против Ленина. Даже тяжелая болезнь Ильича для Синявского - только повод для издевательств /цитирует оттуда же про "склероз сосудов" - "склероз и только склероз..."/. Самые человеческие качества Ильича вызвали у Синявского злобную ярость больше, чем у наших заклятых врагов. Самые, казалось бы, положительные черты пугают его /цитирует - "есть что-то зловещее в этой человечности, простоте..."/.

Я должен сделать отступление. Здесь вчера выяснили, что Синявский успел получить от заказчиков две куртки, два свитера, одну белую рубашку и резиновые сапоги, что-то для жены и что-то для сына. Мало? Мало, скажете вы. Но, по-моему, и это много. Хозяева могли вообще не платить Синявскому, потому, что его "труды" списаны с меньшевистских газет восемнадцатого года, которые есть в Библиотеке Ленина. Мы выяснили, что Синявский имел доступ в Библиотеку Ленина. Где уж тут говорить о честности, если даже работая на хозяев, он поступал как мелкий жулик.

Товарищи судьи! Все убеждает нас в том, что на скамье подсудимых сидят ярые антисоветчики, сознательные клеветники. Весь ход судебной экспертизы, вещественные доказательства показывают, что перед нами два антисоветчика, понимающие, что они делают. Они понимали. Они знали.

Я выступаю как представитель Союза советских писателей, где, как ни стыдно говорить, состоял Синявский. В семье не без урода. Я от имени всех писателей обвиняю их в тягчайшем преступлении и прошу суд о суровом наказании. Каждый, кто входит в Центральный Дом литераторов видит мраморную доску, на которой золотыми буквами написаны имена писателей, погибших в Великой отечественной войне. Я обвиняю их от имени живых и погибших. Преступление должно быть наказано!

/Аплодисменты/

Граждане судьи!

Нас уже который день пытаются ввести в мистическую обстановку некоего психического магнита, где происходят чудеса. Не понимают слова "посредник", уверяют, что нет авторских слов в критической статье и автор не несет ответственности. Написанное пером не вырубишь топором. Их сочинения сами за себя говорят.

Синявский уверял, что его произведения – это безобидные опыты философского содержания – о цели и средствах, о философии власти. Ему, мол, интересно соединить вымысел с действительностью, а что получится – неважно. Чистое искусство без политических целей. Но "искусство для искусства" – это ложь. Эта позиция сама по себе враждебна. Однако в произведениях Синявского есть политический смысл. Представление народа в виде ведьм, воров, графоманов, пьяниц – это активное неприятие нашего государства. Это отношение к советской жизни и определяет ниспровержение настоящей современной литературы.

Вот его обращение к традициям русской литературы: "Классики – вот кого я ненавижу больше всех", – заявляет герой "Графоманов". Герой разделался с классикой. Это говорит герой, но эти слова вложены Синявским. Это место Дувакин называет автобиографическим. В статье – то же самое отношение к классике. Все классики, по Синявскому, – богоискатели и неудачники.

В основе "творческой концепции" Синявского – отрицание самих основ социалистического реализма, в первую очередь марксизма. /Далее пересказывает статью "Что такое соцреализм" по вопросам: цель поставленная и цель достигнутая, противопоставление нам писателей Запада/.

Синявский производит переоценку всех лучших достижений советской литературы. Как он пишет про "Русский лес" Леонова! Он отмечает регресс советской литературы. А выпады против Горького!

Ирония – одно из главных средств камуфляжа у Синявского. Он нападает на Блока, нападает на Маяковского. В художественных произведениях он не упускает случая мазнуть Ленина. В статье "Точка отсчета" автор глумится над Ильичом. Досталось и Маяковскому, которого Синявский изобразил как приспособленца... Противопоставляет русский реализм "фантазмагорическому искусству".

В "Фантастических повестях" - фантазия извращенная, а быт - фальсифицированный.оборотни, ведьмы, русалки, воры, пьяницы,... Ново-явленный ясновидец, вместе с полковником Тарасовым /в "Гололедице"/, строит планы коммунистической агрессии...

Это все художества невысокого разбора.

В своих статьях о фантастической литературе он писал о полете в космос, а в "Любимове" у него только баба на помеле, да и та силой воображения. /Смех в зале/.

У всех реалистов России есть положительный герой. У Щедрина - это народ. Он предпослан "Городу Глупову" несколько слов о народе. А "Сказка о том, как мужик двух генералов прокормил" разве не говорит о талантливости русского народа? А у Терца? Единственный рабочий превращен в вора.

/Далее З.Недрина целиком повторяет собственную статью "Наследники Смердякова" - "Литературная газета", 22.1.1966 года/.

Финал речи З.Недриной записать или запомнить никому не удалось. Как и после речи Васильева, зал приветствовал общественного обвинителя аплодисментами.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ О.ТЕМУШКИНА

Перед вами на скамье подсудимых граждане СССР - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы, член Союза советских писателей Синявский, и Даниэль - поэт-переводчик.

Советская общественность знала Синявского как литературного критика, а Даниэля как переводчика. Что их привело на скамью подсудимых? Оказывается, Синявский не Андрей Синявский, а Абрам Терц. Этим именем героя блатной порнографической песни он подписывался. Даниэль - это Аржак.

Автор вправе писать под псевдонимом и даже анонимно, но под этими псевдонимами они публиковали то, что не имело ничего общего с их советскими публикациями, с тем, что они делали здесь. В этих произведениях выражено полнейшее недовольство советской системой, советским обществом. Они представляют советское общество как сумасшедший дом.

Синявский и Даниэль – люди с двойным дном, внутренние эмигранты. Им вменяется в вину ст. 70 УК РСФСР /следует текст ст. 70/.

Материалы дела, всесторонне проанализированные, дают основание заявить о наличии и доказанности вины.

Занимая враждебную позицию по ряду вопросов, они с 1956 года писали произведения, порочащие советский государственный строй. Синявский установил связь с Замойской, дочерью военно-морского атташе Франции, и нелегально переправлял рукописи свои и Даниэля. Они издавались всюду реакционными и даже эмигрантскими издательствами. Они были приняты на вооружение и активно используются.

В 1956 году Синявский написал "Суд идет" и "Что такое социалистический реализм", где он допускает прямые выпады против нашей идеологии, клеветает на партию и государство и осмеивает наш народ. В 1961 году – "Любимов", переданный в 1963 году.

Даниэль в 1956–57 годах написал рассказ "Руки" – клеветническое изображение классовой политики репрессий в годы гражданской войны. В 1961 году написал "Говорит Москва" – злобный пасквиль на советскую действительность, содержащий призывы к расправе, "Человек из МИНАПа" – произведение, направленное против нашего образа жизни, против нашей морали, нашей этики. "Искушение" – в 1963-м году; в нем изображается моральное разложение, упаднические настроения.

Синявский свел его с Замойской, чем помог ему передавать произведения; часть произведений Даниэля Синявский передал сам. Он содействовал Ремезову в передаче четырех произведений. Кроме того, они виновны в том, что распространяли свои произведения среди близких.

Подсудимые не признали своей вины, но по существу не отрицали, что они писали и нелегально переправляли. Они об'ясняли это желанием видеть свои произведения изданными, но отрицали наличие злого умысла. Доказательства, которыми доказывается написание ими этих произведений и вина в переправке – свидетельские показания Гарбузенко, Хазанова, Азбеля. Им было известно, что эти произведения написаны и переданы. Гарбузенко читал эти произведения и видел изданными. Из свидетельских показаний Петрова и Ремезова ясно, что они читали произведения Синявского. Читала статью "Суд идет" Докукина, у которой он хранил свои произведения.

Произведения исследовала экспертиза. О Синявском: "Для всех произведений характерна претенциозность, манерничанье, использование в качестве приема сна, бреда, злоупотребление маниакальными состояниями. Произведения характеризуются кругом идей: "фрейдизм, антисе-

митизм, секс и богоискательство". Экспертиза не оставляет сомнений, что их написание вызвано желанием изложить антисоветскую идею. Это явно политическое выступление.

Экспертиза по произведениям Аржака /под псевдонимом Аржак скрывается Даниэль/: "Написание вызвано желанием выразить антисоветскую идею. Приемы банальны и грубы, воплощение плоско. Это политическое выступление, обрамленное литературным сюжетом".

Показаниями Ремезова доказано, что Синявский помог передать его, Ремезова, антисоветские произведения.

Обстоятельства написания и передачи очевидны. Доказать цель и наличие антисоветского умысла — это требует подробного и скрупулезного исследования. Ленин указывал, что о реальных помыслах и чувствах нужно судить по действиям. Содержание произведений Терца и Аржака свидетельствуют о враждебности к строю, партии и государству. Произведения их полны клеветы, нападок на правительство, партию, и только поэтому они при художественной худосочности печатались на Западе. Они печатались за рубежом в целях пропаганды и только. Произведения их носят явно антисоветский характер.

Вот "Любимов" /цитирует то место, где едят перец вместо мяса/: советскому государству ничего не стоит одурачить народ. Здесь изображен изголодавшийся народ. Говорится про город Любимов, а читай — про коммунизм.

Товарищи судьи, до какого цинизма и нравственного падения надо дойти, чтобы так изобразить коммунизм, нашу светлую цель. Осмеяние, кощунственное издевательство над всеми прогрессивными идеями — и над Кампанеллой, и над Фурье, и над Оуэном! Все хорошее перечеркивается. Россия представлена как нищее, голодное захолустье на задворках. Народ — забитый, надорвавшийся на тяжелой работе. /Цитирует то место, где Леня обращается с балкона: "Выше голову..."/.

Повесть заполнена издевательски извращенными перефразировками Ленина /цитирует о передышке/. Положение Ленина о роли денег — комната со сторублевками /цитирует/. Какая лютая ненависть! Еще более злобно он рисует последние дни жизни Ленина в Горках. Я избавлю вас от необходимости еще раз слушать все это. Трудно поверить, чтобы советский человек, получивший образование в советской школе, учившийся в университете, ставший кандидатом наук, поднявшись на ноги, писал такое.

Итак, в Любимове коммунистическая идея провалилась. /Цитирует описание города/.

Таким образом, ознакомление с "Любимовым" позволяет сделать вывод: это воинствующее антисоветское произведение, каждой строчкой направленное против советских идей, против советского строя. Гротеск используется как удобный прием, с помощью аллегории изображена вся наша экономика, все, вплоть до военной агрессии... Именно так и воспринят "Любимов" на Западе. Наши враги получили то, что хотели. Недаром "Свобода" сделала три передачи по "Любимову".

Рассказы Терца не вменяются ему в вину. Они населены шизофрениками, алкоголиками, ворами-отщепенцами. Все у нас приводит к преступлениям, алкоголизму, психическому расстройству. Но особое место в этом творчестве занимает "Суд идет". По содержанию это произведение банально. Обыкновенная бульварная литература. Повесть заполнена злобной клеветой на марксизм, антисоветскими подонками. Синявский, устами одного из своих героев, рисует прекрасное будущее /цитирует о рыбках/. Исключительный цинизм! Разве не сквозит от всего этого явной, прямой ненавистью ко всему советскому? Кому принадлежит будущее? Толе и Вите. Эти две фигуры внушают автору ужас и превращены им в символ. /Цитирует эпилог/. Это что, о сталинском культе? Нет. Автор говорит, что ничего не изменилось после смерти "хозяина". Эпилог очень важен для понимания антисоветской сущности повести "Суд идет". /Цитирует эпилог большими кусками - как автора поймали, как делят хлеб в лагере на Колыме/. Таким образом, при помощи демагогического использования некоторых литературно-художественных штампов автор клеветает на наш строй. Даже такой вопрос, как дележ хлеба в лагере, становится у него символом - образом коммунистического распределения. Без вины виноватые люди сидят за колючей проволокой - вот наше общество и его идеалы.

В статье автор пытается "анализировать" метод социалистического реализма. Но это камуфляж. Если бы это было только так, то автор не сидел бы здесь. За рассуждениями о несостоятельности метода пропускает политическое кредо, анализ которого позволяет разобраться в идеях художественных произведений, и в том, что говорят герои, а что - сам автор. Не остается сомнений, что Синявский придерживался резко антисоветских позиций /цитирует кусок про гиперболу/. Эти гиперболы - и есть его произведения за рубежом. С целью ниспровержения идей коммунизма и доказательства их лженаучности Синявский пишет /цитирует: "обезьяна встала на задние лапы..."; "грязь всего мира..."; "чтоб навсегда исчезли тюрьмы..."/. Автор кощунствует.

Требование партийности Синявский отождествляет с требованием

святого исполнения, догматизма. "Кто не хочет верить - сиди в тюрьме". Утверждает, что социалистический строй перерождается, идеалы революции противоположны сегодняшнему дню, клеветает на Ленина, злобно и фарисейски сочувствует Маяковскому. Предел кощунства - воющий на луну Ленин. А в "Опыте самоанализа" он пишет /цитирует - "идеальный тип ученого..."; "символика его жизни и смерти - колоссальный склероз мозговых сосудов и только склероз..."/. Ленин всех покорял своей человечностью, простотой и искренностью /цитирует Горького о Ленине/. А в трактате Ленин - "зловещая кибернетическая машина", "статистик революции". Самые привлекательные качества Ленина, в совокупности с его логическим аппаратом, пугают Терца. Это злобные клеветнические сентенции. Синявский лицемерно сожалеет, что нельзя создать из Ленина новый культ. Он доказывает, что необходимо обожествление Сталина, так как наше общество нуждается в обмане.

Синявский со всеми своими антисоветскими произведениями знакомил Даниэля, который также занялся тем же и, пользуясь помощью Синявского переправил за рубеж "Руки".

Сюжет рассказа "Руки" - неудачливая судьба работника ЧК /пересказывает сюжет/. Как бы подтверждая достоверность рассказа Аржака, Филиппов рассказывает в предисловии к рассказу "Руки", что он, будучи в лагере на Ухте, сам слышал такую же историю. Политика молодого государства - антигуманистическая, калечит людей и духовно, и физически.

"Человек из МИНАПа" - грубый пасквиль, порочащий наше общество, его мораль, его этику /пересказывает содержание/. Тема, пригодная для пошленького анекдота, так говорит и Филиппов, но Филиппов все же обрадовался, так как в этом произведении имеются антисоветские нотки...

Выходит, товарищи судьи, что советскому обществу свойственны приписанные Аржаком качества - ханжество, деградация. Автор пользуется каждым случаем, чтобы поиздеваться /цитирует - "ведь ты же комсомолец?"/. Заключение пестрит антисоветскими выпадами.

Товарищи судьи, подчеркиваю, я веду речь не о том, что писатель не может описывать теневые стороны. Подчеркиваю следующие обстоятельства: есть у нас и ханжи, и отдельные аморальные личности. Но хочет ли автор выжечь недостатки, как Маяковский, Михалков и другие, или автор соединяет эти нетипичные обстоятельства, гиперболизирует их и переправляет за рубеж, выдавая за якобы правду о советской

действительности. Это уже досужий пошлый вымысел, в наше время - антисоветский умысел, ибо выдается за подлинную нашу жизнь.

Еще более антисоветское содержание у рассказа "Искушение" /пересказывает содержание/. Наш сегодняшний день изображается как период упаднических настроений, неверия народа в дело партии. Написано все это как бред больного, сумасшедшего, перемежающийся антисоветскими стихами /цитирует: "мы россияне..."/. Как это перекликается с сентенциями Терца в "Мыслях врасплох"! Идея утверждения виновности народа за бездействие /цитирует: "Восстанет брат на брата..."/. Читатель должен прийти к выводу о необходимости искупления за пассивность при репрессиях. Народ изображен как напуганный /цитирует: "тюрмы не закрыты..."/.

Это использует антисоветская пресса. Недаром издатель делает вывод о всеобщей круговой ответственности за зло.

Но наиболее откровенным и оголтелым произведением Аржака является "Говорит Москва", где автор способен иезуитски смеяться над чем угодно, например, над ростом благосостояния. Вот как там говорит интеллигент /цитирует/. Возникает вопрос: зачем нужно было выдумывать такую чушь? Затем, чтобы на этом фоне, клеветнически выдаваемом за действительность, выкрикивать прямые террористические лозунги, оболгать все советское - быт, печать, демократические принципы. Сначала автор берет за печать /цитирует/. Досталось и советским литераторам, которых Даниэль и Синявский люто ненавидят, называя их черносотенцами, - Софронову, Безыменскому, Михалкову. А как ведут себя советские интеллигенты? /Цитата/. Он клеветает на советских людей, называя их антисемитами, только и ждущими, чтобы устроить погром /цитата про Бабий Яр/. Кому "им", хочу я вас спросить, Даниэль? Кто расстреливал в Бабьем Яру? С кем вы сравниваете наш народ? С фашистами?

Даниэль утверждает, что есть вражда между армянами, грузинами, азербайджанцами, среднеазиатами, русскими, что идет резня, что всей этой резней руководит партия. Нападая на коммунистическую партию и народ, автор устами своих героев утверждает, что подобные события свойственны нашему строю, что 1937-й год органически вытекает из сущности советского строя. Это же чудовищный вымысел.

Герой обращается к читателю с рядом зажигательных речей. Герой говорит, кого надо убить. Даниэль пытался нас убедить, что герой не собирался убивать, не убил, но мы знаем, что такое эпитафия /цитирует/. Я не могу прочесть этот эпитафия целиком, в нем есть нецензур-

ные места. Против кого эта ненависть? Кто же эти люди — "толстомордые восседающие и заседающие"? Если это не прямой призыв к террору, то что же это тогда?

Чтобы еще раз подчеркнуть логическую связь между отдельными частями он переносит действие к мавзолею, и вся эта дикая бредовая выдумка, с великой радостью подхваченная на Западе, выдается за реальность Филипповым.

Я много задумывался, что могло толкнуть Даниэля на такой поступок, на такое преступление? Чем привлекло число 10 августа 1960 года? И вот я обратился к подшивке "Правды". В "Правде" за 10 августа имеется постановление по вопросам школьного строительства, об уборке урожая в Кустанайском крае, о подвиге колхозника, спасшего шестерых детей. Но была страница о Пауэрсе. Вот чем заполнена наша жизнь. Непостижимая чудовищная клевета.

Что же касается художественных достоинств обоих авторов, то они одинаково худосочны, это низкопробный уровень чтива. Они обливают грязью самое святое, чистое — любовь, дружбу, материнство /цитирует/. А если о женщинах, то это либо уродки, либо самки. А мужчины растленны /цитирует: "жена дешевле, но лучше переплатить"/.

И я позволю себе процитировать еще один эпиграф — из произведения Аржака "Говорит Москва" /цитирует: "они в воде, текущей в душевой..."/. А вот из Терца /цитирует: "В уборной ты останешься один..."/.

И вот самая настоящая оценка их произведений — это бормотанье унитаза. Ни одно буржуазное издательство не подпустило бы на пушечный выстрел эту безвкусицу, пошлятину и порнографию, но из-за антисоветского содержания покупатели нашлись.

Синявского и Даниэля об'единяют идеи, способы передачи, совместные обсуждения, политическая оценка буржуазными издательствами. Важно и то, что рукописи хранились не дома, что авторы пользовались псевдонимами. Все это доказывает наличие прямого антисоветского умысла. Они здесь пытались доказать, что они не знали о зарубежной оценке, а если узнали, то поздно. Но установлено, что о том, какую оценку давала им буржуазная пресса и советская печать, они знали по меньшей мере с 1962 года. Имеется в виду передача по радио "Говорит Москва" и статья Рюрикова. Но и после этого они не только не приняли мер, но и передали еще ряд работ — "Говорит Москва", "Искушение", "Человек из МИНАПа", "Любимов". В произведения они вкладывали всю свою злобу и ненависть. Они сознавали, что клеветуют, дей-

ствовавали с прямым умыслом и с целью дискредитировать наш строй. Это прямо подпадает под статью 70.

Общественная опасность содеянного особенно остро проявляется в наши дни, когда обостряется идеологическая борьба, когда используется вся пропагандистская машина международной реакции, связанная со службой разведок, чтобы заразить ядом нигилизма нашу молодежь, запустить свои щупальцы в среду интеллигенции, хоть как-то, да запустить. Устами таких единиц, как Синявский и Даниэль, посеять вражду, зацепить в свои сети двух-трех, продав за доллары, за сребреники перо, честь и достоинство советского человека. С помощью смердящей писанины стремятся скомпрометировать все советское. Враги поняли, какое отравленное оружие вручили им эти ренегаты. Это показала оценка зарубежной прессы, похвала и капитал в буржуазном банке. Кого хвалит враг, в том, видно, нам проку нет.

Их произведения опубликованы многими издательствами, объединениями послевоенных эмигрантов, разведывательными центрами и т.п. Теперь, лишившись таких подручных, обезвреженных органами госбезопасности, они подняли дикий вой. Не им обвинять нас в отсутствии свободы печати. На этом процессе нет нужды говорить, какая у них свобода печати. Свобода печати — не абстрактное понятие. Это у нас настоящая свобода, у нас свобода в том, чтобы идти вместе с народом и за народом, на художественных произведениях воспитывать народ и, в первую очередь, молодежь. Свобода воспевать подвиги наших людей. Я хочу сослаться на греческого патриарха Теодоракиса /цитирует/.

Я обвиняю Синявского и Даниэля в антигосударственной деятельности. Они написали и добились издания под видом литературных произведений грязных пасквилей, призывающих к свержению строя, распространяли клевету, облекши все это в литературную форму. То, что они сделали, не случайная ошибка, а действие, равнозначное предательству. Суд должен учитывать ряд обстоятельств. Я прошу, учитывая все — и то, что они не раскаялись, и первостепенную роль Синявского, приговорить Синявского к максимальной мере наказания — семь лет лишения свободы, с отбытием в лагерях усиленного режима, и пять лет ссылки /аплодисменты/, а Даниэля — пять лет, с отбытием в лагерях усиленного режима, и три года ссылки.

Даниэль окончил свой пасквиль словами: "Это говорит Москва?" Нет, Москва говорит другое! Москва вещает миру, Москва говорит о первом луннике, и теми же устами провозглашается позор отщепенцам и клеветникам. /аплодисменты/.

Перерыв.

Синявскому было пред'явлено три пункта обвинения:

1. Его собственное творчество /изготовление, хранение, распространение.../.
2. Передача произведений Даниэля.
3. Передача произведений Ремезова.

Обвинение Синявского в передаче рукописей Даниэля уже ни на чем не основано. Синявский отрицает, что он передавал, и Даниэль отрицает, что он передавал через Синявского. Таким образом, нет никаких оснований обвинять Синявского по второму пункту.

По третьему пункту. Ремезов по сути дела, не должен был бы быть свидетелем на этом процессе, а должен был бы быть подсудимым, потому что у Ремезова та же вина, что и у остальных. Нет никаких оснований разделять их, делая одного свидетелем, а другого подсудимым. Объяснение такому разделению может быть только одно: свидетель обязуется не давать ложных показаний, а обвиняемый имеет право говорить все, что угодно. Поэтому свидетель должен пользоваться большим доверием, поскольку он обязан говорить правду. Хотя показания Синявского и Ремезова должны были бы быть, по меньшей мере, равновесными, но тем, что их так разделили, сразу сделали показания Ремезова более достойными веры. Синявский говорит, что он не передавал рукописей Ремезова, а Ремезов говорит, что он передавал рукописи через Синявского. Но показания Ремезова на суде достаточно противоречивы: он путается в датах, он не сказал сначала о своем друге Гуссено - издателе, с которым у него была связь, он сам бывал за границей, и у него есть знакомые, связанные с заграницей. Ну, и можно предположить, что он признался в авторстве, потому что не знал, что имеется в показаниях Синявского, он мог думать, что Синявский сам сказал, что Ремезов - это Иванов. Во-вторых, поскольку уже Синявского привлекли к суду, на него можно свалить и передачу. Может быть для того, чтобы выгородить кого-нибудь другого, еще неизвестного. Таким образом, у Ремезова есть и мотивы говорить неправду, и сами его показания противоречивы. Но подстроено так, что его показаниям больше веры. Это неправильно, и этот пункт обвинения должен быть снят с Синявского.

Что касается основного пункта обвинения, то поскольку подсудимый взял на себя литературную трактовку своих произведений, о сложной

литературной форме адвокату говорить трудно, то об идейной сути говорил во время допроса и будет говорить в последнем слове Синявский, а адвокат берет на себя юридическую часть.

Фантастическая, мистическая направленность психики Синявского подтверждается данными психиатрической экспертизы. В заключении экспертизы говорится о склонности к преувеличениям, к фантастике, к фантастическим построениям. Там говорится, что Синявский — человек, который живет отчасти в этом нереальном, сконструированном им самим, мире. Поэтому то, что часто обвинение называет клеветой, это — своеобразное видение, свойственное такому психологическому типу. Синявский — личность безусловно не патологическая, но он имеет особенности в пределах нормы. Хотя это и не вменялось в вину, но использовалось как характеристика морального облика Синявского — его интерес к сексуальным моментам, к сексуальным сценам. Судья говорил о "смаковании" этих сцен. В соответствии с характером психики Синявского, это не смакование, а действительно повышенный интерес к этой тематике, как к греховному началу. Ну, а греху, как известно, придается очень большое значение в религиозном мировоззрении. У Синявского аналитическое отношение к этому вопросу. Наоборот, эти сцены — это постоянное подчеркивание греховности, "черной магии". У Синявского даже имеется прямое высказывание по этому вопросу: "Женщина — это черная магия русского народа, белая магия — это водка".

Из девяти переданных Синявским за границу произведений, ему инкриминированы только три, только три вменяются ему в вину, как антисоветские. Обвинение основывается на том, что они передали за границу свои произведения. Зачем он их передал, если не затем, чтобы подорвать или ослабить советскую власть, мощь Советского Союза, совершить идеологическую диверсию? Но ведь переданы не только те произведения, которые вменяются в вину Синявскому, а переданы девять произведений, между которыми сам Синявский не делал для себя различия. Это сразу ставит под сомнения наличие умысла, какого бы то ни было

Затем сама сложность произведений. Если имеется умысел подрыва советской власти, то по меньшей мере, нужно было рассчитывать на доходчивость этих произведений, если с их помощью человек хотел подорвать, что угодно. А произведения Синявского на самом деле очень сложны. В них не только простые читатели, но и литературоведы не могут так уж легко разобраться. Идет спор об их идейной направленности. Что хотел сказать автор, не ясно. Каждое из этих произведений

имеет минимум три толкования, совершенно официальных. /Коган приводит несколько зарубежных толкований произведений Терца, ни в одном из которых эти произведения не признаются антисоветскими, но все эти толкования не совпадают/. Даже если произведения Синявского и были антисоветскими, то это следовало бы признать попыткой с негодными средствами, поскольку они недоступны читателю.

Чтобы признать человека виновным по ст. 70 УК, нужно не только доказать антисоветский характер произведений, но и непременно доказать наличие умысла подрыва или ослабления советской власти. А такой умысел не был доказан в ходе судебного заседания.

Прошу суд принять сказанное во внимание.

/Следует заметить, что Коган не делает вывода "виновен" - "не виновен", и не касается характера самих произведений. Он просто просит суд принять сказанное во внимание/.

РЕЧЬ АДВОКАТА КИСЕНИШСКОГО (пересказ)

Даниэлю инкриминируются четыре произведения, то есть все, что напечатано за границей.

Во всяком случае, три из этих произведений не имеют антисоветского характера, не могут рассматриваться как антисоветские. Это рассказы "Руки", "Человек из МИНАПа" и повесть "Искупление".

Рассказ "Руки", в первом варианте он назывался "Происшествие", это не более как рассказ о частном случае, происшествии с неким человеком, рассказ психологического содержания, вообще не имеющий политической направленности. При желании можно привязать его к каким-то политическим взглядам, можно его истолковать и так. Но поскольку это не единственное возможное толкование, то он не может считаться антисоветским.

Рассказ "Человек из МИНАПа" - это просто анекдот, анекдот, не имеющий никакой политической подоплеки, не дающий основания для каких бы то ни было обобщений.

Идея ответственности каждого человека за окружающую его жизнь, не только за себя, но и за все вокруг, идея, которая обнаруживается в "Искуплении" - это идея не является антисоветской.

Что же касается повести "Говорит Москва", то безусловно отсут-

ствие злого умысла у автора произведения. Это подтверждается тем, что в этом произведении неоднократно прославляются основы социализма, советской власти, коммунизма.

Таким образом, три произведения из четырех, не являются антисоветскими, а в четвертом, как и в первых трех, отсутствует злой умысел.

При этом следует принять во внимание военное прошлое Даниэля, его трудовую, труженическую жизнь.

Прошу суд принять сказанное во внимание.

РЕПЛИКА КЕДРИНОЙ

Вот Коган заявил, что малопонятная форма письма у Синявского исключает использование его произведений в качестве антисоветской агитации. Есть две формы агитации: плакатная и художественно-эмоциональная. Иногда художественно-эмоциональная форма является более действенной. Здесь мы имеем дело не с плакатной формой, а с художественно-эмоциональной.

Коган говорит, что Синявский не марксист, а идеалист — и в своих повестях и в своих статьях. А когда он писал свои статьи здесь, у нас, он выступал как марксист, и, как марксист, тем самым он объективно выступал против Терца, а сам он и был Терцем. Такая двойственность невозможна и недоступна. За нее надо судить уголовным судом.

Коган говорит, что Синявский постоянно уходит от полемики, он обращается скорее к моральным категориям, чем к любым политическим, он призывает вернуть любовь в сердце людей, призывает найти бога. А где же здесь бог? Вот картина, где матери изображаются похожими на сморщенные грибы. Это что ли любовь? Или, может быть, в том, как он рисует Ленина, — любовь к человеку?

Относительно Аржака и выступления Кисенишского. Адвокат говорил, что в рассказе "Руки" нет политического содержания. Но если я напишу про то, как я собираю цветочки на лугу, то уж здесь политического содержания не извлечешь при всем желании, а раз стало возможным извлечь политическое содержание из рассказа "Руки", то он и показал себя антисоветским.

Адвокат говорит, что автор относится к герою рассказа Малинину с симпатией и сочувствием. На самом деле нельзя сказать этого. Где ж

тут симпатия и сочувствие, когда Малинин рисуется как тупой человек, ограниченный. Сочувствие вызывает не он, а ситуация, в которой он оказался. В этом и есть антисоветский смысл рассказа "Руки".

А вот стоит только посмотреть, с какой художественной силой изображена сцена расстрела. Несвойственно Даниэлю так сильно писать художественно. А тут такая художественная сила! Эта сцена особенно привлекает его, в ней он и проявляет свою антисоветскую сущность.

РЕПЛИКА А. ВАСИШЬЕВА

Адвокат Синявского Коган прочел здесь письмо литературоведов из Франции, Фриу и Окутюрье. Но он прочел его не до конца. А я оглашу, что там есть. Там говорится, что профессора не верят, что Синявский и Терц — это одно лицо. А раз доказано, что одно лицо, значит на это письмо нечего и ссылаться.

Реплика прокурора сводится к тому, что он возражает Когану по поводу рунктов обвинения. Прокурор настаивает на сохранении обвинения Синявского в передаче рукописей Даниэля и Ремезова. Он говорит, что поскольку Ремезов четко и недвусмысленно определил свою позицию, то правдивость его не вызывает сомнений. А у Синявского, наоборот, показания такие уклончивые, неопределенные. Поэтому больше веры Ремезову. Он не сомневается, что Синявский оказал помощь в пересылке и Даниэлю. Основывается он на путанице в показаниях на предварительном следствии.

О наличии прямого умысла. Если даже отвлечься от реальности и поверить, что просто хотели быть изданными, то как же тогда ясная и недвусмысленная статья Рюрикова в 1962 году не привлекла их внимания. Возможность, что этот журнал не прочел ни Синявский ни Даниэль, исключена. У юристов всякое печатное слово является общеизвестным фактом. Мы должны считать, что эта статья была им известна. Но и после этой статьи оба они написали и передали еще и следующие свои произведения. Это подтверждает наличие прямого умысла.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Мне будет довольно трудно говорить, так как я не рассчитывал, что сегодня будет последнее слово, мне сказали, что в понедельник, и я не подготовился. Но еще труднее — в силу определенной атмосферы, которая здесь достаточно ощутима. Доводы обвинения меня не убедили, и я остался на прежних позициях. Доводы обвинения — они создали ощущение глухой стены, сквозь которую невозможно пробиться до чего-то, до какой-то истины. Аргументы прокурора — это аргументы обвинительного заключения, аргументы, которые я много раз слышал на следствии. Те же самые цитаты — не раз, не два, не три: "очередь, очередь... от живота... веером", "чтобы уничтожить тюрьмы, мы построим новые тюрьмы". Все те же самые страшные цитаты из обвинительного заключения повторяются десятки раз и разрастаются в чудовищную атмосферу, уже не соответствующую никакой реальности. Художественный прием — повторение одних и тех же формулировок — сильный прием. Создается какая-то пелена, особенно наэлектризованная атмосфера, когда кончается реальность и начинается чудовищное — почти по произведениям Аржака и Терца. Это атмосфера темного антисоветского подполья, скрывающегося за светлым лицом кандидата наук Синявского и поэта-переводчика Даниэля, делающих заговоры, перевороты, террористические акты, погромы, убийства... В общем, "день открытых убийств", только исполнителей двое: Синявский и Даниэль. Тут, действительно, очень страшно и неожиданно художественный образ теряет условность, воспринимается буквально, так что судебная процедура подключается к тексту, как естественное его продолжение. Я имел несчастье пометить эпилог повести "Суд идет" 1956-м годом: "автор оклеветал 1956 год — ага, автор, ты предсказал — иди теперь в лагерь в 1966 году". Зло-радные интонации явственно звучали у обвинителей.

Но появились новые штрихи. Новые штрихи — это политическое подполье переходит в подполье выродков, людоедов, живущих самыми темными инстинктами: ненависть к матери, ненависть к собственному народу, фашизм, антисемитизм. Трудно об'явить Даниэля антисемитом. Так вот: фашист Даниэль под руку с антисемитом Синявским. Синявский топчет все самое святое, вплоть до матери. Поэтому рассеять эту атмосферу крайне трудно, здесь не помогут ни развернутые аргументы, ни концепции творчества. Уже на следствии я понял, что не это интересует обвинение: интересуют отдельные цитаты, которые все повто-

ряются и повторяются. Я не берусь ни об'яснять замыслы, ни читать лекции про создавшуюся обстановку, ни доказывать — это бесполезно. Я хочу только напомнить некоторые аргументы, элементарные по отношению к литературе. С этого начинают изучать литературу: слово — это не дело, а слово: художественный образ условен, автор не идентичен герою. Это азы, и мы пытались говорить об этом. Но обвинение упорно отбрасывает это как выдумку, как способ укрыться, как способ обмануть. И вот получается: повесть "Говорит Москва", если ее внимательно прочесть, да что там прочесть — хоть пробежать, — кричит одно слово: "Не убей!", "Я не могу и не хочу убивать: человек во всех обстоятельствах должен оставаться человеком!" Но никто не слышит этого: "Ага, ты хотел убить, ты убийца, ты фашист!" Здесь происходит чудовищный подмен. Герой повести "Суд идет" Глобов, человек, может быть, неплохой, в соответствии с некоторыми установками времени высказывает антисемитские настроения, произносит какие-то антисемитские слова: "Рабинович, увертливый, как все евреи..." Ясно, что повесть против антисемитизма, в ней речь идет о деле врачей — но нет, это автор — антисемит, а ну-ка, его к фашистам поближе!

Тут логика кончается. Автор уже оказывается садистом. Понятие антисемитизм обычно связывается с великодержавным шовинизмом. Но тут какой-то особенно изощренный автор: он и русский народ ненавидит, и евреев. Все ненавидит: и матерей и человечество. Возникает вопрос: откуда такое чудовище, из какого болота, из какого подполья. Повидимому, обычно советский суд /я знаю об этом из книг/ при решении вопроса интересуется происхождением преступления, его причиной. Сейчас обвинение этим не интересуется. Вот откуда-то, должно быть из Америки, нас с Даниэлем сбросили с парашютом, и мы начали все разить — такие негодяи! Меня тут с Грацианским сравнивали — так у него темное происхождение, потом он, кажется, шпион. Вполне понятный путь. Ну, а неужели у обвинения о нас не возник вопрос — откуда? Откуда в нашей стране фашист? Ведь если разобраться, то это проблема куда более страшная, чем две книжки, даже очень антисоветского содержания. Эти вопросы обвинением даже не поставлены. Так просто — ходят благополучные снаружи люди, а внутри они фашисты, готовые поднять мятеж и сбросить бомбу. Или эти слова были брошены в лицо просто ради оскорбления?

Я как будто на суде растолковывал /с цитатами/, что Карлинский — самый отрицательный персонаж, что никаких сомнений не возникает насчет отношения к нему автора. Нет, снова прокурор читает кощунствен-

ные слова про рыбок, которых извлекают из материнского чрева, - эти страшные, циничные слова - и патетически восклицает: "Ну, разве тут не сквозит антисоветчина? Разве это не отвратительно?" Да, отвратительно, да, сквозит. Тоже и слова: "Социализм - это свободное рабство". Но это и герой - антисоветский, разоблаченный герой. И никакого сомнения в этом нет. Но или меня не слушали, или это неважно было. Скорее - неважно было.

Государственного обвинителя я даже понимаю. У него более широкие задачи, он не обязан всякие там литературные особенности учитывать: автор, герой, то да се... Но когда с такими заявлениями выступают два члена Союза писателей, из которых один - профессиональный литератор, а другой - дипломированный критик, и они прямо рассматривают слова отрицательных персонажей, как авторские мысли - тут уже теряешься. Например, высказывания о классиках в "Графоманах": нельзя же оттого, что повесть от первого лица, от лица графомана-неудачника, в котором, может быть, и есть некоторые автобиографические черты, заключать, что автор ненавидит классиков. Так может считать малограмотный человек, который только читать научился. Тогда, конечно, Достоевский - человек из подполья, Клим Самгин - это Горький, а Иудушка - Салтыков-Щедрин. Тогда все наоборот будет.

Общественный обвинитель попытался поставить вопрос о двойном дне. Общественный обвинитель Васильев даже не постеснялся упомянуть про пеленки, которые были подарены моему новорожденному сыну - кстати, не мадам Замойской, а совсем другой француженкой. Даже белье пошло в ход, чтобы показать, как за светлым обликом скрывается мрачное нутро - мое и Даниэля. Приводились цитаты из моих статей: как он тут писал о соцреализме с марксистских позиций, а там - идеалист - ха-ха? Если бы я мог писать с идеалистических позиций здесь, я бы писал так здесь. Когда мне поручали какую-нибудь работу здесь, я часто отказывался, искал близких мне авторов. Кедринкой это хорошо известно, она же работала со мной в одном институте. Ей известно, что я не лез в герои, не выступал на собраниях, не бил себя кулаком в грудь, не говорил лозунгами. А частенько меня прорабатывали за ошибки, за уклоны, неточности. В характеристике из ИМЛИ, которая пришла в КГБ уже после моего ареста /даже следователь возмутился, когда пришла характеристика, где я задним числом из старших научных сотрудников в младшие переведен/, в этой характеристике есть и правда: там говорится, что мои идейные позиции не четкие, что я писал о Цветаевой, Мандельштаме, Пастернаке, сбивался в сторону. Сбивался

потому, что хотел писать о них. Делал все максимальное, чтобы выразить свои подлинные мысли, в качестве Синявского. Поэтому у меня и были неприятности, и выговоры, и меня ругали в печати и на собраниях, и никакими особыми благами, кроме зарплаты, я не обладал. Обвинитель говорил, что я мелькал в Союзе писателей. Что я там - ссуды брал, или командировки, или бесплатные путевки на курорт получал? Обвинитель перечислил, что за 10 лет мне подарили несколько вещей на дни рождения разные знакомые. Уж если бы я какую-нибудь бесплатную путевочку получил, как бы она фигурировала здесь!

Неужели вновь об'яснять простые вещи? Меня упрекали, что я матерей оскорбил. А у меня в "Любимове" прямо сказано: "Матерей не смейте трогать". Ведь Леню Тихомирова волшебная сила оставила за то, что он покусился на душу матери. Что же, оскорбил я матерей? А что старух так описываю как сморщенные трухлявые грибы - сыроежки, сморчки, лисички - так неужели мне распростертых на полу церкви старух в нихбах изобразить. Это старый-старый литературный прием снижения. Государственный обвинитель не обязан в это вникать, но писатель!?

В итоге - все маскировка, все уловки, прикрытие, как и кандидатская степень. Худосочная литературная форма - это только прикрытие для контрреволюционных идей. Идеализм, гиперболизм, фантастика - все это, конечно, уловки ярого антисоветчика, который всячески замаскировался. Ну, ладно, здесь замаскировался. Ну - это понятно, но там-то, за границей, мог ведь и не маскироваться, уж там-то я мог себе позволить?.. Гипербола, фантастика... Тогда само искусство оказывается уловкой, прикрытием для антисоветских идей.

Ну, хорошо, но ведь есть фразы, мысли, образы, которые прямо говорят об обратном. Их не видно за этими махровыми цитатами, не видно. Их можно повторить, но это бессмысленно. Ведь рядом с фразой, которая здесь повторялась десятки раз: "Для того, чтобы никогда не было тюрем, мы построили новые тюрьмы", - ведь рядом - я просил прочесть - сказано: "Коммунизм - это светлая цель". Но этого уже читать не захотели. И тирада за революцию - она тоже никого не интересовала, никого не интересовал анализ содержания, интересовали только отдельные формулировки, антисоветские формулировки, штампы, которые можно приложить на лоб Даниэлю и Синявскому, как на повесть.

Гражданин государственный обвинитель сказал такую фразу, /она меня поразила, я ее даже записал/: "Даже зарубежная пресса говорит, что это антисоветские произведения". По логике, ежели вдуматься, это что? Высший критерий истинности для прокурора? Вот ежели и она

признала, так мы-то и подавно должны? Меня особенно поразило это "даже". Я бы это "даже" поставил в другом месте: если даже антисоветская пресса в определенной части своей пишет, что это не антисоветские произведения... Вот ведь Карл Миллер пишет о погруженности автора в почти незыблемую верность коммунизму. Или еще: "Терц с вождением вспоминает о революции, но относится не ортодоксально к дальнейшему". Ну зачем же этим буржуям говорить, что Терц вожделеет к революции, зачем же, если мы фашисты? Как доказательство вины, обвинение приводит слова Филиппова, а другие - дураки, там, наверное, - Милош, Фильд - они же побольше стоят, чем Филиппов, это ведь более солидные авторы. В результате формулировка: "злоба, которой мог бы позавидовать белогвардеец" - и приводит в доказательство штампы на книге /что-то вроде "Боритесь с КПСС" и еще что-то, не помню/. Штамп на книге, оказывается равен самой книге. Такой штамп я хорошо представляю себе на произведениях Зощенко, Солженицына, на "Реквиеме" Ахматовой... Проводится знак равенства между агитационным штампом и художественным произведением.

Возникает вопрос: что такое агитация и пропаганда, а что художественная литература? Позиция обвинения такая: художественная литература - форма агитации и пропаганды; агитация бывает только советская и антисоветская, раз не советская, значит, антисоветская.

Я с этим не согласен. Но, хорошо, если писателя надо по таким нормам судить и рассматривать, то что делать с человеком, который печатает прокламации. Он ведь тоже укладывается в рамки статьи 70-й. Если художественное произведение надо судить по высшей мере наказания этой статьи, то что делать с листовкой? Или нет никакой разницы? С точки зрения обвинения - нет.

Литературовед Кедрина здесь говорила, что из бабочек на лугу политического содержания никто не вытащит. Но действительность не сводится к бабочкам на лугу. А из Зощенко не вытаскивали антисоветского содержания? Да из кого только не вытаскивали? Я понимаю, в чем тут разница: они печатались здесь. Но вытаскивали-то у всех, особенно если сатира: Ильф и Петров - у них тоже находили клевету. Даже у Демьяна Бедного - и то была усмотрена клевета; правда, в другое время. Я не знаю крупного писателя-сатирика, у которого не отыскивали бы такие вещи. Но, правда, еще никогда не привлекали к уголовной ответственности за художественное творчество. В истории литературы я не знаю уголовных процессов такого рода, включая авторов, которые тоже печатали за границей, и притом резкую критику. Я не хо-

чу себя ни с кем сравнивать, но, вероятно, советские граждане равны перед законом?

Мне приводили аргументы, на которых кончалась возможность объяснить что-то. Если я в статье пишу о любви к Маяковскому, мне отвечают: "Маяковский писал: "у советских собственная гордость", а ты послал за рубеж". Но почему я, пусть такой непоследовательный и немарксистский, не могу восхищаться Маяковским?

Тут начинает действовать закон "или-или", иногда он действует правильно, иногда - страшно. Кто не за нас, тот против нас. В какие-то периоды - революция, война, гражданская война - эта логика может быть и правильна, но она опасна применительно к спокойному времени, применительно к литературе. У меня спрашивают: где положительный герой. Ах, нет? А-а, не социалист? Не реалист? А-а, не марксист? А-а, фантаст? А-а, идеалист? Да еще за границей! Конечно, контрреволюционер!

Вот у меня в неопубликованном рассказе "Пхенц" есть фраза, которую я считаю автобиографической: "Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться..." Так вот: я другой. Но я не отношу себя к врагам, я советский человек, и мои произведения - не вражеские произведения. В здешней наэлектризованной, фантастической атмосфере врагом может считаться любой "другой" человек. Но это не объективный способ нахождения истины. А главное - я не знаю, зачем придумывать врагов, громоздить чудовища, реализуя художественные образы, понимая их буквально.

В глубине души я считаю, что к художественной литературе нельзя подходить с юридическими формулировками. Ведь правда художественного образа сложна, часто сам автор не может ее объяснить. Я думаю, что если бы у самого Шекспира /я не сравниваю себя с Шекспиром, никому это и в голову не придет/, если бы у Шекспира спросили: что означает Гамлет? Что означает Макбет? Не подкуп ли тут? - я думаю, сам Шекспир не смог бы точно ответить на это. Вот вы, юристы, имеете дело с терминами, которые чем уже, тем точнее. В отличие от термина значение художественного образа - он тем точнее, чем шире.

Воскресные газеты пересказали это так:

ПОСТАВЩИКИ АНТИСОВЕТСКОЙ "КУХНИ"

Судебный процесс по уголовному
делу А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля.

- Я обвиняю Синявского и Даниэля от имени живых писателей и от имени наших товарищей, погибших в боях за свободу и независимость Родины! - эти слова общественного обвинителя писателя А. Васильева прозвучали в зале судебного заседания Верховного Суда РСФСР 12 февраля.

Третий день Судебная Коллегия Верховного суда РСФСР в открытом заседании слушает уголовное дело Синявского и Даниэля. Все яснее становится облик этих поставщиков антисоветской "кухни". Вызванные в суд свидетели подтвердили, что подсудимые не только писали, но и нелегально отправляли в зарубежные издательства свои произведения, порочащие наш государственный строй. Они знакомили со своим "творчеством" друзей и знакомых, требуя взамен полной секретности. Трое свидетелей говорили на суде, что предупреждали Даниэля: публикация его книг за рубежом может принести ущерб нашей Родине. Но подсудимый пренебрег этим...

После выступления экспертов, которые подтвердили, что книги и статьи, появившиеся за рубежом под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак, действительно написаны Синявским и Даниэлем, судебное следствие закончилось.

Председатель суда дает слово общественному обвинителю члену Союза писателей СССР А.Васильеву. Союз писателей СССР, Союз писателей РСФСР и Московская писательская организация поручили ему, как и З.Кедриной, выступить от их имени на процессе.

- В Институте мировой литературы, в редакциях наших журналов, в Союзе писателей, - сказал А.Васильев, - часто появлялся кандидат филологических наук, критик Синявский. Здесь он выдавал себя за борника интересов советской литературы и даже вступал в драку с теми, кто, по его мнению, пытался увести советскую литературу с марксистско-ленинских позиций. Теперь мы знаем, что куда большую часть своего времени Синявский тратил на писание книг и статей, полных ненависти и злобы ко всему советскому, такой ненависти и злобы, которой

могут позавидовать белогвардейцы. Синявский превращался в Абрама Терца...

А Даниэль? Живя на деньги, получаемые в советских издательствах за переводы стихов, он корпел над рукописями для буржуазных издательств...

Некоторые западные деятели, говорит А.Васильев, называют Синявского и Даниэля честными и порядочными людьми. Странное понятие о честности и порядочности, если к честным людям причисляются двурушники, суб'екты с двойным дном!

Логика событий привела Синявского и Даниэля во враждебный советскому народу и социализму лагерь. В предисловии к повести Абрама Терца "Любимов", изданной в Вашингтоне на русском языке, ярый антисоветчик некий Б.Филиппов писал о нем: "наш автор". Обратите внимание: "наш автор".

Подсудимые, продолжает А.Васильев, были единодушны не только в выборе псевдонимов, взятых из блатных песен, но и в своих устремлениях. Задыхаясь от бессильной злобы, Синявский истерически кричит в повести "Любимов": "Когда бы у нас была бы хоть одна батарея, хоть какой-нибудь плохонький карабин, мы бы не стали потрясать небосвод грубыми воплями... Ну, понимаете, ничего нет под руками!"

На предварительном следствии и на судебном процессе Синявский уверял, будто его антисоветские сочинения - это литературная забава, они вызваны стремлением к фантастическому, неумной тягой к сатире, к гротеску. Но для Синявского-Терца вообще нет ничего святого. Не пощадил он и дорогое для каждого человеческого существа слово "мать". Послушайте, - говорит А.Васильев, - как он измывается над русскими матерями: "Матери были тут же, под рукой. Они ползали по полу, похожие на грибы: сыроежки, сморчки, синички, трухлявые, червивые горбуны и развалихи. Как они живут еще, чем дышат, откуда черпают силы сползаться сюда, зачем они и кому они еще нужны?"

Всю свою ненависть и злобу он направил против В.И.Ленина. Синявский кощунственно пишет о Владимире Ильиче. Небезынтересно, что многие высказывания о нашем вожде Синявский списал у меньшевиков-эсеров - из газет "Дело народа" и "Вперед", опубликованных в 1918 году.

Товарищи судьи! - говорит общественный обвинитель. - На скамье подсудимых сидят два антисоветчика, заранее знавших, на что они шли. Перед нами - авторы клеветнических, антисоветских книг и статей, которые они с преступными замыслами переправляли за границу, тем самым помогая врагам нашего народа в провокационной, подрывной работе,

направленной против советского строя. Преступление должно быть наказано!

За столом обвинения встает седая женщина. Это известный советский литературовед З.Кедрина.

В основу своей "творческой концепции" Синявский положил нигилистическое отрицание самой основы нашей литературы — социализма и коммунизма. А в своей практике он клеветает на советских людей, на нашу страну.

В одном из своих творений он рисует якобы повседневную жизнь советских людей. Что же это за люди? Воры и убийцы, пропивающие свои "доходы" по ресторанам и развлекающиеся на манер охотнорядских купцов. А едва ли не единственный рабочий в терцовских произведениях становится вором. Перед читателем появляются трущобы, населенные озлобленными и униженными подонками.

А чего стоит насквозь антисоветская повесть Аржака "Говорит Москва"! Сюжет этого произведения столь же прост, сколь и чудовищен. Правительственным указом об'является "день открытых убийств", когда каждый может уничтожить любого человека, кого ему заблагорассудится. Главный герой произносит несколько зажигательных речей, в том числе и о том, кого бы, с его точки зрения, и на самом деле стоило убить. Обыкновенный фашизм, скажете вы? Да, фашизм! Герой этой книги пытается доказать, будто идея "открытых убийств" берет начало "в самой сути социализма".

В непристойной песенке об Абрашке Терце, который и стал "крестным отцом" Синявского, когда он вступил на зыбкую почву потайной антисоветской пропаганды, есть такие слова: "Абрашка Терц все лазал по карманам..." Эта строка метко характеризует "творческий метод" Синявского, беззастенчиво шарившего по чужим книгам.

Специализировавшись на пошивке лоскутных одеял антисоветской пропаганды из уворованных и вывернутых наизнанку клочков чужих образов и мыслей, Синявский и Даниэль все же внесли в это дело и нечто "свое", "задушевное". Это, во-первых, порнография, рядом с которой самые рискованные пассажи Арцыбашева выглядят литературой для дошкольников. Это, во-вторых, стойкий аромат антисемитизма, которым веет прежде всего, от провокационной подмены имени Андрей Синявский псевдонимом Абрам Терц.

— По поручению писательской организации нашей страны, — говорит З.Кедрина, — и, поддерживая требование о наказании Синявского и Да-

ниэля за их уголовные деяния, я стремлюсь защитить нашу землю и нашу литературу от грязных посягательств прислужников антисоветской пропаганды.

Затем слово предоставляется государственному обвинителю - помощнику Генерального прокурора СССР О.П.Темушкину. Подробно, детально анализирует он книги подсудимых, изданные за рубежом, обнажая их антисоветскую сущность. Содержание этих книг, подчеркивает прокурор, свидетельствует о враждебном отношении Синявского и Даниэля к политике КПСС, к советскому строю. Именно поэтому их пасквили широко печатались буржуазными издательствами. Именно поэтому, боясь ответственности, Синявский и Даниэль скрывались под псевдонимами...

Прокурор требовал приговорить Синявского к семи годам лишения свободы с последующей ссылкой на пять лет, а Даниэля - к пяти годам лишения свободы с последующей ссылкой на три года.

И снова аплодирует зал, когда государственный обвинитель, заключающая речь, говорит:

- Даниэль закончил одну из своих пасквильных повестей, ту самую, где об'является "день открытых убийств", такими словами: "Это говорит Москва". Нет, Даниэль! Нет, Синявский! Москва говорит совсем другое. Москва провозглашает идеи демократии и социализма. Москва оповестила весь мир о том, что первый лунник - советский. И этими же устами провозглашает: позор клеветникам и отщепенцам!

В вечернем заседании с речами выступили защитники Э.Коган и М.Кисенишский.

Суд заслушал последнее слово подсудимого Синявского.

Судебное заседание будет продолжаться 14 февраля.

/Корр. ТАСС/

Из зала суда

ИМЕНЕМ ЖИВЫХ И ПОГИБШИХ

Третий день идет судебное разбирательство дела Синявского и Даниэля, привлеченных к уголовной ответственности за клевету на советский народ и Советское государство.

Критик Синявский, выступавший на протяжении многих лет в советской печати, поучавший, громивший, хваливший тех или иных советских писателей, выступавший в защиту основ советской литературы, оказав-

шись на скамье подсудимых, с отчаянным откровением выдвинул вдруг новое литературное кредо, какую-то мешанину из теологии и мистики, называя все это фантастическим реализмом. "Произведения у меня сложные, запутанные, - то и дело повторяет Синявский. - Трудно разобраться в логической сущности образов, сам не знаю, что они значат".

Преступник, пойманный с поличным на месте преступления, часто принимает личину невменяемого. Подобное происходит и здесь. Только на этот раз преступник - литератор и защищается он литературными аргументами - новой, якобы им рожденной теорией, основанной почти на мистическом начале, когда автор пишет, сам не зная, что и как, а значит, ни за что не отвечает.

Но фантазия фантазией, а цитаты-то из произведений Синявского и Даниэля, которые зачитывались на суде, оказываются сугубо реалистическими: злопыхательскими, кощунственно-предательскими по отношению к своей стране, к своему народу.

- С какими намерениями вы посылали свои произведения за границу? - спрашивает Синявского его защитник.

- Руководствуясь творческими потребностями и литературными намерениями.

Но как совместить эти "творческие потребности" с барахлишком, которое передавали ему его иностранные друзья. /"Это были подарки, - поправляет Синявский, - я тоже взамен посылал"./.

А литературные намерения обратились миллионом на счету автора, с чем его и поздравила Элен Замоиская /Пельтье/, тайно переправлявшая его рукописи за границу.

Характерно, что "произведения" Синявского и Даниэля, поливавшие грязью святая святых нашего народа, издавались захудалым издательством эмигрантов контрреволюционера Филиппова и так называемым "центральным объединением политической эмиграции", буржуазными издательствами, падкими до антисоветчины.

- Но разве нельзя издаваться за границей? - наивно спрашивает Даниэль, он же Николай Аржак.

Почему же? Сотни произведений нашей литературы переводятся на иностранные языки и печатаются почти во всех странах мира. Они несут читателям других стран правду о нашей жизни, открывают широкий мир советской действительности, нашей морали, наших взаимоотношений. Но ни одному из них не предпосылаются антисоветские предисловия ни одно из них не передает в эфир пресловутая радиостанция "Свобода" с контрреволюционным вступлением, как это она сделала, вещая целых

шесть часов пасквиль Синявского. А если какой зарубежный издатель и попытается издать книгу советского писателя, исказив ее в антисоветских целях, то писатель поднимает свой гневный голос, слышный во всем мире, как когда-то сделал Анатолий Кузнецов, передавший дело во французский суд на французского издателя, исказившего в корыстных целях его повесть.

Думали ли Синявский и Даниэль о своем преступлении, о возмездии, не собирались ли прийти с повинной?

Это вопрос задает обоим подсудимым председательствующий на суде Л.Н.Смирнов.

- Да. Совсем недавно мы об этом говорили, - отвечает Даниэль.

- Был разговор, - соглашается Синявский.

- Почему вы хотели это сделать?

После некоторого молчания Синявский отвечает:

- Думал, что лучше быть в одном лице, чем в двух.

Не будем говорить, о каком одном истинном лице он говорил. Но факт, что лица клеветников и антисоветчиков оба сохранили.

Характерно в этом отношении показание на суде свидетельницы Докукиной, приятельницы Синявского, которая была хранительница его рукописей.

- Когда Синявский передал Вам рукописи? - спрашивает председательствующий.

- Лет пять назад.

- А затем?

- Затем он приезжал, одни забирали с собой, другие оставлял.

- А вы знали, что это за рукописи?

- Нет.

- Как же так? К вам приезжает человек, имеющий свою квартиру, свой письменный стол, и оставляет для хранения какие-то бумаги, а вы даже не интересуетесь, какие они?

- Один рассказ я читала.

- Только один?

- Да.

- Ну, хорошо. А дальше что было?

- Когда я узнала об аресте Синявского, я увезла рукописи к себе на дачу и там их сожгла.

- В том числе и рассказ?

- Да.

- А зачем вы сожгли?

- Видимо, инстинкт самосохранения.

- Погодите, как же так? Вы говорите, что рукописи не читали, а сожгли их. А может быть, это были произведения, которые показывали Синявского с хорошей стороны?

Докукина молчит.

Но то, о чем умолчала свидетельница, раскрыли в своих выступлениях общественные обвинители Аркадий Васильев и Зоя Кедрина. Они дали глубокий анализ всем "произведениям" Синявского и Даниэля, переправленным за границу, вскрыв всю их антисоветскую сущность.

Словно отвечая тем зарубежным критикам, которые превозносили эти произведения как шедевры литературы, Зоя Кедрина с беспощадной доказательностью вскрывала их убогость, эпигонство, их прямое шарлатанство, их подражательность худшим образцам западной бульварной литературы.

От имени писательской общественности, Аркадий Васильев сказал:

- Весь ход предварительного следствия, судебного расследования, экспертизы, вещественные доказательства убеждают в том, что на скамье подсудимых сидят два антисоветчика, заранее знавших, на что они шли, понимавших всю меру ответственности за содеянное.

Перед нами авторы клеветнических, антисоветских книг и статей, которые они с преступными замыслами переправляли за границу и тем самым помогали врагам нашего народа в провокационной подрывной работе, направленной против мира.

- Каждый, кто входит в Центральный дом литераторов, - заканчивает свое выступление Аркадий Васильев, - видит на мраморной плите имена 73-х наших товарищей, погибших в боях за свободу и независимость нашей Родины. Я обвиняю Синявского от имени живых и погибших.

Преступление должно быть наказано.

С большой, глубоко аргументированной речью на утреннем заседании выступил помощник Генерального прокурора СССР О.П.Темушкин.

Прокурор потребовал приговорить Синявского к семи годам лишения свободы с последующей ссылкой на пять лет, а Даниэля - к пяти годам лишения свободы с последующей ссылкой на три года.

На вечернем заседании выступили с речами защитники Э.Коган и М.Кисенишский.

Было заслушано последнее слово подсудимого Синявского.

Суд подходит к концу. Каков бы ни был приговор, ясно одно: советский народ не позволит никому, под какими бы масками "творчества"

он ни выступал, глумиться над самыми дорогими завоеваниями революции, нашей государственностью, над святыми для нас именами, не позволит клеветать на все, что завоевано ценой немалых сил и страданий народа.

Говорят, что клевета - это поджог доброго имени. Доброго имени советского народа, коммунистической партии, Советской власти не поджечь никому.

И.Конетко

"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ", 13.2.1966 г.

Из зала суда

ПОРА ОТВЕЧАТЬ

Подходит к концу процесс по делу Синявского и Даниэля. И хотя впечатления пока, так сказать, чисто репортерски, совсем свежие, хочется уже и поразмыслить немного над тем, что видел и слышал за эти три дня.

В перерывах между заседаниями суда было полно разговоров, в которых сильно сквозило возмущение и презрение. Но многие просто недоумевают: как же в наши дни могло произойти такое?

В самом деле. Два сравнительно молодых человека /обоим по сорок лет/, воспитанники советской школы, а потом вуза, жившие бок о бок с нами, вдруг стали пособниками злейших наших врагов. Почему? С какой целью? И как могла возникнуть мысль посылать откровенно злобные, клеветнические писания о нашей стране, о нашем народе за рубеж?

Случай, конечно, уникальный, из ряда вон выходящий. Но естественно стремление понять его причины и следствия.

Об'яснения обоих подсудимых хоть и различались по форме, были одинаково смехотворны. Факты они обходили, а напирали больше на психологию. Даниэль прикидывался этаким большим младенцем, который не мог уразуметь, что такое клевета, не ведая, что за рубежом живут не только наши доброжелатели, но и враги, и его корреспонденция на Запад - желаннейшая находка для реакционных буржуазных и белоэмигрантских изданий.

Его коллега по скамье подсудимых, тот все время наводил тень на ясный день, разглагольствуя о несовершенствах мирового бытия, новой

религии и о своем особом восприятии действительности, недоступной простым смертным. Поистине метко заметил А.М.Горький: "Ложь нельзя сказать просто: она требует громких слов, многих украшений".

Все это, конечно, столь нелепо в сопоставлении с реальными доказательствами антисоветской деятельности Синявского и Даниэля, что присутствующие то гневно возмущаются предельным цинизмом подсудимых, то откровенно смеются над их, мягко говоря, наивными ответами. И председательствующему Льву Николаевичу Смирнову, который четко, я бы сказал, блестяще ведет процесс, все время приходится успокаивать зал.

Но все-таки где же причины падения двух людей, считавших себя интеллигентными? Одной из них, мне кажется, является крайняя идейная распущенность, моральная безответственность подсудимых. Полная утрата ими гражданских, патриотических чувств родила ненависть к нашему государственному строю, к идеям коммунизма, к образу жизни советских людей. Все это привело подсудимых к прямым враждебным действиям.

С 1956 года Синявский начал писать свои пасквиль. Чуть позже - Даниэль. Они, конечно, тщательно скрывали от общественности эту подпольную деятельность. Однако, читали явно антисоветские произведения некоторым знакомым, друзьям. Кое-кто морщился, другие разбирали стилистические и литературные достоинства или недостатки. Увы, не нашлось ни одного из знакомых и близких, которые слушали или читали антисоветские произведения Синявского и Даниэля и кто бы по достоинству оценил эти писания и высказал свое мнение со всей прямотой. А чтобы оценить антисоветскую сущность этих произведений, особой проницательности не требовалось. Нужна была элементарная порядочность советского гражданина.

Об этом я думал, когда суд закончил допрос Синявского и перешел к допросу свидетелей. Не стану пересказывать содержание всех допросов.

Первым в зал заседаний был вызван Андрей Ремезов, библиотекарь, знакомый Синявского.

- Свидетель, вы печатали свои произведения за границей?

- Да, - последовал ответ.

Как выяснилось, когда Ремезов узнал, что Синявский послал свой пасквиль за границу, он... пошел по проторенной дорожке - через Синявского послал за рубеж и свои "произведения".

Ремезов выступал в качестве свидетеля и, естественно, суд не вдавался в подробности его поступков. Но он пролил свет на еще одну сторону деятельности Синявского. Оказывается, он не только писал антисоветчину сам, но и служил посредником, организовывал пересылку за границу рукописей своих знакомых. Кстати, Синявский - кандидат филологических наук - "не знал", как он заявил под смех зала, что значит слово "посредник". Потом выяснилось, что свои антисоветские книжки, уже изданные за границей, он распространял и среди своих знакомых в СССР.

Свидетель Докукина. Нет, боже упаси, она бы никогда, очевидно, не осмелилась поступить так, как ее знакомый. Но однажды Синявский принес ей какой-то сверток - на хранение. Что в нем было? Она не знает. Когда Синявского арестовали, Докукина перевезла сверток на дачу и сожгла. Что сожгла? Тоже не знает.

Все же вопросы государственного обвинителя и председательствующего заставляют Докукину сказать правду. Она знала, что было в свертке, читала пасквили Синявского. А ведь не сказала ему, что он идет на преступление. Нет, хранила. Потом сожгла рукописи, как она выражается, из "чувства самосохранения".

Яков Лазаревич Гарбузенко, завуч одной из школ, был хорошо знаком с Даниэлем. Тот прочитал Гарбузенко рукописи всех своих антисоветских пасквилей. И что же?

- Я указал Даниэлю на ряд стилистических ошибок в его работах.

- Но ведь это же антисоветские произведения.

- Когда Даниэль сообщил, что хочет опубликовать свои вещи за границей, я ужаснулся и не посоветовал это делать.

- Скажите, свидетель, - следует вопрос, - вы видели уже изданную книгу "Говорит Москва" с предисловием белоэмигранта Филиппова? Вот эту? - председательствующий показывает книгу.

- Да, видел.

- Читали антисоветское предисловие?

- Нет, я только перелистал...

- Но вы же знали, что это клеветнический пасквиль на наш народ, на наше правительство? Как же вы остались равнодушным?

На этот вопрос ответа так и не последовало.

Сам он не делал ничего дурного, даже предостерегал по-дружески. И равнодушно взирал на антисоветскую деятельность своего друга. Там, где надо было возмутиться, шептал: "поостерегись, как бы чего не вышло..."

На утреннем заседании 12 февраля окончился допрос свидетелей. Дали свое заключение эксперты - они установили, что авторами анти-советских произведений являются именно Синявский - Абрам Терц и Даниэль - Николай Аржак.

Затем начались прения сторон. Выступили общественные обвинители Аркадий Васильев и Зоя Кедрина. От имени писательской общественности они клеймили подлые деяния подсудимых и потребовали для них строгого наказания. Государственный обвинитель подробно охарактеризовал преступную антисоветскую деятельность Синявского и Даниэля. Процесс по делу двух отщепенцев подходит к концу. Пришла пора держать ответ.

Ю.Феофанов

"ИЗВЕСТИЯ", 13.2.1966 года

Возможные сроки заключения /за рубежом их называют огромными/, названные в речи государственного обвинителя /7 лет лагерей и 5 лет ссылки - Синявскому, соответственно 5 и 3 - Даниэлю/ сразу перевели этот процесс в другую плоскость. Если раньше говорили о возможности судить за литературное творчество, то теперь уже речь шла о неоправданной жестокости.

Зарубежные литераторы и общественные деятели, незнакомые с нормами советского права и предполагавшие, что наказание будет значительно более мягким, вновь подняли голос протеста.

Судьбой Даниэля и Синявского заинтересовался известный американский журналист-сатирик Арт Бухвальд, статьи которого ежедневно появляются в печати и иногда, в переводе на русский язык - в советской. По его просьбе, мы дали Арту Бухвальду записать на магнитофонную ленту следующие пояснения:

Я очень заинтересовался процессом двух писателей - Даниэля и Синявского, потому что мои собственные статьи часто используются в Советском Союзе в печати - в газетах и литературных журналах. И вот - этих писателей обвиняют в том, что я делаю все время - преднамеренно мои статьи направлены против американского правительства или

американской политики по разным вопросам. Я думаю, что если в Советском Союзе пользуются моими статьями, то нет никаких оснований устраивать суд над Даниэлем и Синявским за нападки против их правительства и его политики.

Затем Арт Бухвальд попросил нас записать и передать нашим советским слушателям свое выступление, которое он назвал "ПРОСЬБА О ПОМИЛОВАНИИ".

Советский Союз устроил процесс над двумя писателями, печатавшими свои произведения за границей под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц. Подлинные имена писателей — Юлий Даниэль и Андрей Синявский. И в том, что они критиковали советский образ жизни, сомнений нет. Но зато есть сомнения, по крайней мере среди многих писателей в Советском Союзе и вне его, надо ли за это судить? Многие западные писатели протестовали против процесса на том основании, что это — нарушение академической свободы. Среди них многие высказывали симпатии к Даниэлю и Синявскому, но мало кто сочувствовал прокурору, судье и советским журналистам, день за днем поносившим этих писателей.

Я прошу помилования э т и х людей, а не Даниэля и Синявского, которые, в конце концов, выживут. Что обвиняемые на московских показательных процессах всегда оказываются виновными, широко известно. Так и должно быть, ибо устраивать такой суд, а затем пускать людей на свободу, было бы ошибкой. Прокурора и судей на таком процессе всегда хвалят за хорошо выполненное дело, а советская печать состязается в том, какой журналист может больше всех опорочить.

Вскоре кто-нибудь из "властей предержащих" решит, что суд над Даниэлем и Синявским был ошибкой, что обвинения были подстроены и что процесс не должен был состояться. Последующая реабилитация этих двух писателей, которые не виновны перед Советским Союзом, не вызывает никаких сомнений. Естественно предположить, что они будут отпущены и, в придачу к реабилитации, им будет дана дача в пригороде.

Но по советской системе, чтобы реабилитировать несправедливо осужденных, необходимо, в первую очередь, найти тех, на кого можно возложить ответственность за вынесенное решение и по закону наказать их за судебную ошибку. Так что, пожалуй, следует скорее волноваться о судьбе судьи Льва Смирнова, прокурора Олега Темушкина и двух главных свидетелей обвинения — Зои Кедринной и Аркадия Васильева. Если все пойдет по плану, то они все, пожалуй, окажутся на скамье

подсудимых за то, что они осудили Даниэля и Синявского.

Многие интеллигенты и здесь и в Советском Союзе готовы уже сейчас осудить этих ученых мужей. Но я уверен, что ни один из них не имел злых намерений, подготавливая обвинительный акт. Я спрашиваю помилования судьи, прокурора и главных свидетелей обвинения на том основании, что они поступили так, а не иначе только из опасения потерять заработок. Каждый из них вправе сейчас предположить, что критика Советского Союза Даниэлем и Синявским может оказаться справедливой. Я не виню и советских корреспондентов, которые присутствовали на суде и писали столько гадостей об этих писателях. Они - жертвы духа времени.

Вот те, кто имеет касательство к присуждению Даниэля и Синявского к заключению, будут справедливо наказаны. Однако, я надеюсь, что моя просьба, как незаинтересованного лица, будет принята. Если судья будет осужден на 5 лет, прокурор - на 4 года, а свидетели Кедрина и Васильев исключены из Союза советских писателей, то, по моему мнению, цели советского судопроизводства восторжествуют.

Утреннее заседание 14 февраля

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

Я знал, что мне будет предоставлено последнее слово, и я думал над тем, отказаться ли мне совсем от него /я имею на это право/, или ограничиться несколькими обычными формулировками. Но потом я понял, что это не только мое последнее слово на этом судебном процессе, а может быть, вообще мое последнее слово в жизни, которое я могу сказать людям. А здесь люди - и в зале сидят люди, и за судебным столом тоже люди. И поэтому я решил говорить.

В последнем слове моего товарища Синявского прозвучало безнадежное сознание невозможности пробиться сквозь глухую стену непонимания и нежелания слушать. Я настроен не так пессимистически. Я надеюсь вспомнить еще раз доводы обвинения и доводы защиты и сопоставить их.

Я спрашивал себя все время, пока идет суд: зачем нам задают вопросы? Ответ очевидный и простой, чтобы услышать ответ, задать следующий вопрос; чтобы вести дело и в конце концов довести его до конца, добраться до истины.

Этого не произошло.

Я не буду голословен, я еще раз вспомню, как все это было.

Я буду говорить о своих произведениях - надеюсь, меня простит мой друг Синявский, он говорил и о себе и обо мне - просто я свои вещи лучше помню.

Вот меня спрашивали: почему я написал повесть "Говорит Москва"? Я отвечал: потому что я чувствовал реальную угрозу возрождения культа личности. Мне возражают: причем здесь культ личности, если повесть написана в 1960-61 году. Я говорю: это именно те годы, когда ряд событий заставил думать, что культ личности возобновляется. Меня не опровергают, не говорят, мол, вы врете, этого не было - нет, мои слова просто пропускают мимо ушей, как если бы этих слов не было. Мне говорят: вы оклеветали страну, народ, правительство своей чудовищной выдумкой о Дне открытых убийств. Я отвечаю: так могло быть, если вспомнить преступления во время культа личности, они гораздо страшнее того, что написано у меня и у Синявского. Все, - больше меня не слушают, не отвечают мне, игнорируют мои слова. Вот такое игнорирование всего, что мы говорим, такая глухота ко всем нашим об'яснениям - характерны для этого процесса.

По поводу другого моего произведения - то же самое: почему вы написали "Искупление"? Я об'ясняю: потому что считаю, что все члены общества ответственны за то, что происходит, каждый в отдельности и все вместе. Может быть, я заблуждаюсь, может быть, это ложная идея. Но мне говорят: "Это клевета на советский народ, на советскую интеллигенцию". Меня не опровергают, а просто не замечают моих слов. "Клевета" - это очень удобный ответ на любое слово обвиняемых, подсудимых.

Общественный обвинитель, писатель Васильев, сказал, что обвиняет нас от имени живых и от имени погибших на войне, чьи имена золотом по мрамору написаны в Доме литераторов. Я знаю эти мраморные доски, знаю эти имена павших; я знал некоторых из них, был с ними знаком, я свято чту их память. Но почему обвинитель Васильев, цитируя слова из статьи Синявского - "...чтобы не пролилась ни одна капля крови, мы убивали, убивали, убивали..." - почему, цитируя эти слова, писатель Васильев не вспомнил другие имена - или они ему неизвестны? Имена Бабея, Мандельштама, Бруно Ясенского, Ивана Катаева, Кольцова, Третьякова, Квитко, Маркиша и многих других. Может писатель Васильев никогда не читал их произведений и не слышал их фамилии? Но тогда, может быть, литературовед Кедрина знает имена Левидова и

Нусинова? Наконец, если обнаружится такое потрясающее незнание литературы, то, может быть Кедрина и Васильев хоть краем уха слышали о Мейерхольде? Или, если они далеки вообще от искусства, может быть, они знают имена Постышева, Тухачевского, Блюхера, Косиора, Гамарника, Якира... Эти люди, очевидно, умерли от простуды в своих постелях - так надо понимать утверждение, что "не убивали"? Так как же все-таки, - убивали или не убивали? Было это или не было? Делать вид, что этого не было, что этих людей не убивали - это оскорбление, простите за резкость, плевков в память погибших.

СУДЬЯ: Подсудимый Даниэль, я останавливаю вас. Ваше оскорбление не имеет отношения к делу.

ДАНИЭЛЬ: Я прошу прощения у суда за резкость. Я очень волнуюсь, мне трудно выбирать выражения, но я буду сдерживать себя.

Нам говорят: оцените свои произведения сами и признайте, что они порочны, что они клеветнические. Но мы не можем этого сказать, мы писали то, что соответствовало нашим представлениям о том, что происходило. Нам взамен не предлагают никаких других представлений, не говорят, были такие преступления или не были, не говорят, что нет, люди не ответственны друг за друга и за свое общество - просто молчат, не говорят ничего. Все наши об'яснения, как и сами произведения, написанные нами, повисают в воздухе, не принимаются в расчет.

Общественный обвинитель Кедрина, выступая здесь, почти целиком, с некоторыми лирическими отступлениями и добавлениями, прочла свою статью "Наследники Смердякова", опубликованную в "Литературной газете" еще до начала процесса. Я позволю себе остановиться на этой статье, потому что она фигурирует на процессе, как обвинительная речь, и еще по одной причине, о которой я скажу позднее. Вот Кедрина, начиная свой "литературный анализ" повести "Говорит Москва", пишет о герое этой повести: "А убивать хочется. Кого же?". В том-то и дело, что моему герою не хочется убивать. Это ясно видно из повести. И, между прочим, это не только мое собственное мнение, со мною согласен в этом гражданин председательствующий; во время допроса свидетеля Гарбузенко он спросил: "Как вы, коммунист, относитесь к тому, что герою повести приказывают убивать, а он не хочет?" Я благодарен председательствующему за это точное определение позиции героя. Нет, я не считаю, что мнение председательствующего должно быть обязательным для литературоведа Кедриной, у нее может быть собственное мнение о произведении, но как оно обосновывается? Вот что пишет Кедр-

рина: "Положительный герой грезит о студебеккерах – одном, двух, восьми, сорока, которые пройдут по трупам". Я возвращаюсь к этому отрывку, он цитировался в статье и здесь, на суде. А между прочим, написано не так, как здесь приводится; ни разу не цитировался этот отрывок полностью: "Ну, а эти, заседающие и восседающие... как с ними быть? А 1937-й год, когда страна билась в припадке репрессий? А послевоенное безумие? Неужто простить?" /Я цитирую по памяти, но точно/. Эти две фразы тщательно опускаются. А почему? Потому что там мотивы ненависти, а об этом уже надо спорить, надо об'яснить как-то, гораздо проще их не заметить. Дальше то, что здесь приводилось: "Нет. Ты еще помнишь, как это делается? Запал. Сорвать предохранительное кольцо, швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь – бросок вперед. На бегу – от живота веером. Очередь. Очередь. Очередь..." Дальше в представлении героя все смешивается – "Русские, немцы, румыны, евреи, венгры, грузины, бушлаты, плакаты, санбаты, лопаты..." – Я привожу этот отрывок, где, действительно, кровавая каша и все прочее весьма не аппетитно: "А почему у него такое худое лицо? Почему на нем гимнастерка и шлем со звездой?.. По трупам прошел студебеккер, два студебеккера, сорок студебеккеров, и ты все также будешь лежать распластаный... Все это уже было!"

Это называется грезить? Мечтать о студебеккерах, которые пройдут по трупам!? Ужас героя перед этой картиной, отвращение – выдавать за мечты! "Обыкновенный фашизм" – Прямо так и пишет. Но то, что это фашизм – это ведь надо подкрепить, и вот Кедрина пишет: "Эту программу "освобождения" от коммунизма и советского строя "герой" повести пытается обосновать, с одной стороны, заверениями, будто идея "открытых убийств" берет начало "в самой сути учения о социализме", с другой, что вражда – в природе человеческого общества вообще". Кстати, в повести нет ни единого слова о советском строе, об освобождении от советского строя; герой повести, как к последнему прибежищу, обращается к имени Ленина /"Не этого он хотел – тот, кто первый лег в эти мраморные стены"/. Так все-таки, кто пытается обосновать программу "освобождения" – герой повести или не герой? Я, когда прочел об этом у Кедринной, подумал, грешным делом, что это опечатка, типографская ошибка – вместо "отрицательный герой" или "другой герой" напечатали просто "герой", и получилось, как будто речь идет все время об одном и том же человеке, о моем положительном герое. Но нет! Эти же слова прозвучали здесь, в зале, снова. А как же в самом деле? Герой не говорит, "что, идея открытых убийств

лежит в самой сути учения о социализме"? Так вот: к герою повести приходит его приятель Володя Маргулис, неумный и ограниченный человек. "Он пришел ко мне и спросил, что я обо всем этом думаю" /"я" - это герой, повесть от первого лица/. И Володя Маргулис "стал доказывать, что все это лежит в самой сути учения о социализме". Так как же, герой это говорит или другой персонаж повести? А герой говорит вот что: "За настоящую советскую власть надо заступиться"; герой говорит, что наши отцы делали революцию, и мы не смеем думать о ней плохо. Это что, герой повести "обосновывает программу освобождения от коммунизма и советского строя"? Неправда! А кто говорит, что "все друг друга в ложке воды утопить готовы"? Что "скоро звери единственным связующим звеном между людьми будут"? У Кедринной получается что это то же "положительный герой". Неправда! Это говорит полубезумный старичок - мизантроп, и герой с ним спорит. Как же обстоит дело с идейным обоснованием псевдопризыва к расправе, к террору и освобождению от коммунизма и советского строя? А вот так, как говорю я, а не так, как утверждает Кедрина. Повесть была прочитана не так, как написана, а нарочито, предвзято, так, как ее невозможно прочесть.

В вину Синявскому и мне ставится все - в частности то, что у нас нет положительного героя. Конечно, с положительным героем легче, есть кого противопоставлять отрицательному. А наши ссылки на других писателей, у которых нет положительных героев, воспринимаются, во-первых, как попытки сравнить себя с этими большими писателями. А во-вторых, очень простой ответ: когда речь идет о Щедрине, то в его произведениях присутствует положительный герой, это народ. Очевидно, незримо присутствует, так как тот народ, который изображен в "Истории города Глупова", вызывает жалость, а не восхищение. И в "Господах Головлевых" народ - положительный герой? А ссылка на сказку о том, как мужик двух генералов прокормил - просто стыдно это слушать. Кедрина, видно, считает, что этот мужик, который из своих волос силки сделал, чтобы для генералов дичи добыть, мужик который добровольно в рабство идет, это положительный образ русского народа? Михаил Евграфович Щедрин с этим не согласился бы!

Я не стал бы ссылаться на статью Кедринной, если бы вся система аргументации обвинения не лежала в той же плоскости. Ну, как доказать антисоветскую сущность Синявского и Даниэля? Тут применялось несколько приемов. - Самый простой, лобовой прием - это приписать мысли героя автору; тут можно далеко зайти. Напрасно Синявский счи-

тает, что только он об'явлен антисемитом - я, Даниэль Юлий Маркович, еврей, - тоже антисемит. Все при помощи простого приема: у меня все тот же старичок-официант говорит, что-то о евреях, и вот в деле имеется такой отзыв: "Николай Аржак - законченный, убежденный антисемит". Может это какой-нибудь неискушенный рецензент пишет? Нет, это пишет в своем отзыве академик Юдин...

Есть еще и такой прием: изоляция отрывка из текста. Надо выдернуть несколько фраз, купюрчики сделать - и доказывать все, что угодно. Самый убедительный пример этого приема - как "Говорит Москва" сделали призывом к террору. Тут все время ссылаются на эмигранта Филиппова: вот кто правильно оценил ваши произведения /вот кто, оказывается, высший критерий истины для государственного обвинителя/. Но даже Филиппов не сумел воспользоваться такой возможностью. Казалось бы, уж чего лучше; если там есть призыв к террору, то уж Филиппов сказал бы вот как подпольные советские писатели призывают к убийствам, к расправе. Но даже Филиппов не смог этого сказать.

Еще один прием: подмена обвинения героя вымышленным обвинением советской власти - то есть автор говорит какие-то слова, разоблачая героя, а обвинение считает, что это про советскую власть говорится. Вот пример. Обвинительное заключение построено в большей части на отзыве Главлита, так вот, в отзыве Главлита говорится буквально следующее: "Автор считает возможным в нашей стране проведение Дня педераста". А на самом деле речь идет о приспособленце, цинике, художнике Чупрове, что он хоть про День педераста станет плакаты писать, лишь бы заработать, это про него главный герой говорит. Кого он тут осуждает - советскую власть или, может, другого героя?

В обвинительном заключении, в отзыве Главлита, в речах обвинителей прозвучали одни и те же цитаты из повести "Искушение". А что это за цитаты? "Тюрьмы внутри нас" - это выкрик героя повести Вольского. Да, это сильное обвинение по адресу всех людей. И я вовсе не старался, как тут говорил Васильев, изобразить дело так, будто я занимаюсь изящной словесностью; я не пытаюсь уйти от политического содержания моих произведений. В этих словах Вольского есть политическое содержание - но что следует за этими выкриками? Кто это кричит? Это кричит безумный человек, он сошел с ума. Он вскоре оказывается в психиатрической больнице.

Еще один, тоже очень простой, но очень сильный прием доказательства антисоветской сущности: выдумать идею за автора и сказать, что в произведении есть антисоветские выпады, когда их там нет. Вот рас-

сказ "Руки". Мой защитник Кисенишский аргументированно доказал, что в этом рассказе нет антисоветской идеи, как его ни толкуй. Возражая ему, Кедрина сказала: "Вы посмотрите, с какой вообще несвойственной ему выразительностью и яркостью Даниэль изобразил сцену расстрела". Прошу, очень прошу, вдумайтесь, что вы сказали: яркость и выразительность описания служат для доказательства антисоветской сущности. Это был ответ на выступление защитника по поводу рассказа "Руки" - и ни слова больше. Если говорить об этом рассказе, то я прошу вас всех: вот вы сейчас придете домой, подойдите к своим книжным полкам, возьмите книгу, раскройте ее и прочтите про то, как красный командир был направлен в команду, которая проводила расстрелы. Он почернел и высох на этой работе, он возвращается домой, шатаясь, как пьяный. И расстреливал он не священников, а хлебобобов, есть там даже такая деталь, я ее хорошо помню: он вспоминает руку расстрелянного, заскорузлую, как конское копыто. Ему очень плохо, очень трудно и очень страшно, он даже оказывается несостоятельным как мужчина, когда остается с любимой женщиной. Ну, так что же, подходит этот отрывок под формулировки, которые звучат в обвинительном заключении - что классовая политика репрессий против советского народа и нравственно и физически калечит людей...

СУДЬЯ: Что за чушь! Какая классовая политика репрессий?

ДАНИЭЛЬ: Я цитирую обвинительное заключение, вот тут написано /читает/: "...якобы классовая политика репрессий против советского народа..." Так написано в обвинительном заключении.

Я сейчас, как вы, вероятно, догадались, пересказал одну из глав "Тихого Дона". Действующие лица - красный командир Бунчук и Анна.

Как нас еще обвиняют? Критика определенного периода выдается за критику всей эпохи, критика пяти лет - за критику пятидесяти лет, если даже речь идет о двух-трех годах, то говорят, что это про все время.

Обвинители стараются не замечать, что вся статья Синявского обращена в прошлое, что там даже все глаголы стоят в прошедшем времени: "мы убивали" - не "убиваем", а "убивали". И в моих произведениях, кроме рассказа "Руки", - о 50-х годах, о времени, когда была реальная угроза реставрации культа личности. Я говорил об этом все время, это видно из моих произведений - не слышат.

И, наконец, еще один прием - подмена адреса критики: несогласие

с отдельными явлениями выдается за несогласие со всем строем, с системой.

Вот, вкратце, методы и приемы "доказательства" нашей вины. Может быть, они не были бы такими для нас страшными, если бы нас слушали. Но правильно сказал Синявский - откуда мы взялись, вурдалаки, кровопийцы, не с неба же упали? И тут обвинение переходит к рассказу о том, какие мы подонки. Пускаются в ход страшные приемы: обвинитель Васильев говорит, что за тридцать сребренников, пеленки, нейлоновые рубашки мы продались, что я бросил честный учительский труд и ходил с протянутой рукой по редакциям, вымаливая переводы. Я мог бы попросить жену, и она принесла бы ворох писем от поэтов, которые просят меня переводить их стихи. Не на легкие переводческие хлеба я ушел от обеспеченного преподавательского заработка, а потому, что с детства мечтал о поэтической работе. Первый перевод я сделал, когда мне было двенадцать лет. Какие это легкие хлеба, любой переводчик знает. Я оставил обеспеченную жизнь, обменял ее на необеспеченную. Я относился к этому как к делу своей жизни, никогда не халтурил. Среди моих переводов были, может быть, и плохие, и посредственные, но это от неумения, а не от небрежности.

Странно, что в той области, где юрист должен быть безупречным, государственный обвинитель не признает фактов. Сначала я думал, что он оговорился, когда сказал, что мы сознавали характер своих произведений: в 1962-м году была радиопередача, а после этого послали за границу "Говорит Москва", "Любимов". Позвольте, а что передавали? Ведь как раз "Говорит Москва" и передавали по радио - что же, я во второй раз послал эту повесть что ли? Я подумал, что это оговорка. Но дальше снова то же: ссылаясь на статью Рюрикова, государственный обвинитель говорит - они были предупреждены, они знали оценку и послали "Любимов" и "Человек из МИНАПа". Когда опубликована статья Рюрикова? В 1962 году. Когда отправлены рукописи? В 1961 году. Оговорки? Нет. Это государственный обвинитель добавляет штришок к моей личности, злобой, антисоветской.

Любое наше высказывание, самое невинное, такое, какое смог бы произнести любой из сидящих здесь, перетолковывается: В "Говорит Москва" речь идет о передовице в "Известиях" - "а-а, вы издеваетесь над газетой "Известия". - "Не над газетой, а над газетным штампом, над суконным языком". - Мне злорадно говорят: "Наконец-то вы заговорили своим голосом!" Неужели сказать о газетных штампах, о суконном

газетном языке - антисоветчина? Мне это непонятно. Хотя нет, в общем-то все понятно...

Ничто здесь не принимается во внимание, ни отзывы литературоведов, ни показания свидетелей. Вот, говорят, Синявский антисемит; но ни у кого не возник вопрос, откуда тогда у него такие друзья: Даниэль - ну, хоть Даниэль сам антисемит, но моя жена Бухман, свидетель Голомшток, или эта мило картавившая здесь вчера свидетельница, которая говорила: "Анд'ей хо'оший человек..."

Проще всего - не слышать.

Все, что я сказал, не значит, будто я считаю себя и Синявского святыми и безгрешными ангелами и что нас надо сразу после суда освободить из-под стражи и отправить домой на такси за счет суда. Мы виноваты - не в том, что мы написали, а в том, что отправили за границу свои произведения. В наших книгах много политических бестактностей, перехлестов, оскорблений. Но 12 лет жизни Синявского и 8 лет жизни Даниэля - не слишком ли это дорогая цена за легкомыслие, за непредусмотрительность, за просчет?

Как мы оба говорили на предварительном следствии и здесь, мы глубоко сожалеем, что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране. Мы этого не хотели. У нас не было злого умысла, и я прошу суд это учесть.

Я хочу попросить прощения у всех близких и друзей, которым мы причинили горе.

Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам - Синявскому и мне - чувствовать себя людьми, любящими свою страну и свой народ.

Это все.

Я готов выслушать приговор.

Из всех доводов защиты суд принял во внимание только один: с Синявского было снято обвинение в передаче за границу рукописей Даниэля. В остальных пунктах приговор дословно повторил обвинительное заключение.

В отношении свидетеля Голомштока суд вынес частное определение о привлечении его к ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний.

Об этом умолчали газеты.

Из зала суда

ЛЮДИ С "ДВОЙНЫМ ДНОМ"

Андрей Синявский...

Юлий Даниэль...

Двое сорокалетних много лет называли себя "писателями". 10 февраля они сели на скамью подсудимых на уголовном процессе, который заканчивается сегодня.

Кто эти двое и за что они привлечены к судебной ответственности по первой части статьи 70-й Уголовного кодекса РСФСР? Первый из них - Андрей Синявский, старший научный сотрудник Института мировой литературы, автор ряда статей о Бабеле и Пастернаке, Маяковском и Пикассо. Но это лишь маска, так сказать, побочное дело. Главное, на что шла вся его энергия, - это стряпня литературных пасквилей на наш народ, на его социальные завоевания, на высокие идеи. Второй - Юлий Даниэль, переводчик. Работая с холодной душой, ради заработка, весь свой темперамент он щедро тратил на писания, начиненные самой махровой антисоветчиной. И Синявский, и Даниэль свои антисоветские, клеветнические произведения тайно переправляли за границу, где их охотно издавали в целях подрыва авторитета Советского государства.

Если сказать кратко, то, по меткому выражению общественного обвинителя писателя А.Васильева, клеветники Синявский и Даниэль - не что иное, как люди с "двойным дном", поставщики антисоветской "кух-

ни", идеологические диверсанты. И по всему этому совершенно закономерно Верховный суд России под председательством Председателя Верховного Суда РСФСР Л.Смирнова начал разбирательство уголовного дела А.Синявского и Ю.Даниэля.

В первый день суда подсудимым было объявлено обвинительное заключение. В нем, в частности, говорилось: "В последние годы в некоторых капиталистических странах получили распространение произведения ярко выраженного антисоветского клеветнического характера. Наибольшим спросом у буржуазных издателей пользовались книги неких Абрама Терца и Николая Аржака". Их "творчество" было взято на вооружение империалистической реакцией, ведущей разнузданную антикоммунистическую пропаганду.

Что это за авторы? Органы государственной безопасности установили, что под этими именами около десяти лет скрываются А.Синявский и его друг и сообщник по грязному ремеслу Ю.Даниэль. Из-под их пера вышло немало "творений", полных ненависти к нашей Родине, народу, к партии, к нашим моральным и нравственным идеалам.

В подтверждение к сказанному — на столе суда, недалеко от подсудимых, так, чтобы им было хорошо видно, — две стопки их антисоветских книжек, изданных за границей на различных языках, в том числе и на русском. Часть тиража нелегально переправлялась в Советский Союз.

Помощник Генерального прокурора СССР О.Темушкин, поддерживающий государственное обвинение, председатель суда, члены суда, общественные обвинители А.Васильев и З.Кедрина, представляющие творческие организации писателей СССР, РСФСР и литераторов Москвы, дали исчерпывающую политическую оценку "деяниям" подсудимых. Были оглашены отрывки из книг Синявского, слепленных из грязи и ненависти, клеветы и цинизма — "Суд идет", "Что такое социалистический реализм", "Любимов", "Мысли врасплох". Они содержат ярые нападки на марксистское мировоззрение, на В.И.Ленина, на нашу партию, на М.Горького, на советскую культуру. Пришлось выслушивать и отрывки из истерических воплей Даниэля: "Руки", "Человек из МИНАПа", "Говорит Москва". Наиболее откровенно злопыхательское неприятие Даниэлем советской действительности выражено в книге "Говорит Москва". Сюжет и все перипетии ее строятся на чудовищном вымысле о том, что якобы Президиум Верховного Совета СССР, по аналогии с Днем шахтера, Днем учителя, издал Указ об учреждении "Дня открытых убийств".

Под давлением неопровержимых улик, А.Синявский и Ю.Даниэль признались, что псевдонимы им понадобились для сокрытия своего авторства. Нельзя было уйти им и от признания того, что книги, нелегально поступавшие в СССР, передавались ими для чтения широкому кругу друзей и приятелей. Неохотно, всячески увиливая от прямого ответа, прячась за фразами о творческом методе, подсудимые вынуждены были согласиться, что их "труды" могут быть использованы и использовались во вред нашей стране. Подсудимые, вопреки фактам и логике, без конца уверяли, что они "этого не хотели" или "сожалеют об этом".

Сопоставление напечатанного Синявским в Советской стране с тем, что вышло из-под его пера для зарубежных издателей, изобличает подсудимого как двурушника. В советской печати Синявский ратовал за социалистический реализм и выступал даже в защиту советского строя, поругивая "очернителей жизни и культуры", а как Абрам Терц был злым его ненавистником.

По словам общественного обвинителя А.Васильева, для Синявского-Терца не было ничего святого. О народе, который его вспоил и вскормил, он писал так: "Пьянство - идея-фикс русского народа... Нация воров и пьяниц не способна создать культуру". Литературовед З.Кедрина привела убедительные факты, показывающие, что Синявский и Даниэль собрали "краски" для своих творений со всех литературных помоек и, в частности, из белоэмигрантской печати разных времен. Добавили они и "свое" - порнографию, вперемешку с компиляцией "клочков чужих образов и мыслей."

Гневно прозвучала речь государственного обвинителя. Глубокий анализ антисоветской сущности книг Синявского и Даниэля полностью изобличал их авторов, как пособников империалистической реакции. Требование осудить А.Синявского на семь лет лишения свободы с последующей ссылкой на пять лет, Даниэля - на пять лет заключения и три года ссылки собравшиеся в зале встретили аплодисментами.

После речей защитников последнее слово было предоставлено подсудимым. Синявский и Даниэль снова долго разглагольствовали... на литературоведческие темы, уходя от прямой оценки своей антисоветской деятельности.

А.Набоков

"ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА", 14.2.1966 г.

ФАКТЫ ИЗОБЛИЧАЮТ

Судебный процесс по делу Синявского и Даниэля.

12 февраля Верховный суд СССР продолжал слушать уголовное дело А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля. Как известно, они обвиняются в том, что сочиняли антисоветские произведения и нелегально пересылали их за границу для публикации под псевдонимами.

На утреннем заседании 11 февраля продолжался допрос Синявского. Суд терпеливо вникает в существо дела, внимательно исследует его детали, чтобы точно определить меру вины подсудимых.

Синявский пытается скрыться в дебрях "литературоведческих" рассуждений. Зачем? Чтобы уклониться от главного - от политической оценки своих произведений, своих действий. Но факты его изобличают.

В статье "Мысли врасплох" Синявский возводит чудовищную клевету на русский народ, называя его нацией воров и пьяниц, не способной создать собственной культуры.

Когда цитаты из "Мысли врасплох" были оглашены, по залу прокатился гул возмущения...

Эту свою статью Синявский отправил для публикации за границу. А сегодня здесь, в зале суда, Синявский лепечет о своей любви к русскому народу. Поразительный цинизм!

Перед участниками судебного заседания - статьи Синявского, опубликованные в советской печати. Сопоставление их с тем, что написано для буржуазных издательств, изобличает подсудимого как двурушника.

- В каких же произведениях выражена ваша точка зрения - в тех, которые печатались у нас, или за рубежом?

Вопрос для подсудимого явно трудный. Он долго мнетя, а потом, играя в наивность, говорит:

- Я точно не знаю...

Факты упрямая вещь. Хочет этого Синявский или не хочет, но его произведения, изданные за рубежом, явно характеризуют автора как человека, глубоко враждебного нашему государственному и общественному строю.

Суд приступил к допросу свидетелей.

На заседании 13 февраля вызванные в суд свидетели подтвердили, что подсудимые не только писали, но и нелегально отправляли в зару-

бежные издательства свои произведения, порочащие наш государственный строй. Они знакомили со своим "творчеством" друзей и знакомых, требуя взамен полной секретности. Трое свидетелей говорили на суде, что они предупреждали Даниэля: публикация его книг за рубежом нанесет ущерб нашей Родине. Но подсудимый пренебрег этим...

После выступления экспертов судебное следствие закончилось.

На заседании суда выступили общественные обвинители члены Союза писателей СССР А.Васильев и Э.Недрина.

Затем слово было предоставлено государственному обвинителю - помощнику Генерального прокурора СССР. О.Темушкину.

На вечернем заседании с речами выступили защитники Э.Коган и М.Кисенишский.

Суд заслушал последнее слово подсудимого Синявского.

На утреннем заседании 14 февраля было заслушано последнее слово подсудимого Даниэля, после чего суд удалился на совещание для вынесения приговора.

"СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА", 15.2.1966 г.

ПРИГОВОР КЛЕВЕТНИКАМ

С 10 по 14 февраля суд рассматривал дело А.Синявского и Ю.Даниэля. На суде упоминалась и цитировалась статья одного из видных советских литературоведов, опубликованная еще в январе 1962 года в журнале "Иностранная литература". Эта статья - отповедь зарубежным "ниспровергателям" социалистического реализма. В ней разбираются концепции вышедшей в ФРГ книги Петера Демеца "Маркс, Энгельс и писатели", а затем автор переходит к разбору анонимной статьи "молодого советского писателя", напечатанной во французской газете "Эс-при" и перепечатанной в Англии, США, ФРГ. Метод рассуждений "неизвестного писателя" и хорошо известного нам фальсификатора Демеца, - отмечает литературовед Б.Рюриков, - в сущности одинаков".

Тут же в качестве наглядного примера того, на какую "художественную" практику опираются теоретические противники социалистического реализма, литературовед рассказывает о "неумной антисоветской фальшивке, рассчитанной на очень уж невзыскательного читателя" и явив-

шейся в обличье романа под названием "Суд идет", автор которого укрылся под псевдонимом Абрам Терц. Роман вышел тогда в Англии и Франции.

Лишь впоследствии выяснилось, что написаны они одним и тем же пером. И уже совсем трудно было предположить, что Абрам Терц живет в Москве, что он научный сотрудник Института мировой литературы имени Горького, автор книги о поэзии первых лет революции, что это критик А.Синявский, систематически печатающийся в советской прессе.

Открытый судебный процесс обнажил неприглядную деятельность А.Синявского и его сподвижника и приятеля Ю.Даниэля. Оба они довольно-таки изощренно двурушничали. В нашей стране они выступали один с литературно-критическими статьями, маскирующими его подлинное лицо, другой как безобидный поэт-переводчик. И оба тайком переправляли за рубеж свои сочинения совершенно иного сорта. Ю.Даниэль печатался под псевдонимом Николай Аржак.

Что собой представляют эти произведения, еще раз было показано на суде в речах общественных обвинителей.

Писатель А.Васильев огласил цитату из повести Николая Аржака "Говорит Москва", где содержатся призывы "кромсать", "изрешетить пулями" советских людей.

Литературный критик З.Кедрина говорила на процессе о том, что в зарубежных "трудах" Синявского-Терца советские люди представлены в виде пьяниц и воров, не способных создать свою культуру, нравственных уродов, упырей, ведьм и оборотней, тупых мужиков, дикой бабы на помеле, убийц, маньяков, растленных эротоманов, тунеядцев и доносчиков. Терц позволяет себе глумиться даже над Лениным, над коммунизмом, над лучшими нашими писателями.

Если в предыдущих своих повестях, продолжает общественный обвинитель, Синявский-Терц задавался целью замарать наши идеалы и наше общество, так сказать, по частям, то в романе "Любимов" автор пытается "снять" проблему построения коммунизма в целом, в "историческом" разрезе, раз и навсегда! - ни больше, ни меньше.

После этого небезынтересно вернуться к статьям А.Синявского, которые он готовил для советской печати. Они не так уже благополучны и добропорядочны, как может показаться. Кое-где в них проглядывают особые устремления и пристрастия автора, но в таком случае они тщательно оснащены маскировочными атрибутами. "Приходилось прибегать к мимикрии", - признался на суде Синявский. Вот образчики этой мими-

крии, защитной окраски, маскировки. Одного автора Синявский упрекает в том, что тот "выступил в роли очернителя нашей жизни и культуры", другого учит "идейной принципиальности", учит, как надо писать образ коммуниста. Рассуждает о "советском человеке - строителе первого в истории социалистического государства, - чувствующем себя в первом ряду борцом за мир, свободу и счастье человечества..."

Не однажды шла речь на судебном процессе о произведении Даниэля-Аржака "Говорит Москва". Сюжет повести таков. Правительственным указом об'является по радио воскресенье 10 августа 1960 года "Днем открытых убийств". В этот день каждый может и должен уничтожить любого человека /кого заблагорассудится/, исключая лиц некоторых административных категорий. Зачем было придумывать такую нелепицу? - спрашивает общественный обвинитель. И отвечает: да затем, чтобы дать главному персонажу возможность произнести несколько "зажигательных" речей, в том числе и о том, кого бы, с его точки зрения, стоило убить. Вот тут-то и возникает яростная тирада о всех тех, кто поддерживает и представляет социалистический строй и осуществляет государственную политику. Герой повести изливает свою ненависть к ним, зовет к расправе над ними.

Не хватит ли? Читатели уже знают, сколько подобных сочинений потайными путями, попирая советские законы, переправили Синявский и Даниэль в буржуазные издательства, с каким восторгом там подхватили эту ядовитую стряпню, используя ее для антисоветской пропаганды, для идеологической борьбы против нашего строя.

Тяжело было присутствовать в зале суда, особенно когда шел допрос подсудимых. Попросту говоря, уж очень было противно наблюдать нечистую игру двурушников. К чему сводились заявления Синявского и Даниэля? То к упорному отрицанию антисоветской сущности их произведений, то к туманнейшим рассуждениям о природе художественного творчества, то к настойчивому стремлению отгородить себя от своих героев. Они пытались представить все написанное ими как создание фантастических, психологических и тому подобных ситуаций, ничего общего не имеющих с политикой, как беззаветное и самозабвенное служение "чистому" искусству, стремились любым способом уйти от ответов на поставленные перед ними вопросы.

Неуместными были ссылки Синявского и Даниэля на то, что автор и герой не идентичны. Суд доказал неопровержимо, что антисоветские высказывания, антисоветская сущность героев и самих авторов в данном

случае совпадают. И уж им-то, людям, сведущим в искусстве, хорошо известно, как действует эмоциональный заряд яростной злобы, лютой ненависти, вложенный хотя бы в слова того или иного персонажа, даже отрицательного, если отсутствует в произведении сила, противоположная этому заряду, сводящая его на нет.

А сам подбор героев и всех действующих в этих романах, рассказах, повестях, "памфлетах" персонажей? Это ведь уж рука автора собирала их, его мозг измышлял невообразимое скопище уродов и чудовищ. Ради чего? В угоду патологической фантазии? Но почему же эта фантазия, стремящаяся к "парадоксальным построениям", разыгрывалась на почве советской действительности, упорно избирала об'ектом своего глумления советских людей, нашу советскую жизнь?

Взрослые люди пытаются представить себя наивными мальчиками, изобразить дело так, будто они не ведали, что творили. Однако никакие ухищрения не помогли обвиняемым избежать ответственности за свои преступления. Куда же уйдешь от того, что их произведения дышат клеветой и ненавистью?

Синявский и Даниэль пробуют казаться людьми не от мира сего, этикетами радателями за любовь и мир на земле, а то и графоманами, которым очень уж хотелось видеть свои произведения напечатанными. Еще один трюк.

Можно попробовать укрыться за своими героями - на всякий неприятный случай, но не всегда это удастся. Можно разыгрывать из себя святош или расшалившихся мальчиков, но это не очень-то вяжется с фактами. Уж очень тщательно маскировались "невинные души", уж очень изворачивались, когда маскировка слетела.

"Наивные мальчики" почтенного возраста занялись своего рода контрабандой. Причем речь идет о товаре специфическом - о духовной отраве. О средствах идеологической борьбы против нас. То есть о предательстве.

Два слова в заключение. В некоторых кругах за рубежом высказывается сомнение: не представляет ли собою суд над Синявским и Даниэлем подавление в писательском творчестве критики недостатков, имеющих в советском обществе? Самая острая критика недостатков, служащая упрочению нашего общества, его очищению и укреплению, поддерживалась и поддерживается советскими людьми и всячески будет поддерживаться. Критика с позиций враждебных, клевета, с помощью которой хотят по-

дорвать основы нашего строя, ослабить его силу, встречала, встречает и, разумеется, всегда будет встречать отпор.

Суд признал А.Синявского и Ю.Даниэля виновными в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР, и приговорил к заключению в исправительно-трудовых колониях строгого режима: Синявского сроком на 7 лет, Даниэля - на 5 лет.

Зал встретил приговор аплодисментами.

Г.Петров

"ПРАВДА", 15.2.1966 г.

УДЕЛ КЛЕВЕТНИКОВ

- Каждый, кто входит в Центральный Дом литераторов, видит на мраморной плите имена наших товарищей, погибших в боях за свободу и независимость Родины. Я обвиняю Синявского и Даниэля от имени живых и от имени погибших. Преступление должно быть наказано!

Этимися словами заключил свою речь общественный обвинитель писатель Аркадий Васильев. И все присутствующие в зале судебного заседания ответили горячими аплодисментами на его страстное и негодующее выступление.

Но еще до того, как председательствующий предоставил слово А.Васильеву, перед судом прошли многие свидетели. Они подтвердили: да, все пред'явленные суду книжки написаны Синявским и Даниэлем. Да, они видели и читали в свое время эти сочинения в рукописи или отпечатанными за рубежом. Да, некоторые из свидетелей предупреждали Синявского и Даниэля о том, что эти рукописи являются антисоветскими.

По окончании судебного следствия суд перешел к прениям сторон. Аркадий Васильев выступил по поручению Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР и его Московского отделения. Он напоминает, что в первом томе "Истории русской советской литературы" опубликована статья подсудимого Синявского "А.М.Горький". Сравнивая с Климом Самгиным Сашку Епанчина, Мечика, Кавалерова, Синявский тогда писал: "Как и Самгин, его литературные "спутники" хотят играть центральную роль в жизни и требуют особого внимания к своей личности. В то же время на них лежит печать деградации, духовного и нравственного вы-

рождения. Им свойственно противоречие между словом и делом, и в действительности они являются не тем, чем хотят казаться. Многие из них мечтают о "третьем пути", среднем между революцией и контрреволюцией, но по логике событий оказываются в стане, враждебном народу и социализму".

Как это все подходит к самому Синявскому и его "коллеге" Даниэлю!

Западные адвокаты называют подсудимых "передовыми представителями" советской интеллигенции. Советская интеллигенция, говорит А.Васильев, с гневом отвергает это утверждение. Советская интеллигенция - это люди, покоряющие космос. Советская интеллигенция - это врачи, спасающие миллионы больных. Советская интеллигенция - это те, кто создает произведения, достойные нашей эпохи. И к этой интеллигенции Синявский и Даниэль не имеют никакого отношения.

Западные адвокаты подсудимых стараются перешеголять друг друга в самой высокой оценке "художественных достоинств" сочинений Даниэля и Синявского. Но А.Васильев спрашивает: разве можно назвать художественным произведением стряпню, в которой на все лады мусолятся убийства, половые извращения, психические ненормальности?

- У Синявского-Терца, - говорит общественный обвинитель, - какая-то патологическая склонность к матерщине и порнографии. Очевидно, это особенно прельщало зарубежных "ценителей изящного искусства".

Дальше общественный обвинитель говорит о том, что наиболее кощунственно в грязных тирадах Абрама Терца и его героев, - о глумлении над самым дорогим для советского человека именем, именем Владимира Ильича Ленина. Он приводит одну цитату, вторую, третью... Даже человеческие качества Владимира Ильича, которыми восхищается весь мир и о которых с уважением говорят враги, вызывают у Синявского злобу.

- Тут я должен сделать небольшое отступление, - говорит А.Васильев, - Синявский, по его словам, успел получить от своих заказчиков две куртки, два свитера, белую нейлоновую рубашку, резиновые сапоги, подписку на журнал, что-то для жены и что-то для сына. Мало! Но я считаю, что и этого много. Хозяева Синявского имели полное основание платить ему меньше^{х)}. Дело в том, что многие высказывания о В.И.Ленине Синявский списал у эсеров, меньшевиков. В этом легко

х) На допросе Синявский и Даниэль заявили, что им известно о переводе крупных сумм на их счета в буржуазных банках.

убедиться, стоит только заглянуть в газеты "Дело народа" и "Вперед" за 1918 год. Где уж тут говорить о честности, когда, даже работая для настоящих своих хозяев, Синявский поступал как мелкий жулик!

В конец своей взволнованной речи общественный обвинитель сказал:

- В статье о Горьком, которую я упомянул вначале, Синявский писал о том, что напрасно, дескать, литературные спутники Самгина, скрываясь за образцово-показательной внешностью, пытаются "теоретически" обосновать предательство, двуличие, притворство и всякого рода подлые мысли. Все равно те, кто поднимает руку на народ, будут разоблачены как псевдогерои, как явление, отжившее и обреченное революцией на уничтожение. От имени всех советских писателей я обвиняю Синявского /"Абрама Терца"/ и Даниэля /"Николая Аржака"/ в тягчайшем преступлении и прошу суд о суровом наказании.

Вслед за А.Васильевым выступает общественный обвинитель - критик и литературовед Зоя Кедрина. Она подчеркивает, что А.Синявский и Ю.Даниэль отрицают не просто социалистический реализм - они отрицают жизненную основу нашей литературы - социализм и коммунизм.

Активное неприятие советской действительности привело подсудимых и к активному неприятию советской литературы. И совершенно не случайно, что одна из антисоветских статей Синявского посвящена "разгрому" социалистического реализма. В связи с этим общественный обвинитель вспоминает статью Б.Рюрикова "Социалистический реализм и его "ниспровергатели", опубликованную еще в начале 1962 года в журнале "Иностранная литература". Автор этой статьи говорит об антисоветской сущности произведений, появившихся за границей за подписью "Абрам Терц". Б.Рюриков полагал, что Терц - это псевдоним какого-то белоэмигранта. Он, естественно, не знал, что Абрам Терц здесь, под боком, в Москве!

- По поручению писательской организации нашей страны, - говорит З.Кедрина, - и поддерживая требование о наказании Синявского и Даниэля за их уголовные деяния, я стремлюсь защитить нашу землю и нашу литературу от грязных посягательств прислужников антисоветской пропаганды.

Затем слово предоставляется государственному обвинителю, помощнику Генерального прокурора СССР О.Темушкину. Он говорит, что ход судебного следствия полностью подтвердил вину подсудимых, подтвердил их враждебное отношение к политике КПСС, к советскому строю. Он считает, что в действиях Синявского и Даниэля установлен прямой умы-

сел - они преследовали цель подрыва Советской власти. Он потребовал приговорить Синявского к семи годам лишения свободы с последующей ссылкой на пять лет, а Даниэля - к пяти годам лишения свободы с последующей ссылкой на три года.

После выступлений защиты предоставляется последнее слово обвиняемым. Подсудимый Даниэль признал себя виновным в том, что переправлял написанное им за границу и тем самым дал идеологическое оружие в руки врагов нашей страны.

Пытаясь опровергнуть доводы обвинения, Синявский вместе с тем сказал, что его произведения "написаны не с марксистских позиций, а с позиций идеализма".

Суд удаляется в совещательную комнату. Собравшиеся с понятной напряженностью ожидают вынесения приговора. И вот снова звучит:

- Прошу встать! Суд идет!

Зачитывается приговор. Суд считает, что материалами дела и судебным следствием полностью подтвержден антисоветский, клеветнический характер опубликованных за границей произведений Синявского и Даниэля. Наличие прямого умысла обвиняемых в антисоветской пропаганде подтверждается как содержанием перечисленных произведений, так и действиями обвиняемых.

Суд приговорил А.Синявского к 7 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима, Ю.Даниэля - к 5 годам пребывания в такой же колонии.

Этот приговор был встречен всеми собравшимися с единодушным одобрением.

Б.Крымов

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА", 15.2.1966 г.

КЛЕВЕТНИКИ НАКАЗАНЫ

Четыре дня в открытом судебном заседании слушалось уголовное дело А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе председателя Верховного суда РСФСР Л.Н.Смирнова, народных заседателей Н.А.Чечиной и П.В.Соколова признала Синявского и Даниэля виновными в соответствии с частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. Суд приговорил Синявского А.Д. к семи годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима, Даниэля Ю.М. - к пяти годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Итак, в высшей степени справедливый приговор по делу Синявского и Даниэля, виновных в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР, произнесен. Приговор суда РСФСР - приговор народа.

Каждый советский человек, патриот своей Родины может сказать: решение суда - это мое решение, мое осуждение преступников, клеветников, людей без чести и совести, глумившихся над советским государственным строем, над нашим народом.

В результате судебного разбирательства - тщательного, объективного, с приобщением к делу множества неопровержимых материалов, документов, вещественных доказательств, была установлена истина во всей ее полноте. А вместе с тем во всем своем отталкивающем облике выявилось подлинное лицо преступников - людей аморальных, циничных и опустошенных, для которых нет ничего святого - ни Родины, ни народа, ни его истории, ни его великих имен.

На суде эти "мыслящие личности", "сатирические писатели" думали только об одном: как уйти от прямых ответов, как выгородить себя, как ввести в заблуждение суд - поведение преступников, схваченных за руки, пойманных с поличным, но пытавшихся любой ценой, любым способом избежать заслуженной кары.

Суд не прерывал их разглагольствований. Они выговорились полностью. И полностью разоблачили себя, Пусть же знают их зарубежные

покровители и издатели, кто такие эти сочинители злобных и клеветнических пасквилей.

Это опустошенные люди, посягнувшие на самое дорогое каждому нашему соотечественнику, на честь социалистической Отчизны, давшие своими "сочинениями" отравленное оружие в руки врагу, не остановившиеся перед тем, чтобы клеветать на свой народ, чернить его перед "свободным миром".

Не найдется сегодня в Москве, в стране человека, который всем сердцем не одобрит справедливого приговора, вынесенного подлым двурушникам и предателям интересов Родины.

Е.Гоголева, народная артистка СССР
"ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА", 15.2.1966 г.

НЕТ НРАВСТВЕННОГО ОПРАВДАНИЯ

Письмо в редакцию

Мы, профессора и преподаватели филологического факультета Московского университета, решили обратиться в редакцию с этим письмом. Мы не можем не выразить публично своего отношения к беспринципной деятельности Андрея Синявского.

Большинство из нас знали Андрея Синявского, когда он был студентом, потом аспирантом, наконец, кандидатом наук, защитившим диссертацию. Синявский не мог считать себя ни обиженным, ни обойденным. Он со студенческих лет привык к заботе и пониманию.

Как и тысячи других, он имел возможность учиться в крупнейшем университете нашей страны, получать государственную стипендию в течение всех студенческих и аспирантских лет. К его услугам были сокровища лучших библиотек столицы. После окончания университета он поступил в аспирантуру. Затем он — сотрудник крупнейшего научно-исследовательского учреждения — Института мировой литературы имени А.М.Горького. Синявский становится членом Союза писателей.

Готовясь получить степень кандидата наук, Синявский в своей диссертации /1952 год/ восторженно писал о величии русской литературы, о социалистическом реализме, о гениальности Горького, как зачинателя литературы социалистического реализма, о ясности и широте ми-

ровоззрения горьковских героев-большевиков. Там же говорится и о том, что Горький развивает лучшие традиции крупнейших представителей реалистической литературы XIX века - Чехова и Л.Толстого. /Автореферат диссертации/.

В статье, опубликованной позже, в 1960 году, Синявский писал о Горьком: "своей повседневной практикой Горький утверждал такой тип писателя, для которого работа в социалистическом настоящем и строительство коммунистического будущего были неразрывно связанными с борьбой против капиталистического прошлого". Творчество Горького для Синявского по-прежнему - образ художественной правды и высокого мастерства. "Образ положительного героя, - писал Синявский, - картины новой революционной действительности раскрываются в богатстве и яркости жизненных проявлений. Павел Власов, Степан Кутузов и другие герои-революционеры горьковских произведений - это характеры, развернутые во всей полноте, яркости, многогранности человеческой природы и личности. Социалистический идеал всегда связан у Горького с представлением о богатстве и многообразии жизни, о прекрасном мире, полном света, красок, звуков, движений."

Таким представлялся Синявский.

Но уже тогда, в 1960 году, когда высказывались приведенные мысли, существовал, оказывается, другой Синявский. Он печатался за границей, скрывая от своих соотечественников все то, что писал под псевдонимом "Абрам Терц". А писал и печатал он прямо противоположное тому, что публиковал на Родине.

То, что под пером Андрея Синявского является заслугой Горького, под пером Абрама Терца превращается в преступление. Горький "начал крестовый поход", пишет А.Терц, против того, что было лучшим в реализме XIX века - против образа "лишнего человека". Этот образ дорог Терцу совсем не тем, за что ценили Печорина и Бельтова Герцен и Белинский. Терц видит в них предшественника того психологического типа, который воспели декаденты: человека, раз'едаемого безверием, скептицизмом, всеразрушающей иронией. И вот этому, наиболее привлекательному, с точки зрения Терца, герою во всей русской литературе XIX века Горький, якобы, об'явил "крестовый поход", стал изображать его как мещанина, а советские писатели будто бы и совсем превратили его во врага. Этому сложному, внутренне богатому существу Горький, по мысли Терца, якобы противопоставил бесчеловечную схему "положительного героя", безжалостного и прямого, как меч. Терц "забыл", что писал Синявский для советских изданий о красочности, многогран-

ности, яркости, органичности положительных героев Горького. Он "забыл", что именно Горький в литературе XX века поднял знамя человечности, гуманизма, боролся за духовный расцвет личности.

Мы убеждены, что ни один честный ученый, ни один уважающий себя человек не в состоянии нравственно оправдать подобного поведения Синявского-Терца.

Но дело не только в нравственной оценке поведения Синявского, хотя сама по себе она необходима, коль скоро речь идет о принципиальности в деятельности филолога. Дело прежде всего в том, что сочинения Терца полны ненависти к коммунизму, к марксизму, к славным свершениям в нашей стране на протяжении всей истории Советского государства.

Рука не поднимается воспроизвести то, что смог написать Терц о коммунизме и марксизме. Вот образец его писаний: "Обезьяна встала на задние лапы и начала триумфальное шествие к коммунизму". И это сказано о величайшем мировом движении, в котором участвовали люди чистого и отважного сердца - от Бабефа до Ленина, от Фурье до Фучика!

Никто Синявского-Терца не тянет в коммунизм. Но народ, в нелегком труде строящий новое общество, не мог равнодушно относиться к тому, как "информируют" о его труде, его целях, его жизни зарубежного читателя отщепенцы вроде Синявского-Терца.

А русский народ... Он тоже оклеветан Терцем. Для академической истории советской литературы Синявский написал раздел о литературе Отечественной войне. В произведениях "Русский характер" А.Толстого, "Русские люди" К.Симонова он отмечал "возросшее в годы войны национальное самосознание русского народа". В рассказе же "В цирке" Терц уверяет зарубежного читателя, что "русскому всегда главное - фокусы и чудеса". И если коммунизм представлен Терцем как идеал вставшей на задние лапы обезьяны, то народ, строящий коммунизм, изображается в повести "Любимов" диким, беспробудно пьяным. Ему все равно, во что верить: в леших, колдунов, в царя или в коммунизм.

Терц клеветает не только на советского человека, - он клеветает на человеческую природу, на все человечество. Абрам Терц осмелился осуждать наше общество, наш народ, нашу мораль с позиций лицемерия и

низости. Он поднял руку на все, что для нас бесконечно дорого и свято, на прошлое, настоящее и будущее нашей страны, на наше человеческое достоинство, на человека.

А.Г.Соколов, декан факультета. А.Н.Соколов, профессор. С.М.Бонди, профессор. А.И.Метченко, профессор. Б.И.Кулишев, профессор. В.В.Ивашева, профессор. В.И.Турбин, старший преподаватель. В.П.Неустроев, профессор. И.А.Глаголев, профессор. Е.П.Любарева, доцент. О.С.Ахманова, профессор. Л.Г.Андреева, доцент. Р.А.Будагов, профессор. Н.С.Чемоданов, профессор. И.М.Гайденов, профессор. П.А.Николаев, доцент. П.Ф.Юшин, доцент. К.В.Горшкова, доцент.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА", 17.2.1966 г.

В секретариате Московской писательской организации.

17 февраля с.г. на очередном заседании секретариата правления Московского отделения Союза писателей РСФСР был рассмотрен вопрос об антисоветской деятельности Синявского А.Д., члена Союза писателей с 1960 года.

При рассмотрении этого вопроса было выяснено, что в 1960 году Синявский подал заявление с просьбой принять его в Союз писателей СССР и в нем собственноручно указал, что литературного псевдонима не имеет, в то время когда за границей был уже опубликован целый ряд его "сочинений" под псевдонимом Абрам Терц. Он скрыл это также и в собственноручно написанной им при вступлении в Союз автобиографии.

Обращаясь за рекомендациями, необходимыми для приема в Союз писателей, Синявский скрыл от тех писателей, которые его рекомендовали, что, представляя на их отзыв свои критические и литературоведческие статьи, опубликованные им в Советском Союзе, он одновременно выступал в зарубежной антисоветской печати под псевдонимом Абрам Терц.

Подавая заявление о приеме в Союз писателей СССР, Синявский знал тот пункт Устава об обязанностях и правах членов Союза писателей СССР, который гласит, что его членами "могут быть литераторы, актив-

но участвующие своим творчеством в строительстве коммунистического общества".

Подав заявление в творческую организацию и тем самым добровольно приняв на себя все обязательства, налагаемые ее Уставом, Синявский продолжал и в дальнейшем, в тайне от Союза писателей, публикацию за границей под псевдонимом Абрам Терц своих произведений, не только не совместимых с участием в строительстве коммунистического общества, но и прямо направленных на то, чтобы попытаться подорвать веру в самую возможность построения этого общества.

Таким образом установлено, что Синявский, преступно обманув рекомендовавших его лиц, добровольно вступил в творческую организацию, какой является Союз писателей СССР, заведомо не разделяя ни ее целей, ни ее Устава, а затем в течение пяти лет, незаконно пользуясь всеми правами члена Союза, продолжал обманывать Союз писателей в отношении подлинного характера своей деятельности и, видимо, для бы этот обман и дальше, если бы следственные и судебные органы не поставили его перед необходимостью признания в том, что он и Абрам Терц, выступающий с клеветническими писаниями, направленными против советского общества, - одно и то же лицо.

Секретариат правления Московского отделения Союза писателей РСФСР единодушно осудил двурушнические действия Синявского А.Д., выразившиеся в том, что он на протяжении ряда лет писал и отправлял за границу для публикации в антисоветской печати пасквиль, порочащие наш строй, наш народ, наши идеалы.

Секретариат правления московской организации Союза писателей РСФСР единогласно постановил исключить Синявского А.Д. из членов Союза писателей СССР как двурушника и клеветника, поставившего свое перо на службу кругов, враждебных Советскому Союзу.

Об этом не переставали думать, говорить и писать и здесь, и за границей.

Общественные и писательские организации, национальные и международные, коммунистические партии, ассоциации юристов, группы членов парламентов, профессоров университетов, художники, литераторы, священники - всех не перечислить - выражали свой протест против суда и приговора.

Отзвуки этих протестов /в своеобразном виде/ проникли и на страницы советских газет.

БРИТАНСКИЕ КОММУНИСТЫ СОЖАЛЕЮТ О ПРИГОВОРЕ

Лондон, 14 февраля /АП/.

Первая реакция среди иностранных коммунистов на осуждение советских писателей Синявского и Даниэля: Британская коммунистическая партия выразила сожаление, в понедельник вечером, по поводу самого процесса и тяжелых приговоров к принудительным работам, вынесенных писателям.

"Способ, которым вели это дело, приносит больше вреда Советскому Союзу, чем произведения Синявского и Даниэля", - заявил г-н Джон Голлан, Генеральный секретарь партии.

Суд признал их виновными, но факты, которыми располагали обвинение и защита и которые привели суд к заключению, не были преданы гласности.

Недостаточно совершить правосудие, нужно следить за тем, как оно совершается. К сожалению, нельзя сказать, что так поступали в этом процессе.

Многочисленные люди, желающие добра Советскому Союзу, рассматривают этот эпизод и его последствия с живым беспокойством.

СУАР, 15.2.1966 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛУИ АРАГОНА

Я не могу себе представить, чтобы коммунист отнесся с безразличием к приговору, вынесенному в Москве по делу Синявского-Даниэля. Это событие, тяжкое по своим последствиям, особенно - для Франции. 7 и 5 лет заточения в трудовом лагере - таково наказание, примененное к людям, не обвиненным ни в чем, кроме того, что они писали и печатали тексты, которые, с точки зрения обвинения, составляют антисоветскую пропаганду; при этом обвиняемые виновными себя не признают.

Мы никоим образом не можем забыть долг, которым мы обязаны Советскому Союзу и народам, его составляющим: это их трудами и их страданиями смогло возникнуть первое в мире социалистическое государство, само существование которого внесло глубокие изменения в перспективы истории. И как мы, французы, забудем их решающее участие в войне против гитлеризма, жертвы, которые они принесли? С другой стороны, проблема отнюдь не сводится к личности осужденных и их писательскому таланту. Даже посредственный писатель имеет право жить свободно. Речь идет о совсем другом.

Если бы заявили о несогласии с тем, что эти люди писали, если бы их об этом уведомили путем судебного решения, если бы их заставили уплатить штраф за нарушение существующего закона, возбраняющего бесконтрольный вывоз за границу литературных произведений, - это вполне допустимо, каково бы ни было мое личное отношение к такому закону. Но если их лишать свободы за содержание романа или сказки - это значит превращать заблуждение в преступление, создавать прецедент более опасный для интересов социализма, чем могли бы быть опасными сочинения Синявского и Даниэля.

В самом деле, есть основания опасаться, что могут подумать, будто подобного рода судебная процедура неотделима от самой сущности коммунизма, что приговор, вынесенный сегодня, есть прообраз того, чем станет правосудие в стране, уничтожившей эксплуатацию человека человеком. Наш долг заявить, что это не так и не будет так, по крайней мере, во Франции, где ответственность лежит на нас. Политика нашей партии основана на нескольких важнейших принципах, в число которых входит тезис о возможности перехода к социализму мирным путем,

путем мирного завоевания большинства, отклонение концепции однопартийности, и, следовательно, союз с социалистической партией и другими демократическими партиями для перехода к социализму, его построения и укрепления.

Каким бы ни был вес Коммунистической партии в нашей стране, коммунисты свидетельствуют о своей верности политической демократии — традиционным французским принципам, и в частности, заявляют, что насколько это будет зависеть от них, никакая судебная процедура в будущем не будет облачена полномочиями вести процессы о мнениях.

Ради блага нашего общего дела мы надеемся, что приговор будет обжалован. Не нам диктовать великой и дружественной стране ее поведение. Но мы чувствовали бы свою вину, если бы скрыли от нее свое мнение.

"ЮМАНТЕ", 16.2.1966 г. стр. 3

КОММЮНИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПИСАТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ

Не желая вмешиваться ни во что относящееся ко внутренним делам дружественной страны, руководящий комитет Национального комитета писателей, который всегда защищал право писателей на свободное выражение, заявляет о своем удивлении и своем беспокойстве по поводу приговора, поразившего советских писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

Мы восстаем не только против суровости приговора, но и против самого принципа судебного преследования.

Мы надеемся, что приговор, столь серьезный, что он грозит изменить представление о Советском Союзе в глазах его лучших друзей, будет пересмотрен.

Руководящий комитет НКП

ПРОТЕСТ ФРАНЦУЗСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ-ДЕМОКРАТОВ

Приговор, вынесенный двум советским писателям за содержание их произведений, глубоко волнует французскую ассоциацию юристов-демократов.

Юристы-демократы, которые поддерживают со своими советскими кол-

легами самые дружественные отношения, считают своим долгом не скрывать, что они огорчены формой процедуры, выдвинутым обвинением и крайней суровостью кары.

Они считают, что необходимая гарантия правосудия состоит в свободном обсуждении и в том контроле, который таким образом общественное мнение осуществляет над правосудием, проводимым именем народа. Не существует общепризнанных исключений из этого правила, кроме дел, относящихся к государственным тайнам или преступлениям против нравственности. С другой стороны, во французском праве, как и в советском, обвиняемый считается невиновным, пока он не осужден. Наконец, вся уголовная процедура должна, по крайней мере, предусматривать возможность кассации.

Обвинение основывается, насколько нам известно, по существу на идеях и мнениях, выраженных в художественных произведениях, опубликованных за рубежом; они, хотя бы их и сочли достойными осуждения и отвратительными, не могут, по нашему мнению, послужить основанием для репрессий за государственное преступление и для лишения свободы и тяжелых работ.

Глубоко преданные демократии, мы не забываем, что ее восстановление во Франции в 1944 году стало возможным благодаря героизму и жертвам со стороны СССР, и мы убеждены, что призыв, который мы адресуем нашим советским коллегам во имя нашего общего идеала будет услышан.

Ж.Мазар, Пьер Ко, Николь Дрейфус, Джозеф Нордманн, Соланж Бувье-Ажам, Рене Вильям Троп /старшина адвокатов/, проф. Пьер Лавинь, Жорж Атталь, Клод Дюкре, Фуке, Пьер Гонзалес де Гаспар, Шарль Ледерман, Клод Перру, Поль Вийяр-Сишель.

ТЕЛЕГРАММА ПЕН-КЛУБА

ПЕН-Клуб, резиденция которого находится в Лондоне, заявил, что он "потрясен и возмущен диким и бесчеловечным приговором", вынесенным Синявскому и Даниэлю, и послал г-ну Косыгину, Председателю Совета министров СССР. телеграмму, в которой он призывает "проявить милосердие, чтобы восстановить доверие к советской справедливости и человечности". Вторая телеграмма послана Союзу писателей, чтобы он ходатайствовал в этом отношении перед властями.

В Швеции президент Ассоциации шведских писателей в том же духе выразил по телевидению свои чувства и чувства своих коллег. Между тем, во время той же передачи шведский писатель г-н Сивар Анерин заметил, что следует учитывать разницу в идее верности обществу в СССР и западных странах. "Этот приговор, - сказал он, доказывает, что в СССР к писателю относятся более серьезно, чем в других местах. Это цена, которую писатели должны платить за уважение к ним".

МОНД, 16.2.1966 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ Г-ЖИ ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

Объявленная сообщницей двух обвиняемых в московском процессе г-жа Элен Пельтье-Замойская, дочь бывшего военно-морского атташе при посольстве Франции в Москве, ныне преподавательница русского языка на факультете словесности в Тулузе, сделала представителю АФП следующее заявление:

"Я не нахожу слов, чтобы выразить свое потрясение, когда я узнала о приговоре, осудившем Андрея Синявского и Юлия Даниэля на 7 и 5 лет заключения в трудовом лагере строгого режима.

Они мои друзья. Понятно, что я от них не отреклась. Я им помогала, это верно. Я принимаю полную и исключительную ответственность за эту помощь. Я всегда соблюдала полнейшую тайну в отношениях между моими французскими и русскими друзьями. Никого, кроме меня, нельзя обвинить.

Я им помогала по дружбе, это правда, но также и по убеждениям. Я считаю их чрезвычайно талантливыми писателями и не вижу, что предосудительного в том, чтобы познакомить за границу с советскими литературными работами, отмеченными оригинальностью и талантом.

Синявский и Даниэль глубоко преданы своему советскому отечеству. Все французы, которые с ними сближались, скажут то же, что и я. У них любовь к своему отечеству не смешивается с раболепием, конформизмом, подчинением обычаям, удержавшимся от недавнего прошлого. Можно ли упрекать их за то, что они выразили в своих произведениях вопросы совести всего их поколения, глубоко взволнованного XX с'ездом?

Их осуждение, которое нарушает элементарные потребности всякого человека - свободы совести, свободы слова - принесет ужасный вред.

Прежде всего для них, затем для их семей, наконец - для их страны.

Но Синявский и Даниэль имели мужество не признать себя виновными. Они заняли позицию, достойную их. Это символ и залог будущего.

МОНД, 16.2.1966 г.

СОВЕТСКАЯ ПРЕССА НЕ ДЕЛАЕТ НИ МАЛЕЙШЕГО НАМЕКА НА ПРОТЕСТЫ ПРОГРЕССИВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Приговор по делу Синявского и Даниэля продолжает волновать тысячи советских интеллигентов. Хотя в газетах не было дано ни одного сообщения по поводу неодобрительных отзывов за границей, особенно со стороны большинства коммунистических партий, очень многие советские граждане знают о недовольстве, вызванном приговором, и об ущербе, нанесенном престижу Советского Союза среди так называемых "прогрессивных деятелей" - значительной части выразителей общественного мнения. Те, кто информирован о статье Луи Арагона, встречают трудности в приобретении этого номера "Юманите", который, безусловно, побил все свои рекорды сбыта в Москве. Существует все же определенное число людей - меньшинство, но влиятельное, - которое не придерживается, как цитат из Евангелия, всего, что говорят официальные органы, и которые хотели бы иметь возможность прочесть выступления обвиняемых и их обвинителей, иметь возможность ознакомиться с содержанием литературных трудов, чтобы самим составить суждение.

Итак, до сих пор реакция за границей замалчивается и не печатается. В одном из текстов, предназначенных за рубеж, обозреватель ТАСС Артемов старается об'яснить, "почему негодование советских граждан так глубоко". Это не потому, - пишет он, - что "действия этих двух очень посредственных писателей наносит большой ущерб советскому обществу. А потому, что эти два персонажа - Иуды, совершившие предательство по отношению к собственной родине".

Затем Артемов выделяет тех людей на Западе, которые не одобряют приговор, "тех, которые сознают ничтожество этих двух писателей и спрашивают, не вызовет ли Советский Союз новую волну антикоммунизма из-за этих двух людишек".

"На это есть только один ответ, - пишет он, - нужно заявить, что закон есть закон, его нужно почитать". Конечно, есть профессиональные антикоммунисты, которые извращают даже человеческую озабо-

ченность "грязной войной во Вьетнаме". В конце концов, "есть честные литературные деятели, которые стали жертвами иллюзии свободы в буржуазном государстве". "Во имя ложно понятой свободы личности, - говорит Артемов, - хотят, чтобы социалистические органы развязали руки контрреволюции. Но зачем тогда делали революцию?" И он продолжает: "Мы можем сказать и с гордостью говорим, что в Советском Союзе нет индивидуалистической свободы, как нет эксплуатации человека человеком, свободы военной пропаганды, свободы расистской пропаганды. Нет у нас и свободы клеветать на свое государство и свой народ".

Анри Пьер

МОНД, 19.2.1966 г.

Г-ЖА ДАНИЭЛЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПИСАТЕЛЬ ПАУСТОВСКИЙ ВЫРАЖАЛ ЖЕЛАНИЕ ВЫСТУПИТЬ В ЗАЩИТУ ОБВИНЯЕМЫХ

Г-жа Лариса Даниэль в среду нанесла визит своему мужу, приговоренному 14 февраля к 5 годам трудового лагеря. В интервью, данном лично представителю АФП, жена осужденного сказала, что она надеется увидеть его еще раз перед его переводом в трудовой лагерь "строгого режима", вероятно, через неделю. Юлий Даниэль и Андрей Синявский, - сказала она, - в настоящее время находятся в разных камерах в Лефортовской тюрьме. Г-жа Синявская также имела возможность увидеть своего мужа в среду. Обеим женщинам не было разрешено сообщить осужденным о реакции, вызванной за границей их процессом, в частности, в западных коммунистических партиях.

Оба обвиняемых, по словам г-жи Даниэль, будут отбывать наказание в Мордовии, на Волге, к югу от Горького. Г-жа Даниэль заявила в этой связи, что она сравнительно довольна, так как этот лагерь не слишком далеко от столицы. Она добавила, что она пока не знает, будут ли разрешены визиты близких родственников ввиду "строгого режима", указанного в приговоре. Г-жа Даниэль напомнила, что вынесенный приговор исключает всякую возможность кассации, но что ее муж думает подать жалобу по поводу способа, которым проводился допрос.

Дело личной совести

Г-жа Даниэль настаивает на том, что так как ее муж работал переводчиком, ее материальное положение обеспечено. "Сообщите, - повто-

ряет она, - что у меня не было никаких неприятностей ни на работе, ни со стороны моих соседей, ни с чьей-нибудь еще".

Коснувшись, наконец, процесса, на котором она присутствовала в течение четырех дней вместе с г-жей Синявской, г-жа Даниэль подтвердила, что писатель Паустовский послал адвокату Синявского письмо, в котором он протестует против процесса, возбужденного против обоих. Но текст этого письма, как и другие письма в пользу обвиняемых, не зачитывался в зале.

Паустовский написал, что он не видит ничего "антисоветского" в произведениях, инкриминируемых "Терцу" и "Аржаку". Он добавил, что он не оценил этих произведений с художественной точки зрения, но считает, что их опубликование является делом личной совести, и что тот факт, что против этих двух писателей было возбуждено уголовное преследование, является серьезным делом, способным повредить престижу Советского Союза.

Писатель Паустовский коснулся далее в своем письме, по словам г-жи Даниэль, кампании, направленной в 1958 году против поэта Бориса Пастернака, которого обвиняли в том, что он издал на Западе свой знаменитый роман "Доктор Живаго".

Два других письма, направленные суду одним писателем и одним переводчиком, также подтвердили, что инкриминируемые произведения не являются антисоветскими.

В своей защите Даниэль, по словам его жены, подчеркнул, что "клевета" на советское общество, которую ему ставили в вину, в частности, в повести "Говорит Москва", является по существу психологическим анализом эпохи культа личности Сталина.

Даниэль привел длинный список писателей и журналистов, исчезнувших в больших сталинских чистках, и подтвердил своим судьям, что именно для того, чтобы избежать повторения подобных фактов, он издал свои произведения за границей. По словам его жены, писатель также упрекнул двух "общественных обвинителей" в том, что они пользовались цитатами, вырванными из контекста, для того, чтобы отягчить их смысл.

МОНД, 20-21 февраля 1966 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

После ареста Синявского и Даниэля, и особенно когда стал известен приговор по их делу, Союз писателей СССР получил ряд писем от зарубежных литературных организаций и от отдельных писателей, высказывающих интерес к позиции Союза писателей СССР в этом деле, а также призывающих Союз оказать всяческое моральное давление на органы советской администрации в целях оправдания действий Синявского и Даниэля.

В связи с этим секретариат правления Союза писателей СССР находит нужным заявить следующее.

Процесс по делу Синявского и Даниэля, как об этом могут засвидетельствовать не только писатели, но и другие представители советской общественности, был проведен со строгим и скрупулезным соблюдением всех норм советского законодательства.

Антисоветские деяния Синявского и Даниэля доказаны и документально, и свидетельскими показаниями. Их судили не за особую творческую манеру, как пытаются доказать некоторые буржуазные газеты, - их судили за сознательную клевету на Советское государство, на наш государственный и общественный строй, на многонациональный советский народ, на Коммунистическую партию и Советское правительство. Ведь не случайно их сочинения немедленно были подхвачены самыми оголтелыми антисоветскими трубадурами за рубежом.

Каждое государство оберегает себя от клеветников и хулителей своих устоев. Советское социалистическое государство не составляет в этом случае исключения. Опираясь на активную поддержку миллионов и миллионов граждан, Советское государство силой своих законов защищает себя от всех попыток осквернения или подрыва его принципов и правовых начал.

Советские писатели вместе со своим народом оказывали, оказывают и будут оказывать своему государству неизменную поддержку. Мы этого никогда не скрывали и скрывать не собираемся. Именно поэтому гнусные деяния Синявского и Даниэля вызвали у нас гнев и осуждение, а приговор суда, отвечающий духу и букве нашего закона, - одобрение.

Секретариат правления Союза писателей СССР
"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА", 19.2.1966 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ"

Мы, писатели Узбекистана, с величайшим негодованием узнали о гнусной клевете Синявского и Даниэля на советский народ и Советское государство. Трудно представить себе, как эти матерые клеветники, живя среди нашей писательской общественности, одухотворенной высокими человеческими идеалами, истинной любовью к своему народу, могли докатиться до глумления над тем, что составляет дорогую для нас основу нашей жизни. Как надо низко пасть, чтобы живя в нашей стране, видя, какие замечательные плоды приносит нерушимая дружба советских народов, клеветать на эту дружбу!

Для этих отщепенцев нет ничего святого. Они посягнули на народ, давший миру великого Ленина, ленинизм, ставший знаменем борьбы народов за свободу. Никому не удастся бросить тень на нашего старшего брата - великий русский народ, который своим ясным умом и щедрым сердцем, бескорыстной помощью снискал себе глубокое уважение и любовь со стороны всех народов нашей многонациональной социалистической Отчизны.

Советские люди непримиримы к буржуазной идеологии. Наша непримиримость рождена гуманизмом. Буржуазная идеология поднимала и поднимает руку на величайшие завоевания человечества. Это она разжигает человеконенавистничество, подавляет всякое освободительное движение.

С удовлетворением встретили мы известие, что предатели предстали перед народным судом и понесли заслуженное наказание.

Мы одобряем вынесенный приговор. Он дает нам новые стимулы для усиления идеологической работы нашей писательской организации. Мы, идеологические работники, влюбленные в наш народ, в нашу родную землю, в завтрашний день нашей культуры, приложим все силы к тому, чтобы усилить наступательный дух всей идеологической работы нашей писательской организации и всего нашего творчества.

Яшен, Айбек, Гафур Гулям, Зульфия, Уйгун.
"ИЗВЕСТИЯ", 21.2.1966 г.

Ташкент

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И БОРЬБА ПРОТИВ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИВЕРСИЙ

В канун предстоящего съезда нашей партии каждый советский человек, оглядывая пройденный путь, с чувством удовлетворения и гордости отмечает, как обогатилась жизнь нашего общества, как расцвели в ней творческие начала, как укрепилась социалистическая демократия, как возросли уверенность людей в своем завтрашнем дне и стремление сделать все, чтобы этот завтрашний день принес народу новые духовные и материальные блага.

Решительно покончив с нарушениями ленинских норм партийной и государственной жизни, с проявлениями субъективизма, партия открыла поистине необъятный простор инициативе и активности народных масс. Все это содействует успешному решению задач коммунистического строительства и расцвету личности гражданина Советской страны.

Восстановление ленинских норм нашей жизни и развитие социалистической демократии самым благотворным образом сказались на советской культуре. Писатели и деятели искусства создают идейно значимые и художественно полноценные произведения, способствующие восприятию коммунистических черт в характере человека, оказывающие могучее влияние на миллионы людей.

Деятели советской литературы и искусства, полностью свободные в своем творчестве, в выборе тематики и формы произведения, рассказывают правду о нашей жизни, о наших великих идеях и их воплощении, о чувствах и стремлениях строителей коммунизма. В то же время они освещают в своих произведениях и теневые стороны нашей действительности, критикуют все то, что мешает движению вперед. Эта критика остра и строга. В ней проявляется высокая заинтересованность советской творческой интеллигенции, как и всех граждан страны, в строительстве коммунизма, забота о благе своего государства, своего общества, своего народа.

Искусство и литература живут и развиваются у нас в свежей, чистой атмосфере всеобщей, всенародной заинтересованности в творческих успехах деятелей культуры и бережного к ним отношения.

Все это вызывает бешеную злобу у классовых врагов социалистического строя, с растущей обеспокоенностью взирающих из-за рубежа на то, как строится коммунизм в нашей стране, как сплачивается и креп-

нет наше общество, как воздействует этот великий пример на все человечество, на весь мир.

В этих условиях правящие круги империалистических стран, прибегая к самым различным формам борьбы против социализма, уделяют особое внимание идеологической агрессии, идеологическим диверсиям против социалистических стран. Они всячески стремятся перенести эту борьбу на территорию социалистических стран, пытаются подловить на ржавый крючок лозунга "мирного сосуществования идеологий" тех, кто клюнул бы на лицемерные и лживые фразы о "беспартийной демократии", об "абсолютной свободе творчества", об "аполитичности" искусства и т.п.

Советская творческая интеллигенция, помятуя о том, что мирное сосуществование государств с различным государственным строем не означает ослабления идеологической борьбы, как это и подчеркнуто в Программе КПСС, проявляет должную бдительность. Активно участвуя в строительстве нового общества, она твердо стоит на почве коммунистического мировоззрения и ведет непримиримую наступательную борьбу против буржуазной идеологии.

Но вот случилось так, что в хорошую, здоровую, сплоченную семью советской творческой интеллигенции затесались два человека, которые, замаскировавшись под честных литераторов, приняли социальный заказ наших врагов и фактически стали исполнителями их идеологических диверсий. Мы имеем в виду Синявского и Даниэля, пойманных с поличным и осужденных советским судом. Как известно, они поставляли тайно, в нарушение закона, свои антисоветские сочинения враждебным нам зарубежным центрам пропаганды, а те использовали их в целях подрывной деятельности против Советской власти, против советского народа.

Наши читатели помнят обстоятельства этого дела. Суд над преступниками был публичным, гласным. Он освещался в печати. Судебное разбирательство велось в строгом соответствии с законом. Вина преступников была полностью доказана. Справедливый приговор клеветникам получил одобрение советских людей.

Естественно, что в империалистических штабах идеологической войны заскрежетали зубами. Буржуазная печать пытается использовать судебный процесс над Синявским и Даниэлем как повод для новой антисоветской кампании, распинаясь о якобы допущенном в Советском Союзе нарушении свободы и демократии. О, господа лжецы и лицемеры! Советские люди хорошо знают какие "свободы" капиталистического мира вы пропагандируете и хотели бы навязать социалистическим странам: свободу беспощадной эксплуатации капиталом сотен миллионов трудящихся, сво-

боду ничтожного меньшинства распоряжаться судьбой народов, свободу обмана и подавления трудящихся, свободу пропаганды войны, реакции и злобной клеветы на социалистические страны, на коммунистов.

Наши классовые враги приходят в бешенство, злобствуют в связи с судебным процессом. Иначе они и не могли реагировать - так бывало всегда, когда терпели провал их козни против Советского Союза.

К сожалению, оркестрованная на Западе с небывалым размахом кампания, в защиту диверсантов от литературы дезориентировала кое-кого из честных людей. Видимо, не располагая должной информацией и восприняв писания буржуазной прессы, которая, утратив всякий стыд, ставит Синявского и Даниэля в один ряд с Гоголем и Достоевским и уверяет, будто на суде речь шла о проблемах литературы и свободы творчества, некоторые прогрессивные деятели встревожились. Они стали искать в суде над двумя антисоветчиками какой-то скрытый смысл: не ставится ли под вопрос развитие демократии в СССР? Не следует ли предположить, что в Советской стране нарушается свобода творчества?

У человека, знакомого с советской жизнью, эти надуманные вопросы могут вызвать лишь недоумение. Ведь в действительности само по себе разбирательство преступлений, совершенных Синявским и Даниэлем, внимательное, об'ективное ведение этого дела является наглядным подтверждением демократичности советского строя.

Синявский и Даниэль предстали перед судом отнюдь не как писатели, а как люди, совершившие преступные действия против советского строя, против советского народа, против его революционных завоеваний.

И совершенно справедливо секретариат правления Союза писателей СССР заявил в своем открытом письме, опубликованном 19 февраля в "Литературной газете":

"Антисоветские деяния Синявского и Даниэля доказаны и документально, и свидетельскими показаниями. Их судили не за особую творческую манеру, как пытаются доказать некоторые буржуазные газеты, - их судили за сознательную клевету на Советское государство, на наш государственный и общественный строй, на многонациональный советский народ, на Коммунистическую партию и Советское правительство. Ведь не случайно их сочинения немедленно были подхвачены самыми оголтелыми антисоветскими трубадурами за рубежом.

...Опираясь на активную поддержку миллионов и миллионов граждан, Советское государство силой своих законов защищает себя от всех по-

пытках осквернения или подрыва его принципов и правовых начал".

Как подчеркивается в этом открытом письме, советские писатели вместе со своим народом оказывали, оказывают и будут оказывать своему государству неизменную поддержку. "Мы этого никогда не скрывали и скрывать не собираемся, - пишут советские писатели. - Именно поэтому гнусные деяния Синявского и Даниэля вызвали у нас гнев и осуждение, а приговор суда, отвечающий духу и букве нашего закона, - одобрение".

Нельзя подменять одно другим, утверждая, будто подсудимых наказали за "критический дух" их "произведений". Клевета никогда не была формой критики, а злобные нападки, продиктованные враждебным умыслом, ни в коем случае не могут быть поставлены в один ряд с обличением недостатков.

Что касается рассуждений зарубежных защитников клеветников о демократии, то они направляются не по адресу. Верные заветам В.И.Ленина, советские люди неустанно и последовательно создают впервые в истории человечества подлинно демократическое общество.

Пусть те, кто пытается сейчас толковать о "несовершенстве" или "незавершенности" социалистической демократии, вспомнят, как разоблачал Ленин лицемерные разглагольствования Каутского в защиту "прелестей" некой "чистой" демократии и в осуждение советской системы, которая якобы вообще исключает демократию!

Ленин писал: "Буржуазия и ее сторонники обвиняют нас в нарушении демократии. Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и вглубь и вширь, притом демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс, - следовательно, демократии для громадного большинства народа, следовательно демократии социалистической /для трудящихся/, в отличие от демократии буржуазной /для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых/".

Партия укрепляет и развивает социалистическую демократию, вовлекая все более широкие народные массы в управление делами государства и общества, она сделала все, чтобы никогда больше не повторились те нарушения законности, которые мешали развитию демократии. Это хорошо известно. Но так же хорошо известно, что демократия - это отнюдь не такая форма правления, которая предполагает безнаказанность преступлений. Демократия, как учит марксизм-ленинизм, есть форма государства, одна из его разновидностей. Она предусматривает

эффективные меры против тех, кто пытается подорвать государственный строй, установленный по воле народа и предоставляющий народу не лживую, а реальную, подлинную свободу.

Подчеркивая, что революционная власть, действующая в интересах подавляющего большинства народа, должна быть железной, революционно смелой и быстрой, беспощадной в подавлении своих врагов, Ленин в то же время предвидит, что по мере того, как основной задачей власти будет становиться не военное подавление, а управление, типичной формой подавления врагов будет становиться суд. Суд наш и судит преступников по закону.

Построив социализм и приступив к строительству коммунизма, мы поднялись на новую, более высокую ступень развития демократии, что благотворно сказывается на всем общественном развитии. Но и теперь, поскольку классовые враги за рубежом продолжают свою борьбу против нас, советский народ и созданное им общенародное государство должны проявлять неослабную бдительность в отношении происков этих врагов и пресекать их. И было бы по меньшей мере странно ждать от нашего суда "либерального подхода" к идеологическим лазутчикам противника, схваченным с поличным.

А.М.Горький призывал нас давать решительный отпор выступающему извне против творческой работы Страны Советов капиталу, а заодно не давать никакого снисхождения тем людям, которые, действуя внутри страны, "в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника".

Мы уверены, что нас поймут все, кому дорого дело демократии и социализма. Сплоченность в борьбе против империализма, настойчивость в отстаивании ленинских принципов социалистической демократии, единство в оценке идеалов социалистического гуманизма, целей общественного прогресса имеют важнейшее значение для победы наших общих великих идей.

КПСС и Советское государство будут и в дальнейшем всемерно укреплять социалистический строй, содействовать расцвету творческих сил народа, свято оберегать свободу личности каждого советского гражданина, воспитывать всех советских людей в духе беззаветной преданности Родине, в духе непоколебимой верности идеям коммунизма.

Советский народ, тесно сплоченный вокруг Коммунистической партии и правительства, будет и впредь успешно строить коммунизм в нашей

стране, развивать и совершенствовать наше общество, самое демократичное, какое знала, история. Он будет по-прежнему давать решительный отпор идеологическим диверсиям империализма.

В этом советские люди видят свой долг перед социалистическим Отечеством. В этом они видят и свой интернациональный долг перед трудящимися всего мира.

"ПРАВДА", 22 февраля 1966 г.

РИМСКАЯ ФАЛЬШИВКА

Знаменитые гуси, спасшие некогда Рим, обернулись на сей раз уткой, притом не простой, а газетной, и она не спасла, а подвела кое-кого самым скандальным образом.

Вот подробности этой дурно пахнущей истории. Несколько дней назад ряд итальянских газет, в том числе "Аванти", опубликовал от имени Европейского сообщества писателей пасквиль, сочиненный по случаю осуждения советским судом двух клеветников - Синявского и Даниэля. Не станем воспроизводить текст этого пасквиля: он содержал обычные для буржуазной пропаганды нападки на советский общественный строй и повторял небылицы о нашей жизни, давно набившие оскомину всем честным людям на Западе. Сочинители пасквиля снабдили его подписями именитых итальянских писателей, и, не довольствуясь публикацией в прессе, расклеивали на стенах домов в Риме. Надо ли говорить, что падкие на сенсацию газеты не упустили случая выступить с собственными комментариями. Так, газета "Обсерваторе романо", ссылаясь на имена "подписавших", восклицала: видите, даже "они дезориентированы и растеряны, как будто не знали до сих пор, какова сущность идеологии, выражаемой в СССР..."

И вдруг оказалось, что пасквиль, громко именовавшийся "манифестом протеста", представляет собой всего-навсего... вульгарную газетную утку. Генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Джан Карло Вигорелли, вернувшись в Рим из Стокгольма, где он находился пять дней, начисто опроверг подлинность "манифеста протеста", опубликованного от имени возглавляемой им организации писателей. Вигорелли заявил корреспонденту агентства АНСА:

"Я читал в итальянской печати сообщение и комментарии, посвященные так называемому "манифесту" Европейского сообщества писателей,

опубликованному 17 февраля, который, к счастью, многие газеты сочли фальшивкой или шуткой дурного вкуса. Как генеральный секретарь Европейского сообщества писателей, я заявляю, что этот документ лишен какой бы то ни было аутентичности, достоверности и серьезности, и сохраняю за собой право привлечь законным путем к ответственности неизвестных пока лиц, защищая моральные интересы Европейского сообщества писателей.

С другой стороны, учитывая, что так называемый документ был расклеен также на стенах домов на некоторых улицах Рима, соответствующим властям нетрудно будет расследовать это дело и выяснить, кто был его исполнителем и чьим директивам он следовал".

Не станем давать советы итальянским властям, где и как искать им сочинителей грязной фальшивки: адрес тех, кто специализуется на Западе в антисоветской клевете, и без того хорошо известен. Скажем лишь, что очередная утка этих кругов породила законное негодование среди итальянского общественного мнения. Газета "Унита" пишет по этому поводу:

"Заявление г-на Вигорелли впервые пролило свет на событие, которое вызвало возмущение всех ответственных политических и культурных кругов Италии. Это возмущение лично выразили нашей газете... мнимые авторы документа-апокрифа, которые просили опубликовать опровержение. Так поступили Гальвано Делла Вольпе, Чезаре Дзаваттини, Лукино Висконти. Речь идет в данном случае о наиболее авторитетных деятелях, чьи подписи стоят под документом-апокрифом, а именно: о Сальваторе Квазимодо, Альфонсо Гатто, Оресте Дель Буоно, Джоржо Стрелере, и Альберто Моравиа".

"Унита" напоминает, что ряд итальянских газет выразил не только сомнение в аутентичности документа и опубликовал опровержение ряда его "авторов", но и выразил "свое неодобрение подобным методам политической полемики". Так поступила, например, газета "Мессаджеро". Только газета "Аванти", продолжает "Унита", сочла своим долгом хранить по этому поводу абсолютное молчание, "совершенно очевидно для того, чтобы можно было без всяких помех продолжать свою клеветническую кампанию в адрес Советского Союза".

Так сдохла очередная утка антисоветчиков. Ее кончина поучительна. Она лишний раз напоминает, что газетный вариант этой птицы далеко не безобиден - с ним неизбежно попадают в лужу.

ПРЕСС-СЛУЖБА "ИЗВЕСТИЙ", 22 февраля 1966 г.

Организаторы очередной советской диверсии снова с позором плюхнулись в лужу. Трудно иначе характеризовать историю с появлением и вскоре последовавшем разоблачении фальшивки, родившейся на сей раз в Италии.

18 февраля итальянские буржуазные газеты с большой шумихой опубликовали "манифест" по поводу приговора, вынесенного в Советском Союзе двум клеветникам и диверсантам от литературы - Синявскому и Даниэлю, приговора, встретившего одобрение всех советских людей. Под "манифестом" стояли подписи некоторых видных деятелей итальянской культуры, и в том числе генерального секретаря Европейского сообщества писателей Джан Карло Вигорелли. Авторы "документа" проливали крокодильевы слезы по поводу справедливого наказания клеветников и двурушников, ханжески причитали о "праве художественной критики", а печать монополий ликовала.

Организаторы фальшивки сделали все для того, чтобы раздуть свистопляску вокруг "манифеста". Помимо того, что его перепечатали правые буржуазные газеты, его поторопились расклеить на стенах домов Рима. Нельзя не обратить внимания на то, что в этой кампании с упоением приняла участие и газета "Аванти" - центральный орган Итальянской социалистической партии. Эта газета первой поспешила "обнародовать" сей "документ".

Прошло, однако, всего несколько дней, и зловонный пузырь лопнул. Вернувшийся из Стокгольма в Рим Джан Карло Вигорелли публично заявил, что "манифест", вокруг которого было поднято столько злобной трескотни, есть не что иное, как фальшивка.

"Как генеральный секретарь Европейского сообщества писателей, - сказал Вигорелли в своей беседе с корреспондентом агентства АНСА по поводу "манифеста", - я заявляю, что это документ лишен какой бы то ни было аутентичности, достоверности и серьезности, и, защищая моральные интересы Европейского сообщества писателей, я сохраняю за собой право привлечь законным путем к ответственности неизвестных пока лиц". Вигорелли добавил, что "Европейское сообщество писателей клеймит этот жест - и привлечет к ответственности тех, кто его совершил, - как махинацию, достойную осуждения".

С возмущением отвергли свое "авторство" и другие деятели итальянской культуры, чьи подписи стоят под фальшивкой, такие, как Галь-

вано Делла Вольпе, Чезаре Дзаваттини, Лукино Висконти, Сальваторе Квазимодо, Альберто Моравиа.

Говоря о поднятой на Западе "антисоветской истории чисто фашистского толка", газета "Унита" не без основания предостерегает представителей прогрессивной итальянской интеллигенции против того, чтобы они не оказались втянутыми в скандальные кампании вроде той, что была поднята вокруг "манифеста" империалистической пропагандой.

Следует сказать, что сам Джан Карло Вигорелли, видимо, тоже поддался провокационной шумихе вокруг приговора двум отщепенцам. Не будучи уполномоченным организацией, которую он возглавляет, Вигорелли поторопился выступить с официальным заявлением, критикующим приговор. Надо ли удивляться, что влиятельные политические силы из лагеря реакции с радостью ухватились за этот непродуманный шаг и тут же поспешили поймать писателя на крючок фальшивки.

Газета "Унита" отмечает в этой связи: "Правые итальянские круги, организовав дело с манифестом, не только доказали, что они совершенно лишены совести, но и продемонстрировали корыстные, провокационные, чисто скандальные цели кампании, развязанной ими в связи с делом Синявского и Даниэля". Говоря о той роли, в какой объективно оказался генеральный секретарь Европейского сообщества писателей, газета "Унита" пишет, что, по заявлению многих членов этой организации, Вигорелли "допустил серьезную ошибку и вышел за рамки своих прерогатив".

/Инф. "Правды"/

"ПРАВДА", 23 февраля 1966 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР "ПРАВДЫ" ОТВЕЧАЕТ СЕМНАДЦАТИ ФРАНЦУЗСКИМ
ПИСАТЕЛЯМ И АРТИСТАМ, ПРОТЕСТОВАВШИМ ПРОТИВ
ПРИГОВОРА СИНЯВСКОМУ И ДАНИЭЛЮ

Несколько недель тому назад /см. "МОНД" от 27-28 марта/ французские писатели и художники послали открытое письмо в "Правду" с протестом против приговора по делу Синявского и Даниэля. Это письмо подписали: Жан-Луи Барро, Жак Брель, Даниэль Делорм, Морис Ивенс, Арман Лану, Мишель Лери, Ив Монтан, Элен Пармелен, Анн Филипп, Эдуард Пиньон, Жак Превер, Пьер Превер, Мадлен Рено, Ив Робер, Симона Синьоре, Анри Спад и Веркор.

Главный редактор "Правды" Зимянин ответил им по этому поводу:

"Мы высоко ценим те искренние убеждения, которыми Вы и Ваши коллеги руководствовались, излагая проблемы, поднятые в Вашем письме. Отвечая Вам на вопросы, мы тоже постараемся искренне выразить нашу точку зрения.

Прежде всего мы хотели бы сказать, что точка зрения редакции "Правды" по интересующему Вас вопросу выражена 22 февраля 1966 года в статье "Социалистическая демократия и борьба против идеологических диверсий". Мы думаем, что в этой статье содержится ответ на вопросы, поставленные в Вашем письме, но поскольку Ваше письмо прибыло после появления этой статьи, мы позволим себе сформулировать следующие замечания:

Нам кажется, что деятели французской культуры не имеют никаких оснований чувствовать себя задетыми делом Синявского и Даниэля. Это дело входит не в область отношений между человеком культуры и обществом, но лишь в область отношений между преступниками против общественной нравственности и обществом. Тот факт, что Синявский и Даниэль - люди пера, не должны затемнять основной смысл этих отношений.

...Мы еще раз подчеркиваем, что речь идет не о писателях, которые выдвигают серьезные проблемы окружающего их общества, но о людях, которые занимаются клеветой, как профессией. Но клевета никогда не рассматривалась и не будет рассматриваться как форма критики, она не имела и не имеет ничего общего с проблемой свободы творчества.

Решение по делу Синявского и Даниэля было принято в полном соответствии с юрисдикцией СССР и соблюдением всех правовых норм. Мнение советской общественности по делу Синявского-Даниэля - это мнение, решительно выражающее одобрение решения суда.

Мы глубоко сожалеем, что Вы и Ваши коллеги рассматриваете это дело, касающееся контрабандистов, государственных преступников и клеветников Синявского и Даниэля, как "серьезный удар, направленный против франко-советской дружбы". Мы высоко ценим франко-советскую дружбу. И чтобы ее сохранить, мы думаем, что "без эквивоков информировать советских людей о позиции" подписавших это письмо, как Вы того просите, не имело бы смысла, поскольку мнение советской общественности не совпадает с Вашей точкой зрения.

МОНД, 21 мая 1966 г.

Напечатанное через три недели после суда лишь в нескольких периферийных газетах письмо группы юристов заслуживает особого внимания. По имеющимся сведениям это - популярный пересказ отзыва ведущих специалистов Института государства и права на материалы суда, переданные ими официальным инстанциям.

В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ

В Агентство печати Новости поступило письмо от группы видных советских юристов, в котором они выражают свое мнение по поводу судебного процесса над Синявским и Даниэлем.

За последнее время в печати западных стран появились различные сообщения, посвященные судебному процессу по уголовному делу Синявского А.Д. и Даниэля Ю.М., в ряде из которых содержится тенденциозная оценка процесса.

Некоторые зарубежные органы печати каждый раз, когда заходит речь о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении такого государственного преступления, как антисоветская агитация и пропаганда, с целью выгораживания таких преступников обычно рассуждают о "свободе слова" и "свободе печати", хотя каждому непредубежденному человеку должно быть совершенно очевидно, что свобода слова и свобода печати никогда не означала свободу преступлений.

Как известно, согласно статье 125 Конституции СССР, гражданам СССР гарантируется законом свобода слова и свобода печати. Однако эти свободы, как это прямо указано в Конституции СССР, должны быть использованы в соответствии с интересами трудящихся, и в целях укрепления социалистического строя.

Свобода печати во всех демократических государствах не исключает известных ограничений в интересах общества, в целях защиты общественной морали или общественной дисциплины. Во всех этих странах под страхом уголовного наказания запрещено, например, распространение непристойных печатных произведений, пересылка их по почте, имеется даже запрещение "непристойного языка в радиопередачах".

Само собой разумеется, что тем более нельзя со ссылкой на свободу слова и свободу печати безнаказанно призывать в печати к развязыванию войны, к массовому убийству, к возбуждению расовой или национальной розни, к подрыву или ослаблению власти трудящихся.

Демократия несовместима со свободой совершения преступления. Как свобода слова не состоит в том, чтобы беспрепятственно были организованы банды грабителей, как свобода собраний не состоит в том, чтобы толпы собирались для учинения погромов, как свобода слова не состоит в ругани, а свобода действия - в праве на убийство, так и свобода печати не заключается в пропаганде преступлений. Во имя свободы слова, во имя свободы печати необходимо бороться с преступным использованием этих свобод, с злоупотреблением великими благами демократии.

Статья 70 Уголовного кодекса РСФСР, по которой были осуждены Синявский и Даниэль, предусматривает ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду. Под антисоветской агитацией и пропагандой закон понимает агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй, а равно распространение либо хранение в тех же целях литературы того же содержания.

Ознакомление с опубликованными за границей книгами Синявского и Даниэля показывает, что они от начала и до конца проникнуты резко враждебными отношениями к советскому строю и носят ярко вражеский антисоветский характер. Судебный процесс неопровержимо показал, что подсудимые сознательно направляли свои рукописи в организации, отнюдь не литературные, а созданные для активной борьбы против Советского государства. И как показал процесс, эти рукописи широко использовались враждебной Советскому Союзу пропагандой в антисоветских целях. Факты, установленные на судебном процессе, со всей очевидностью подтверждают, что осужденным это было хорошо известно. Они систематически пересылали свои "сочинения" даже и после того, как им стало известно, что их "труды" широко используются антисоветскими зарубежными организациями.

Синявскому, в частности, это было известно не только из заграничных публикаций, но и из статей, опубликованных в советской печа-

ти. В журнале "Иностранная литература" № 1 за 1962 год была напечатана статья, в которой подробно анализировались его антисоветские произведения, опубликованные под псевдонимом Абрам Терц, и высказывалось предположение, что автором их является какой-либо злобствующий эмигрант, стремящийся очернить и опорочить Советское государство. Синявский не только не принял мер к тому, чтобы помешать реакционным зарубежным силам использовать его произведения во враждебных Советскому государству целях, но осенью 1963 года переслал за границу нелегально рукопись своего откровенно антисоветского произведения "Любимов".

Судебным следствием было установлено также, что Даниэль передавал для опубликования за границей свои произведения уже в то время, когда он был хорошо осведомлен через передачи радио эмигрантских подрывных центров из-за границы о том, насколько широко используются враждебными Советскому государству силами ранее направленные им за границу произведения.

Таким образом, несмотря на отрицание осужденными антисоветской цели в своих действиях, материалы судебного процесса с неоспоримостью свидетельствуют, что, распространяя свои сочинения за рубежом, они действовали с прямым умыслом, в целях подрыва и ослабления Советской власти. Поэтому с полным основанием суд признал наличие в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 70 УК РСФСР.

Судебное разбирательство дела Синявского и Даниэля было проведено с соблюдением всех процессуальных норм и демократических принципов правосудия: устности, непосредственности, гласности, обеспечения обвиняемому права на защиту. В течение четырех дней суд с участием подсудимых, их защитников, прокурора и общественных обвинителей допрашивал свидетелей, тщательно исследовал все письменные и вещественные доказательства, заслушал заключение экспертов. Подсудимые имели полную возможность защищаться от пред'явленного обвинения как лично, так и с помощью избранных ими самими квалифицированных адвокатов, один из которых, кстати, имеет ученую степень кандидата юридических наук. Они неоднократно выступали в суде с об'яснениями, задавали вопросы свидетелям и экспертам, свободно излагали свои мнения по существу судебного дела. Ход процесса освещался в печати и комментировался по радио.

Хотя приговор, вынесенный Верховным судом РСФСР, как высшим судебным органом союзной республики, согласно закону не подлежит кассационному обжалованию, но подсудимые могут подать жалобу в Верховный Суд СССР с просьбой о пересмотре дела в порядке судебного надзора.

Все эти факты со всей убедительностью свидетельствуют о демократическом характере судебной процедуры по делу Синявского и Даниэля.

При ознакомлении с произведениями Синявского и Даниэля советским юристам, хорошо знакомым с социальной и духовной историей своей страны и высокими традициями русской литературы, очевидно, что речь идет не о судебном процессе над литературным творчеством, а об антисоветской пропаганде, облаченной в псевдолитературную форму. Их судили в строгом соответствии с законом как людей, совершивших преступные действия против народа, его революционных завоеваний.

Чхиквадзе В.М. - член-корреспондент АН СССР,
доктор юридических наук, профессор;

Ромашкин П.С. - член-корреспондент АН СССР,
доктор юридических наук, профессор;

Строгович М.С. - член-корреспондент АН СССР,
доктор юридических наук, профессор;

Пионтковский А.А. - заслуженный деятель наук
РСФСР, доктор юридических наук, профессор.

АПН

"СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДОНБАСС", 3 марта 1966 года.

Лишь два журнала активно поддержали суд и приговор: "Агитатор" — пером своего постоянного фельетониста Никодима Троекурова /псевдоним/ и "Октябрь", чья постоянная линия полностью совпала с ходом и решением суда. Имена авторов "Октября" говорят сами за себя: В.Кочетов, А.Дымшиц, С.В.Смирнов, П.Строков, А.Метченко.

О "САМОВЫРАЖЕНИИ" И МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Лекция в стихах, прочитанная Никодимом Троекуровым в рабочем клубе.

В рабочем клубе обозренье
Сегодня поручили мне —
Сказать о "самовыраженье",
Сказать о мире и войне.
С большой охотой, между прочим,
За дело взялся Никодим:
Такой обзор бывает очень
Необходим.

Необходим!

Взять карандаш... Он так окрашен:
Он черный там и красный здесь.
Вот так, друзья, во время наше
И шар земной окрашен весь.
Встревожены моря и суша,
И даже там, где тишина,
За человеческие души
Идет незримая война.
А кое-где земля дымится...
Да, мистер капитал таков:
Он шлет гремучие гостинцы
Заместо мирных голубков.

В чужие страны приезжает,
О человечности трубя,
Да только "самовыражает"
Отныне бомбами себя.

Но скажут люди:

— Гость речистый,
Ты головы нам не морочь!
Вы, нео-коло-ниа-листы,
С дороги прочь.

С дороги прочь!..

Задумано за морем тонко,
Есть установочка одна:
Нужны продажные подонки,
Нужна стилижная шпана.
Чтоб, наспех вывернув душонки,
Они плевали в свой народ.
Я видел серые книжонки,
Что некий дядя издает.
И вот в пикантном положении,
С концами не сводя концы,
Бубнят о "самовыраженье"
Сорокалетние юнцы.
С поличным мы вас захватили
И раскусили вашу цель!
За то вам доллары платили,
Синявский, Тарсис, Даниэль?
Я видел их, бесстыжих, лгущих,
Привыкших путать и вилять,
В разнос и оптом продающих
Не пирожки —

Отчизну мать!

Мои ровесники. Мне горько,
Я чуть от гнева не ослеп.
Как не застряла в горле корка
У них, жующих русский хлеб?
О чем мечтал такой молодчик,
В бутылку пряча тайный лист?
Не переводчик —
Вор-наводчик,

Лингвист -
Идейный террорист.
В их душах, как в бутылке пусто.
Им признаваться не с руки.
Они за "чистое искусство",
Те грязные клеветники.
Коверкали родное слово,
Аржак о Достоевском врал,
А Терц-Синявский у Толстого -
Тот даже бороду украл.
Вы, жалкие антиталанты,
Хотели день свести на ночь.
Вы, внутренние эмигранты,
С дороги прочь!

С дороги прочь!

Теперь, не будь я Троекуров,
Дойду до тех, кто им платил,
Кто их вводил в "литературу",
Кого сейчас столбняк хватил.
Лакеям, на руку нечистым,
- Старайтесь! - боссы говорят.
Бэрчистов,

архимодернистов, -

Всех, словно мосек,

ставят в ряд!

Судьба им не сулит удачи:
Идут хозяева ко дну.
Решили кое-где горячей
Сменить холодную войну.
Но бьют вьетнамские орудья,
Стервятников кромсая сталь.
На тех орудьях -
Знайте, люди, -
Есть мне знакомая деталь.
А завтра партизанский выстрел
Сайгонскую пронзая ночь!
- А ну-ка, империалисты,
С дороги прочь!

С дороги прочь!

.....
Щенок, на зубы не надейся!
Я, Троекуров Никодим,
Скажу: по Одру и Нейсе
Границ нарушить не дадим.
Запомни, что на танках рейха
И я прожег немало дыр.
Как в НАТО ни латай прорехи,
Бессилен ты.

Всесилен мир!

Я лекцию по этой теме
Кончаю. Думаю одно:
В ответственное очень время
Нам жить, товарищи, дано.
Тут, мальчики, не до игрушек,
Коль даже там, где тишина,
За человеческие души
Идет незримая война.
Держа

мир старый

на прицеле,

Клянусь, не будь я Никодим:
Народ, идущий к светлой цели,
Непобедим.

Непобедим!

"АГИТАТОР", № 6

СКВЕРНОЕ РЕМЕСЛО

"...Приемчики "работы" таких "команд" отшлифованы до деталей, тщательно проверены. Основное правило: никогда не вести разговора по существу произведения или всей позиции автора. Статейки "кремлинологов" имеют целью не критику, не разбор, а компрометацию. Это же кристаллики яда, брошенные в котел столовой, в которой питается множество людей, кристаллики, размноженные миллионными тиражами. С их помощью компрометируются и произведения и его автор.

Об этих "кремлинологических" сочинениях я вспомнил, когда суди-

ли Синявского-Терца, который одно из первых своих изданий опубликовал именно в журнале "Энкаунтер", таким путем, добровольно, как и наемник Миклоша Сабо, вступив в одно из формирований нашего врага, в команду "ЭН", в ту самую, где состоит и голубоглазенькая, милонидная американская мисс.

Навыки этой команды Синявский перенимал, судя по всему, с большим старанием и прилежанием. Может быть, вначале он и путал, где находится наиболее уязвимое место у пишущего человека - сердце ли, позвоночник, головной мозг, а позже тоже усвоил: переносица, да, она. Кое-кто из наших советских людей, откликаясь на процесс, высказался о Синявском в печати как о "нравственном уродце". Но ведь об этом человеке не раз говорилось до этого, что он потрясающий талант. Там, где Синявский состоял в штате, о нем отзывались как об эталоне интеллигентности и интеллектуальности; а там, где он чаще всего печатался, его поместили в списки молодых критиков "многообещающих тенденций".

На "нравственное уродство", таким образом, тут ничего не спишешь и ничего этим не об'яснишь. А Рудольф Гесс, и тот блок-фюрер, который из пистолета убил 10 тысяч человек, и молодцы из команды "Альфа", и голубоглазая "кремлиннологичка" из "Энкаунтера", и Синявский-Терц, и все им подобные - вполне нормальные люди, но они служат другому миру, они его наймиты. Синявский делал свое дело столь же изощренно, как "кремлиннологичка". Рецепт литературных убийств по методу команды "ЭН" несложен: крути вокруг да около, делай вид, что не замечаешь подлинного содержания романа, кинофильма, пьесы, приводи всяческие не в пользу автора и произведению параллели, нагло утверждай свое, выдуманное, усмехайся, потешайся. Последний, с кем в советской печати расправился Синявский, был, если не ошибаюсь, Евгений Долматовский. Достаточно прочесть то, что утверждал в своей новой книге отличных стихов советский поэт и что написал о ней Синявский, чтобы тотчас стало ясно: привычным, отработанным ударом молодец из команды "ЭН" метил не куда-либо, а именно в переносье. Ухватки у всех у них одинаковы.

Это не выродки, нет. Это "суперсолдаты" из различных формирований нашего идейного противника. Они совершали литературные убийства во имя продления на земле владычества денежных мешков. Голубоглазенькую дамочку и Синявского наняли, вульгарно наняли; и они оба вместе

с "героями" книги Миклоша Сабо, старались порученное им делать столь же ревностно, как ревностно нес свою службу Рудольф Гесс-Ланг.

В.Кочетов

"ОКТЯБРЬ", № 3, 1966 г.

"...К ясности и четкости идейных позиций, к высокому чувству ответственности перед партией и народом призывал писателей и А.Дымшиц.

- Когда из речей делегатов съезда партии, из речи М.Шолохова, - сказал он, - стало известно, что нашлись литераторы, пытавшиеся заступиться за прямых наших врагов, за клеветников нашей Отчизны, за пасквилянтов Синявского-Терца и Даниэля-Аржака, ополчившихся на советский народ, на партию, на Ленина, мне снова вспомнились заветы Владимира Ильича, который учил, говоря словами Маяковского, встать "к врагу железа тверже". Он был гневно непримирим ко всякой шаткости и колебаниям, которые наносили вред нашему делу.

Дружными аплодисментами встретили участники пленума заключительную часть выступления С.В.Смирнова, прочитавшего свои стихи, написанные сразу же после суда над отщепенцами:

Я могу сказать определенно,

Это стало видного видней.

Что понятие

"пятая колонна"

Не сошло

С повестки наших дней...

И когда смердят сии натуры

И зовут на помощь вражью рать,

Дорогая наша диктатура,

Не спеши слабеть

и отмирать!

"...Одна из первостепенных задач советской литературы - воспитание молодежи в духе великих революционных традиций, в духе героики и жизнедеятельной романтики. Нет сомнений, что эта задача несовместима с "дегероизацией" литературы. Такая литература была бы только на руку нашим идейным противникам, которые, по справедливому заме-

чанию В.Липатова, давно уже признают, что мы можем построить материально-техническую базу коммунизма, но категорически отказывают нам в том, что мы сумеем выковать человека нового общества.

Ведь буржуазные издатели ухватились за бездарные сочинения Синявского-Терца еще и потому, что он изображал наших людей глупыми, никчемными обывателями с низменными, животными инстинктами. Враги возликовали: вот, дескать, полвека воспитываете человека в духе коммунистической нравственности, а он по-прежнему стремится встать на четвереньки. Но какая же может быть вера клеветнику и отщепенцу! Судите, господа, о наших людях не по злопыхательским пасквилям Синявского, а по живым людям да по книгам Фурманова, Фадеева, А.Толстого, Шолохова, Федина, Леонова, по фильмам "Чапаев" и "Мы из Кронштата", "Депутат Балтики" и трилогии о Максиме, "Судьба человека" и "Отец солдата"...

Петр Строков

"ОКТАБРЬ", № 5, 1966 г.

"...Забвение партийности, классовости и стало источником ошибок, допущенных отдельными писателями и критиками. Люди, забывающие о происходящей в мире классовой борьбе, о том, что литературное дело является частью общенародного дела строительства коммунизма, утрачивают - и это закономерно - элементарную способность отличать критику от клеветы, советское произведение от антисоветского. Утрачиваются четкие представления об этических и эстетических ценностях, хотя именно о них эти люди больше всего любят говорить, но с абстрактных, вневременных, эстетических позиций. Даже предательство кое-кто оказался склонным квалифицировать как невинные шалости, а грубые ремесленные поделки злобных антисоветчиков как "произведения искусства"... И хотя речь идет о явлениях исключительных, они связаны с активизацией антикоммунизма, с его пристальным "вниманием" к советской литературе, и это заставляет нас более заботливо относиться к своему идейному вооружению.

Только занимая активную позицию в общественной жизни, только хорошо помня, что в советском гражданине человечество высоко ценит прежде всего представителя коммунистического мира /о чем писал еще Маяковский, а на съезде страстно говорил М.Шолохов/, мы в состоянии совершенствоваться и наши этические и эстетические критерии.

Ленинский принцип партийности был и остается единственным надежным компасом, способным вести вперед и выше, — этому учит весь опыт советской литературы.

А.Метченко

"ОКТАБРЬ", № 6, 1966 г.

ПИСЬМО 5-х ГРАЖДАН Л.И.БРЕЖНЕВУ

Первому секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л.И.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Мы считаем своим гражданским долгом высказать Вам и в Вашем лице Центральному Комитету нашей партии свое мнение о том, что глубоко волнует нас.

Мы имеем в виду дело А.Синявского и Ю.Даниэля, а также некоторые вопросы, в той или иной степени связанные с ним.

Очевидно, было несколько возможных вариантов действий после того, как были раскрыты псевдонимы Синявского и Даниэля.

Остановились на одном из них — на аресте и суде. Идя на это, надо было, вероятно, иметь в виду два обстоятельства.

Первое: все это неизбежно будет подано буржуазной пропагандой на фоне ошибок в нашей культурной политике последнего десятилетия /до октября 1964 года/: необоснованная критика романа Дудинцева "Не хлебом единым" /1956/; не до конца продуманные шаги в отношении Б.Пастернака /1958/; выступления против "Бабьего яра" Е.Евтушенко /1961/; некомпетентные высказывания Н.С.Хрущева об искусстве и людях искусства /1962-1963/ и, наконец, суд над переводчиком-поэтом И.Бродским, обвиненным в тунеядстве /1964/.

Эти действия не принесли нам ничего положительного. И потому мы не можем утешаться мыслью, что их положительная сторона перекрывает отрицательную — использование врагом. Для нас они были отрицательными и здесь и там.

Второе и самое главное обстоятельство, которое надо было иметь в виду, идя на арест Синявского и Даниэля и суд над ними, заключается в следующем.

История Советского государства не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антисоветскую, антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и изда-

нии /здесь или за рубежом/ антисоветских, антигосударственных художественных произведений. М.Булгаков написал, а МХАТ поставил "Дни Турбиных" – вещь, по определению И.В.Сталина, – антисоветскую. Однако М.Булгакова не арестовали и не судили за это. Б.Пильняк напечатал за границей антисоветскую повесть "Красное дерево". Однако его не арестовали и не судили за это. Борис Пастернак опубликовал за рубежом "Доктора Живаго" – роман, который был нами назван антисоветским. Б.Пастернака не арестовали и не судили за это.

Итак, – беспрецедентный случай в истории Советского государства. Более того, история царской России, история Европы и Америки, Азии и Африки нового и новейшего времени, насколько нам известно, не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании /на родине или за рубежом/ антигосударственных художественных произведений.

Итак – случай, не имеющий прецедентов в мировой истории.

Как же тщательно нужно было готовить этот процесс, как надо было все взвесить, все обдумать! Какого же сильного государственного обвинителя следовало подобрать! Мы знаем, как в нелегком 1922 году В.И.Ленин наставлял Ф.Э.Дзержинского и не по вопросу об открытом суде, а по вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции: "...надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки. Соборать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве. Обязать членов Политбюро уделять два-три часа в неделю на просмотр изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов, добиваясь присылки в Москву, без проволочек, всех некоммунистических изданий. Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов /Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и др./ . Поручить все это толковому образованному и аккуратному человеку в ГПУ". /Сочинения, изд. 5, том, стр. 265/.

А как происходил процесс Синявского и Даниэля?

До суда в официальном государственном печатном органе – газете "Известия" /№ 10 за 1966 год/ была опубликована статья, написанная в знакомом тоне статей 30-40 гг., где Синявский и Даниэль назывались виновными, и где эпитет "антисоветский" по отношению к их произведениям употреблен много раз – хотя суду еще предстояло принять решение по этому вопросу. Между тем, по советским законам – обвиняе-

мый это еще не виновный, и только суду принадлежит право определить наличие вины и степень виновности. И вряд ли печатный орган имеет право предвосхищать решение суда. Сами же "Известия" совершенно справедливо пишут о недопустимости заочного вынесения приговора печатью /№ 61, 1966/.

Начался суд. В зал не пустили ни одного иностранного корреспондента. Даже из иностранной коммунистической печати. Уравнили журналистов-коммунистов с буржуазными журналистами, журналистов из стран, где уже двадцать лет строят социализм, — с журналистами капиталистических стран.

Антисоветски настроенные люди получили возможность напомнить нам, что в 1936–37 гг. мы допускали иностранную прессу на политические процессы. Они получили возможность спросить: "Почему не пускают? Ведь иностранные журналисты-коммунисты не стали бы клеветать на советский суд, они бы правду писали. Если идет процесс с соблюдением всех процессуальных норм, если состав преступления ясен, улики неопровержимы, если государственное обвинение уверено в своей правоте и в своей способности доказать вину подсудимых, то почему бы не пустить иностранных журналистов посмотреть на торжество советского судопроизводства и правосудия?"

Более того, наша печать своевременно не поместила ни стенограммы этого необычного процесса, ни подробной протокольной записи, и тем самым не смогла нейтрализовать действия буржуазной пропаганды.

Буржуазная пропагандистская машина делала свое дело. Но и без ее помощи у непредубежденных людей возникало недоумение. К сожалению, то, что писали наши газеты, не могло рассеять этого недоумения, а наоборот, усилило его. Непродуманность, неряшливость, порой прямая ошибочность сказанного в газетах, были просто поразительны. А ведь это единственный источник информации для нас и для всего мира. Укажем на некоторые из напечатанных в газетах несуразности.

1. Газеты пытались внушить, что использование врагом художественных произведений уже само по себе криминал. Но враг использует все. Враг использовал критику культа личности и обстоятельства снятия Хрущева. Враг использовал критику субъективизма и волюнтаризма и решения сентябрьского и мартовского пленумов. Враг использует наши фельетоны и критические статьи. Использование врагом чего-либо не может считаться само по себе криминалом. На кого рассчитана эта не-

логичность? Ведь человек, обладающий элементарной культурой мышления, ее не примет. Неужели она рассчитана на тех, чей уровень культуры мышления оставляет желать лучшего? Но разве советская печать должна ориентироваться на отсталые слои населения, вместо того, чтобы поднимать их до уровня передовых?

2. Газеты пытались внушить, что отправка за границу рукописей /даже художественных произведений/ без согласия государственных органов и не по почте, а с оказией, является нарушением закона. 22.2.1966 года "Правда" писала, что Синявский и Даниэль поставляли тайно, в нарушении закона, свои антисоветские сочинения за границу. Однако нам неизвестен закон, запрещающий советским гражданам пересылку за границу своих рукописей, если только они не содержат государственной или военной тайны. Если же такой закон есть, то почему газеты не цитировали его или хотя бы не называли. Если же такого закона все-таки нет, то зачем вводить в заблуждение советских людей и давать нашим недругам возможность уличить нас во лжи.

3. Газеты писали, что суду предстоит установить степень виновности, меру вины подсудимых. Опять-таки досадная неточность. Суду, прежде всего, предстояло установить вину подсудимых, а потом уж ее меру.

4. "Известия" от 10.2.1966 года, процитировав статью 70 УК РСФСР, пишут: "Наш закон устанавливает, что антисоветская литература - это литература, содержащая призывы к подрыву или ослаблению Советской власти..." Однако ни одна газета так и не показала, где эти призывы в сочинениях Синявского и Даниэля. То, что цитировалось в газетах, не может служить достаточным основанием, из цитированного вообще не вытекает, что эти призывы к подрыву или ослаблению Советской власти, а тем более - призывы самих авторов, что это - авторская позиция. Немногочисленные приведенные цитаты ничего не доказывают даже в отношении нехудожественной литературы, а тем более художественного произведения. Что касается единственного, по-видимому, нехудожественного произведения, инкриминированного обвиняемым - статьи Синявского "Что такое социалистический реализм", то она была в газетах лишь названа антисоветской и клеветнической. Никаких цитат, убедительно подтверждающих эту мысль, не приводилось. И вообще никаких цитат из нее не было в газетах. Так обстояло дело с освещением в газетах содержательной стороны обвинения. Читателям приходилось верить газетам на слово.

А ведь, к сожалению, известно, что вопрос об освещении в советской печати тех или иных событий далеко не прост. По собственному читательскому опыту мы знаем, что в былые годы газетам часто приходилось ошибаться в оценке лиц и событий. Вспомним, что писали газеты о людях 1936-37 гг., об ученых диверсантах в нашей биологии, о вейсманистах-морганистах и о великом биологе Лысенко, об "одной антипартийной группе критиков-космополитов", о "цепном псе и платном агенте империалистов" Тито, об "убийцах в белых халатах"; вспомним, как газеты превозносили любое решение и указание Хрущева, и т.д. Сейчас, когда один из принципов руководства - трезвый, продуманный подход к делу, свободный от волюнтаризма и поспешности, основанный на научной оценке фактов, можно было ожидать от нашей печати более обоснованного, убедительного и корректного освещения процесса, тем более, если учитывать его важность и уникальность.

5. В газетах много подчеркивалось, что дело не в литературе, а в уголовных деяниях подсудимых. Но ведь инкриминируемые подсудимым уголовные деяния содержатся в их рассказах, повестях, романах. По-видимому здесь нельзя было обойтись без чисто литературного анализа, без внимательного рассмотрения структуры произведения, его языка и системы образов, без учета художественных условностей. Ведь именно в этом состояла специфика процесса. Можно ли в газетах так все упрощать, в таком облегченном виде представлять задачу, стоящую перед судом?

6. В газетах говорилось, что вина Синявского и Даниэля подтверждается содержанием их произведений, изданных за рубежом, показаниями свидетелей, заключением экспертизы и вещественными доказательствами. Но как попала в этот перечень экспертиза, когда в газетах было указано, что ее задачей было установление авторства? Какие могут быть вещественные доказательства, кроме самих произведений? Почему печать не назвала их? Подобные неточности, нежелательные вообще в нашей печати, крайне сожалительны в столь ответственном деле.

7. Если верить "Литературной газете" /12.2.1966 года/, то между Даниэлем и председательствующим произошел такой диалог о клевете на Советское правительство;

ДАНИЭЛЬ: "Ну кто же всерьез поверит, что оно может об'явить "День открытых убийств"! А раз не поверят, то при чем же здесь клевета?" - "Но клеветой называется распространение заведомо ложных порочащих измышлений, - замечает председательствующий. - Значит то,

что вы написали, - клевета". Пауза. "Нет, - отвечает, наконец, - Даниэль, - это художественная гипербола".

Трудно поверить в точность передачи диалога. Ведь клевета всегда рассчитана на то, что в нее поверят. А явно фантастическое допущение, в которое заведомо никто не поверит, не может квалифицироваться как диффамация. В самом деле, если гражданин А скажет, что у гражданина Б из головы растет тутовое дерево, или что он посадил свою тещу в ракету и отправил ее в сторону Венеры, в это никто не поверит, и это не может расцениваться как клевета. И если это в такой обычной ситуации, то это тем более верно для беллетристики.

22 февраля "Правда" писала в редакционной статье: "Оркестрованная на западе с небывалым размахом кампания в защиту двух диверсантов от литературы дезориентировала кое-кого из честных людей. Видимо, не располагая должной информацией и восприняв писания буржуазной прессы, которая, утратив всякий стыд, ставит Синявского и Даниэля в один ряд с Гоголем и Достоевским и уверяет, будто на суде шла речь о проблемах литературы и свободе творчества, некоторые прогрессивные деятели встревожились".

Разберем сказанное. "Правда" пишет о "честных людях" и "прогрессивных деятелях", не располагающих информацией и дезориентированных буржуазной прессой. Но какой должной информацией эти люди не располагают? Разумеется, они располагают всеми рассказами, повестями и романами Синявского и Даниэля и могут лично познакомиться с произведениями, которым инкриминируется враждебность советскому строю. Помешать этому буржуазная пропаганда не может. Кроме того, честные люди, а тем более прогрессивные деятели капиталистических стран отлично знают, что такое буржуазная пресса и радио. Тогда какого же рода "должной информацией" они не располагают? Получается, что они не располагают информацией о самом процессе, о суде над Синявским и Даниэлем. Но ведь они могут читать наши газеты и наверняка это делали, если они действительно честные люди и прогрессивные деятели. Но почему же при этом они все-таки не располагают должной информацией? Не означает ли это все, что наши газеты как раз и не содержали "должной информации", что мы сами закрыли и затруднили доступ к "должной информации", и что, печатая краткие репортажи из зала суда, полные недостатков, не публикуя стенограмм или протоколов судебных заседаний, совершенно не допустив даже коммунистических корреспондентов в зал суда, мы сами заставили честных людей и про-

грессивных деятелей воспринимать "писания буржуазной прессы"? Наконец из смысла сказанного вытекает, что советские люди, располагая лишь сообщениями наших газет, были информированы еще меньше, чем честные люди и прогрессивные деятели зарубежья. Как могло появиться такое логически незащищенное, беспомощное выступление в "Правде"?

Неудачное освещение в печати всего дела Синявского-Даниэля привело к публичным протестам не просто честных людей и прогрессивных деятелей, но самых прогрессивных из прогрессивных - наших зарубежных братьев - лидеров зарубежного коммунистического движения. И таким образом, во многих странах мы не имели сочувствия нашим действиям даже со стороны передового общественного мнения, к величайшей радости и выгоде нашего врага.

Получается, что дело Синявского-Даниэля в том виде, в каком оно было подготовлено и рассмотрено, а также освещено нашей печатью, наносит мировому коммунистическому движению, нашему строю, государству, нашей идеологии ущерб больший, чем любые антисоветские писания тех или иных частных лиц, ибо писания есть писания /"мало ли чего можно в книжке намолоть"/, а ф а к т ы е с т ь ф а к т ы.

В связи с этим мы не можем не обратить Вашего внимания на взгляды определенной части советских людей, взгляды, с откровенной обнаженностью проявившиеся при подходе к обстоятельствам дела Синявского-Даниэля.

Эти люди рассуждают так: "А нам плевать на то, что у зарубежных коммунистов будут из-за всего этого трудности. Это их печаль и забота. Зачем у нас должна болеть голова за них".

Некоторые из таких людей - коммунисты. Один из них - ответственный сотрудник МИДа, на лекции в МГУ /10.3.1966 года/, в ответ на вопрос о заявлении товарищей Арагона и Голлана сказал, что-де, пусть они занимаются своими делами, а не чужими.

Эти настроения не случайны. История их не так коротка и не так проста. Еще в 1925 году руководство нашей партии предупреждало советских людей об опасности, заключающейся в забвении и непонимании некоторыми товарищами элементарного требования интернационализма, согласно которому победа социализма в одной стране - не самоцель, а средство для развития и поддержки революции в других странах. Партия говорила, что люди, одержимые этой болезнью, видят в нашей стране не частицу целого, именуемого мировым революционным движением, а

начало и конец этого движения, полагая, что в жертву интересам нашей страны должны быть принесены интересы других стран. Эта опасность не переставала существовать с 1925 года. И поэтому руководство партии снова и снова возвращалось к этой опасности, предостерегая против нее партию и народ /например, 1926 г. и 1931 год/.

Нам кажется, что необходимо утроить, удесяттерить наши усилия в интернациональном воспитании народа. Другого пути борьбы с этой болезнью нет.

Позвольте перейти к формулировке наших предложений:

1. Нам кажется, что следовало бы поручить философам и социологам серьезно разобраться в социальной причине поступка Синявского и Даниэля. В связи с этим напомним, что тов. Фидель Кастро в письме прокурору, как Вы знаете, просил не требовать смертной казни для кубинских контрреволюционеров-террористов и писал, что основное — это разобраться в причине перехода бывших революционеров в стан контрреволюции.

2. Нам кажется, что следует либо организовать высококвалифицированный компетентный пересмотр судебного дела Синявского-Даниэля, подробно и убедительно освещая его в печати, либо великодушно помиловать этих людей, дав возможность общественности обсудить их поступок.

3. Нам кажется, что следует серьезно продумать все наши ошибки по отношению к творческой интеллигенции и причину этих ошибок с тем, чтоб решительно исправить положение и окончательно выбить козырные карты из рук наших врагов.

/Вторая половина марта 1966 г./

Э.Ханпира
И.Мельчук
Ю.Апресян
Л.Булатова
Н.Еськов

Вызывает уважение человеческий и гражданский поступок группы московских литераторов, обратившихся с просьбой о взятии Синявского и Даниэля на поруки. К сожалению, просьба эта не имела под собой юридической основы /ст. 52 УК РСФСР предусматривает, что на поруки могут быть отданы лишь те, кто признал свою вину и чистосердечно раскаялся/.

ПИСЬМО 62-х ПИСАТЕЛЕЙ

В ПРЕЗИДИУМ XX111 С'ЕЗДА КПСС И В ПРЕЗИДИУМЫ ВЕРХОВНЫХ СОВЕТОВ
СССР И РСФСР

В Президиум XX111 с'езда КПСС

В Президиум Верховного Совета СССР

В Президиум Верховного Совета РСФСР

Уважаемые товарищи!

Мы, группа писателей Москвы, обращаемся к вам с просьбой разрешить нам взять на поруки недавно осужденных писателей Андрея Синявского и Юлиа Даниэля. Мы считаем, что это было бы мудрым и гуманным актом.

Хотя мы не одобряем тех средств, к которым прибегали эти писатели, публикуя свои произведения за границей, мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для столь тяжкого наказания. Этот злой умысел не был доказан в ходе процесса А.Синявского и Ю.Даниэля.

Между тем, осуждение писателей за сатирические произведения - чрезвычайно опасный прецедент, способный затормозить процесс развития советской культуры. Ни наука, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения /а не сужения/ свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским

и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля.

Синявский и Даниэль — люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами.

По всем этим причинам просим выпустить Андрея Синявского и Юлия Даниэля на поруки.

Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения.

Члены Союза писателей СССР:

Чуковский К.И., Эренбург И.Г., Шкловский В.В., Антокольский П.Г., Славин Л.И., Наверин В.А., Дорош Е.Я.

Анастасьев А.Н.
Аникст А.А.
Аннинский Л.А.
Ахмадулина Б.А.
Бабенышева С.Э.
Берестов В.Д.
Богатырев К.П.
Богуславская З.Б.
Борев Ю.Б.
Войнович В.Н.
Домбровский Ю.О.
Жигулин А.В.
Зак А.Г.
Зонина Л.А.
Зорин Л.Г.
Зоркая Н.М.
Иванов Т.В.
Кабо Л.Р.
Кин Ц.И.
Копелев Л.З.
Корнилов В.А.

Крупник И.Н.
Кузнецова И.Н.
Левитанский Ю.Д.
Левицкий Л.А.
Лунгин С.Л.
Лунгина Л.З.
Маркиш С.П.
Масс В.З.
Михайлов О.Н.
Мориц Ю.П.
Нагибин Ю.М.
Нусинов И.И.
Огнев В.Ф.
Окуджава Б.Ш.
Орлова Р.Д.
Осповат Л.С.
Панченко Н.В.
Поповский М.А.
Пинский Л.Е.
Рассадин С.Б.
Реформаторская Н.В.

Россельс В.М.
Самойлов Д.С.
Сарнов Б.М.
Светов Ф.Г.
Сергеев А.Я.
Сеф Р.С.
Соловьева И.Н.

Тарковский А.А.
Турков А.М.
Тынянова И.Н.
Фиш Г.С.
Чуковская Л.Н.
Шатров М.Ф.

/29.3. - 8.1У. 1966 г./

От имени ХХ111 с'езда этим писателям
ответил М.Шолохов.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА М.А.ШОЛОХОВА НА ХХ111 С'ЕЗДЕ КПСС
/отрывок/

"...Хотелось бы сказать несколько слов о том, что принято называть местом писателя в общественной жизни. Какими явлениями характеризуется жизнь современного нам общества и какова должна быть позиция писателя, как деятеля культуры, по отношению к этим явлениям?

Всякому непредубежденному человеку, по-моему, ясно, что в жизни мира происходят процессы, которые не позволяют честному писателю или художнику оставаться в позиции стороннего наблюдателя. Казалось бы, простая истина, но порою приходится о ней напоминать. Современное человечество переживает события, течение которых никак не назовешь плавным. Продолжается американская агрессия во Вьетнаме. Испытываются разрушительные средства чудовищной силы. Западногерманские милитаристы и реваншисты стремятся получить это оружие в свои руки. Реакционное буржуазное искусство всячески разжигает в людях самые низменные страсти, выступает как злые силы из древнейших сказок и преданий народов всех стран, стараясь обратить человека в его противоположность, лишить его человеческого образа и человеческой души. Разные симптомы, но говорят они о явлениях одного порядка.

Наша страна, другие страны социализма стали в глазах миллионов людей труда различных наций, различных политических взглядов, раз-

личного цвета кожи оплотом надежды, оплотом веры в доброе и светлое будущее. /Бурные аплодисменты/. Все, что мы строим, создаем, над чем работают наши рабочие, крестьяне, ученые, художники, на что вдохновляет нас наша партия, все это строится и создается для мира на земле, для торжества свободного труда, во имя идеалов демократии, социализма, братской дружбы и сотрудничества народов. Для человека. Для человечества.

И сегодня с прежней актуальностью звучит для художников всего мира вопрос Максима Горького: "С кем вы, мастера культуры?" Подавляющее большинство советских писателей и прогрессивных деятелей других стран ясно на этот вопрос отвечают своими произведениями.

О роли художника в общественной жизни мне приходилось беседовать с писателями, с корреспондентами газет и журналов на больших представительных собраниях не раз. В частности, это заняло немало места в моей речи в Стокгольмской ратуше во время нобелевских торжеств прошлого года. Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней. /Оживление в зале/. И форма изложения моих мыслей была соответственно несколько иной. Форма! Не содержание. /Бурные продолжительные аплодисменты/.

Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорили как коммунисты. Кому-то это может прийтись не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться. Более того, именно это и уважают всюду. /Бурные аплодисменты/. Где бы ни выступал советский человек, он должен выступать как советский патриот. Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой Родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразителя революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека. /Бурные аплодисменты/.

Совсем другая картина получается, когда об'является некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом - осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что нам свято.

Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся, что они малая частица народа великого и благородного. /Бурные, аплодисменты продолжительные/. Гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины. Она создала нас, дала нам

все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу советскую Родину матерью. Все мы — члены огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует народная мудрость: "В семье не без урода". Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку! /Бурные, продолжительные аплодисменты/.

Мне стыдно за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. /Продолжительные аплодисменты/.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. /Бурные аплодисменты/.

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее. /Бурные аплодисменты/.

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стонут о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из подразделений появились предатели?! Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не сляктяйство. /Продолжительные аплодисменты/.

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а "руководствуясь революционным правосознанием" /аплодисменты/, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! /Аплодисменты/. А тут, видите, еще рассуждают о "суровости" приговора.

Мне хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем с'езде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краски с палитры художника! /Продолжительные аплодисменты/.

На пресс-конференции в Токийском аэропорту Шолохов пошел еще дальше. Он заявил, что "дал бы Синявскому и Даниэлю в три раза больше", а "Арагону нечего лезть не в свое дело".

Нобелевскому лауреату ответила Л.К.Чуковская.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
Л.ЧУКОВСКОЙ М.ШОЛОХОВУ

В правление Ростовского отделения СП
В правление Союза писателей РСФСР
В правление Союза писателей СССР
В редакцию газеты "Правда"
В редакцию газеты "Известия"
В редакцию "Литературной газеты"
В редакцию газеты "Литературная Россия"
В редакцию газеты "Молот"

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, АВТОРУ "ТИХОГО ДОНА"

Выступая на XXIII съезде Партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как представитель советской литературы.

Тем самым Вы дали право каждому литератору, в том числе и мне, произнести свое суждение о тех мыслях, которые были высказаны Вами будто бы от нашего общего мнения. Речь Вашу на съезде воистину можно назвать исторической. За все многовековое существование русской культуры я не могу вспомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы свое сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор; Вам пришлось не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский, Вы нашли ее слишком педантичной, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а

"правосознанием". Этот призыв ошеломил меня - и я имею основание думать - не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона. Настоячивые попытки возвратиться к законности, к точному соблюдению духа и буквы советского законодательства, успешность этих попыток - самое драгоценное завоевание нашей страны, сделанное ею за последнее десятилетие. И именно это завоевание Вы хотите у народа отнять! Правда, в своей речи на с'езде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то сравнительно недавнее время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда самый закон, самый кодекс еще не родился: "памятные двадцатые годы". Первый советский кодекс был введен в действие в 1922 году. Годы 1917-1922 памятны нам героизмом, величием, но законностью они не отличались, да и не могли отличаться; старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда - судить на основании "правосознания", был уместен и естественен в пору гражданской войны, на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия советской власти. Кому и для чего это нужно - возвращаться к "правосознанию", то есть по сути дела к инстинкту, когда выработан закон? И кого, в первую очередь, мечтаете вы осудить этим особо-суровым, не опирающимся на статью кодекса судом, который осуществлялся "в памятные двадцатые годы"? Прежде всего, литераторов... Давно уже в статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда - то есть в сущности приговор к болезни, а может быть и к смерти, - представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса, без этих самых статей - побыстрее, попроще! - изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова:

"Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса, а "руководствуясь революционным правосознанием", ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о "суровости" приговора".

Да, Михаил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании /которых в своей речи Вы почему-то именуете "буржуазными защитниками" осужденных/, вместе с левыми общественными организациями Запада, я, советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться, стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а Вы своей речью отлучили себя от этой традиции. Именно в "памятные двадцатые годы", то есть с 1917 по 1922, когда бушевала Гражданская война и судили по "правосознанию", Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасти писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам. Традиция эта - традиция заступничества - существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе этим гордиться. Величайший из наших поэтов Александр Пушкин гордился тем, что "милость к падшим призывал". Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золя, защищавшего Дрейфуса, объяснял ему: "Пусть Дрейфус виноват, - и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много".

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот вот чему учит русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суровым.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа вникать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений, вин. В этой проникновенности и кроется, главным образом, очеловечивающий смысл русской литературы. Вспомните книгу Федора Достоевского о каторге - "Записки из мертвого дома", книгу Льва Толстого о тюрьме - "Воскресенье". Оба писателя стра-

стно всматривались в глубь человеческих судеб, человеческих душ и социальных условий. Не для дополнительного осуждения осужденных совершил Чехов свою героическую поездку на остров Сахалин, и глубокой оказалась его книга. Вспомните, наконец, "Тихий Дон" - с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных социальных сдвигов, происходивших в стране, и мельчайших достижений потрясенной человеческой души относится автор к ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемым его героями! От автора "Тихого Дона" удивительно было услышать грубо-прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую - вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: "как бы вы поступили, если бы в каком-нибудь из подразделений появились предатели?". Это уж прямой призыв к военно-полевому суду в мирное время. Какой мог быть ответ воинов, кроме одного: расстреляли бы! Зачем, в самом деле, обдумывать, какую именно статью уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней действительности подверглись сатирическому изображению в книгах, какие события побудили их взяться за перо, и какие свойства нашей теперешней, современной действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологический и социальный анализ? К стенке их! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распространяли антисоветские листовки или прокламации, будто они передали за границу не свою беллетристику, а по крайней мере план крепости или завод... Этой подменой сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом "предательство" Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность всегда и везде раз'яснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злобно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей - достоинство. И однако я возражаю против приговора, вынесенного судом. Почему?

Потому, что самая отдача под Уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ - словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или

бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественно-го, литературного, ни Уголовному, ни Военно-полевому не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить Уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература Уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

/Апрель 1966 г./

Лидия Чуковская

После отправки в лагерь осужденные получили возможность /два письма в месяц/ обращаться к общественности.

ПИСЬМО Ю.ДАНИЭЛЯ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ"

В газету "Известия"

Я прошу вас опубликовать в вашей газете нижеследующий текст или, во всяком случае, принять его к сведению в случае дальнейших упоминаний моего имени и имени А.Синявского на страницах вашей газеты.

В течение всего периода следствия и суда я не получал сколько-нибудь об'ективной информации об общественном звучании произведений Аржака и Терца. Следствие, обвинители, суд старались убедить меня и

Синявского в том, что наши произведения читаются и рекламируются только врагами нашей страны, что они — произведения — превращены в орудие идеологической борьбы. Я должен признаться, что почти полгода подобной "обработки" оказали на меня некоторое влияние: я признал себя виновным в "непредусмотрительности" и выразил сожаление по поводу того, что наши произведения используются во вред нашему государству.

После суда и приговора я получил возможность ознакомиться с нашей прессой и получить сведения о прессе зарубежной. Я понял, что только дезинформация была причиной моих "сожалений" и "признаний". Я понял также, что читатели наших газет /"Литературная газета", "Известия" и др./ введены в заблуждение относительно смысла, идейной направленности и даже художественных особенностей повестей и рассказов Терца и Аржака. Я не стану перечислять весь набор недобросовестных, жульнических приемов, которыми пользовались журналисты и критики, — об этом я уже говорил в своем последнем слове на суде. Тенденциозное освещение процесса, произведений и личности обвиняемых в нашей прессе, доброжелательность и протесты против суда и приговора, исходящие из прогрессивных кругов широкой общественности, от ряда советских литераторов и деятелей культуры и науки, ставят меня перед необходимостью четко и недвусмысленно сформулировать свое отношение к происходящему. В настоящее время я пришел к окончательному выводу — наши произведения вообще не должны были быть предметом судебного разбирательства; приговор несправедлив и неправосуден; я отказываюсь от своих "сожалений" по поводу якобы причиненного нашими произведениями вреда: единственный вред, который можно связать с именами Синявского и Даниэля, порожден арестом, судом и приговором.

Я благодарю всех, кто принял участие в нашей судьбе. Я не имею возможности снестись и посоветываться с Синявским, но я глубоко убежден, что он согласится с каждым словом этого письма.

9.1У.1966 г.

Прошу вас, не откажите в любезности подтвердить получение этого письма, независимо от того, сочтете ли вы возможным его опубликовать.

Ю.Даниэль.

Ю. ДАНИЭЛЬ (июль 1966 г.)

Дело Синявского и Даниэля не ограничилось одним судебным приговором. Преследованиям подверглись и свидетели по этому делу.

Московский городской суд приговорил свидетеля Голомштока к 6 месяцам принудительных работ по месту работы /вычитание 20% из зарплаты/.

Несколько месяцев не мог устроиться на работу свидетель Гарбузенко.

Выяснилось, что можно исключить из КПСС "за неправильное отношение к суду и неуклюжие попытки выгородить обвиняемых". Исключение с такой формулировкой равносильно "волчьему билету".

Отношение интеллигенции к такого рода репрессиям видно из следующих далее текстов телеграмм, посланных преподавателями университета и видными советскими учеными в связи с попыткой уволить из университета единственного свидетеля защиты В.Л.Дувакина.

ТЕЛЕГРАММА УЧЕНЫХ И ПИСАТЕЛЕЙ
В ПРЕЗИДИУМ XX111 С'ЕЗДА КПСС

Телеграмма

В Президиум XX111 с'езда КПСС

Мы работники науки и литературы встревожены возмущены решением Ученого совета филологического факультета МГУ 25 марта об увольнении доцента Виктора Дмитриевича Дувакина известного крупного специалиста по истории русской литературы опытного популярного лектора с 27 летним стажем видного исследователя творчества Маяковского тчк Это решение принято в связи с тем что Дувакин выступал свидетелем защиты на процессе Синявского тчк Столь алогичное решение бросает тень не только на МГУ но и на советское правосудие ибо советское судопроизводство предусматривает наличие свидетелей с той и другой стороны и обязано иметь полное представление о личности обвиняемых

как по линии обвинения так и по линии защиты тчк Просим вашего срочного вмешательства предотвращения приказа об увольнении тчк

1. Паперный - доктор филологических наук член ССП
2. Каждан - доктор исторических наук
3. Монгайт - доктор исторических наук
4. Хосе Гарсия - доктор исторических наук
5. Дебец - доктор исторических наук
6. Гулыга - доктор исторических наук
7. Турок-Попов - доктор филологических наук
8. Федоров - доктор исторических наук
9. Горский - доктор философских наук
10. Виленская - кандидат исторических наук
11. Пирумова - кандидат исторических наук
12. Пономарева - кандидат исторических наук
13. Киринос - кандидат исторических наук
14. Козлов - кандидат исторических наук
15. Маркова - кандидат исторических наук
16. П.Якир
17. Герасимов И. - кандидат философских наук
18. В.А.Катанян - писатель

/29.3. - 8.4.1966 г./

В Президиум Верховного Совета СССР тчк Копия ректору МГУ т. Петровскому, в Министерство высшего образования.

/Телеграмма/.

25 марта сего года Ученый Совет филологического факультета МГУ отстранил от преподавательской деятельности доцента Виктора Дмитриевича Дувакина известного крупного специалиста по истории русской литературы опытного популярного лектора с 27 летним стажем видного исследователя творчества Маяковского тчк Это решение принято после обсуждения участия Дувакина в процессе Синявского где он выступил как свидетель защиты знавший обвиняемого по его студенческим годам тчк Мы работники науки и литературы считаем недопустимым такую постановку вопроса тчк Подобное решение бросает тень не только на Московский Университет но и на советское правосудие ибо всякое судо-

производство предусматривает наличие свидетелей с той и другой стороны и обязано иметь полное представление о личности обвиняемых как по линии обвинения так и по линии защиты т.ч. Просим вашего срочного вмешательства предотвращения приказа об увольнении

100 подписей

Не были "обойдены вниманием" и те, кто принял участие в судьбе Синявского и Даниэля уже после их ареста.

Многим из выступавших в защиту обвиняемых /участием в демонстрации, письмами, высказываниями и т.п./ пришлось давать об'яснения своих поступков.

Вот об'яснение математика А.С.Вольпина.

О ПРОЦЕССЕ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ, ОТ'ЕЗДЕ ТАРСИСА И МОИХ БЕСЕДАХ С ЗАПАДНЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

1. Я не согласен с приговором, вынесенным по делу Синявского и Даниэля. Именно, я считаю, что виновность осужденных в антисоветской клевете с подрывными целями, указанными в статье 70 УК РСФСР, не была доказана во время процесса. Я руководствуюсь при этом только теми сведениями о процессе, которые я мог почерпнуть из газет, ибо газеты явно стремились убедить читателей в обоснованности приговора, так что все наиболее важные доказательства этой обоснованности в них должны были быть изложены.

Тем не менее, я считаю указанные в газетах доказательства недостаточным обоснованием виновности осужденных. Я не подвергаю никакому сомнению тот факт, что Синявский и Даниэль умышленно и тайно переправляли за границу свои произведения для опубликования их под псевдонимами. Однако, я прежде всего не вижу из газет доказательства того, что эти произведения не могли быть продуктом искреннего творчества писателей, что должно было снять с них обвинение в клевете. Ведь клеветой в юридическом смысле этого слова /см. статью 130 УК РСФСР/ называется распространение заведомо ложных измышлений позорящего характера, и эта точка зрения на понятие клеветы, судя по га-

зетам, была высказана на процессе председательствующим в суде Смирновым. Суб'ективный, умышленный характер преступления клеветы - т.е. необходимость сознания преступником того, что он распространяет ложь - четко указывается в советской юридической литературе, отмечался он и в газетах в связи с процессом. Тем самым, искренность, хотя бы в заблуждении, исключает возможность обвинения в клевете.

Газеты с негодованием называли кощунственными выдержки из произведений обвиняемых, и по газетам я сужу, что и обвинители в суде возмущались таким кощунством. Это обвинение в кощунстве могло делаться только в целях поддержки обвинения в антисоветской клевете, ибо в противном случае оно не имело бы отношения к существу процесса и должно было бы быть пресечено судом в целях об'ективности. "Кощунство" - это термин инквизиционного, а не советского правосудия, и кощунство, чем бы оно ни представлялось с нравственной точки зрения, может быть подведено /да и то лишь в особых случаях/ под юридическое понятие оскорбления, но не клеветы. Статья 70 УК РСФСР говорит об агитации или пропаганде клеветнического, но не оскорбительного для Советской власти характера.

Кроме того, я не усматриваю в газетах обоснованности того, что писатели сочинили и распространили свои произведения в тех подрывных целях, которые указываются в статье 70 УК РСФСР. Можно предположить - и такое мнение на суде высказывалось - что произведения писателей были использованы иностранными государствами в целях, враждебных Советской власти. Но это не означает наличия у самих обвиняемых какого-либо преступного умысла - ведь и самые добрые слова могут быть использованы иными людьми в дурных целях.

Поэтому я считаю, что суд, вынося свой приговор, основывал его на некоторых предположениях - а именно, на предположении о том, что кощунство /по крайней мере в данном случае/ носило неискренний, клеветнический характер, а также на предположении о том, что враждебная Советской власти деятельность за границей производилась в соответствии с целями обвиняемых. Он исходил также из предположения, что под Советской властью при этом понималось то, что следует понимать согласно закону, т.е. власть, основанную на Советской Конституции. /Я уже не говорю о том, что дополнительные предположения нужны для применения понятия антисоветской агитации и художественной литературе/. Я, однако, не вижу в газетах и следов какого-либо обсуждения, направленного на обоснование правильности этих утверждений.

Поэтому я считаю, что такого обсуждения просто не было в ходе судебных заседаний. Между тем, согласно статье 301 УПК РСФСР "суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании". Поэтому я считаю, что статья 301 УПК РСФСР была нарушена, и приговор не был ни обоснованным, ни законным, чем снова нарушена статья 301. Это двойное нарушение статьи 301 УПК РСФСР я считаю достаточным основанием к тому, чтобы состоявшийся приговор был отменен в порядке надзора Верховным Судом СССР. Будет ли он отменен - этого я не знаю.

Хотя я не удовлетворен: состоявшимся по делу Синявского и Даниэля приговором, я, с другой стороны, отмечаю существенный прогресс по сравнению с прежними процессами по антисоветской агитации и пропаганде. Этот прогресс я вижу в том, что впервые по обвинению советских граждан в этом преступлении судебное разбирательство было публичным /впервые за долгие годы - но у меня нет сведений о судопроизводстве времен Ленина/. Существующие законы о гласности были полностью соблюдены. Правда, я не удовлетворен тем, как были соблюдены эти законы; не было принято никаких мер к тому, чтобы хотя бы часть публики получала доступ в зал свободно, в порядке живой очереди. Но действующие законы ничего не говорят о таких мерах, так что формально все было в порядке. Я - формалист в вопросах права, или придаю формальным вопросам первостепенное значение. Моя неудовлетворенность означает в этом случае, прежде всего, потребность в усовершенствовании действующих законов о гласности. У меня есть и конкретные предложения по этому поводу, которые я намерен направить на рассмотрение советских законодательных органов. /Сейчас на них не останавливаюсь/.

Я хочу, чтобы процесс был освещен в печати полностью, в протокольной форме, и чтобы был опубликован приговор, а не только содержание его резолютивной части. Однако, и в своем нынешнем виде этот процесс имеет огромное преимущество перед аналогичными процессами прежних лет. Прежде писатели, да и другие мыслящие люди, просто исчезали на долгие годы или навсегда; мир узнавал о них не больше, чем о судьбе зайца, которого в лесу растерзал волк. Это была трагическая судьба многих и многих /я считаю нужным воскресить теперь хотя бы имя малоизвестного талантливого молодого писателя Георгия Борисовича Ингала, арестованного 9 января 1945 года и погибшего в лагерях/. Тогда над пятилетними сроками смеялись и от произведений аре-

стованных мало что сохранялось. Теперь процесс и судьба Синявского и Даниэля взволновали многих людей в разных странах и трудно себе представить подобные процессы в прежних масштабах.

2. Тарсис гораздо менее интересен как писатель, чем осужденные Синявский и Даниэль /из которых первого я не встречал вовсе, а второго несколько раз видел, ничего не зная об Аржаке/. Он слишком эмоционален и возводит в культ свою неспособность /или крайнюю неприязнь/ к систематическому мышлению, но представляет значительную ценность его судьба - судьба человека, полностью противопоставившего себя обществу своей страны. В этом отношении у меня с ним есть нечто общее и много различного. Последнее состоит в том, что я ни во что не верю, или стараюсь не верить, во всех рассуждениях стараюсь исходить из позиции нигилизма и крайнего философского скептицизма, не распространяя, однако, своего нигилизма на правовые и логические нормы. Я считаю, что именно приверженность этим нормам и полный формальный отказ от умышленной лжи спасают меня от бесхребетности и дают моральное право на полнейший нигилизм во всем остальном. /В своих научных работах я последовательно провожу эту точку зрения, относясь с полной непредвзятостью и к логическим нормам; я ставлю себе при этом целью полное изгнание веры в пользу доказательств/.

Случай с Тарсисом особенно интересен тем, что впервые, начиная с 30-х годов /при Ленине было иначе/, явно враждебного коммунистической партии человека выпустили за границу. Я считаю, что основным закон каждого государства должен признавать право каждого гражданина на эмиграцию. Я сужу о государствах прежде всего по тому, в какой мере они признают эту норму в теории и на практике. Я вспоминаю случай, когда /в конце 1962 года/ мое начальство предложило мне обратиться в правительство с просьбой разрешить мне покинуть СССР "ввиду моей крайней непримиримости к советской идеологии" - я же ответил, что степень моей непримиримости зависит прежде всего от признания в СССР права на эмиграцию. Тогда я написал было письмо с вопросом о том, признается ли за гражданами СССР это право, и собирался уже отправить его в Президиум Верховного Совета СССР а также главе советского правительства, но не успел этого сделать, так как был помещен в психиатрическую больницу. Не могу точно утверждать, что это произошло в связи с моим только что указанным намерением, но по некоторым разговорам я воспринял это событие как ответ на свой так и не заданный тогда компетентным органам вопрос. Теперь случай Тар-

402

сиса, хотя и носит единичный характер, все же создает важный прецедент, указывающий на значительный прогресс и в этом вопросе. Я хочу, чтобы конституции разных стран признавали право на эмиграцию и на отказ от гражданства — но я знаю, что в большинстве конституций, включая как советскую, так и американскую, и государственное право Англии — эти права не признаются /по крайней мере, достаточно широким образом/. В этом я вижу серьезную проблему международно-правового характера.

Тарсису разрешили выехать из СССР, а затем его лишили советского гражданства. В связи с этим последним решением мне кажется, что, независимо от случая Тарсиса, такая широкая формулировка, как "за проступки, порочащие звание гражданина СССР" должна считаться недостаточной для лишения советского гражданства, и за лицами, лишенными гражданства на основании статьи 7 Закона о гражданстве СССР, должно признаваться право оспаривать это решение в судебном порядке. Впрочем, насколько я в состоянии разобраться в этом щепетильном вопросе, мне кажется, что по действующим законам именно таким образом дело и обстоит — правда, лишь поскольку эти лица остаются на советской территории.

3. В декабре 1965 года я впервые встретился с двумя корреспондентами — английским и американским — и говорил с ними о митинге гласности, состоявшемся 5 декабря на пл. Пушкина. Один из них, англичанин, пришел ко мне в первый раз домой 16 декабря, получив мой адрес от Тарсиса. На другой день, 17 декабря, я случайно встретил обоих корреспондентов на квартире у Тарсиса и несколько уточнил сказанное накануне. Хотя эта встреча произошла для меня неожиданно, я был рад случаю поговорить с западными корреспондентами, так как 12 декабря своими ушами слышал передачу "Голос Америки", в которой событие 5 декабря было представлено грубо искаженным образом. Как активному участнику митинга 5 декабря, мне стало обидно, что за границей пользуются вульгаризованной информацией, и я надеялся исправить дело путем бесед с корреспондентами. Я потом читал кое-что из того, что они опубликовали после этих двух бесед — и должен сказать, что снова остался недоволен каким-то рекламным стилем информации, но у меня уже не было способа что-либо в этом изменить, и я решил, что таков, видимо, стиль попавшегося мне журнала.

Вскоре после этого в Москве начал распространяться ложный слух о моем аресте. 22 декабря я пытался пойти на филологический факультет

МГУ, где, как мне стало известно, этот слух распространялся коммунистами на партийном собрании. Однако, мне не удалось дойти до филологического факультета, так как этажом ниже я был задержан. Декан факультета журналистики Я.Н.Засурский неоднократно и очень долго вникал в номер моего университетского пропуска и рассматривал мой паспорт, хотя, казалось бы, в этом не было никакой надобности для удостоверения моей личности, и шел я не на его факультет. Он не выпускал меня из служебного помещения, загородив выход из него своим туловищем - но в конце концов мне удалось вырваться на улицу. На филологический факультет после этого идти было уже поздно, а на следующий день я заболел и вскоре оказался в терапевтическом отделении больницы АН СССР, а через месяц - в загородном санаторном отделении той же больницы в селе Успенском. За время моего отсутствия слух о моем аресте продолжал распространяться и 15 февраля был передан по Би-Би-Си со ссылкой на польского корреспондента.

18 февраля я вернулся из Успенского. На следующий день ко мне снова приехали те же корреспонденты. Я был рад их видеть, так как надо было опровергнуть этот весьма неприятный мне ложный слух. Отвечая на их вопросы, я высказал /в пределах сказанного выше/ свои взгляды на процесс Синявского и Даниэля, на случай Тарсиса и рассказал по их просьбе, кое-что о самом себе. Расставаясь, я просил их в своих корреспонденциях не приписывать мне никаких изречений, не согласовав со мной их точного текста. Это было для меня тем более важно, что я вел беседу без предварительной подготовки к ней, а разговор происходил на смеси трех языков, и имелась опасность серьезных искажений, вызванных лингвистическими трудностями. Мне кажется, что я получил от журналистов такое обещание, и я ожидал их повторного визита 24 или 25 февраля - но его так и не последовало.

Я был очень недоволен, узнав 22-го февраля о состоявшихся накануне передачах западных радиостанций о якобы данном мной "интервью" западным корреспондентам. Со своей стороны, признавая самый факт состоявшейся беседы, я не могу рассматривать ее как "интервью", ибо считаю, что этим словом обозначается только такая беседа с журналистами, которая оканчивается согласованием текста вопросов и ответов, чего в данном случае не было.

Я сейчас не имею текста тех заявлений, которые приписываются мне на Западе в связи с этим "интервью", и поэтому не могу судить о том, были ли допущены журналистами серьезные ошибки при передаче моих

слов. Судя по дошедшим до меня слухам, дело опять не обошлось без легкомысленной рекламы, вызванной погоней за сенсацией. Из этого можно сделать тот вывод, что каждый, с кем хотят разговаривать корреспонденты, должен стремиться в таких беседах к соблюдению всех формальностей, если хочет избежать риска оказаться в смешном положении.

Другой возможный вывод состоит в том, что пресса — это вообще слишком легкомысленная вещь для того, чтобы на нее следовало обращать серьезное внимание, но тогда важная задача состоит в том, чтобы убить доверие ко всякой прессе, исключая некоторые специальные информационные бюллетени, не связанные ни с какой пропагандой.

4.3.1966

А.С.Вольпин

Но наиболее точно и полно отношение интеллигенции к происшедшему выразилось в сугубо частном письме, автор которого неизвестен.

Письмо это написано, вероятно, еще в феврале, но и сейчас оно не утратило своей правоты и силы.

Оно и заключает книгу.

ПИСЬМО СТОРОМУ ДРУГУ

Ты просишь меня написать о своем мнении касательно процесса Синявского и Даниэля. "Касательно" — я редко употребляю этот словесный оборот и применил его только для того, чтобы подразнить академика Виноградова, председателя комиссии экспертов на этом удивительном процессе.

Но шутки в сторону! Тема процесса, ход судопроизводства, результат суда — все, о чем ты знаешь из газет сам, не дает права шутить.

Ты удивляешься, что в зарубежных радиопередачах так мягок тон в отношении этого процесса, хотя, разумеется, процесс всколыхнул весь мир гораздо глубже, шире, больнее, ответственнее, чем во время пресловутого дела Пастернака. Это и понятно: нелепый случай с нобелевским лауреатом не затрагивал, в сущности, принципов советского об-

щества. Тот элемент духовного террора, который был в истории с Пастернаком /чуть было не сказал: в процессе Пастернака/ здесь перерос в террор физический. Расправа с писателями была самой что ни на есть реальной, отнюдь не аллегорной, а риторической фигурой. Прошу прощения, что я пользуюсь литературоведческими словами, но это в духе, в тоне процесса.

Процесс Синявского - первый открытый политический процесс при советской власти, когда обвиняемые от начала до конца - от предварительного следствия до последнего слова подсудимых - не признавали себя виновными и приняли приговор как настоящие люди. Обвиняемым по сорок лет - оптимальный вариант возраста подсудимого на политическом процессе. Первый процесс за четыре с лишним десятилетия. Не мудрено, что к нему приковано внимание всего мира.

Со времени дела правых эсеров - легендарных уже героев революционной России - это первый политический /такой/ процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...

У нас с тобой в памяти бесконечно омерзительные "раскаяния", "показания", "исповеди" героев процессов тридцатых годов, таинственных процессов, сама организация которых скрыта от нашего общества. А ведь это не гротеск, не научная фантастика. Тайна, которую все знают, и которую государство не хочет раскрыть в очередном покаянном заявлении. Ибо покаянные заявления бывают не только у частных лиц, но и у государств. XX и XXI съезды партии были такими покаянными заявлениями, вынужденными, правда, но все же покаянными.

Пресловутых "признаний" в этом процессе нет. Это первый процесс без этой преступной "специфики", которой дышало сталинское время - не только каждый суд, но каждое учреждение, каждая коммунальная квартира.

Случись это двадцать лет назад - Синявского и Даниэля застрелили бы в каком-нибудь подвале МГБ или пустили на следственный "конвейер", когда следователи меняются, а обвиняемый стоит на месте много часов, много суток, пока воля подследственного не будет сломлена, психика подавлена. А то вводят сыворотку, подавляющую волю, по страшному примеру открытых процессов 30-х годов. Или если не готовят к открытым процессам, то убивают прямо в коридоре... И букет следственных статей был бы совсем другой: 58-я статья - измена родине, вредительство, террор, саботаж.

Почему именно этих статей не "шьют" в этом новом процессе? Нет сдвиг есть, время идет. Но нужно помнить, что Синявский и Даниэль написали первые вещи в 1956 году, сразу после XX съезда партии. Синявский и Даниэль поверили правде, которая была только что сказана. Поверили и стали ее укреплять, ибо с трибуны XX и XXI съездов партии повести Синявского и Даниэля не могут быть осуждены даже с точки зрения "социалистического реализма" /что и понял отлично Арагон и ряд западных коммунистов/.

Нужно помнить, что Синявский и Даниэль первыми принимают бой после чуть ли не пятидесятилетнего молчания. Их пример велик, их героизм бесспорен.

Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию "раскаяния" и "признаний". Как это им удалось сделать? Как, не зная о поддержке Западом их дела, их судьбы, Синявский и Даниэль сумели провести процесс наилучшим образом?

Я напомню тебе начало процесса. После объявления состава суда и всех прочих формальностей, включая огласку фамилий экспертов, которых почему-то нигде не печатали, как будто эксперты сделали что-то позорное, стыдное, дурное, согласившись участвовать в подобном судилище и просят сохранить их имена в тайне, как хранится тайна фамилий доносчиков и стукачей - юридические прецеденты такого рода бывали безусловно - защита внесла предложение приобщить к делу специальные заявления литературоведа В.В.Иванова, писателя К.Г.Паустовского и Л.З.Копелева. И.Иванов, и Паустовский, и Копелев давали литературный анализ повести Терца-Синявского и Аржака-Даниэля. Заметим здесь же, что Иванов - лингвист с мировым именем - тот самый человек, который просил суд дать ему возможность участвовать в процессе в качестве защитника. Ведь есть же общественные обвинители - даже два /З.Кедрина и А.Васильев - солиднее фигур в писательском мире не нашлось/. По закону защитником может быть любой. Как мы видим на процессах блатарей, хулиганов, воров - там могут действовать общественные защитники.

Суд отказал в просьбе В.В.Иванова.

Суд отказал в приобщении к делу заявлений В.В.Иванова, К.Г.Паустовского и Л.З.Копелева.

Атмосфера сгущалась.

Защита обратилась к суду с просьбой начать судебное разбиратель-

ство с допросов Синявского, надеясь, что Синявский сумеет дать тон процессу.

Суд отказал в просьбе защиты.

Процесс начался.

Суд ошибся. В лице Даниэля суд встретил вполне грамотного и уверенного в своей правоте человека.

Даниэль начал с отказа от одного из своих показаний, данных во время предварительного следствия: Даниэль показывал тогда, что передал свой роман Синявскому, а сейчас он уточнил, что он вспомнил — дело было много лет тому назад, в квартире Синявского он передавал, но не в его присутствии.

Виват юстиция! И процесс начался!

Синявский и Даниэль сумели удержать процесс на литературоведческой грани, в лесах гротеска и научной фантастики, не признаваясь и не признавшись в антисоветской деятельности, требуя уважения к свободе творчества, к свободе совести. В этом великая принципиальность этого процесса. Синявский и Даниэль держались смело, твердо и в то же время очень осторожно, говоря каждую фразу очень обдуманно и не позволяя заманить себя в сети, которые раскидывал не столько прокурор, сколько председатель суда.

Ничего не было бы проще — заготовить и произнести политическую речь, что, дескать, с детства ненавижу, выступаю как борец, разоблаченный, обличенный, умираю /вариант: прошу прощения у родной власти!/.

Ничего не было бы проще и ничего не было бы вреднее. Такая позиция была бы победой прокурора и суда, вернула бы страну в невыносимое положение, когда автору известной "птички божией" полагался бы концентрационный лагерь, как вреднейшему тунеядцу. И за "птичку божью" начали бы судить, усматривая в ней намек на государственный строй и считаясь с текстом "птички божией" только как риторической, гражданской поэзией.

Синявский и Даниэль в эту ловушку не попались.

Да и в самом деле, почему антисоветчики Синявский и Даниэль, а не прокурор, который, отвечая на вопрос Синявского, заявил, что не напечатал бы его повестей на родине? Кто тут приносит больше вреда России?

Синявский и Даниэль отрицали свою вину в антисоветской деятель-

ности. Еще бы! Любые произведения такого плана могут принести только пользу.

Подумай, старый товарищ! В мужестве Синявского и Даниэля, в их благородстве, в их победе есть капля и нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей.

Ибо что такое клевета? И ты, и я - мы знаем оба сталинское время - лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Знаем растление, кровавое растление власти, которая, покаившись, до сих пор не хочет сказать правду, хотя ба о деле Кирова. До каких пор! Может ли быть в правде прошлой нашей жизни граница, рубеж, после которой начинается клевета? Я утверждаю, что такой границы нет, утверждаю, что для сталинского времени понятие клеветы не может быть применено. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались.

Лучше уж суду держаться в рамках чисто литературной дискуссии, как и предложил Синявский. Суду будет спокойнее вести разговор о прямой речи, об авторской речи, о гротеске, о научной фантастике. Просто спокойней, и все!

Лично я не сторонник сатирического жанра, не сторонник сатирического направления в литературе, хотя и признаю все его равноправие, допустимость, возможность. Мне кажется, что наш с тобой опыт начисто исключает пользование жанром гротеска или научной фантастики. Но ни Синявский, ни Даниэль не видели тех рек крови, которые видели мы. Оба они, конечно, могут пользоваться и гротеском и фантастикой.

Повесть Аржака-Даниэля "Говорит Москва", с его исключительно удачным гоголевским сюжетом "дня открытых убийств", вряд ли в чисто реалистическом плане может быть поставлена рядом со стенограммами XXII съезда партии, с тем, что было рассказано там. Тут уж не "день открытых убийств", а "двадцать лет открытых убийств".

Нет, лучше держаться в рамках чисто литературной дискуссии. Однако председатель суда Л.Смирнов, самый крупный судебный работник Советского Союза /по одному этому можно судить о той круговой обороне, которую заняли власти к началу процесса/, предпочел выбрать второй вариант - осудить за контрреволюционную агитацию и пропаганду и "закатать на всю катушку", сколько позволяет пред'явленная статья. Синявский - 7 лет, Даниэль - 5 лет.

Для чего же этот процесс был осчастливлен участием председателя Верховного Суда?

Прежде всего – для симуляции демократии. Второе, – Смирнов должен был показать пример подхода к такого рода делам в будущем, дать "эталон" с тем, чтобы не было ошибок, которые наделала Савельева, судившая Бродского в Ленинграде. Если в деле Синявского и Даниэля была бы Савельева, она бы задержала подсудимых, не дала бы им слова сказать. Л.Смирнов был послан, чтобы симулировать демократию – жест такого же плана, что и неожиданный курбет Тарсиса, переплывшего перед самым процессом Ламанш.

Расчет на живое свидетельство Тарсиса не оправдался – дескать, он осудит Синявского, а к тому же параноик, бездарен.

Кстати, аргументация с помощью выписки из истории болезни психоневрологического диспансера, касающаяся Тарсиса, Есенина-Вольпина – неубедительна, если вспомнить Чаадаева.

Тарсиса пришлось лишить гражданства по тому же самому закону 1938 года, который ввел смертную казнь для родственников лиц, к которым применялась статья "измена родине". Закон был принят, когда с военного корабля /кажется, "Советская Украина"/ в Клайпеде сошел на берег матрос. Реки крови были пролиты после принятия этого закона в 1938 году.

Но прости мне это отступление в сторону Тарсиса. Возвращаюсь к Синявскому.

Процесс этот, проведенный, как уверяет печать, "с полным соблюдением всех процессуальных норм", на деле представляет грубейшее нарушение этих норм. Если для обоснования жестокости приговора "Правде" /22 февраля/ приходится вернуться к ленинским высказываниям начала революции, то это само по себе фальсификация. Меняется весь мир, не меняются только догмы советского права, рассчитанные на кратковременность действия.

Смирнов вел этот процесс не только для Запада в качестве симуляции демократии. Для всех его многочисленных помощников на всей обширной территории Советского Союза процесс был учебным занятием, учебным семинаром, практическим занятием для сдачи экзамена младшим судебным работникам. Сдача экзамена на тему, как симулировать демократию. Но и необходимость симуляции тоже о многом говорит. Вынужденность ее.

Синявский и Даниэль осуждены именно за то, что они писатели, ни

за что другое. Нельзя судить человека, видевшего сталинское время и рассказавшего об этом, за клевету или антисоветскую агитацию.

Не менее классически выглядело обвинение Синявского /настойчиво произнесенное Кедринной и перенесенное с газетной статьи в залу суда/ в антисемитизме. Не более, не менее! Но запах этого обвинения столь неприятен, что в судебный протокол Л.Смирнов дал указание его не включать. Мотив хорошо знакомый. В то время, когда усиленно цитировалась сталинская цитата 30-х годов об антисемитизме как о худшем виде национализма, подручные Сталина убивали Михоэлса. И еще: следствие по этому процессу вызвало не только протест глухой, но и явный - в виде небывалого с 1927 года события - демонстрации у памятника Пушкину 5 декабря 1965 года, в которой участвовали студенты и преподаватели университета.

Словом, суд не дал ответа о виновности Синявского и Даниэля. Признание подсудимых - слишком важный элемент советского правосудия. Без него как-то не вьются победные венки ни для членов суда, ни для прокурора, ни для общественных обвинителей.

Напротив, это Синявский и Даниэль вписали свои имена золотыми буквами в дело борьбы за свободу совести, за свободу творчества, за свободу личности. Вписали на вечные времена.

Кстати, насчет золотых букв. Общественный обвинитель Васильев патетически взывал к памяти 73-х писателей, погибших на войне, на фронте, чьи имена высечены на мраморной доске в ЦДЛ. От имени погибших он обвинял Синявского и Даниэля.

Если бы на этом процессе дали выступить общественному защитнику, тот защитил бы Синявского и Даниэля именем писателей замеченных, убитых, расстрелянных, погибших от голода и холода в сталинских лагерях уничтожения.

Это - Пильняк, Гумилев, Мандельштам, Бабель, Воронский, Табидзе, Яшвили - сотни фамилий включены в этот грозный мартиролог. Эти мученики, эти жертвы времени, которые могли бы составить славу литературы любой страны, поднимают голос в защиту Синявского и Даниэля!

По решению XXII съезда партии всем жертвам сталинского произвола обещана посмертная реабилитация и надписи на обелиске. Где этот обелиск? Где мраморная доска в Союзе писателей, где были бы золотыми буквами высечены имена погибших в сталинское время? Этим имен втрое, вчетверо больше, чем на мраморной доске, о которой упомянул общественный обвинитель.

Вывод. Дело Синявского и Даниэля – первый советский открытый процесс, политический, когда обвиняемые по 58-й статье не признавались в своей вине.

Синявский и Даниэль держались хорошо и, по-видимому, та пресловутая фармакология, с помощью которой готовились процессы в 30-х годах, а также знаменитый конвейер и выстойка, занимавшие столь прочное место в юридической практике 30-х годов, здесь не применялись. Синявский и Даниэль не скрывали, своего авторства, они только отметили и разбивали обвинения неписательской сути дела.

Ни "сыворотка правды", ни "конвейер" не применялись в этом процессе.

И сразу стало видно, что в Советском Союзе есть люди, которые могут защищать свою правду и принимать несправедливый приговор твердо. Воля и психика этих людей не подавлены.

Здесь судили писателей, а свое писательское звание Синявский и Даниэль защищали с честью.

И еще одну важную подробность вскрывает этот процесс: Синявский и Даниэль никого не стремились "взять по делу", не тянули своих знакомых в водоворот следствия. Отсутствие нечеловеческих средств подавления человеческой психики, сделало их волю способной к борьбе и они победили.

Еще несколько замечаний.

Первоприсутствующий /так эта должность называлась в классической литературе/ Л.Смирнов мужественно пробирался через литературоведческие дебри. Ему довелось пополнить свое образование рядом специальных терминов, обогатить свой багаж понятием прямой речи, речи героя, законов гротеска, сатиры. Кажется, Л.Смирнов должен был понять, что литература – дело не простое, что даже литературоведение – дело не простое, и теория романтизма значительно отличается от теории судебных доказательств. Почему же для расчета копки канавы вызывают инженера, а в деле литературы не нужны никакие специальные знания, никакая квалифицированная экспертиза? Почему о романе может судить, и не только судить, но и осудить в самом буквальном физическом смысле, любой человек, а для копки канавы этого суждения мало? Почему? Литературные эксперты вместе с академиком Виноградовым понадобились Смирнову только для того, чтобы установить соответствие

Синявский-Терц и Даниэль-Аржак. Формально подтвердить то, в чем никто из обвиняемых не запырлся. Кстати, что это за безымянность такая? Состав суда известен, фамилии общественных обвинителей известны, только фамилии экспертов скрыты от публики. Что за скромность девичья такая, явно неуместная? Может быть, экспертам стыдно было участвовать в этом судилище и они выговорили себе право тайны? Тайны вкладов. На всякий случай вот фамилии экспертов: академик Виноградов /председатель/, Прохоров, Дымшиц, Костомаров и др.

В деле погромные отзывы: С. Антонова, А. Барто, Б. Сучкова, академика Юдина.

Л. Смирнов упустил одну блестящую возможность - взвалить все на плечи экспертов и сохранить свое доброе имя в глазах Международной ассоциации юристов, которая теперь клянет на все лады своего вице-председателя за судебный произвол. Стоило только суду поставить перед экспертами следующие вопросы: 1. Может ли жанр гротеска содержать в себе клевету на государство /примеры открытых судебных процессов/? 2. Может ли жанр научной фантастики содержать в себе клевету на государственный строй /примеры открытых судебных процессов/?

Получив от экспертов ответы на эти вопросы, суд снял бы с себя моральную ответственность, а академику Виноградову с помощниками пришлось бы или раболепно принять на себя все возмущение общественности в случае положительного ответа, или дать отрицательный ответ и подтвердить победу Синявского и Даниэля.

Л. Смирнов счел, что оба ответа хуже. Само обращение к литературной экспертизе будет победой Синявского, и он не поставил этих вопросов перед анонимными экспертами. А может быть, председателю суда и в голову не пришло использовать экспертизу таким образом.

"Правда" с возмущением пишет, что западная пресса сравнивает Синявского и Даниэля с Достоевским и Гоголем. Не западная пресса, а советский литературовед Зоя Кедрина в статье, опубликованной в "Литературной газете" перед процессом, излагая "Любимов" Синявского и "Говорит Москва" Даниэля, рассуждает пространно, что вот жанр общий, но все-таки Синявский и Даниэль, пожалуй, не дотянули до Кафки, Достоевского и Гоголя. Таков откровенный смысл ее статьи. Здесь же с блеском излагается ослепительный сюжет повести "Говорит Москва", и читатель невольно думает, что если до Гоголя Даниэль и не дотянул, то очень и очень немного.

Расцвет жанра фантастики во всем мире особенно привлекает внимание к работам Синявского и Даниэля. Оказывается, и фантастика не годится. Что было бы, если бы Рей Бредбери жил в Советском Союзе, сколько бы он получил лет - 7? 5? Со ссылкой или без нее?

Всякий писатель хочет печататься. Неужели суд не может понять, что возможность напечататься нужна писателю как воздух.

Сколько умерло тех, кому не дали печататься? Где "Доктор Живаго" Пастернака? Где Платонов? Где Булгаков? У Булгакова опубликована половина, у Платонова - четверть всего написанного. А ведь это лучшие писатели России. Обычно, достаточно было умереть, чтобы кое-что напечатали, но вот Мандельштам лишен и этой судьбы.

Как можно обвинять писателя в том, что он хочет печататься?

И если для этого нужны псевдонимы, пусть будет псевдоним, в этом нет ничего зазорного. Какой же путь к печатанию?

Нет, Даниэль и Синявский не двурушники, а борцы за свободу творчества, за свободу слова. Обвинение их в двурушничестве есть двурушничество самой чистой воды, худший вид двурушничества. Никто не имеет права называть двурушником человека, который сидит в тюрьме.

В этом процессе, при всей его предрешенности, есть одно любопытное обстоятельство: Синявскому и Даниэлю была пред'явлена только одна статья Уголовного кодекса, т.е. "Хранение, изготовление, распространение" - то, что раньше называлось "контрреволюционная агитация" или ст. 58, пункт 10. Синявскому и Даниэлю не пред'явлено пункта 11 /организация/, хотя, казалось бы, что удерживало распустить этот цветок поярче?

Безымянность обращает на себя внимание не только в составе экспертной комиссии. Секретариат Союза писателей СССР подписал свое письмо в "Литературную газету", развязное по тону, оскорбительное по выражениям - без перечисления фамилий секретарей Союза писателей СССР. Что это за камуфляж? Письмо написано недостойным, оскорбительным тоном. Хотелось бы знать, кому персонально сей тон принадлежит. На всякий случай сообщаю состав секретарей Союза писателей СССР: Федин, Тихонов, Симонов, Воронков, Смирнов В., Соболев, Михалков, Сурков.

Редакционная статья "Правды" возвращает нас к худшим временам сталинизма. Весь тон статьи, вся аргументация, оперирующая ленинскими цитатами, затрепанными от частого употребления, именно в ста-

линские годы - о Каутском, о демократии капиталистической, демократии пролетарской диктатуры, словом, вся эта софистика за сорок лет усвоена нами отлично, и практические примеры достаточно ярки в нашей памяти.

От суда не ждали "либерального подхода", а чтобы суд отошел от кровавых дел, от практики террора.

Цитата из Горького, подкрепляющая рассуждения, как нельзя более к месту. Горький оставил позорный след в истории России 30-х годов своим людоедским лозунгом: "Если враг не сдается - его уничтожают". Море человеческой крови было пролито на советской земле, а Горький освятил массовые убийства.

Советское общество приговором по делу Синявского и Даниэля подвергается снова в обстановку террора, преследований.

Советское правительство сделало очень мало для сближения Востока и Запада. Такого рода акции, как процесс Синявского и Даниэля, могут только разрушить эту связь.

Мне кажется, мы больны одной старинной болезнью, о которой столь убедительно писал Петр Долгоруков свыше ста лет назад:

"Многие из соотечественников наших говорят: "Не нужно рассказывать иностранцу истину о России, следует скрывать от них язвы отечества". Эти слова, по нашему мнению, совершенно противны и здравой логике, и личному достоинству, и отчизнолюбию, истинно просвещенному. Не говоря уже о глубоком отвращении, внушаемом всякой ложью каждому человеку честному и благородному, надо быть ему наделену необъятной порцией самонадеянности, чтобы вообразить себе возможность всех обмануть. Люди, желающие скрывать и утаивать язвы, похожи на опасных больных, которые предпочли бы страдать и умирать скорее, чем призвать на помощь искусного врача, который бы их исцелил и возвратил бы им обновленные свежие силы. Для России этот врач - гласность!"

МИРОВАЯ ПЕЧАТЬ О ПУБЛИКАЦИЯХ ПО ДЕЛУ А.СИНЯВСКОГО И Ю.ДАНИЭЛЯ

Как уже сказано в вводном сообщении издательства (стр.3), ряд материалов "Белой книги" был опубликован еще ранее - в № 62 журнала "Грани". Эти материалы встретили сочувственный отклик в прессе многих стран. Еще больший отклик встретило сообщение редакции журнала "Грани" о получении из Советского Союза "Белой книги" полностью и о предстоящем ее опубликовании на ряде европейских языков.

Приводя здесь высказывания различных органов печати, отмечаем, что "Белая книга" уже вышла на французском и итальянском языках и вскоре выходит на немецком.

Итальянская газета "Л'Италия" 3 ноября 1966 г. поместила большую статью с подробным изложением № 62 "Граней". Автор статьи Дж. Бенси уделил особое внимание письмам Ларисы Иосифовны Бухман и Майи Васильевны Розановой-Кругликовой, письму 62 советских писателей в защиту Синявского и Даниэля, а также коллективному протесту преподавателей МГУ в защиту профессора Дувакина, выступавшего на процессе свидетелем защиты Синявского.

Шведская газета "Гетеборг ханделс ок съёфарт тиднинг" 3 ноября 1966 г. также поместила статью, посвященную вышедшим в журнале "Грани" документам в защиту Синявского и Даниэля. Газета подчеркивает, что эти документы свидетельствуют о мужестве оппозиционной элиты в России.

15 ноября в ведущей парижской газете "Монд" была опубликована статья Бернара Ферона, в которой он, между прочим, писал:

"Шесть месяцев тому назад судили в Москве Синявского и Даниэля, признанных виновными в издании, под псевдонимами, своих рассказов за границей. Это дело вызвало глубокое волнение как на Западе, так и в Советском Союзе.

Судебный приговор с делом не покончил. Представители русской интеллигенции собрали все свидетельства и комментарии по поводу ареста и осуждения обоих писателей. На основании этих документов они соста-

вили Белую книгу, предназначенную для председателя Президиума Верховного совета - Подгорного. Русский журнал "Грани", издающийся во Франкфурте-на-Майне, опубликовал выдержки из этого сборника, которые выявляют точки зрения советских граждан. Вот, наконец, произведение, которое составляет честь Советскому Союзу, по крайней мере определенной его части..."

Далее Ферон приводит отрывки из писем В.И.Левина в редакцию газеты "Известия", В.Д.Меникера в Московский суд, а также обширные выдержки из открытого письма писательницы Л.Чуковской Михаилу Шолохову. Статья заканчивается словами:

"Лидия Чуковская строга. Но можно ли говорить о ее несправедливости?"

16 ноября в швейцарской газете "Журналь де Женев" появилась статья "Советские писатели солидарны с Синявским и Даниэлем". Автор статьи сообщает, что в литературном журнале "Грани" опубликованы 37 документов по делу Синявского и Даниэля, которые распространяются в России в форме "Белой книги". Автор останавливается на письме 62-х писателей в защиту Синявского и Даниэля и перечисляет имена ряда подписавших его: К.Чуковский, Эренбург, Шкловский, Антокольский, Каверин, Дорош, Окуджава, Ахмадулина. В статье дана большая выдержка из письма Лидии Чуковской Шолохову, а также упомянута телеграмма протеста преподавателей МГУ против снятия с должности профессора Дувакина. Автор статьи также обращает внимание на опубликованные в этой подборке документов призыв к участию в демонстрации 5 декабря 1965 г. в защиту Синявского и Даниэля и на листовку группы "Сопротивления", которая распространялась после демонстрации. Составители этой листовки призывают к "бдительности и сопротивлению" против возрождения сталинских методов.

В субботу 19 ноября представительство журнала "Грани" в Париже препроводило информационным агентствам и редакциям газет сообщение о выходе в нашей стране "Белой книги" с документами по делу писателей Синявского и Даниэля, а также фотографию Даниэля, снятую в концлагере.

Оригинал "Белой книги" находился в помещении представительства "Граней" и журналисты могли с ним ознакомиться.

Весть об этом событии произвела тем большее впечатление на западную общественность, что несколько дней спустя ожидался приезд А.Н.

Косыгина во Францию и голоса, поднимающиеся в защиту свободы творчества в Советском Союзе, получили от этого совершенно особое звучание.

На сообщение журнала "Грани" немедленно отозвались крупнейшие мировые агентства печати: "Ажанс Франс-Пресс", "Ассошиейтед Пресс", "Юнайтед Пресс интернэшнл" и "Ройтер", а также ряд локальных, как итальянское агентство "АНСА", "Кол Израиль" и другие. Агентства сообщили основные данные о "Белой книге", о ее составителе - Александре Гинзбурге - и передали фотографию Юлия Даниэля, снятую в концлагере.

На следующий день - 22 ноября - в ряде влиятельных газет появились первые информации о "Белой книге". Так, ведущая американская газета "Нью-Йорк Таймс" поместила на второй странице статью своего специального корреспондента в Париже Ричарда Муни, озаглавленную: "Сообщение эмигрантов о сборнике документов по делу писателей" - "Информация о Синявском и Даниэле, циркулирующая в Москве". Вот основные моменты этой статьи:

"Издаваемый эмигрантами в Западной Германии на русском языке литературный журнал сообщил, что в Москве подготовлен и распространен сборник документов по делу Синявского и Даниэля на 404 страницах.

Советские писатели Андрей Д. Синявский и Юлий Даниэль были осуждены... по обвинению в клевете на советский строй в своих сатирических произведениях, переправленных за границу.

Представитель литературного журнала "Грани"... сообщил, что один экземпляр этого сборника вывезен на Запад, несколько экземпляров вручены советским властям, а другие ходят по рукам в Москве. По его оценке, всего напечатано не более двадцати экземпляров.

Он показал корреспондентам пачку, примерно в 140 потрепанных страниц с русским текстом на пишущей машинке. Пачка находилась в малиновой папке и была перевязана ленточкой. Остальные страницы были, по его словам, у переводчиков и машинисток.

Весь документ, сказал представитель журнала, содержит полную запись суда над Синявским и Даниэлем, протесты сотен интеллигентов, из которых некоторые были недавно опубликованы на Западе, опубликованные и неопубликованные комментарии из Советского Союза, русские переводы сообщений западной прессы об этом деле, а также фотографию Даниэля - неулыбающегося, остриженного наголо мужчины в темной майке, которую он носит со времени своего заключения.

Представитель журнала "Грани" сказал, что сборник составлен молодым советским поэтом Александром Гинзбургом, который лично передал его в октябре месяце в канцелярию председателя Президиума Верховного совета СССР Николая Подгорного.

"Грани" - один из литературных журналов, издаваемых в Западной Европе. Они публикуют произведения, получаемые с востока, и распространяются как на Западе, так и на Востоке. Последний выпуск "Грани" - номер 62, опубликованный несколько недель тому назад, содержал более трех десятков протестов по поводу дела Синявского и Даниэля из Советского Союза. Среди них было несколько, о которых писал "Нью-Йорк таймс" на прошлой неделе. Другие западные издания сообщили об этих же документах или о некоторых из них. Различные сообщения в западной прессе свидетельствуют о том, что эти документы попали на Запад по нескольким каналам, примерно в одно и то же время..."

В том же духе была составлена статья, помещенная в газете "Нью-Йорк геральд трибюн", которая сопровождалась фотографией Юлия Даниэля.

"Нью-Йорк геральд трибюн" вновь упомянула документы в защиту Синявского и Даниэля в статье обозревателя Р.Драмона 30 ноября. Статья озаглавлена "Свобода за Железным занавесом". Помимо письма 62 писателей и мужественного выступления Лидии Чуковской, автор упоминает также о борьбе за свободу слова М.Михайлова.

Облик наголо остриженного "писателя-каторжника", с глубоко впавшими глазами, во многих случаях взволновал западную общественность. Об этом свидетельствуют, среди прочих, такие газеты как "Нейе цурхер цейтунг", "Ля Сюис", "Журналь де Женев". Сообщение "Нейе цурхер цейтунг" важно тем, что оно ссылается на телеграмму Ажанс Франс-Пресс, полученную из Москвы, которой подтверждаются сообщения журнала "Грани" о "Белой книге". Такое же сообщение опубликовано 22 ноября в швейцарской газете "Журналь де Женев".

Со своей стороны, влиятельная лондонская газета "Дейли Мейл" писала:

"Закулисная борьба за освобождение из концентрационного лагеря Юлия Даниэля и Андрея Синявского всплыла на поверхность.

Многочисленные представители интеллигенции, включая 62 московских писателя, выразили протест против дурного обращения с обоими писателями на страницах Белой книги, полученной издающимся во Франкфурте по-русски журналом "Грани"...

...Белая книга содержит фотографию Юлия Даниэля, снятую в концлагере, на которой он выглядит изможденным, с бритой головой...

Аналогичные отклики можно найти в ряде американских газет, входящих в так называемую "сеть Херста", во влиятельных западно-германских газетах "Вельт" и "Тагесшпигель" (23 ноября) и в многочисленных французских провинциальных газетах, среди которых достаточно назвать одну из самых крупных: "Сантр-Пресс" (23 ноября). Над большой фотографией Даниэля помещен в этой газете следующий заголовок: "Фотография писателя-каторжника, полученная тайными путями из Сибири". Идентичным заголовком - "Каторжник от литературы" - снабжена фотография изможденного Даниэля в крупном парижском еженедельнике "Ар-Луазир" (23 ноября).

Немецкие газеты "Вельт", "Тагесшпигель", "Рейнише пост" и другие дали 23 ноября корреспонденцию о получении журналом "Грани" распространяемой в России "Белой книги" и о ее содержании. Первое сообщение "Вельт" озаглавлено: "Грани" получили "Белую книгу" о Синявском и Даниэле". 25 ноября "Вельт" поместила полные тексты обращения 62 писателей в Президиум 23-го съезда и письма Лидии Чуковской Шолохову. Этот материал газета озаглавила словами из письма Л. Чуковской "Вы изменили долгу писателя".

Миланская газета "Джорно" дала 23 ноября 1966 г. на первой странице фотографию Юлия Даниэля из концлагеря рядом с фотографией, снятой до его заключения. На внутренних страницах газеты даны сообщения о появлении "Белой книги" и выдержки из писем Лидии Чуковской Шолохову и А. Гинзбурга Косыгину. Газета указывает, что этот материал получен за границей русским эмигрантским журналом.

Шведская газета "Дагенс нихтер" опубликовала 23 ноября статью под заглавием "Белая книга" о Синявском и Даниэле". Статья сопровождается фотографией Даниэля из лагеря. Автор статьи, Г. Скенсберг, останавливается подробно на документах "Белой книги", выделяя письмо 62 писателей, письма жен Синявского и Даниэля. В статье даются выдержки из письма Даниэля после приговора и из письма составителя "Белой книги" Александра Гинзбурга, посланного Косыгину. Газета указывает, что Гинзбург - редактор выходившего в 1959-60 гг. вольного журнала "Синтаксис", а также, что Гинзбург принимал участие в декабрьской демонстрации 1965 года в защиту Синявского и Даниэля. В статье отмечено письмо математика А. Есенина-Вольпина. Автор напоминает, что Есенин-Вольпин был в свое время заключен в сумасшедший дом за публикацию своего произведения на Западе.

В Норвегии, в газете "Дагбладет" (24 ноября) и "Моргенбладет" (17 ноября), появились большие статьи, отмечающие появление "Белой книги", ее содержание и данные о ее составителе А. Гинзбурге. "Моргенбладет" пишет, что за время существования советской власти подобного документа еще не было. "Белая книга", - пишет газета, - свидетельствуют о том, что многие русские интеллектуалы хотят бороться за свободу слова.

Обе ведущие французские газеты - "Фигаро" (23 ноября) и "Монд" (24 ноября) - поместили на видном месте полный текст депеши агентства "Франс-Пресс", сопроводив ее следующими заголовками: "Белая книга", выражающая протест против заключения Синявского и Даниэля: свое понимание пользы стране не является монополией тех, кто находится у власти" и "Синявский и Даниэль имеют право на свое понимание будущего страны".

24 ноября известный французский литературный еженедельник "Фигаро-Литерэр" посвятил больше полустраницы статье, озаглавленной: "Косыгину вручена Белая книга по делу Синявского и Даниэля". Большая фотография Даниэля помещена в центре статьи. Препровождая выдержки из писем Гинзбурга, Чуковской и Есенина-Вольпина, "Фигаро-Литерэр" пишет:

"Почти банальная в западных демократиях практика Белой книги, заключающаяся в собирании в один или несколько томов различных частей спорного дела, появилась в Советском Союзе. Процесс, который состоялся в феврале месяце, приговор и заключение в рабочие лагеря писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, со всеми откликами на это дело, как на Западе, так и в СССР, составляют содержание "Белой книги", которая заключает в себе 185 документов, об'емом в 404 страницы на машинке. Один из экземпляров "Белой книги" был передан 19 октября г-ну Подгорному - Председателю Президиума Верховного Совета - практически главе советского государства.

Этот сборник был составлен молодым советским поэтом Александром Гинзбургом, который был уже дважды судим за свои либеральные настроения (в 1960 и в 1964 годах) и приговорен за "антисоветскую пропаганду". Он об'ясняет свою позицию в письме к председателю Совета министров Косыгину, которым сопровождает передаваемую ему "Белую книгу". Благодаря любезности журнала "Грани", мы печатаем ниже выдержки из этой книги".

Далее "Фигаро-Литерэр" приводит длинные отрывки из писем Александра Гинзбурга, Лидии Чуковской и Есенина-Вольпина.

Выдержки из писем Гинзбурга появились одновременно во влиятельной швейцарской газете на немецком языке "Нейе цурхер цейтунг", которая дважды возвращалась к этому делу.

Горячо отнеслись к судьбе обоих осужденных писателей и русские газеты, издающиеся за рубежом. Так, 23 ноября полный текст пресс-коммюнике, выпущенного редакцией журнала "Грани", был напечатан в распространенной в США газете "Новое русское слово". На следующий день оно появилось на страницах парижской газеты "Русская мысль", которая, кроме того, ознакомила своих читателей с рядом документов, помещенных в "Белой книге".

1 декабря утром председатель Совета министров СССР - А.Н.Косыгин - прибыл с визитом дружбы во Францию. Этот приезд послужил предлогом для возобновления кампании во французской печати в пользу освобождения обоих заключенных.

"Дело Синявского и Даниэля только начинается", - так озаглавлена длинная статья, посвященная обоим писателям в еженедельном журнале "Валер-актюзель" (1 декабря):

"Десять месяцев отделяют нас от приговора, который отправил на семилетнюю каторгу двух представителей передовой интеллигенции - Синявского и Даниэля.

С февраля месяца московская и ленинградская интеллигенция составила целое дело, которое одновременно служит защитой обоим осужденным и обвинением судьям.

Один экземпляр сборника дошел тайными путями до журнала "Грани", издающегося ежемесячно на русском языке во Франкфурте-на-Майне. Журнал публикует исключительно неизданные в Советском Союзе произведения и посылает большую часть своего тиража за железный занавес.

На суперобложке "Граней" фигурировали, например, такие имена, как Борис Пастернак, Валерий Тарсис и поэт Иосиф Бродский. Когда журнал печатал этих авторов, все они находились в Советском Союзе, на воле или в заключении, известные или забытые..."

Далее журнал приводит выдержки из многочисленных документов, содержащихся в "Белой книге", с подробными объяснениями каждого из них. Статья заканчивается упоминанием о выступлении проф. Марка Слонима в Женеве с сообщением о том, что оба писателя заключены вместе с самыми злостными преступниками и что состояние их здоровья ухудшается.

На второй день пребывания А.Н.Косыгина во Франции, католическая вечерняя газета "Ля Круа" (помеченная 3 декабря) поместила на первой странице большую статью главного редактора А.Венгера, озаглавленную "Белая книга о процессе Даниэля-Синявского". В газете писалось:

"Литературный журнал "Грани", издающийся во Франкфурте-на-Майне, публикует "Белую книгу", которую молодой представитель советской интеллигенции Александр Гинзбург посвящает процессу писателей Даниэля и Синявского. Книга содержит запись процесса, а также ряд писем и документов, выражающих протест широких кругов советской общественности, в частности писателей и представителей интеллигенции вообще.

Ознакомление с этими документами, в подлинности которых не приходится сомневаться, приводит нас к заключению, что отчеты, опубликованные в советской печати и, в частности, в "Литературной газете", изобразили в ложном свете как сам процесс, так и вызванную им реакцию в советской общественности.

Было уже известно, что москвичи организовали демонстрацию у памятника Пушкину, чтобы протестовать против проведения процесса при закрытых дверях. Известно было, что 62 писателя, среди которых Илья Эренбург, просили передать им на поруки обоих осужденных...

Но самым интересным документом "Белой книги" является, на наш взгляд, письмо, посланное Юлием Даниэлем в газету "Известия", с просьбой его опубликования, которое представляет собой отказ от признания, сделанного во время процесса...

Следует отдать должное этому голосу, который не только не слабеет от жестокой и несправедливой ссылки, но находит в несчастье новое мужество и все большую ясность ума. Все люди, преданные принципам свободы, в частности свободы мысли и свободы слова, чутко отнесутся к этому призыву, ибо если можно упрекнуть Даниэля и Синявского в издании своих произведений за границей, ответственность за это падает не на них, а на систему, которая не допустила публикацию в Советском Союзе."

С еще большей категоричностью высказалась, на следующий день, парижская ежедневная газета "Комба" (3-4 декабря). Статья о "Белой книге" занимала почти полную предпоследнюю страницу. На первой странице, под заголовком газеты было помещено название статьи: "Белая книга по делу Синявского и Даниэля" и указание страницы, на которой

статья помещена. Газета дала широкие выдержки из писем Лидии Чуковской и Александра Гинзбурга, а также из письма 62 писателей в Президиум ХХ111 с'езда КПСС и из письма, посланного Юлием Даниэлем из концлагеря в редакцию газеты "Известия". Весь этот материал сопровождался следующей редакционной статьей:

"Наголо остриженный череп, глубоко впавшие глаза, изможденное от усталости и лишений лицо. Человек, чья фотография дошла до нас, словно сбежал из одного из тех лагерей, в исчезновении которых, с момента падения нацизма, спокойная западная совесть делает вид, что верит! Увы! Фотография снята в июне месяце и человек, который на ней изображен — никто иной, как советский писатель Юлий Даниэль.

Будем говорить откровенно. Многих из нас трагическая судьба наших советских братьев по перу — Андрея Синявского и Юлия Даниэля — буквально лишает сна. Их арест, процесс, приговор к семи и к пяти годам каторжных работ, тревожные сведения, которые до нас доходят о состоянии их здоровья в концентрационном лагере, в котором они содержатся, символизируют для нас самым болезненным и самым гнусным образом государственный тоталитаризм, угнетение свободной мысли, презрение к духовному творчеству.

Для нас же — западной и, в частности, французской интеллигенции — если существует какая-то ценность, стоящая выше других и их обуславливающая — то это, как раз, — свобода мысли, высказываний и печати, свобода духовного и культурного развития, без которого жизнь была бы лишь обманом.

Нам говорят, что находящийся ныне в Париже Алексей Косыгин — технократ и экономист. Прекрасно. Однако, при властвовании этого просвещенного технократа и заслуженного экономиста жизнь советской интеллигенции не стала ни свободнее, ни радостнее, чем при Сталине или при Хрущеве. Наблюдается все то же самое торжество нетерпимого и вездесущего марксистского догматизма. Французские коммунисты любят говорить об "идеологической множественности", но в Советском Союзе молодые представители христианской творческой интеллигенции не имеют никакой возможности издавать свои произведения. Творческая жизнь развивается в Советском Союзе подспудно. Она подпольна и опасна. Синявский и Даниэль напоминают об этом тем, кто из трусости или из удобства были бы склонны это позабыть.

Наши читатели прочтут ниже большие выдержки из "Белой книги по делу Синявского и Даниэля". Автор этого документа — молодой советский поэт Александр Гинзбург — стал известным, как редактор подполь-

ного поэтического сборника "Синтаксис". Он был арестован в 1960 году и приговорен к двум годам заключения.

"Белая книга", которая передается из рук в руки в среде московской и ленинградской интеллигенции, попала на Запад нелегальными путями. Она состоит из 404 страниц, напечатанных на машинке и содержит 185 различных документов, а также несколько фотографий, среди которых снимок Юлия Даниэля, сделанный в июле месяце этого года в том концлагере, в котором он сейчас находится...

Благодаря любезности литературного и политического журнала "Грани", который передал нам русский текст, мы имеем возможность предложить сегодня нашим читателям несколько ярких отрывков и, в частности, основное из замечательного письма советской писательницы Лидии Чуковской Михаилу Шолохову - держиморде от литературы, сталинскому фашисту, лауреату Нобелевской премии, который имеет сейчас грустную привилегию быть одновременно человеком, осыпанным наивысшими почестями и самым презираемым, самым презренным во всей Советской России."

Через две недели после появления в западных газетах сообщения о выходе "Белой книги", эхо этого беспрецедентного события все еще продолжало раздаваться во всем свободном мире и волновать общественность.

Так например, 9 декабря, развернутая статья "Советские писатели составили Белую книгу по делу Синявского и Даниэля", появилась в распространенной швейцарской газете "Трибюн де Женев". Автор статьи - Арман Гаспар - пишет:

"Чувство глубокой тревоги, вызванное, в феврале месяце, осуждением писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, еще далеко не рассеялось. Все помнят, что и на Западе процесс породил резко отрицательные реакции в кругах "прогрессистов" и коммунистов, в особенности со стороны Арагона. Минувшей весной руководители Пэн-клуба и Европейского содружества писателей предпринимали совместно, но безуспешно, в Москве шаги с целью освобождения Синявского и Даниэля. С тех пор, для широкой общественности и даже для многочисленных представителей интеллигенции дело отступило постепенно на второй план. Оба русских писателя, приговоренные к семи и к пяти годам каторжных работ за публикацию за границей литературных произведений, расцененных, как антисоветские, отбывают свой срок в лагере Потьма, недалеко от Волги, в Мордовской АССР. Юлий Даниэль, который принужден грузить товарные вагоны, сильно страдает от полученной во время

войны раны в плечо. Как сообщила летом его жена, оставшаяся в Москве, он не отработывал положенной нормы, что вызвало временное сокращение пайка. Андрей Синявский также переутомлен и страдает фурункулезом, вызванным недоеданием.

В СССР, несколько десятков представителей интеллигенции имели недавно мужество выразить солидарность с обоими осужденными писателями. Они передали 19 октября главе государства -Подгорному - "Белую книгу" по поводу дела Синявского и Даниэля. Этот документ попал недавно по частям и различными путями на Запад, в частности через "Грани" - журнал на русском языке, издающийся во Франкфурте.."

Далее Арман Гаспар приводит длинные отрывки из "Белой книги" и сопровождает их фотографиями Юлия Даниэля в концентрационном лагере и Андрея Синявского.

Развернутый анализ "Белой книги", с многочисленными выдержками, за подписью А. и Д. Столыпиных, появился также во французском журнале "Эст э Уэст" (от 16 декабря), специализировавшемся в вопросах восточной Европы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От издательства	3
От составителя	5
А.Д. Синявский (фото)	6
Ю.М. Даниэль (фото)	7

Материалы, относящиеся к периоду следствия

Отклики западной печати на арест А.Синявского и Ю.Даниэля	9 и 26
Статья Б.Рюрикова – Социалистический реализм и его ниспровергатели	20
Зарубежные протесты и петиции по поводу ареста А.Синявского и Ю.Даниэля	38
Выступление московского радио и реакция общественности на арест писателей	57
"Гражданское обращение" московского студенчества	61
Призыв группы "Сопротивления"	62
Письмо жены А.Синявского М.В.Розановой-Кругликовой.	64
"Квартиранты", рассказ А.Синявского	68
Письмо жены Ю.Даниэля Л.И.Богораз-Бухман	80
Заявление жены А.Синявского председателю Верховного Суда	83
Письмо А.Гинзбург А.Н.Косыгину.	84
Статья Дм.Еремина "Перевертыши" ("Известия")	88
Письмо В.И.Левина в редакцию "Известий" по поводу статьи Дм.Еремина	95
Отклики советских активистов на статью Д.Еремина	101
Зарубежные отклики на публикации газеты "Известия"	104
Статья З.Кедриной "Наследники Смердякова" ("Литературная газета")	107
Отклик газеты "Монд" на статью З.Кедриной	117
Письмо искусствоведа Ю.Герчука редактору газеты "Известия"	117
Письмо критика Н.Роднянской в Президиум Верховного Совета СССР.	123
Заявление литературоведа В.В.Иванова в Юридическую консультацию (по ее запросу)	126

Отзывы зарубежной печати на произведения А.Терца и Н.Аржака (1960 - 1964 г.г.)	131
Письмо Б.Пастернака А.Синявскому	144
Публикация в "Литературной газете" о приеме А.Синявского в ССП	146
Оценка советскими поэтами переводческой деятельности Ю.Даниэля	147
Письмо поэта-переводчика А.Якобсона в Московский городской суд	148
Письмо научного работника В.Д.Меңикера в Московский городской суд	153
Письмо искусствоведа И.Голомштока в Верховный Суд РСФСР	157
Заявление художника Н.Кишилова в Верховный Суд РСФСР	162

Материалы, относящиеся к судебному процессу

Утреннее заседание 10 февраля. /Состав суда и обстановка процесса. Обвинительное заключение. Допрос Ю.Даниэля/	167
Вечернее заседание 10 февраля. (Допрос А.Синявского)	203
Статьи из советской печати о первом дне процесса	207
Утреннее заседание 11 февраля. (Продолжение допроса А.Синявского).	219
Вечернее заседание 11 февраля. (Продолжение допроса А.Синявского. Допрос свидетелей А.Ремезова, Е. Докукиной, Гарбузенко, Хазанова, Хмельницкого)	240
Статьи из советской печати после второго дня процесса	263
Утреннее заседание 12 февраля. (Допрос свидетелей И.Голомштока, А.Петрова, В.Дувакина)	273
Статья Э.Пельтье-Замойской в газете "Монд"	278
Продолжение заседания 12 февраля. (Речи общественных обвинителей А.Васильева и З.Кедриной. Речь госу- дарственного обвинителя О.Темушкина. Речи адвока- тов Когана и Кисенишского. Реплики Кедриной, Васильева и прокурора. Последнее слово А.Синявского).	284
Статьи из советской печати после третьего дня процесса	307
Заявление американского журналиста Арта Бухвальда	317

Утренне заседание 14 февраля. (Последнее слово Ю.Даниэля).	319
Статьи из советской печати после четвертого (последнего) дня процесса	328

Документы, относящиеся ко времени после процесса

Письмо в редакцию "Литературной газеты" профессоров и преподавателей филологического факультета МГУ .	341
Публикация "В секретариате Московской писательской организации" (исключение А.Синявского из ССП) . . .	344
Зарубежные отклики на осуждение А.Синявского и Ю.Даниэля .	346
Отклики в советской печати на осуждение А.Синявского и Ю.Даниэля	354
Письмо 62-х писателей в президиум XX111 с'езда КПСС . . .	385
Из речи М.Шолохова на XX111 с'езде КПСС	387
Открытое письмо Л.Чуковской М.Шолохову	390
Письмо Ю.Даниэля из концлагеря в редакцию газеты "Известия"	394
Ю. Даниэль в концлагере (фото)	396
Телеграммы ученых и писателей в президиум XX111 с'езда КПСС (о репрессиях к свидетелю В.Д.Дувакину). . .	397
Заявление А.С.Вольпина - "О процессе Синявского и Даниэля, от'езде Тарсиса и моих беседах с западными корреспондентами"	399
Письмо старому другу	405

Приложение

Отклики мировой печати на публикации о процессе А.Синявского и Ю.Даниэля	417
--	-----